

Петербургская школа
журналистики и МК

ОЧЕРКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

*К 70-летию
Сергея Григорьевича
Корконосенко*

С б о р н и к
с т а т е й

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

УДК 070(470.23-25)

ББК 76.01

О 952

О952 Очерки Петербургской школы журналистики.
К 70-летию Сергея Григорьевича Корконосенко:
сб. ст. / ред.-сост. И. Н. Блохин, З. Ф. Хубецова,
А. Н. Марченко. – СПб.: Алетейя, 2020. – 414 с. –
(Петербургская школа журналистики и МК).

ISBN 978-5-00165-165-9

Сборник статей посвящен 70-летию профессора, заведующего кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, доктора политических наук Сергея Григорьевича Корконосенко. В разделах сборника представлены этапы становления и основные направления деятельности Петербургской научно-педагогической школы журналистики. В сборнике представлены статьи коллег и учеников С. Г. Корконосенко.

Книга предназначена для исследователей журналистики, массовых коммуникаций, истории и методологии науки.

Фактические сведения представлены в авторской редакции.

Сборник издан в рамках исполнения проекта «Научно-педагогические школы журналистики в России».

УДК 070(470.23-25)

ББК 76.01

ISBN 978-5-00165-165-9

9 785001 651659

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ

А. П. Короченский

Учёный высшей пробы

Имя и труды заслуженного работника высшей школы, профессора СПбГУ Сергея Григорьевича Корконосенко известны сегодня не только академическому сообществу представителей журналистской науки, но и каждому студенту, изучающему журналистику в нашей стране. И это не удивительно: вот уже многие годы будущие асы этой профессии изучают ее основы по созданным им учебникам и учебным пособиям.

Основная заслуга любого настоящего ученого – поиск и приращение новых научных знаний. В наши дни, когда наука о журналистике очевидно меняет свои парадигмы, новые исследовательские подходы и результаты приобретают особое значение. После того как на рубеже 1980–1990-х годов журналистика в России лишилась своего прежнего теоретико-методологического обоснования, продуктивный поиск в области ее теоретических основ чрезвычайно важен. На смену схоластической, начетнической «марксистско-ленинской» теории, исходившей из выборочно цитировавшихся канонических работ классиков и описывавшей нормативное состояние журналистики, должна была прийти теория на основе критического изучения ее реального состояния, ее отношений с другими общественными институтами и гражданами. В связи с этим С. Г. Корконосенко писал: «Вместо выстраивания разного рода версий отношения власти с прессой мы предлагаем обратиться к той системе координат, в которой формируется система представлений о “правильной журналистике”»¹.

¹ Теории журналистики в России: зарождение и развитие. / Под редакцией С. Г. Корконосенко. СПб., 2014. С. 65.

Логичный интерес к изучению деятельности средств массовой информации в рыночной среде вызвал расцвет теоретизирования, обращенного к СМИ как совокупности экономических субъектов. В итоге приоритетное рассмотрение экономических и организационных аспектов функционирования медиасистем несколько потеснило теоретическое осмысление проблематики журналистики – творческой профессии и чрезвычайно важного социального института.

В связи с этим весьма значимым стал научный поиск С. Г. Корконосенко и созданной им научной школы в области теории журналистики. Работы петербургского ученого свидетельствуют об успешном определении пути перехода от бытовавших ранее умозрительных теоретических концепций к объективному познанию динамичной картины современной журналистики. Этому немало способствовал исследовательский опыт Сергея Григорьевича и возглавляемой им научной школы в области социологии журналистики, которую он характеризовал как в высшей степени «практическую» науку, имеющую не только теоретическое, но и громадное, не подлежащее сомнению прикладное значение¹. Социология, тяготеющая к объективному познанию картины окружающего мира, будучи перенесенной в сферу журналистики, позволяет выявить реальные тенденции ее развития, определить проблемные аспекты трансформации прессы в рыночных условиях, соотнести происходящие перемены с ожиданиями общества и духовно-нравственными запросами граждан. Под руководством С. Г. Корконосенко в постсоветский период были выполнены масштабные прикладные социологические исследования журналистики, сформировавшие бесценную эмпирическую базу, материал для последующих теоретических размышлений и обобщений.

С. Г. Корконосенко первым из российских теоретиков журналистики признал важность критического рассмотрения функционирования СМИ и журналистов, позволяющего своевременно обнаруживать сомнительные либо социально неприемлемые проявления их деятельности в целях необходимого совершенствования. Именно при кафедре, возглавляемой С. Г. Корконосенко, была выполнена и защищена в СПбГУ первая в России докторская диссертация по теории и практике

¹ Социология журналистики. Под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2004. С. 34–35.

медиакритики, что свидетельствует о научной прозорливости петербургского профессора.

Масштабность и глубина воззрений С. Г. Корконосенко на проблемы теории и практики журналистики обусловлена широтой его интересов в науке, охватывающих не только теорию и социологию, но и политологию журналистики. Как участник международных исследовательских проектов и академических обменов он широко осведомлен о мировых достижениях в этой исследовательской области.

Усилиями С. Г. Корконосенко в течение ряда лет в российском академическом сообществе идет оживленное обсуждение проблем дальнейшего обновления теории журналистики. Науковедческие разработки истории теоретических воззрений сопровождаются дискуссиями относительно актуального развития таких традиционных и новых направлений в познании журналистики, как историко-теоретическое изучение, социологические, социально-философские и политологические, психологические, культурологические и художественно-эстетические штудии.

Основные тенденции происходящих ныне в отечественной теории журналистики интеллектуальных поисков были осмыслены и подытожены в коллективной монографии, вышедшей в 2018 году¹. В этом этапном труде убедительно обоснована необходимость мультидисциплинарных подходов в теоретическом познании столь сложного и многоаспектного явления, каковы является современная журналистика.

В итоге масштабная работа в области теории журналистики, сделанная С. Г. Корконосенко и представителями возглавляемой им петербургской научной школы выдвинула ее руководителя на лидирующую позицию среди отечественных ученых-теоретиков.

За последние годы эта научная школа стала одним из ведущих центров анализа и обновления журналистского образования в России. Под руководством ее организатора практически ежегодно проводятся представительные форумы с участием преподавателей журналистики и журналистов-практиков, посвященные обсуждению новейших тенденций в профессиональной подготовке будущих работников прессы и обмену опытом в этой области. Такие форумы приобретают особое

¹ Теория журналистики в России. Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018.

значение в свете некоторых неоднозначных перемен в высшей школе, которые не могут не затронуть журналистское образование.

На этих форумах большое внимание уделяется опыту новых центров журналистского образования, к каковым относится и факультет журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета. С момента открытия в 2005 году белгородского журфака С. Г. Корконосенко не только пристально наблюдал за его развитием, но и помогал преподавателям и студентам-исследователям весьма полезными консультациями и советами, выступал с глубокими докладами на международных научных конференциях, проходивших в Белгороде.

Сергей Григорьевич с его преданностью науке, открытостью и демократизмом в общении с коллегами и учениками воплощает в себе лучшие черты российского ученого и педагога и является для нас ярким примером служения науке. В год его юбилея весь коллектив белгородского журфака единодушно присоединяется к поздравлениям и желает юбиляру благополучия и творческого долголетия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Александр Петрович Короченский, доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета.

С чего начиналось: у истоков журналистского образования

В современной журналистике России происходит **базовая** революция, в ходе которой всесторонне, существенно изменились и продолжают изменяться материально-технические, технологические, производственные основания информационного процесса общества – их *интернетизация*. Интернетизация журналистики сразу же повлекла за собой и существенные изменения в характере аудитории журналистики, в ее демократизации, включении в нее новых социально-демографических слоев.

Если современную ситуацию сравнивать с началом XX века в России, то можно констатировать, что при такого же рода изменениях в информационных процессах того исторического периода, протекавших, правда, значительно менее интенсивно, складывались новые экономические и социально-политические условия, бурно развивались капиталистические отношения, капитал пытался вторгнуться во все сферы жизнедеятельности общества (от управления до искусства). Но само общество, пораженное процессом политизации, отреагировало **политической** революцией, завершившейся советским экспериментом.

Общим в двух названных революциях является кризисное состояние «старого» управления обществом. 15 февраля 1917 года А. Ф. Керенский, юрист по образованию, говоря в Государственной думе о кризисной ситуации в стране, заявил о наиболее опасном враге России: «Это – система безответственного деспотизма, система средневекового представления о государстве, не как о европейском современном государстве, а как о вотчине, где есть господин и холопы...»¹.

В современной ситуации сложившаяся глобализированная медиасреда с ее новым носителем информации – Интернетом, с ее рыночным акцентом ставит перед управлением страной проблемы, требующие решения: негативного воздействия журналистики на общество; ее отстраненности от жизненно важных для функционирования общества

¹ Вопросы истории. 1990. № 10. С. 144.

вопросов; контроля за информационным процессом, несущим нарушения в сферах безопасности общества, этики и морали, экологии человеческой психики. Все это заново ставит старые проблемы свободы слова, ответственности за публичное слово, роли журналистики в обществе и т. д.

В связи с этим интересно посмотреть на то, как же в прошлом страна вышла из сложнейшего управленческого кризиса – при развале экономики, разрухе, голоде, военизации активных сил общества, неграмотности большинства населения и др., на какое звено при этом был сделан упор. Демократизация общества, последовавшая в ходе Великой русской революции и носившая стихийный характер, постепенно в период новой экономической политики (1921–1927 гг.) была направлена в нормальное русло, использована как управленческая сила, и это происходило, главным образом, с помощью новой, тогда же создававшейся журналистики. В предлагаемой работе автор останавливается на одной из наиболее важных проблем созидания этой журналистики – ее кадровой проблеме, **то есть производительных силах информационного процесса¹**. Решение этой проблемы шло в поиске и противоречиях, отказе от традиций и не возможности такого отказа. Главное – она решалась при опоре на коллективную мысль, вырабатывавшуюся на разного уровня форумах и на страницах самой нарождавшейся печати.

В годы диктатуры пролетариата и политики военного коммунизма в кругах журналистов созрела иллюзорно демократическая тенденция – *создать такие газеты, которые бы делались руками народа, в первую очередь, пролетариатом*. Второй Всероссийский съезд советских журналистов, состоявшийся в мае 1919 года, «признал, что для того, чтобы на деле связать жизнь с прессою, о чем говорил VIII съезд партии, необходимо сломать старый газетный строй, необходимо раз навсегда покончить с отрывками буржуазной журналистики». Съезд согласился с указаниями провинциальных докладчиков, что **всю творческую работу в печати надо отдать массам, сами же журналисты должны быть руководителями, специалистами, помогающими процессу**

¹ Вполне уместный термин, поскольку информация в современных условиях рассматривается как обычный товар со всеми вытекающими из этого последствиями.

массового газетного творчества. В соответствии с этими установками журналисты собирались перестроить всю прессу «вплоть до:

- создания на местах Советов печати,
- введения в отделы рабочих и крестьян,
- организации публичной отчетности журналистов,
- утверждения принципа широкой коллегиальности в ведении печати,
- избрания редакторов самими комсоюзами и т. д.»¹.

На практике все-таки возобладал более реалистичный подход в решении проблем связи печати с аудиторией. Коллективное сотворчество журналистов и актива газет – рабочих – привело к организации **литературных коллегий** – первой форме массового участия рабочих в прессе, которое впоследствии выльется в рабкоровское, затем рабселькоровское движение². Вместе с распространением советской власти на всю территорию России, появлением все большего числа советских изданий, началом проведения новой экономической политики и появлением рыночных отношений кадровые проблемы журналистики обострились.

Подотдел печати Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКПб в 1921 году обратился через еженедельник РОСТА «Журналист» с предложением провести на местах учет работников печати: «Прежде всего, готовясь к какой бы то ни было кампании, в данном случае к кампании за улучшение нашей советской печати, нужно учесть свои силы, привести в известность то количество бойцов, которыми мы располагаем»³. Действительно, какими тогда журналистскими силами располагала страна⁴?

Проведенная в стране в 1921 году перепись по 50 губерниям выявила 863 журналиста. По социальному составу среди них было: 76% –

¹ К итогам съезда журналистов // Правда. 1919. 13 мая.

² См.: *Алферов В. Н.* Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. М., 1970; *Жирков Г. В.* Ценности советской эпохи в журналистике: динамика теории и газетной практики // Журналистика. Общество. Ценности. Коллективная монография. СПб., 2012. С. 47–75.

³ Журналист. Инструкторский еженедельник РОСТА. 1921. № 16. С. 3.

⁴ Подробную и обстоятельную характеристику журналистских кадров этого периода см.: *Свитич Л. Г.* Журналисты двадцатых годов (Из истории социологических исследований) // Вестник Моск. ун-та. Журналистика. 1973. № 6. С. 42–55.

интеллигенции, 14% – рабочих, 10% – крестьян. 66% опрошенных присоединились к РКПб после Октября 1917 года¹. На 1 декабря 1921 года в Петрограде насчитали 90 журналистов РКПб, из них – только 32 были на журналистской работе, 9 – сотрудничали в прессе эпизодически². И это была типичная ситуация.

«Положение нашей печати после разгрома капиталистов никогда не было удовлетворительно», – замечала «Правда». «До какой степени мы бедны силами, даже трудно говорить»³. В борьбе с политическим кризисом XI съезд РКПб (27 марта – 2 апреля 1922 года) потребовал от Центрального и местных комитетов партии уделять печати «впредь неизмеримо больше внимания», чем это было раньше, усилить «партийно-политическое руководство ею»:

– «Каждый партийный комитет должен выделить специальные кадры работников печати.

– Во главе партийных изданий должны стоять руководящие элементы данного партийного комитета.

– Газетную работу для журналиста-коммуниста съезд рассматривал как основную партийную работу»⁴.

Увы, это требование долгое время выполнить парткомам было невозможно: журналистов-коммунистов использовали на партийной работе, хотя к созиданию новой печати и организации ее редакций советская власть в период диктатуры пролетариата предъявляла два основных требования: *достаточную насыщенность их членами РКПб и их «орбочивание»* (по терминологии тех лет).

Однако качественная характеристика кадров журналистики долго не могла удовлетворять власть. Об «отсутствии подходящего человеческого материала как главном препятствии в работе редакций» сокрушался редактор «Известий ВЦИК» Ю. М. Стеклов⁵. Так или иначе потенциальную основу кадров журналистики составляли сотрудники старой печати. Даже те из них, которые были на стороне новой власти,

¹ Известия ВЦИК. 1924. 2 июля.

² Петроградская правда. 1921. 7 декабря.

³ Правда. 1922. 1 февраля.

⁴ О партийной и советской печати. М., 1954. С. 249.

⁵ Стеклов Ю. Редактор и его роль в газете. М., 1925. С. 12 (Лекция, прочитанная автором в ГИЖе в начале 1924).

должны были адаптироваться и к ней, озадачившей их новыми задачами, и к новой аудиторией.

Многие старые спецы по журналистике избрали «самый затянувшийся, длительный, самый извилистый из интеллигентских саботажей», о чем писал тогда известный советский публицист М. Е. Кольцов в фельетоне «Страдания Калибана». Говоря об оставшихся в стране буржуазных журналистах, он разделял их саботаж советской печати на три ступени:

«Первая: совсем никак не писать и не работать в советской прессе, ни для нее.

Вторая: участвовать, но не писать, исполняя лишь служебно-организационные функции – хроника, правка телеграмм, выправление слога малограмотных, работа в РОСТА.

Третья, самая заковыристая: участвовать, писать во всю силу таланта и способностей, но не подписываться.

Писать-то я пишу, но пусть, подлецы, не хвастают, что я, Аркадий Кулаков, перешел на сторону красных...»¹.

Яркий образ журналиста старой школы, подвизавшегося в малой прессе России и пытавшегося работать в советской печати, нарисовал фельетонист А. Зорич. Его герой – репортер Феррапонт Жмых, представитель бульварных листков, владельцы которых были «беспощадны: за копейку тянули все жилы». «Одесса-Финкель дали Жмыху качества, типичные для тамошнего репортера: анекдотичную безграмотность, заумную витиеватость слога и пагубную страсть к мелкой, грошовой сенсации»². Он никак не мог адаптироваться к новым условиям.

Проведенное на 3-ем съезде работников печати, проходившем с 28 января по 2 февраля 1922 года³, анкетирование среди 224 делегатов

¹ *Кольцов Мих.* «Страдания Калибана» // *Ловцы новостей (Журналистика в лицах)*. М., Л., 1930. С. 17.

² *Зорич А.* Репортер Феррапонт Жмых // *Ловцы новостей (Журналистика в лицах)*. М., Л., 1930. С. 120–122.

³ Как правило, в статьях о съезде называется только месяц его проведения: *Муравейский С.* Подготовка работников печати // *Газетный и книжный мир*. Выпуск второй. М., 1926. С. 102 (январь); *Топор В.* Секция работников печати // Там же. С. 407 (февраль); дата съезда – с 28 января по 2 февраля 1922 года – определена по отчетам с форума журналистов «Правды»: *Правда*. 1922. № 23. 31 января: № 24. 1 февраля.

показало определенные кадровые изменения в составе журналистики. Делегаты представляли в основном провинцию, Москву – 31 делегат, Петроград – 6, Харьков – 5. Среди них была значительная часть беспартийных – 48; 55 – рабочих и крестьян, т. е. одна четверть; 37 делегатов имело низшее образование, 13 – домашнее.

Обозревая эти данные, один из руководителей журналистики тех лет С. Ингулов подчеркивал то, что в печать пришел новый журналист – «рабочий – не всегда даже достаточно грамотный», в печати есть «немало способных редакторов из рабочих», а «коммунист-журналист оказался на советской работе»¹. Отметим преувеличение Ингуловым появления рабочих в редакциях: этому было положено только начало. Большинство делегатов форума представляло интеллигенцию, хотя организовывала съезд Секция работников печати, которая включала «все их категории, а именно:

- литературных работников,
- конторских служащих,
- труженников физического труда (экспедиторов, упаковщиков, курьеров)»².

Отдел ВЦСПС в 1922 году разъяснял: «Все работники, занятые в предприятиях периодической печати – сотрудники, как редакционные, так и конторские, обслуживающие издания с финансово-технической стороны, должны состоять членами Союза Всеработпрос и входить в секцию работников печати»³. В первых же инструкциях руководителей Секции уточнялось, что в нее могут входить стенографистки, переводчики, агенты по сбору объявлений «лишь в том случае, если они состоят на штатной работе в редакционно-издательских предприятиях». Могли быть членами Секции и те, кто работал по заданиям этих пред-

¹ *Ингулов С.* Газета революции // Современник. Журнал науки, политики, литературы, теории и истории печати. Кн. 2. М., 1923. С. 293–295. Ингулов Сергей Борисович (1893–1938) – публицист и литературный критик, один из самых активных деятелей по организации Союза журналистов СССР, руководителей Секции работников печати, член редколлегии «Журналиста», редактор ряда изданий («Литературной газеты» – 1924 г., «Учительской газеты» – 1924–1928 гг., журнала «Новый мир» – 1929 – 1930 гг.); с июня 1935 г. по декабрь 1937 г. – руководитель Главлита.

² Там же. С. 52.

³ Журналист. 1922. № 1. С. 79. Союз Всеработпрос – Всероссийский Союз работников просвещения.

приятый, а также нештатные сотрудники, если основным их заработком являлся литературный труд¹.

Но и при таком составе Секции обеспечение пролетарского влияния в кадрах журналистов было сомнительным. Сам съезд был обозначен как съезд работников печати, хотя одновременно его называли и съездом журналистов². При этом 22% делегатов были беспартийными. Надо иметь в виду то, что это были «редакторы газет, при том лучше поставленных»³. Как показало анкетирование делегатов Всероссийского совещания агитационно-пропагандистских отделов (1922), 32% редакторов вели газеты «по наитию»⁴. В 1923 году по 27 губерниям на 3539 журналистов партийных было только 642, т. е. 18,1%⁵.

Для характеристики кадров журналистики тех лет интерес представляют данные о составе участников Первой Московской губернской конференции работников печати (27 июля – 8 августа 1922 года), приведенные «Журналистом». К сожалению, часть делегатов не заполнили анкету. На конференции присутствовало 112 делегатов и 16 человек с совещательным голосом. В их числе были: 50 – литературных работников, 23 – технических работника; по социальному положению: 60 – интеллигенция, 9 – рабочие, 3 – крестьянина, 1 – сын дворянина; по образованию: высшее – 26, среднее – 35, низшее – 12; по партийности: коммунисты – 43, левые эсеры – 1, беспартийные – 29; по стажу литературной работы: до 1 года – 6, до – 3 лет – 13, до 5 – 37, до 10 – 7, более 10 – 17. На конференции, как видим, преобладала достаточно образованная интеллигенция, сотрудничавшая в печати не более 5 лет; менее половины делегатов были коммунистами, а почти четверть – беспартийными⁶.

К 1923 году в стране в целом насчитывалось 20 тысяч работников печати, включая литературных и технических, писателей и поэтов, сотрудничавших в прессе⁷.

¹ Журналист. 1922. № 1. С. 81.

² Беляков А. О свободе критики // Журналист. 1922. № 1. С. 22.

³ Ингулов С. Газета революции // Современник. 1922. Кн. 1. С. 293.

⁴ Ингулов С. Газета революции // Современник. 1923. Кн. 2. С. 194.

⁵ Ингулов С. До корня // Правда. 1923. 5 мая.

⁶ Первая Московская губернская конференция работников печати // Журналист. 1922. № 1. С. 58.

⁷ Ингулов С. Воз лезет в гору // Журналист. 1923. № 3. С. 10. Подсчет Центрального бюро Секции работников печати.

Однако и в 1924 году редакция «Журналиста» по-прежнему отмечала недостаток для печати страны «квалифицированных – политически и технически – работников»¹. С. Ингулов в «Известиях» в статье «Новая фаланга» подчеркивал: «Комплектование газет пролетарскими журналистскими кадрами является такой же важной задачей, как комплектование Красной Армии руководящим кадровым составом»².

Представленная нами статистика показывает разношерстность кадровой характеристики периодики тех лет и объясняет озабоченность властных структур **обеспечением партийного влияния на журналистику** и почему изменения в составе Секции работников печати шли в следующих направлениях:

- усиления в нем партийного и пролетарского влияния за счет роста нелитературных работников;
- увеличения числа партийных (коммунистов);
- уменьшения числа представителей интеллигенции и служащих.

В решении кризисных проблем сыграла большую роль партийная установка на **орабочивание** кадров³. Это орабочивание выразилось, во-первых, в создании сети рабочей печати и выработке типа рабочей газеты; во-вторых, в выдвижении передовых рабочих в состав редакций; в-третьих, в организации рабкоровского движения (здесь надо отметить особую роль газеты «Правда»⁴); в-четвертых, в поддержке инициативы критики рабочими недостатков «государственного механизма» через письма в газету. Первый критический отдел в советской печати – он был в «Известиях ВЦИК» – назывался «Маленькие недостатки механизма».

Таким образом, нехватка журналистов и наличный качественный кадровый состав редакций и издательств выдвигали перед управлением обществом **проблему подготовки таких журналистских кадров, которые способны решать новые задачи, вставшие перед страной в период нэпа**. В связи с этим немного предыстории.

В 1905 году в России была сделана, по мнению К. Новицкого, «первая серьезная попытка удовлетворить спрос на журналистов»⁵. Ее

¹ Журналист. 1924. № 4. С. 8.

² Известия. 1924. 2 июля.

³ Свитич Л. Г. Указ. соч. С. 49–50.

⁴ Жирков Г. В. Журналистика двух Россий. 1917–1922. СПб., С. 123–125.

⁵ Новицкий К. П. (К. Петровин). Газетоведение, как предмет преподавания. М., 1924. С. 27–28.

предпринял юрист, профессор Леонид Евстафьевич Владимиров, работавший проект «Научных и практических курсов по журналистике». Высшие курсы журналистики были открыты в Москве 1 февраля и функционировали вплоть до декабря – до революционных событий 1905 года¹.

Уже в ходе Великой русской революции в конце 1917 года в Петрограде были созданы краткосрочные курсы агитаторов. В начале 1918 года вместо них – первая школа агитаторов. 20 января этого года «Правда» писала: «Постановка занятий в школе агитаторов такова, что из нее будут выходить агитаторы, пропагандисты и журналисты». Летом 1918 года, наряду со второй школой агитаторов, расширенной по числу слушателей до 450, действовала школа журнализма².

15 сентября 1919 года РОСТА организовало курсы подготовки газетных техников, переименованные затем в школу журналистов с полуторамесячным курсом обучения³. Ее заведующим был назначен работник инструкторского отдела агентства К. И. Линов. Здесь же К. П. Новицким была прочитана первая лекция по газетоведению. Руководитель РОСТА П. М. Керженцев в этом же году написал, как он считал, учебник газетного дела. Его книга «Газета» неоднократно переиздавалась и имела большой успех⁴.

¹ Курсы журналистов // Книжный вестник. 1904. № 40. Стлб. 1123; Курсы журналистов // Вестник и библиотека самообразования. 1905. № 4. Стлб. 117; Подробнее см.: Таловов В. П. Из истории журналистского образования // Вестник Ленингр. ун-та. 1987. Серия 2. Вып. 3. С. 91–93.

² Жирков Г. В. Указ. соч. С. 162–163.

³ Муравейский С. Указ. соч. С. 101. Подробнее см.: Таловов В. П. Журналистское образование в СССР. Л., 1990. С. 18–20. Валентин Павлович Таловов (1927–2008) – доцент, кандидат философских наук, журналист-практик, преподавал с 1969 г. на факультете журналистики ЛГУ. Его очерк, изданный как учебное пособие, первая научная работа, в которой исследуется подготовка журналистских кадров в России.

⁴ Керженцев П. М. Газета. М., 1919; М., 1924. Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881–1940) – ответственный руководитель РОСТА в 1919–1920 гг. 5 ноября 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКПб слушался вопрос о его переводе на работу заведующим отделом Наркомата иностранных дел РСФСР. – Деятельность ЦК партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 179, 185. См. о нем: Симонова З. П. П. М. Керженцев – публицист, организатор и теоретик советской прессы // Советская журналистика. История, традиции, опыт. Вып. IV. М., 1978.

В конце октября 1919 года курсы закончили 40 слушателей. За 1919–1920 годы состоялось четыре выпуска, подготовлено 136 литературных сотрудников печати. Такого же типа курсы были налажены в Казани, Киеве, Харькове, Туле, при отделении РОСТА Западного фронта, Ташкенте, Баку¹. При Петроградском отделении РОСТА 20 декабря 1920 года был открыт Институт журнализма с 8-месячным сроком обучения².

Кроме того, журналистами стали работать некоторые выпускники появившихся тогда разнообразных образовательных учреждений: книжные техникумы, Институт живого слова в Петрограде, превращенный в 1924 году в Государственные курсы речи – техникум, имевший три отделения: публичной речи, декламационного и литературного творчества и журналистики, где до 60% слушателей было из бывших рабкоров и газетных работников. С 1921 по 1925 годы действовал как высшее учебное заведение Высший Литературно-художественный институт в Москве, состоявший из двух отделений – творческого и инструкторского³. При Государственном издательстве читались курсы книжно-издательского дела.

В Московской школе журналистов в конце 1920 года возникла идея о создании Института красных журналистов. «Первый проект положения об Институте журналистики, – писал в 1926 году С. Муравейский, – был набросан тов. К. П. Новицким»⁴. В начале 1921 года

¹ Новицкий К. П. Указ. соч. С. 23; ГАРФ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 292; Красный журналист. 1920. № 2–3; Каравашкова С. В. Подготовка журналистских кадров в первые годы Советской власти // Вестник Моск. ун-та. Журналистика. 1967. № 5. С. 72; Брыляков Н. А. Российское телеграфное... М., 1976. С. 87–88.

² Красный журналист. 1920. № 4–5–6. Стб. 391; В питерском институте // Красный журналист. 1921. № 7–9. Стб. 611–612. См.: Тепляшина А. Н. Динамика развития журналистского образования в первые годы Советской власти (по материалам Петрограда – Ленинграда): дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1989.

³ Муравейский С. Указ. соч. С. 100–101.

⁴ Там же. Новицкий Константин Петрович (К. Петровин) (1879–1960) – один из главных организаторов журналистского образования, публицист и преподаватель, теоретик газетоведения. В 1917–1922 гг. был редактором газет «Рабочая Москва», «Коммунистический труд», сотрудник РОСТА, ректор Института красных журналистов, затем Московского института журналистики, автор ряда книг: «Год революции: 1917 г. – февраль 1918» (М., 1918), «Октябрьская революция и

Государственный Ученый совет обсудил этот проект, а Наркомат просвещения РСФСР в марте утвердил его¹. 15 октября в торжественной обстановке Московский институт журналистики (МИЖ) был открыт². Перед его преподавателями и студентами выступил нарком просвещения А. В. Луначарский. Его речь, посвященная вопросам печати и задачам журналистов, была опубликована в еженедельнике РОСТА «Журналисте» (1921. № 21)³. В выступлении ректора МИЖа К. П. Новицкого была изложена программа института по обучению будущих журналистов⁴.

Статус МИЖа в это время определялся Декретом об учреждении Государственной комиссии по просвещению, утвержденной ЦИК 9 ноября 1917 года; постановлением СНК РСФСР от 11 декабря 1917 года в качестве государственного образовательного учреждения, подчиненного Наркомату просвещения⁵. Однако в период нэпа все большее значение в управлении журналистским образовательным процессом стали играть партийные структуры: съезды РКПб, Подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКПб, затем Отдел печати ЦК РКПб, руководящие партийные издания.

Подотдел печати стал функционировать с 22 ноября 1921 года⁶. Столкнувшись с кризисным положением, он самое серьезное внимание «контрреволюция» (М., 1919) и др. См. о нем: *Караваикова С. В.* Указ. соч. С. 72; *Таловов В. П.* Указ. соч. С. 25.

¹ *Привалов В. З.* От школы журнализма до факультета журналистики // Вестник Моск. ун-та. Журналистика. 1982. № 1. С. 14–15.

² *Новицкий К. П.* Указ. соч. С. 3; *Новицкий К. П.* Институт журналистики // Красный журналист (Издание РОСТА). 1921. № 7–9. Кол. 605.

³ См. публикацию этой речи Б. И. Есиным, его комментарий: А. В. Луначарский о печати // Вестник Моск. ун-та. Журналистика. 1968. № 2. С. 78–82.

⁴ Эта речь, а также статьи К. Новицкого в «Журналисте» «Газетоведение, как предмет преподавания» (1922. № 1) и «Журнализм, как профессия, и профессиональное образование» (1923. № 4) легли в основу его книги «Газетоведение, как предмет преподавания». М., 1924. 40 с. (тираж 5000 экз.).

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1917. 1 декабря. № 1. С. 36–38; *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 159–160.

⁶ Отчеты редакционно-издательского подотдела и подотдела печати. Сент. 1921 г. – июль 1922 г. // РГАСПИ (бывш. РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 841. Л. 2. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

ние обратился на подготовку и переподготовку журналистских кадров, на становление журналистского образования. Подотдел взял МИЖ под постоянную опеку, провел обследование состояния дел в институте, познакомился с его преподавательским составом. В итоге выяснилось, что МИЖ находится в плачевном финансовом положении. Подотдел предложил передать институт из ведения Главпрофобра в ведение Главполитпросвета, имевшего тогда больше возможностей, чтобы оказать ему помощь¹.

Впервые обстоятельно вопрос о профессиональном образовании журналистов обсуждался на 3-ем Всероссийском съезде работников печати в начале 1922 года. Съезд констатировал: «Московский институт журналистики прокладывает новые пути в деле профессионального образования в России, вырабатывая в процессе своей деятельности методы преподавания газетоведения»². На этом форуме была принята развернутая резолюция, в которой ставилась проблема создания высшей профессиональной школы журналистики. Она «должна быть организована в центре по типу специальных практических институтов», задача которых «состоит в подготовке высоко квалифицированных специалистов в той или иной области общественного труда. Высшая школа журналистики должна дать учащимся не только специальные знания, приобретаемые ими в процессе прохождения курса школы в “мастерских газетного дела”, в учебной типографии, в семинариях и практикумах по газетной информации и теории публицистики, но и достаточную общеобразовательную подготовку, без которой не мыслима активная и плодотворная работа на поприще журналистики»³. Такая постановка вопроса носила новаторский характер, так как председатель Научного совета Наркомпроса М. Н. Покровский видел главную

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 841. Л. 4. Главполитпросвет – Главное управление внешкольное, затем – Главный политико-просветительный комитет республики при НКП (наркомате просвещения) РСФСР; Главпрофобр – Главное управление профессионально-технических школ и высших учебных заведений НКП РСФСР.

² Газетный и книжный мир. Справочн. кн. Вып. 2. / Под ред. М. Браза и С. Ингулова. М., 1926. С. 102.

³ Резолюция воспроизведена С. Муравейским там же.

цель такого института в «вооружении учащихся сугубо практическим навыком и умением»¹.

Съезд предлагал Московскому институту журналистики целую программу совершенствования его деятельности. Он считал, что преодоление кризиса журналистики, «успешное разрешение задачи улучшения советской и партийной печати тесно связано с подготовкой значительного кадра опытных газетных работников, способных не только овладеть техникой газетного дела. Но и стать идейными руководителями нашей печати». В документе съезда отмечалось: «Первой серьезной попыткой организации высшей профессиональной школы журналистики в России является Московский Институт Журналистики, который ставит себе задачей дать советской и партийной печати вполне подготовленных газетных работников во всех областях газетного труда: редакторов, заведующих редакционными отделами, секретарей, хроникеров, выпускающих и т. д.». Институту предлагалось в общей системе преподавания уделять значительное внимание разработке новых специальных курсов: основам газетного дела, газетной информации и теории публицистики; практическим занятиям студентов в семинарах и в кабинете газетной техники, где студенты «должны на практике знакомиться с техникой набора, верстки и выпуска газеты»².

Работа по решению кадровых проблем журналистики была продолжена на **расширенном пленуме Центрального бюро Секции работников печати**, проходившем 1–6 октября 1922 года. На нем присутствовало 40 деятелей журналистики, представлявших, кроме Москвы, Петроград, Архангельск, Тулу, Воронеж, Курск, Саратов, Самару, Тамбов, Харьков, Киев, Екатеринбург, Астрахань, Область немцев Поволжья, Татарскую республику, Крым, Сыр-Дарьинск³.

Повестка дня пленума включала вопросы:

1. Задачи печати в условиях новой экономической политики.
2. Отчет Президиума Центрального бюро Секции.

¹ Цит. по: *Иванов (Грамен) Н.* Теория публицистики как предмет преподавания // Современник. Кн. 1. М., 1922. С. 266.

² *Муравейский С.* Указ. соч. С. 102.

³ Не все приглашенные объединения журналистов смогли прислать своих представителей. См. объявление ЦБ Секции «Всем губпросам, всем губсекциям работников печати» // Журналист. 1922. № 2. С. 81.

3. Доклады с мест.

4. Очердные задачи профессионального объединения работников печати.

5. Экономическое положение работников печати.

6. О деятельности Института журналистики.

7. Текущие дела: а) о журнале «Журналист», б) об авторском праве. Здесь же сообщалось об идущем сборе средств в «железный» фонд «Журналиста» – собрано 350 тыс. руб. в дензнаках 1922 года¹.

С основным докладом «О задачах печати в условиях нэпа» 1 октября выступил заведующий Агитпропотделом ЦК РКПб А. С. Бубнов. Он подробно остановился на идеологических опасностях, возникших в условиях нэпа для рабочего класса и партии. «Идейный кризис в нашей печати, – подчеркнул Бубнов, – проистекает отчасти от хозяйственно-экономического. Это привело к сокращению числа газет, их тиража... буржуазное и мелкобуржуазное влияния идут, главным образом, через печать и литературу... Нарождающаяся новая нэповская печать несет моральное разложение в читательские массы. Но и партийно-советская печать не чужда этих нездоровых влияний»². Газеты замкнулись на городского обывателя. Среди их сотрудников много неустойчивой к воздействиям нэпа молодежи, в политиках – много «несложившихся» членов партии.

Прения по докладу длились до двух часов ночи. В них участвовало 13 человек. В ходе прений проявилась озабоченность выступавших состоянием Союза журналистов, говорилось о необходимости сплочения работников печати в «дружную семью для борьбы с буржуазным и мелкобуржуазным влияниями». Профессиональное объединение журналистов «должно всемерно способствовать поднятию их культуры и политического уровня»³.

2 октября состоялся отчет президиума Центрального бюро. С ним выступил С. Ингулов, рассказавший о текущих делах Секции работников печати и заметивший, что проходящий пленум и журнал «Журна-

¹ Там же.

² Краткое изложение доклада заведующего с 1922 г. Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКПб А. С. Бубнова (1884–1938) дано в «Журналисте» (1922. № 2. С. 48). Этот номер журнала имел большой по тому времени тираж – 4000 экз.

³ Наш пленум // Журналист. 1922. № 2. С. 49.

лист» «положат начало органической работе и связи внутри Секции». Ее массовая работа будет проходить через журнал, Институт журналистики и Дом печати.

Лидеры журнализма на этом форуме подошли к решению проблем журналистики всесторонне и с комплексным охватом. Вопросы образования кадров печати, повышения их культурного уровня на пленуме, уже учитывавшем задачи, поставленные 3-им съездом журналистов, рассматривались с практической стороны. Руководители Секции отчетливо понимали остроту проблемы подготовки новых кадров журналистики и необеспеченность ее необходимой литературой по вопросам печати. В связи с этим ЦБ предлагало¹:

– войти в тесную связь с издательством «Работник просвещения» и организовать совместно с ним и развивать собственное издательское дело;

– совместно с Московским институтом журналистики «поручить ряду авторов и, в первую очередь, лекторам Института выпустить и в дальнейшем выпускать книги и брошюры, посвященные вопросам истории, теории и практики печати и технике газетно-журнального дела»;

– нацелить журналы «Журналист» и «Современник» (издание института) на повышение знаний сотрудников печати: «Журналист» – «на пропаганду и агитацию практического опыта, «Современник» – на вопросы истории, теории и практики печати, техники газетно-журнального дела.

Доклад ректора МИЖа Новицкого был заслушан участниками пленума с большим интересом. В постановлении по этому докладу особо подчеркивалось то, что в деле профессионального образования журналистов в России *«прокладываются новые пути», «вырабатываются новые методы преподавания газетоведения»*. Пленум предлагал²:

– признать Институт журналистики «ударным учебным заведением» и «поставить его в отношении материального обеспечения в одинаковые условия и с Коммунистическим университетом им. Я. Свердлова, и с Университетом трудящихся Востока»;

– привлечь к преподаванию в МИЖе «всех видных работников партийной и советской прессы»;

¹ Там же. С. 53.

² Там же. С. 54.

– просить ЦК РКП прикрепить к Институту журналистики в качестве преподавателей гг. Бухарина, Радека, Сосновского, Бубнова, Стеклова, Батурина, Фриче и др.;

– признать необходимым организовать при Институте журналистики краткосрочных (трех или четырех месячных) курсов для старых работников печати с целью поднятия их квалификации;

– сам Институт журналистики должен развить дело издания книг и учебных пособий по газетоведению. Пленум одобрял предпринятое институтом издание журнала «Современник», «Записной справочной книжки журналиста» и лекций, читаемых в Институте по информации, технике и организации газетного дела¹.

Предложения журналистов получили поддержку Совещания заведующих агитационно-пропагандистскими отделами партии 30 декабря 1922 года, в резолюции которого «Очередные вопросы печати» подчеркивалось большое значение МИЖа в решении кадровых проблем. Совещание предлагало партии приравнять статус Института к **коммунистическим вузам** и вообще помочь ему².

Выдвинутая журналистами в 1922–1923 годы программа подготовки кадров в основном будет осуществлена, что способствовало преодолению кризисных явлений в журналистике и улучшению ситуации с ее кадрами.

Имея в виду идею о реорганизации МИЖа, заложенную 3-им съездом журналистов, С. Муравейский в статье «Подготовка работников печати» писал в 1926 году: «Логическим выводом из этого постановления съезда – было решение Коллегии Наркомпроса *реорганизовать Московский институт журналистики в подлинное высшее учебное заведение с 3-х годичным курсом обучения*». 4 ноября 1923 года состоялось аналогичное постановление Совета Народных Комиссаров и институт был преобразован в **Государственный институт журналистики** (ГИЖ), «фактическим организатором» которого был Новицкий³. Преобразование института в ГИЖ было отмечено торжественным

¹ «Справочная книжка журналиста на 1923 г.», вышедшая под редакцией К. П. Новицкого (К. Петровина). М.: изд-во МИЖ, 1923. 512 с., является сейчас важным документальным источником по истории журналистики.

² Справочная книжка журналиста на 1923 г. М., 1923. С. 160–161.

³ *Муравейский С.* Указ. соч. С. 101.

заседанием в Театре Революции. На нем присутствовали А. В. Луначарский, Н. Л. Мещеряков, С. И. Канатчиков и др. Приветствие от ЦК партии огласил Ем. Ярославский¹.

В 1924 году ГИЖу был придан *статус коммунистического высшего учебного заведения (комбуза), что в тех условиях обозначало партийную школу, готовившую руководящих работников высшего звена, имевших, как правило, пролетарское происхождение*². Вот как это зафиксировано в «Правилах приема в Государственный институт журналистики на 1927–28 уч. год»: «Государственный институт журналистики является высшим коммунистическим учебным заведением и ставит своей задачей подготовку квалифицированных партийных работников в области печати»³.

«Известия» 2 июля 1924 года в заметке «Подготовка журналистов» сообщали: «Государственный институт журналистики переходит из ведения Главпрофобра в Главполитпросвет и приравнивается в отношении снабжения и укомплектования слушателями к коммунистическим университетам. Укомплектование ГИЖа студентами на предстоящий учебный год производится *по разверстке местными партийными организациями*».

ГИЖ рассматривался как прямое продолжение Московского института, о чем свидетельствует широко отмеченный в ноябре 1924 года его трехлетний юбилей. Помимо приветствия ЦК РКПб, в адрес ГИЖа поступили приветствия от Исполкома Коминтерна, ряда международных организаций. В самом ГИЖе 22 ноября была выпущена специальная газета⁴. Вместе с реорганизацией института произошло существенное улучшение его материально-технической базы. ГИЖ получил недалеко от центра Москвы новое просторное здание на Мясницкой (Первого мая) улице, расширились возможности практики студентов и издательской деятельности института: был налажен выпуск учебной литературы и пособий. С августа 1925 года стала выходить учебная газета «Гижевец»⁵.

¹ Известия; 1924. 2 июля.

² Подготовка кадров в СССР: 1927–1931. М., Л., 1933. С. 9–10.

³ Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 12. С. 47 (См. Приложение).

⁴ Таловов В. П. Указ. соч. С. 25.

⁵ Отдел печати // Красная печать. 1925. № 20. С. 57.

Был усилен по партийной линии преподавательский состав института, ректором в 1925 г. был назначен С. Д. Муравейский. Перед студентами выступали видные деятели партии, редакторы газет и журналов и публицисты А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, Л. Д. Троцкий, М. И. Ульянова, Ю. М. Стеклов, С. Б. Ингулов и др.

Правилами приема в ГИЖ учащиеся в нем обеспечивались обеспечением, питанием, стипендией, обмундированием, письменными принадлежностями¹. Студенты и преподаватели могли пользоваться услугами хорошо укомплектованной библиотекой института и «типизированной библиотекой» Научного кабинета Дома печати Секции работников печати. В этой библиотеке к 1930 года насчитывалось более 3500 единиц хранения: периодика и литература по журналистике, произведения на русском и на иностранных языках (эти сочинения закупались и выписывались)².

Абитуриенты проходили довольно жесткую процедуру отбора. На местах они подвергались «предварительной проверке». Всем партийным организациям предлагалось отнестись к отбору направляемых в институт с максимальной серьезностью. Они должны быть «пропущены на местах через отборочную комиссию при губкомах или нац. ЦК, при которых производится и медицинский осмотр командируемых». Правление Института имело право направить в такую комиссию своего представителя. Комиссия выдавала на руки абитуриенту личное дело с ее постановлением. Кроме того, существовала разверстка мест для поступления в ГИЖ: ЦК ВКПб – 10, ЦК КПбУ – 8, ЦК Белоруссии – 4, Крымобком – 2, Татобком – 4, Калмыцкий обком – 1 и т. д.³

Помимо знаний определенного уровня, умения «ориентироваться в текущих политических событиях», правильного понимания решений партийных съездов и последних пленумов ЦК ВКПб, поступавшие в Институт должны были иметь «производственный стаж физического труда в промышленности или сельском хозяйстве не менее

¹ Правила приема в ГИЖ на 1925–1926 уч. год // Правда. 1925. 26 июля; Правила приема в ГИЖ на 1927–1928 уч. год // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. 30 июня. № 12. С. 47–48.

² Гус М. Насущные задачи современного газетоведения // Проблемы газетоведения. Сб. I. М., 1930. С. 14.

³ Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. 30 июня. № 12. С. 48.

2 лет», «партийный стаж не менее 3 лет», «возраст – от 22 до 32 лет». Преимущество при этом отдавалось «участникам гражданской войны, служившим в рядах Красной армии». Абитуриентам из национальных меньшинств предоставлялись определенные льготы и послабления в требованиях¹.

Программа, по которой занимались студенты ГИЖа в период нэпа, основывалась на международном и российском опыте журналистики, теоретических разработках о печати и публицистике, сделанных как до Великой русской революции, так и после нее. «Методы преподавания газетоведения, выработанные ГИЖем, – писал К. П. Новицкий, – в основном совпадают с методами и системой преподавания проверенного почти 25-летней практикой высших школ журнализма за границей... Газетное дело, как предмет преподавания, отвоевало себе прочное место в учебных планах американских и западно-европейских университетов»². При организации кабинета печати в ГИЖе, например, использовался, по признанию С. Муравейского, «опыт учебной работы ГИЖа и кое-каких заграничных институтов журналистики»³.

В ГИЖе, как и в международных вузах, было налажено преподавание газетоведения, с первого курса читались лекции по «Основам газетного дела»⁴. В 1924 году издательский отдел ГИЖа выпустил брошюру К. П. Новицкого «Газетоведение, как предмет преподавания». Она имела в приложении программу курса «Основы газетоведения» и литературу к ней. Новицкий, обобщая педагогический опыт, пытался с новых позиций осмыслить и теоретические проблемы этой учебной дисциплины: «Газетоведение, как учение о газете, – занимается изучением газеты и газетного дела, как такового, в его историческом развитии». Новицкий предлагал направления, по которым необходимо вести преподавание и исследование газетного дела:

– рассматривать газетное дело с производственно-технической стороны («средства, орудия и способы газетного производства»);

¹ Там же. С. 47.

² Новицкий К. П. Указ. соч. С. 26–27.

³ Муравейский С. Указ. соч. С. 105.

⁴ Программа этой учебной дисциплины была напечатана в справочной книге «Газетный и книжный мир» в 1926 г.: Муравейский С. Указ. соч. С. 106–109.

– вести статистику, выясняя «количественный состав газетных изданий»;

– анализировать содержание газет и его влияния на читателей (автор называет это – «идеологическим изучением»¹.

Читавшиеся лекционные курсы в ГИЖе² можно разделить на три цикла.

Информационный цикл включал основы газетного дела, газетную информацию и корреспонденцию, организацию работы редакции и др.;

Публицистический цикл давал основы творческой аналитики, отраженной в жанрах фельетона, памфлета, очерка. В статье «Теория публицистики – наука о газетных и журнальных статьях (предмет преподавания в Московском Институте Журналистики)» А. Меньшой писал о публицистике как «систематизации и классификации фактов» и умении делать выводы из фактов. «Факты, прежде всего»³. В журнале МИЖа «Современник» была помещена статья преподавателя этого института Н. К. Иванова (Грамен) «Теория публицистики как предмет преподавания» и разработанная им программа одноименного лекционного курса. Автор статьи подчеркивал: «Публицистика (в частности, газетная) – одно из самых мощных, самых скорострельных орудий в руках класса, борющегося за утверждение своей власти»⁴. Отсюда та значимость публицистики для журналиста, осваивающего основы профессионального творчества.

Цикл политических дисциплин – политэкономика, история общественно-экономических формаций, история ВКПб, история классовой борьбы в России, современное партийное строительство, история рабочей печати и др.

¹ Новицкий К. П. Указ. соч. С. 31.

² Об учебном плане ГИЖа см.: Гутнов Д. А. Из истории журналистского образования в России: Институт красных журналистов и его ближайшие преемники (1919–1938) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 6. С. 104–107. Статья Д. А. Гутнова носит обзорный характер, но автору удалось впервые достаточно подробно раскрыть именно этот сюжет.

³ Красная печать. 1921. № 1. 18 декабря. С. 8.

⁴ Современник. Кн. 1-я. М., 1922. С. 268. Грамен – псевдоним журналиста Н. К. Иванова, в 1919–1920 гг. активного сотрудника РОСТА, изданий этого агентства «Агит-РОСТА», «Стенная газета РОСТА» (Москва), «Окон РОСТА». См.: Брыляков Н. А. Указ. соч. С. 62.

Полученные в ходе учебы знания закреплялись практикой, которой в программе отводилось значительное время. Летом студенты фактически работали на разных должностях в редакциях и отделах печати. Особенности приема и отбора студентов в ГИЖ определяли успешность проходимой ими практики. Редакции с удовольствием принимали гижевцев и помогали им. Тем более, что в этот период получило развитие шефство журналистов над Институтом: правдисты отчисляли ему от своих гонораров ежемесячно 300 руб., сотрудники «Рабочей газеты» – 250 руб., «Экономической жизни» – 80 руб. и т. д. За короткий срок ГИЖ получил от них почти 14,5 тысяч руб., 75% которых пошло на улучшение питания студентов¹.

Удивительно то, что прокладывая новые пути в организации учебного процесса, сотрудники еще Московского института журналистики во главе с ректором К. П. Новицким **заложили основы к нему университетского подхода**: наряду с преподаванием они занимались научно-исследовательской деятельностью, обогащая новыми знаниями, как методику преподавания, так и сам учебный процесс. Успеху в этом способствовала предоставленная Институту типографская база. В Институте была организована группа, «интересующихся теоретической работой»; был создан Научно-исследовательский кабинет; положено начало научным исследованиям, организации «серьезной научной библиотеки по газетному делу». Историк Д. А. Гутнов, исследуя издательскую деятельность ГИЖа, пришел к интересному выводу о том, что в его составе «довольно быстро появилась и вела работу масса редакций, которые, с одной стороны, приносили доход институту, а с другой, – создавали своего рода образовательную среду»².

1920–1930-е годы были периодом господства в информационном процессе газеты, что отражало объективный процесс становления цивилизации массовой культуры, сопровождавшийся демократизацией коммуникаций общества и их аудитории, интенсивной технизацией информационного процесса. В научных изысканиях это привело к обособлению особой дисциплины – **газетоведения**. Сам термин был вве-

¹ Государственный институт журналистики: Отчет о деятельности за 1922–1924 гг. М., 1924. С. 149.

² Гутнов Д. А. Указ. соч. С. 109. Тезис автора статьи о доходах ГИЖа, к сожалению, не достаточно аргументирован и требует конкретизации.

ден К. Новицким¹, который еще в 1919 году читал на краткосрочных курсах для подготовки кадров лекцию по газетоведению.

В 1920-х годах активное развитие науки газетоведения шло во всем мире. К 1930-м годам в мире сложилось два центра этого направления – в Германии и США. В Германии существовали газетоведческие организации, было 9 газетоведческих институтов при университетах, выходили специальные издания, с 1926 года – газетоведческий теоретический научный журнал *Zeitungswissenschaft*. «О том, что газетоведение получило признание в качестве научной дисциплины, свидетельствует то обстоятельство, что во всех германских университетах, при которых работают данные институты, существуют уже введенные в штат университетов *кафедры газетоведения*» – писал Ю. Бочаров, участник Международного газетоведческого конгресса в Кельне².

И в Советской России это направление активно проявляло себя. Уже в 1918–1919 годах в центральной печати обсуждалась проблема, какой должна быть советская газета. Об этом же шла речь на Первом всероссийском съезде советских журналистов (13–16 ноября 1918 года, Москва)³. При открытии съезда председатель Моссовета Л. Б. Каменев сказал: «Мы должны выяснить, каким должен быть тип необходимой для нас газеты...»⁴. Именно этот вопрос стал одним из главных в докладах Ю. М. Стеклова и Л. С. Сосновского и прениях по ним. Напоминаю, первый советский учебник по журналистике, написанный П. М. Керженцевым и выдержавший с 1919 по 1925 год шесть изданий, назывался «Газета».

Научный центр, каковым становился ГИЖ в период нэпа, сумел немало сделать, об этом свидетельствует не только активная публикационная деятельность его представителей в печати, но и выпущенная его издательством научная и учебная продукция. Уже в 1922 году вышла тиражом в 3000 экз. первая книга-фолиант (476 с.) – «Современник» – журнал науки, политики, литературы, теории и истории

¹ Новицкий К. П. Указ. соч. С. 31.

² Бочаров Ю. Международный газетоведческий конгресс в Кельне в 1928 г. // Проблемы газетоведения. Сб. I. М., 1930. С. 142.

³ См.: Жирков Г. В. Указ. соч. С. 11–127 (раздел «Становление теории журналистики»).

⁴ Первый всероссийский съезд советских журналистов. М., 1918. С. 5.

журналистики. Она была подготовлена Московским институтом журналистики под редакцией К. П. Новицкого (К. Петровина) и М. Мелья. Редакция подчеркивала: «Главной задачей “Современник” ставит себе – всестороннее изучение и освещение вопросов, связанных с журналистикой». В 1923 году состоялся выпуск второй книги журнала, подготовленной уже ГИЖем.

Итогом научных изысканий исследователей стал выпуск трудов, заслуживающих внимания и в наши дни¹. Особо следует отметить два выпуска томов-фолиантов – «Газетный и книжный мир»², дающих всестороннее представление о состоянии журналистики к времени их выхода – 1925–1926 годы. Первый том содержал сведения о 721 газете, 1024 журналах, 37 справочных изданиях, 375 издательствах, 1165 книжных магазинах, 376 железнодорожных киосках, 985 полиграфических предприятиях, 119 бумажных фабриках, 273 агентствах периодической печати и 14 конторах объявлений³. Книга разошлась в течение нескольких месяцев. Ее тираж при объеме 48 печатных листов – 3500 экз., второго тома в 49 п. л. – 3080 экз.

В 1928–1929 учебном году в ГИЖе была развернута «длительная и страстная дискуссия о газете вообще, об информации в частности, о методах преподавания ее в особенности». В полемике участвовали Д. Бенцман, А. Григоренко, П. Решетников, Ю. Бочаров, М. Браз, М. Левидов и др. В органе Краевого Сибирского бюро секции работников печати «Газетчик» (№ 2–5) в 1927 г. были помещены «Письма о любви к газете» А. Курса, в 1928 году он же выступил в «Журналисте» (№ 1–3) по проблемам теории информации, «о принципах строения информационных сообщений» и др⁴.

¹ *Срединский С.* Газетно-издательское дело: основные вопросы газетного хозяйства. М., 1924; *Стеклов Ю.* Редактор и его роль в газете. М., 1925; и др. В то же время в Госиздате вышли книги: *Анисимов В. И.* Графическое искусство и репродукция. Л., 1924; Книга в России. Ч. I. Русская книга от начала письменности до 1800 г. М., 1924; Ч. II. Русская книга XIX века. М., 1926; *Щелкунов М. И.* История, техника, искусство книопечатания. М., 1926 и др.

² Газетный и книжный мир. Справочн. кн. Вып. 1. М., 1925. С. 119–145; Вып. 2. М., 1926. С. 232–234.

³ От редакции // Газетный и книжный мир. Справочн. кн. Вып. 1. С. VI.

⁴ *Гус М. С.* Информация в газете (Опыт практических пособий). М., Л., 1930. С. 9, 75.

Но уже тогда широкий, общецивилизационный подход с учетом международного опыта, как в преподавании основ журналистики, так и в их изучении пытались под разными предлогами (буржуазности, классовости, партийности, троцкизма) сузить. В опубликованной в 1924 году рецензии на книгу Новицкого «Есть ли программа у ГИЖА?» Я. Шафир, инструктор Подотдела печати Агитпропотдела ЦК РКПб¹, несколько утрируя положение дел, высказывает мнение о том, что до сих пор настоящей программы обучения журналистики нет, «не сделаны первые шаги в деле создания истории рабочей печати», что является тормозом в развитии ее теории.

Открывая книгу «Вопросы газетной культуры» (1927) словами: «Вопросы газетоведения в нашей печати до сих пор не нашли достаточного освещения», Шафир опять выступает оппонентом ГИЖА: «Государственный институт журналистики вынужден вести преподавание этих специальных предметов без учебника, более того без определенной, четкой системы»². В Советской России якобы нет ни теоретических работ, ни учебников по журналистике. Все это было не совсем так. Во введении к книге Шафир уже ведет речь о «буржуазном и пролетарском газетоведении».

В 1927 году Отдел печати ЦК ВКПб специально изучал состояние информации в советской прессе и пришел к выводу, что «нередко наблюдаются случаи помещения в газетах неверной информации, проникнутой уклоном в сторону нездоровой сенсационности»³, борьба с которой будет сразу же развернута, что скажется и на теоретических изысканиях. Через три года в новый исторический период теория газетоведения будет предана большевистскими теоретиками анафеме, а ее

¹ Красная печать. 1924. № 37–38. С. 35. Я. М. Шафир – в течение ряда лет был инструктором сначала Подотдела АПО, затем Отдела печати ЦК РКПб, один из наиболее видных теоретиков и социологов журналистики периода нэпа, сотрудник журнала «Красная печать», где он регулярно выступал по проблемам печати; публиковался в журналах «Журналист», «Книгоноша» и др.; автор книг «Газета и деревня» (1923), ««Рабочая газета» и ее читатель» (1926), «Очерки психологии читателя» (1927) и др. О нем см.: *Жирков Г. В.* Я. Шафир – один из первопроходцев в социологии и психологии журналистики // *Жирков Г. В.* Журналистика: Исторические этюды и портреты. СПб., 2007. С. 172–505 (содержит библиографию произведений Шафира).

² *Шафир Я.* Вопросы газетной культуры. М.; Л., 1927. С. 5, 29.

³ Красная печать. 1927. № 13; *Гус М. С.* Указ. соч. С. 26.

сторонники будут объявлены «импортерами буржуазного газетоведения», руководство Коммунистического института журналистики (так назывался он к этому времени) посчитают оппортунистическим, оно подвергнется преследованиям¹.

Таким образом, становление системы образования журналистов в Советском Союзе шло от кустарных, ремесленнических форм, дававших фрагментарные знания с опорой на практическую необходимость и профессиональные навыки, к созданию института, имевшего новаторскую образовательную программу и дающего по тому времени полноценные знания с учетом мировой и отечественной образовательной практики, традиций отечественного журнализма. При этом в условиях нэпа, так или иначе, еще учитывалась рыночная составляющая информационного процесса, но она, имея в виду контент журналистики, ограничивалась властными структурами. Это отражалось и на учебном процессе, и на часто возникавшей полемике, о чем должен писать журналист. Всеобъемлющая политизация образовательного процесса наступит позже.

У предложенного читателю исторического сюжета возможно и более широкое его обобщение, касающееся темы статьи и вызванное размышлениями ее автора над современной журналистикой и отражением ее состояния в образовательном процессе. Этот сюжет объединяет проблема свободы информационного рынка и ее последствий для функционирования общества, его уровня гласности и информационной безопасности. Если начала XX и XXI веков были периодами, когда рынок стал играть значительную роль в информационном процессе, то период нэпа был периодом **вхождения журналистики в экономику, ее переходом на рыночные отношения в советских условиях.**

Уже в начале XX столетия журналистика становится самостоятельным явлением. В чем весомое слово сказал бизнес, рынок. Это было продемонстрировано нами при исследовании журналистики тех лет². Становлению в те годы нового информационного рынка сопутствовала

¹ См.: *Жирков Г. В.* Журналистика сталинской эпохи: 1928–1950-е годы. М., 2016. С. 150–165.

² *Жирков Г. В.* Прощание журналистики с литературным процессом // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2017. Международный журнал / Под ред. проф. Е. И. Орловой. М., 2018. С. 307–318; *Жирков Г. В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. Ижевск, 2015.

всесторонняя трансформация культуры в целом (все – на продажу!), включая литературный процесс и журналистику. Требования рынка бурно росли. Но не менее бурно на это реагировала оппозиция в лице интеллигенции. В советский нэповский период влияние рынка, как видно, из экскурса в становление образовательной системы, ограничивалось властью. В современной глобализированной медиасреде рынок господствует, является мотором базовой революции информационного процесса. В результате происходит:

– Во-первых, существенное **расширение производительных сил информационного процесса**. В начале XX века литераторов стали теснить репортеры, корреспонденты, журналисты, хроникеры; все большую роль в нем стал играть фактор информационного самообслуживания: самодельные репортеры все больше отвоевывали в нем места для собственной информации.

Если проследить эволюционную цепочку становления этих производительных сил далее, то увидим, что при массовизации информационного процесса (под флагом его демократизации) и его глобализации при развитии рынка с его профессиональной конкуренцией и его бесконтрольностью со стороны власти и общества, **профессионализация журналистского корпуса** происходит не только за счет образования, но и того, что в него вливаются самые разнообразные кадры, откровенно нацеливающие себя на заработок всеми доступными средствами.

Вместе с тем стало активно развиваться **включение в журналистику все больше добровольных производителей информации**: в советский период составлявших целое рабселькоровское движение, поддержанное управлением и контролируемое им; в наши времена – приглашаемые и чаще оплачиваемые «активисты-общественники» на телешоу, а также, что более существенно, – участники и сотрудники по собственному почину Глобальной сети, добровольные информаторы, блогеры и графоманы Интернета.

Существенно то, что **массовизация и демократизация аудитории журналистики** в целом в период становления электронной журналистики привели к тому, что **эффект информационного самообслуживания аудитории** выходит из тени и становится существенным фактором медиапространства и функционирования журналистики. Это новое неуправляемое явление – отчасти действительно демократиче-

ское, отчасти – следствие рынка – ставит перед институтами управления многие проблемы.

– Во-вторых, революционное развитие **производственной базы информационного процесса**. Сюда мы относим *носителей информации*: от камня с изображениями (наскальной живописи), церковного храма, календаря, рукописи и печати в ее разнообразных формах (альманаха, журнала, газеты и др.) до Интернета; *технические средства производства информации* – издательское и типографское дело, визуальная и электронная техника, спутники связи и т. д.; появление *новых производственно-организационных форм этой базы* – таких, как информационные агентства, акционерные предприятия, газетно-журнальные и рекламные фирмы, кампании, тресты и т. п.

Проблема **носителей информации**, существенно влияющих на массовость информационного процесса в век научно-технического прогресса обострилась. Совершенствуя эти носители, человек расширял свое информационное пространство и свое участие в информационном процессе. Это ярко обозначилось лишь в нашу эру, когда реально раскрылось значение новейших информационных технологий и обозначился новый этап интенсивной технизации информационного процесса, обусловленный становлением Интернета.

Носитель информации представляет **материально-техническую базу журналистики, производственную сторону информационного процесса**, которым в практике историков журналистики не повезло¹. Историки мало внимания уделяли экономическим составляющим журналистики, несмотря на то, что они всесторонне влияют на нее и вообще массовые коммуникации, их ценностные характеристики. Управление обществом пытается освоить возможности новой информационной базы журналистики, но его больших успехов в этом пока не заметно.

– В-третьих, в ходе трансформации и массовизации информационных носителей существенно изменяется сам **информационный продукт, формы и контент информационного процесса**. Вот реакция на это некоторых исследователей:

¹ См.: *Бабюк М. И.* Кризис материально-технической базы советской печати периода НЭПа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 6; *Бабюк М. И.* К вопросу о формах собственности на периодическую печать в СССР в условиях 1920-х годов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 6. С.25–51.

«XX век стал важным поворотным моментом в истории секса и сексуальности в Америке», – пишет Дебра Л. Мерскин в монографии «Сексуализация медиа. Как и почему это делаем». Оказывается, это было и итогом «невероятной борьбы между идеалами, а постоянный моральный груз войны повлиял на все общество». «Многие американцы опасались, что новые культурные ценности, научные прорывы и новые идеи вроде большевизма, релятивизма, фрейдизма и библейской критики угрожали их привычному жизненному строю»¹.

Философ Алан де Боттон с удовольствием констатирует: «В какой-то момент между Первой мировой войной (1914–1918) и запуском Спутника (1957) все изменилось к лучшему. Наконец, люди стали носить бикини, признались, что они мастурбируют, привыкли упоминать куннилингус в социальных контекстах, начали смотреть порнофильмы и, наконец, стали крайне спокойно относиться к теме, которая практически безосновательно, была причиной ненужной невротической фрустрации в течение практически всей истории человечества»². Действительно, есть и такие достижения цивилизации, похоже наиболее интенсивно влияющие на общество демократии, моделирующие поведение Человека Глобальной Сети.

Развивающийся информационный рынок, политизация и капитализация журналистики все больше требуют информационных новаций. На рынок все значительнее выбрасываются такие информационные продукты, как сенсация, реклама, искусственно создаваемые факты, слухи, фейковая организованная информация и т. д. Активизировавшаяся в годы Первой мировой войны манипуляция информацией становится полноправным качеством продукта медиасферы, особо ценным в ходе текущей информационной войны. Наконец, информационно-электронная эра снимает информационные эвфемизмы и выносит на рынок то, что хранилось в тайниках человеческих инстинктов.

Таковы последствия базовой революции информационного процесса, Наш образовательный процесс пока на них реагирует вяло и внешне. Но уроки нэпа для него не случайны, потому что показывают возможность коллективного управления неуправляемым процессом.

¹ *Дебра Л. Мерскин. Сексуализация медиа. Как и почему это делаем / Пер. с англ. Харьков, 2015. С. 44, 49.*

² *De Botton A. How to think more about sex. New York Picador. 2012. P. 5, 124.*

Резолюция 3-го Всероссийского съезда работников печати (28 января – 2 февраля 1922 г.)¹

1. Успешное разрешение задачи улучшения советской и партийной печати тесно связано с подготовкой значительного кадра опытных газетных работников, способных не только овладеть техникой газетного труда, но и стать идейными руководителями нашей печати. Такая подготовка необходимых нашей прессе сотрудников-специалистов может быть выполнена только профессиональной школой журналистики.

2. Высшая профессиональная школа журналистики организована в центре по типу специальных практических институтов, задача которых, как известно, состоит в подготовке высоко квалифицированных специалистов в той или иной области общественного труда. Высшая школа журналистики должна дать учащимся не только специальные знания, приобретаемые ими в процессе прохождения курса школы в «мастерских газетного дела», в учебной типографии, в семинариях и практикумах по газетной информации и теории публицистики, но и достаточную общеобразовательную подготовку, без которой не мыслима активная и плодотворная работа на поприще журналистики.

3. Первой серьезной попыткой организации высшей профессиональной школы журналистики в России является Московский Институт Журналистики, который ставит себе задачей дать советской и партийной печати вполне подготовленных газетных работников во всех областях газетного труда: редакторов, заведующих редакционными отделами, секретарей, хроникеров, выпускающих и т. д.

4. Московский Институт Журналистики прокладывает новые пути в деле профессионального образования в России, вырабатывая в процессе своей деятельности методы преподавания газетоведения. В общей системе преподавания институт должен уделять значительное внимание разработке новых специальных курсов (основы газетного дела, газетная информация и теория публицистики), а также практическим занятиям студентов в семинариях и в кабинете газетной техники, где студенты должны на практике знакомиться с техникой набора, верстки и выпуска газеты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Геннадий Васильевич Жирков, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики СПбГУ.

¹ Газетный и книжный мир. Справочн. кн. Вып. 2. / Под ред. М. Браза и С. Ингулова. М., 1926. С. 102.

Раздел 1.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

И. А. Фатеева

Ленинградские локусы газетоведения 1920–1930-х годов: Институт книговедения

Введение. Петербургская школа журналистики, как научный и образовательный феномен, в историческом смысле, конечно, более всего обязана местному университету (Петербургскому императорскому / Петроградскому / Ленинградскому / Санкт-Петербургскому государственному). Однако не только ему. Самое раннее исследовательское направление, обратившееся непосредственно к изучению журналистских реалий и положенное в основание учебных программ первых специализированных образовательных институций, называлось газетоведением и было академически признанной отраслью науки 1920–1930-х годов. Ему в наши дни исполняется 100 лет. Город на Неве был одним из его географических центров. Газетоведение в институциональном плане было локализовано в значительном количестве местных советских учреждений (помимо университета, это Государственный техникум печати, Ленинградский Институт журналистики, Институт русской литературы – Пушкинский Дом, Научно-исследовательский кабинет Радиоцентра и др.), и среди них важнейшее место занимал Научно-исследовательский Институт Книговедения (НИИК). Целью данной статьи автор ставит вписать деятельность данного учреждения в историю газетоведения, а значит и всей отечественной науки о журналистике и массовых коммуникациях в ее петербургском исполнении.

Что такое газетоведение и как оно соотносится с книговедением. Газетоведением, по мнению автора данного термина К. П. Новицкого, в первой половине прошлого века считалась посвященная газетам

отрасль специализированной науки о газетно-журнальном деле (журнализма). Это в узком смысле, а в широком – сам этот журнализм¹, т. е. «все познания, имеющие отношение к периодике как таковой в ее прошлом и настоящем»². Возникло интересующее нас научное направление в России на рубеже 1910-х и 1920-х годов (чуть позже, чем аналогичные зарубежные концепции, прежде всего англоязычный Journalism и немецкоязычный Zeitungswissenschaft), причем институализация его изначально стимулировалась в основном образовательными потребностями, т. е. необходимостью создать содержательное ядро подготовки работников формировавшейся в РСФСР / СССР новой системы прессы. Методологическим базисом для газетоведения, воспринимавшегося в качестве общественной науки, являлся марксизм.

Чем дольше существовало данное направление, тем больше его название использовалось именно в широком значении, т. к. в качестве объектов исследований газетоведы все активнее избирали не только газеты и даже не только печатные издания, но и радио, кинематограф, телеграфные агентства и другие элементы расширявшейся в 1920–1930-е годы системы средств массовой информации и пропаганды. Именно поэтому мы вправе считать газетоведов предшественниками современных медиаисследователей. Эволюционируя в данном направлении, советское газетоведение все дальше уходило от своей исторической почвы – той науки, от которой оттолкнулся К. П. Новицкий и иже с ним, т. е. от книговедения.

Книговедением сто лет назад называлась комплексная теоретическая сфера исследований печатных книг и их рукописных предшественников как источника культуры и носителей информации. В XIX веке ее чаще именовали библиографией и ограничивали в основном сбором эмпирического материала и прикладной задачей его каталогизации. Но к началу XX века она прошла уже значительную эволюцию, увенчавшись созданием двух исследовательских ассоциаций: Русского библиологического общества (1899–1930) в Петербурге и Русского библиографического общества при Московском университете (1900–1930).

¹ *Фатеева И. А.* Первая научно-образовательная школа по журналистике России: ГИЖ // Век информации. 2017. № 3. С. 66.

² *Новицкий К. П.* Газетоведение как предмет преподавания. М., 1924. С. 31.

В начале XX века в этой отрасли знаний произошли парадигмальные сдвиги: изменился характер постановки проблем, были заложены основы ее теории и методологии, их разработка велась последовательно и целенаправленно и закончилась появлением первых целостных концепций, принадлежавших Н. М. Лисовскому, А. М. Ловягину и Н. А. Рубакину, – и в качестве обобщающей науки, объединяющей комплекс дисциплин, изучавших книгу в тех или иных аспектах, институтировалось книговедение, а библиография стала рассматриваться как его часть, наряду с библиотековедением, историей книги и др.¹. Важно отметить, что в 1913 году в Петербургском университете был впервые прочитан курс книговедения, что свидетельствует о его безусловном академическом признании.

Книга (говоря современным языком, печатное средство массовой коммуникации – СМК) является ближайшим «медиародственником» периодических изданий (печатных средств массовой информации, если использовать сложившуюся у нас в стране терминологию). Ни того, ни другого термина в первой трети прошлого века еще не было, но родственный характер самих явлений был очевиден. И один из «отцов-основателей» академического книговедения Н. М. Лисовский (1854–1920), продолжая традиции таких библиографов прошлого, как В. Г. Анастасевич, И. П. Быстров, Н. Д. Бенардаки, Ю. М. Богусевич, А. Н. Неустроев, В. И. Срезневский и др., обратил свое исследовательское внимание на родственный феномен и стал автором наиболее значительной на русском языке библиографии периодической печати². По сведениям другого отечественного книговеда Н. М. Сомова³, именно Н. М. Лисовский ввел в русский язык термин «журнализм», отводя ему, правда, всего лишь место одного из разделов книговедения.

Подхватив от него исследовательскую эстафету, но, в отличие от предшественника, считая, что специфические черты журналистики как социального феномена «дают достаточное основание к самостоятель-

¹ *Леликова Н. К.* Российская школа книговедения в первой трети XX века // Кнуготуга. Вильнюс. 2007. С. 39.

² *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: Материалы для истории русской журналистики. Пг., 1915.

³ *Сомов Н. М.* Библиография журнализма. Систематический указатель книг и статей по журналистике (библиография журнализма). М., 1924. С. 32, 48.

ному изучению прессы вне рамок науки о книговедении», К. П. Новицкий провозгласил необходимость развития журнализма как автономной отрасли знания: «Журналистика сама по себе представляет весьма значительную область в культурной жизни современного человечества, столь же богатую опытом и материалом для изучения, как и книговедение»¹. Таким образом, газетоведение, разрастаясь из зерна, проклюнувшегося на почве родственной и чуть более зрелой науки, и позаимствовав накопленные в ней наработки, включая научный аппарат, отстаивала свое право на самостоятельное существование.

Однако, в отличие от Москвы, где в первые 10–12 лет своей истории развитие газетоведения увенчалось созданием обособленных от книговедения научных институций, в Ленинграде новая наука развивалась в более тесном контакте с материнской концепцией и в организационном смысле – в рамках книговедческого научно-исследовательского учреждения.

Научно-исследовательский Институт Книговедения (НИИК) как центр развития газетоведения. НИИК был образован в 1920 году на базе созданной после Февральской революции Петроградской книжной палаты (руководитель – С. А. Венгеров), первого в мире государственного, предназначенного специально для регистрации произведений печати. На исходе гражданской войны, крайне негативно сказавшейся на его работе, в Москве было создано, взамен петроградской палаты, новое учреждение (Российская центральная книжная палата), а в Петрограде бывшей регистрационной структуре были приданы научно-библиографические функции, вследствие чего она получила название «Петроградский институт книговедения» (первый директор – академик Н. К. Никольский, заместитель – М. Н. Куфаев). В 1925 году институт в свою очередь был преобразован в НИИК при Публичной библиотеке, а с 1929 года стал самостоятельным (подчинялся напрямую Главнауке). Закрыт был во время коренной реорганизации всей системы научных и образовательных учреждений в 1933 году.

По свидетельству многолетнего ученого секретаря НИИК Л. В. Булгаковой², во второй половине 1920-х годов в его составе ра-

¹ Новицкий К. П. Указ. соч. С. 29.

² Булгакова Л. В. Научно-исследовательский институт книговедения за два года (октябрь 1926 – октябрь 1928). Книга о книге. Л., 1929. Вып. 2. С. 1–74.

ботало четыре секции: три из них были посвящены книге в разных аспектах ее существования и изучения, а последняя называлась секцией журналистики и газетоведения. Как было установлено современным историком НИИК Н. М. Колесниковой, газетоведческой секции предстояло заниматься разработкой истории, производства, экономики, социологии газет и журналов. Исследователям необходимо было изучить классификацию, методику, содержание основных видов журнально-газетной продукции, вопросы организации и управления сферой периодической печати¹.

Секция была создана позже других (в апреле 1927 года), возможно из-за кадровых и управленческих проблем, но работала довольно активно: за год на ее заседаниях было обсуждено семь докладов: два – по проблемам методологии своей науки, три – по зарубежной периодической печати и еще два – по отечественной ситуации в газетоведении и газетном деле². Первоначально ею руководил П. А. Корыхалов, с сентября 1928 года – некий коллегиальный орган, именовавшийся президиумом секции, а в 1929 году (после отделения НИИК от Публичной библиотеки) газетоведческой секцией стал руководить П. И. Болдин³, личность в Институте не рядовая: тремя годами ранее, будучи заместителем заведующего Отделом печати Ленинградского губкома РКП(б), Болдин был направлен в НИИК для осуществления партийного контроля за его деятельностью. Если учесть, что в работе секции принимал участие и сам директор НИИК А. Е. Плотников, можно утверждать, что газетоведческая тематика находилась на особом контроле со стороны партийно-советского руководства города.

В 1930 году деятельность секции активизировалась, в ее рамках было организовано и функционировало с разной степенью успешности 5 рабочих групп (в соответствии с проблематикой проводившихся исследований), однако в самом начале 1930-х годов все советское газетоведение попало в эпицентр политически мотивированного удара

¹ Колесникова М. Н. *Опережавшие время: к 100-летию Института книговедения (Петроград–Ленинград, 1920–1933 гг.): монография.* СПб., 2020. С. 133.

² Жирков Г. В. *Журналистика сталинской эпохи: 1928–1950-е годы.* 3-е изд. стер. М., 2017. С. 161.

³ Леликова Н. К. Болдин П. И // *Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Т. 2.* СПб., 1999. С. 116–121.

властей СССР по науке. Фактически оно было повсеместно уничтожено (хотя само название еще по инерции использовалось) – в летописи НИИК это проявилось в исчезновении специализированной секции, просуществовавшей лишь до декабря 1930 года.

Об авторах и характере газетоведческих исследований членов секции речь пойдет в следующих частях статьи, а здесь нам важно отметить, что только ими вклад сотрудников НИИК в развитие науки о журналистике не ограничивался. Дело в том, что периодика так или иначе попадала в круг интересов и исследовательские программы других секций института.

Особенно значительными были достижения ученых института в области библиографического изучения периодики.

Стоит помнить, что НИИК в значительной степени продолжал деятельность Российской книжной палаты, которая в свою очередь была пионером в деле составления библиографических описаний газет и журналов: отделом регистрации и описания повременных изданий там заведовал выдающийся русский книговед и литературовед Л. К. Ильинский (1878–1934). В 1920-е годы Леонид Константинович продолжил руководить данной работой на площадке института книговедения, по-прежнему возглавляя в нем соответствующий отдел. По словам Н. М. Колесниковой, НИИК являлся единственным в СССР своего времени органом, регистрировавшим и расписывавшим периодические издания. Благодаря «Спискам повременных изданий», составленным Л. К. Ильинским за 1917–1925 годы, была заложена основа системы пособий, отражающих отечественные периодические издания. Его работы использовались в 1933 году при создании «Летописи периодических изданий», а затем при составлении Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина фундаментального свода «Периодическая печать в России в 1917 году» (Л., 1987). Институт фактически стоял у истоков и «Летописи журнальных статей», начатой в 1926 году, после окончания многолетней текущей работы Института по библиографированию статей из журналов и сборников¹.

Что касается библиографирования именно газет, то много сил разработке методики этой работы отдала Л. В. Булгакова. Выступая с до-

¹ Колесникова М. Н. Указ. соч. С. 209.

кладами о состоянии вопроса как внутри НИИК, так и за его пределами (например, на Втором библиографическом съезде в 1926 году), она добивалась постановки планомерной, систематической, субсидируемой государством работы по обработке данного вида изданий. В результате в НИИК была создана 17 февраля 1927 года соответствующая комиссия, которая действовала по двум направлениям:

1. Разработка теоретических и методических вопросов библиографирования газет, установление его границ, принципов расположения материала в газетной картотеке.

2. Практическая работа по библиографированию газет.

Работки комиссии оказались особенно полезны в рамках работы НИИК по изучению газет эпохи военного коммунизма (1931), а в дальнейшем были взяты на вооружение библиографами самых разных библиотек¹.

Добавим еще, что в НИИК работали или внештатно участвовали в его исследовательских проектах многие выдающиеся ученые-гуманитарии, более известные научному сообществу в качестве профессоров университета и других ленинградских вузов. Некоторые из них, подобно Ильинскому, журналистскими явлениями занимались попутно с другими, более привычными для них предметами, а впоследствии были восприняты, а иногда и востребованы в качестве родоначальников различных отраслей науки о журналистике, чаще всего – ее истории. Назовем здесь для примера руководителя группы по истории журналистики, критики и публицистики в ЛГУ 1920-х годов В. С. Спиридонова (1878–1952), ведущего специалиста по истории журналистики XVIII века П. Н. Беркова (1896–1969), будущего первого заведующего историко-журналистской кафедрой в стране В. Е. Евгеньева-Максимова (1883–1955), президента Русского библиологического общества и ведущего лектора в области истории журналистики А. Г. Фомина (1887–1939).

Таким образом, НИИК, не будучи собственно газетоведческим учреждением, но руководствуясь распространенным для своего времени представлением о том, что научная отрасль, посвященная периодическим изданиям, является разделом книговедения, выступил в качестве

¹ Там же. С. 148.

авторитетной и эффективной площадки для обсуждения насущных проблем газетоведения, а также стал местом разработки теоретических и прикладных вопросов, связанных с печатными средствами массовой информации, и в этом смысле, безусловно, заслуживает дальнейшего историконаучного изучения и признания.

Секция газетоведения и журналистики НИИК. Персоналии.

Состав газетоведческой секции НИИК опубликован¹. За три с лишним года существования коллектива (1927–1930) в его работе принимали участие: В. Д. Авдеев, И. И. Беккер, П. И. Болдин, Б. Л. Бродянский, А. Ф. Добрынин, А. А. Дорохов, Д. Н. Ефимов, А. В. Иванов, А. И. Изюмов, С. А. Калинин, Р. О. Климкевич, П. А. Корыхалов, Д. А. Лутохин, А. И. Малейн, С. А. Маситин, А. И. Молок, А. Е. Плотников, О. В. Рисс, Л. В. Успенский, А. Г. Шилянский и др.

Объективно говоря, большая часть названных фамилий мало что говорит современным специалистам в области журналистики, а некоторые из перечисленных личностей вообще не идентифицированы. Так, до сих пор нет данных о В. Д. Авдееве, И. И. Беккере, А. А. Дорохове, А. И. Изюмове, С. А. Калининне, Р. О. Климкевиче, С. А. Маситине, О. В. Риссе, А. Г. Шилянском, а об А. В. Иванове известно только, что он входил в президиум секции и выступал 20 апреля 1928 года на пленарном заседании Института, посвященном 200-летию газеты «Санкт-Петербургские ведомости», с докладом «Первая русская печатная газета “Ведомости” как порождение торгового капитала», а также с сообщениями (12 января и 26 апреля 1930 года) о методах исследования газет².

Однако среди причастных к работе газетоведческой секции есть личности, оставившие по себе память в истории ленинградской науки и вполне достойные отдельного рассказа.

Для начала рассмотрим повнимательнее к уже упомянутому нами Павлу Иосифовичу Болдину. Родившись в крестьянской семье (в 1892 году) и не получив до революции высшего образования, будущий лидер газетоведов НИИК, а также директор существовавшего при нем Техникума печати принимал активное участие в установлении Советской власти в Псковской губернии, Краснодаре и Дагестане. В каждом

¹ Там же. С. 72.

² Там же. С. 92.

из регионов Болдин получал опыт редактирования большевистской периодики и руководства местным агитационно-пропагандистским, издательским или организационным отделом, совмещая это с работой в образовательной и научно-просветительской сфере (так, на Кубани он был председателем областного Политпросвета и членом коллегии облОНО, а также заведовал областной совпартшколой и читал курс «Методы агитационно-пропагандистской работы» в Краснодарском пединституте). В 1923 году переведен в Петроград (зам. зав. отделом печати губкома РКП(б), зав. отделом «Жизнь партии» в «Красной газете»). В 1925-м, когда в Ленинграде сформировалась т. н. «новая оппозиция», возглавляемая Г. Е. Зиновьевым и поддерживаемая Ленгубкомом, Болдин оказался в числе тех многочисленных партработников, которые во время XIV съезда и других партмероприятий поддержали «ленинградскую позицию», т. е. по существу заняли оппозиционную линию. Так, Павел Иосифович отказался подписать заявление-протест группы сотрудников редакции «Красной газеты», выступавших против «контрреволюционной работы руководства редакции», и был уволен из газеты (1926). Однако был оставлен в составе обновленного аппарата губкома, т. к. активного участия в борьбе на стороне оппозиции не принимал. В том же 1926 году направлен в Гублит, где состоял заместителем председателя. С тех пор в качестве исторической реликвии хранил в доме не допущенные к печати корректурные оттиски текстов Л. Троцкого и других запрещенных авторов, что в момент ареста Болдина было использовано против него.

Тогда же, в 1926 году, начал заниматься научной работой и был утвержден Главнаукой в должности научного сотрудника 1-го разряда НИИК. С точки зрения проблематики его сферой была история журналистики, включая развитие рабочей печати. По сведениям Н. К. Леликовой, работая над темой «Периодическая печать Северо-Западной области эпохи военного коммунизма», Болдин проводил исследование по архивным материалам, сохранившимся в редакциях газет периода гражданской войны, литературным источникам и на основе анкетного опроса сотрудников редакций. Кроме того, Болдин занимался проблематикой печати как творчества масс («Рабселькоры и стенгазета»), изучением только что возникшего вида фабрично-заводской газеты (с точки зрения ее оформления и социального назначения), вопросами

профессионального отбора и подготовки работников печати. Преподавал в техникуме печати (читал там курс «Печать СССР» и редактировал двухнедельник «Книга и газета»), в институте журналистики («История рабочей печати»), заведовал школой книжного ученичества, входил в состав президиума Государственных курсов техники речи (по журналистскому отделению).

После разгрома газетоведения в начале 1930-х годов Болдин работал на разных административных должностях в учреждениях культуры и науки (например, зам. директора по науке Эрмитажа).

Трижды исключался из партии (1927, 1932, 1935); в первые два раза восстанавливался по апелляции. Арестован в ночь с 9 на 10 сентября 1936 года и уже 15 октября был осужден за контрреволюционную троцкистскую деятельность на 5 лет; после повторного ареста был приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 10 декабря 1937 года¹.

Более благополучно сложилась в послегазетоведческий период жизнь у Платона Адриановича Корыхалова (1900–1958), хотя до 1930 года он шел рука об руку с Болдиным. Достаточно сказать, что в возглавляемом Болдиным техникуме печати Корыхалов занимал должность заведующего газетно-журнальным отделением. Корыхалов тоже не успел до Октября получить высшее образование, но в числе студентов историко-филологического факультета Петроградского университета побывал (1917–1918): поступил туда после сдачи экзамена по латинскому языку, т. к. отсутствием именно этого предмета отличалась программа реального училища, которое он окончил, от программы классической гимназии. Как и Болдин, Платон Адрианович прошел через редакторство в нескольких красноармейских газетах в годы гражданской войны и заведование Отделом народного образования на периферии (в Кабарде). По возвращении в родной Петроград (1922) работал инструктором Петроградского бюро РОСТА, корреспондентом «Известий ВЦИК», ответственным секретарем «Новой вечерней газеты», заведующим отделом хроники «Ленинградской правды», ответственным редактором в ЛенОГИЗе.

С 1925 года – на педагогической работе. Преподавал теорию информации (в техникуме), историю и теорию печати (в ЛГУ с 1927 года),

¹ Леликова Н. К. Указ. соч.

литературное оформление (в Ленинградском государственном институте журналистики с 1930 года). В период реорганизации газетно-журнального отделения техникума печати в вуз, видимо, именно Корыхалов рассматривался в качестве самого перспективного научного работника института. Об этом свидетельствует факт командирования его в Москву для ознакомления с работой ведущих научно-образовательных учреждений газетоведческого профиля: ГИЖа и Научного кабинета при Центральном бюро Секции работников печати. Однако через год он будет уволен из вуза, в составе группы из четырех человек, «за проявление формализма и техницизма в преподавании литературного оформления и протаскивание буржуазных теорий газетоведения, что было установлено следственной комиссией ЦК ВКП(б)»¹.

Что касается непосредственной работы в НИИК, Платон Адрианович был принят в его штат с 1 марта 1927 года на должность и. о. научного сотрудника 2-го разряда. Присваивая ему повышенный разряд, руководство, видимо, приняло в расчет то, что Корыхаловым уже была подготовлена к печати работа «Газетная информация – практика и основы теории», но автору так и не довелось увидеть ее опубликованной. Есть сведения, что именно Корыхалов до ранней осени 1928 года заведовал газетоведческой секцией. Однако 6 сентября 1928 года он был освобожден от занимаемой должности и уволен из института книговедения.

В последние два десятилетия жизни вернулся к редакторской работе (в печати и в Леннаучфильме), а как исследователь занимался литературоведческими проблемами (на материале узбекской и русской литературы)².

Журналистом, издательским работником, поэтом и переводчиком был в составе секции газетоведения Дмитрий Наумович Ефимов (1883–1961), зачисленный в штат НИИК научным сотрудником 2-го разряда в мае 1927 года. Д. Н. Ефимов (до 1918 Фридберг) тоже происходил из небогатой семьи, имел левые взгляды (участвовал в сту-

¹ *Фатеева И. А.* Институт журналистики в Ленинграде: от КИЖа к ГИЖу, от института к университету // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 140.

² *Корыхалова Н. П., Эльзон М. Д.* Корыхалов Платон Адрианович // Сотрудники Российской национальной библиотеки. Т. 2. СПб., 1999. С. 360–362.

денческих забастовках 1905 года, был арестован и полгода провел в тюрьме), из-за этого испытывал трудности при обучении в Петербургском университете (1900–1908), но все-таки окончил его. Был близок к символистам, знаком с С. Маршаком, М. Волошиным, В. Брюсовым. Женившись на студентке Высших женских курсов А. А. Эскиной, осужденной за революционную деятельность на 8 лет каторги (1908), жил с ней, после ее перевода на поселение, в Нерчинском округе и Чите (1913–1918). Работал в разных газетах Читы, Ростова-на-Дону (1918–1920), Петрограда/Ленинграда (1921–1938). После расстрела жены был выслан во Владимир (1938–1940), затем вернулся в Ленинград, где трудился в различных издательствах. Одно из направлений его деятельности в НИИК – составление «Опыта библиографии газетоведения» (не опубликован)¹.

Помимо журналистов и партработников, в газетоведческой секции НИИК состояли (иногда внештатно) и сотрудники библиотек. В качестве такового назовем Александра Федоровича Добрынина (1899–1942), выпускника ЛГУ, одного из членов президиума секции, направлявшего ее работу с осени 1928 года. В 1935 году он будет занимать пост заведующего библиотекой Института истории материальной культуры, а через четыре года по совместительству будет служить и в Библиотеке АН СССР. Умер во время блокады².

Из известных книгovedов к работе секции привлекался член-корреспондент Академии наук (1916), один из основателей и председателей (1919–1926) Русского библиологического общества, выдающийся филолог, зав. кафедрой классической филологии ЛГУ (1921–1926) Александр Иустинович Малеин (1869–1938). Так, в целях выполнения плановых работ секции могло оказаться востребованным его знание научной периодики зарубежных стран. С этой точки зрения показательной является статья Малеина «О периодических органах научной библиографии за границей»³, выросшая из доклада, сделанного именно в НИИК. В работе нашли отражение назначение и структура библи-

¹ Фридберг К. Д., Эльзон М. Д. Ефимов (до 1918 Фридберг) Дмитрий Наумович // Там же. С. 281–282.

² Колесникова М. Н. Указ. соч. С. 91.

³ Малеин А. И. О периодических органах научной библиографии за границей // Научный работник. 1926. № 7/8. С. 158–165.

ографической периодики Англии, Америки, Бельгии, Германии, Голландии, Испании, Италии, Франции. Особо характеризовались: указатели журнальных статей, выходившие в Германии, Англии, Америке; критико-библиографические журналы общего характера, распространенные в Европе и Америке¹. Кроме этого, газетоведам могли быть интересны исторические работы Малеина.

Здесь уместно подчеркнуть междисциплинарный характер газетоведения вообще и газетоведческих исследований интересующей нас секции в частности, с неизбежностью выразившийся в широте научных специализаций ее членов. Так, Далмат Александрович Лутохин (1885 года рождения), судя по месту его работы в 1934 году (доцент ЛГУ, ученый секретарь и зав. экономическим кабинетом Института бумаги), был экономистом; Александр Иванович Молок (1898 года рождения) – историком зарубежных стран, в особенности Франции (станет научным сотрудником института истории Ленинградского отделения Комакадемии, а также доцентом Ленинградского историко-лингвистического института); Лев Васильевич Успенский (1900 года рождения) – языковедом-русистом и тюркологом (аспирант Государственного института речевой культуры)². Интересно, что среди членов секции есть люди, для которых интерес к *media studies*, говоря современным языком, не останется единичным эпизодом в биографии. Так, Борис Львович Бродянский (родился в 1903 году) в середине предвоенного десятилетия будет занимать должность научного сотрудника и заведующего кинокабинетом Литературного Отделения Госакадемии искусствознания (ЛОГАИС) и, следовательно, после закрытия НИИК продолжит изучение медиа, на этот раз аудиовизуальных³.

Научная деятельность секции газетоведения и журналистики НИИК. Исследовательские проекты газетоведов на основе архивных источников описаны заведующей кафедрой библиотековедения и теории чтения СПбГИК М. Н. Колесниковой⁴. Ею установлено, что в период с октября 1927 года по июль 1928-го секцией были проведены

¹ Колесникова М. Н. Указ. соч. С. 151.

² Наука и научные работники СССР. Ч. 5. Научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 218, 244, 364.

³ Там же. С. 48.

⁴ Колесникова М. Н. Указ. соч. С. 200–203.

семь пленарных заседаний, на которых заслушивались и обсуждались доклады; например такие:

– «Грамматика журнализма (цель, содержание и методология газето- и журналоведения)», автор – П. А. Корыхалов, дата – 12.12.1927;

– «Герои и мученики на Западе», автор – И. И. Беккер, дата – 01.02.1928;

– «Некоторые замечания по поводу практики эпитета в русском газетном очерке и фельетоне», автор – Б. Л. Бродянский, дата – 03.03.1928;

– «Повременная печать эмиграции», автор – Д. А. Лутохин, дата – 14.03.1928;

– «Проблема физической долговечности газеты», автор – Д. Н. Ефимов, дата – 31.03.1928; данную работу в следующем году удалось опубликовать¹.

В активе секции – организация важных общественно-профессиональных мероприятий:

– в мае 1927 года – совещание специалистов полиграфической промышленности, посвященное обсуждению вопросов качества газетной продукции; в резолюции собрания обосновывалось решение о необходимости технической переписи газет СССР;

– вечер воспоминаний, посвященный 15-летию газеты «Правда», в связи с чем выпущена брошюра «История “Правды” в датах и числах 1912–1927 гг.»;

– специальное совещание «Практика редакционной работы русских дореволюционных газет», в котором приняли участие 15 старейших журналистов Ленинграда (они поведали присутствовавшим о штатах и строении редакций, корреспондентах, телеграфных агентствах, цензуре, репортаже, верстке, тиражах, условиях распространения, оплате труда в прошлом).

После ухода из НИИК П. А. Корыхалова исследовательская активность секции снижается. Вновь основной формой работы становятся доклады:

– «Газета “Русская Воля”», автор – О. В. Рисс, дата – 26.11.1928;

¹ Ефимов Д. Н. Проблема физической долговечности газеты // Книга о книге. Вып. 2. Л., 1929. С. 155–172.

– «Проблема библиографии в массовой периодике», авторы – В. Ф. Сахаров и Н. С. Лебедев, дата – 21.05.1929 (причем данный доклад был подготовлен в рамках плановых разработок секции библиографии).

Но в 1930 году деятельность журналистского научного коллектива НИИК оживляется, и внутри него организуется пять рабочих групп:

1. «Фабрично-заводские газеты».
2. «Газеты эпохи военного коммунизма».
3. «Проблема стандарта в газете».
4. «Единая транскрипция в газетах».
5. «Организация редакции в период реконструкции».

Первая группа (директор НИИК А. Е. Плотников, В. Д. Авдеев, Л. В. Успенский, А. Ф. Добрынин) сосредоточилась на изучении недавно возникшего вида низовых изданий, функционировавших в рамках промышленных предприятий: анализировались их тематика, художественное оформление, язык, организационные особенности выпуска и пр., обсуждались методика переписи газет, анкетирования и т. д. На основе масштабного обследования 15 заводских газет Ленинграда с тиражами от 1000 до 17 200 экземпляров, с периодичностью выхода от одного до десяти раз в месяц («Веретено», «Красный обувщик», «Красный ижорец», «Красный уют», «Красный путиловец», «Скорородовский рабочий» «Турбина халтуринца» и пр.) группа выработала практические рекомендации по совершенствованию фабрично-заводской печати. Кроме того, по результатам исследования в соавторстве были опубликованы в 1931 году две книги¹.

Вторая группа (Р. О. Климкевич, С. А. Калинин, А. Ф. Добрынин, С. А. Маситин, А. А. Дорохов, Л. В. Успенский) сосредоточилась на историко-краеведческой проблематике. Объектом ее исследования стали выходившие на территории Северо-Западной области РСФСР газеты 1918–1921 годов. За год члены рабочей группы «Газеты эпохи военного коммунизма» разработали комплексную инструкцию по описанию данных газет и составили их картотеку. Ощущая себя наслед-

¹ Авдеев В. Д., Добрынин А. Ф. Газета на производстве: история возникновения и организация хозяйства фабрично-заводской печати г. Ленинграда. Л., 1931; Техника печатания газеты многотиражки: инструкция по технике печатания газеты на стеклографе. Л., 1931.

никами прессы времен гражданской войны, газетоведы стремились сохранить ее описание для истории, понимая, что из-за плохого качества бумаги и других специфических особенностей ей суждена скорая физическая гибель.

Не очень плодотворной была деятельность группы «Проблема стандарта в газете» (А. В. Иванов, А. Ф. Добрынин). Фактически она была приостановлена после выполнения предварительного этапа исследования – выработки методики, объектов и формуляра для обследования, а также составления списка 24 советских и 14 иностранных газет, которые должны были послужить материалом исследования.

Более удачной оказалась работа четвертой группы «Единая транскрипция в газетах» (А. Ф. Добрынин, А. Г. Шилянский, Л. В. Успенский, Д. Н. Ефимов и др.). За 3,5 месяца группа заслушала восемь докладов, в том числе по зарубежному опыту (выступление Д. Н. Ефимова «Корректурa и справочники газетных корректоров в Америке»), и сдала для печати в Леноблиздат «Справочник газетного корректора». Вероятней всего именно эта работа (возможно, с изменениями) была издана в 1932 году под грифом НИИ книговедения и под названием «Практика газетной корректуры в помощь газетному корректору, правщику и работникам фабрично-заводской и районной печати»¹.

В планы пятой группы («Организация редакции в период реконструкции») входило издать специальный альбом с графическими изображениями и описаниями типовых моделей организационной структуры редакций, для этого сначала предстояло изучить соответствующую практику. Было намечено обследование 39 краевых и областных, 26 республиканских, 11 общесоюзных газет (сообщение А. Ф. Добрынина), для этого составлена анкета (П. А. Корыхалов). С точки зрения масштабности данное исследование претендовало на особый статус, выходя за пределы местечковой проблематики. Однако работы, едва начавшись, были свернуты.

По имеющимся в литературе оценкам, исследования газетно-журнального дела, в сравнении с другими направлениями, не приобрели в НИИК большого развития из-за следующих обстоятельств: ограниченности ресурсов, более поздней и затянувшейся организации секции,

¹ Практика газетной корректуры в помощь газетному корректору, правщику и работникам фабрично-заводской и районной печати. Л., 1932.

смены ее руководителей, изменения конъюнктуры текущего момента. Но, несмотря на ограниченность деятельности газетоведческой секции, ее начинания находили живой отклик в среде практических работников печати, что свидетельствовало об актуальности и востребованности данного направления исследований, очевидной заинтересованности практиков в конкретных рекомендациях и нормативных документах по совершенствованию деятельности журналов и газет. «При участии авторитетных специалистов данной области, которые были привлечены к работам Секции, без сомнения, были бы достигнуты реальные результаты в исследованиях и журналистики, и газетоведения. В этом убеждают их планы и определенные осуществленные шаги, по сути, опережавшие время и имевшиеся возможности, что достойно самой положительной оценки и безусловного уважения»¹.

Выводы. Ленинградский Научно-исследовательский Институт Книговедения имеет все основания считаться одним из центров развития газетоведения как отечественной научно-образовательной школы 1920–1930-х годов. Научно-журналистская составляющая в нем представлена на том основании, что он, согласно своим правоустанавливающим документам, был призван решать «актуальные вопросы в области книго- и газетоведения», рассматривая последнее в качестве раздела синтетической науки о печати («теории и истории печати»). Имея это в виду, институт создал в своей структуре секцию газетоведения и журналистики (наиболее значительные исследователи – П. А. Корыхалов, П. И. Болдин, А. Ф. Добрынин, А. В. Иванов, Д. Н. Ефимов), а также развивал отрасль знания, посвященную периодической печати, в рамках межсекционного взаимодействия ученых книговедческого учреждения, и в этом качестве нельзя не отметить плодотворную деятельность таких его сотрудников, как Л. К. Ильинский, В. С. Спиридонов, П. Н. Берков, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. Г. Фомин, А. И. Малейн, Л. В. Булгакова, А. Е. Плотников и др. В соответствии с основным профилем института, наиболее значителен вклад НИИК в дело библиографирования периодической печати и изучения ее истории.

Деятельность института как места развития науки о печати, в том числе и о периодике, достигла своего пика в конце 1920-х годов. Важ-

¹ Колесникова М. Н. Указ. соч. С. 202–203.

но отметить, что в декабре 1929 года после соответствующего совещания в Главнауке вышло «Постановление Комитета по делам печати о НИИ книговедения», в котором содержался пункт о желательности переименования Института книговедения в НИИ печати¹. Однако данного переименования, в целях закрепления расширившегося тематического статуса института, не произошло; вместо этого после декабря 1930 года в нем перестала существовать газетоведческая секция. Несомненно, это следствие разгрома газетоведения как науки, начавшегося в Москве и продолжившегося в Ленинграде. Впрочем, и в самом книговедении настали не лучшие времена, в результате в 1933 году НИИК был закрыт.

Отметим также роль института в развитии газетоведческих образовательных институций. В первой половине 1920-х годов газетно-журнальная тематика в виде одной-двух отдельных дисциплин была представлена в программе курсов нескольких созывов, организованных институтом книговедения для подготовки профильных работников, преимущественно библиотечных. Затем, в 1925 году, в Ленинграде открывается Государственный техникум печати с двумя отделениями, одно из которых было газетно-журнальным; он входил в НИИК, но финансировался Ленпрофобром. И, наконец, в 1930 году на базе газетно-журнального отделения техникума по постановлению Ленинградского областного комитета ВКП (б) был создан второй в стране журналистский вуз (Ленинградский государственный институт журналистики), к которому с момента открытия и перейдет от НИИК и техникума печати роль ведущего центра развития ленинградского газетоведения².

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ирина Анатольевна Фатеева, доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета.

¹ Там же. С. 30.

² *Фатеева И. А.* Институт журналистики в Ленинграде: от техникума к вузу, от ГИЖа к КИЖу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 134.

История и теория журналистики: научный диалог

В последнее время вновь оживилась полемика о теории журналистики в России, ее трансформации в условиях современного состояния, тенденций развития профессиональной среды и новых попыток ее осмысления. Обсуждения на научных конференциях в университетах Москвы, Петербурга, Томска, Воронежа и других городов находят отражение в многочисленных публикациях, представляющих общую картину современного исследовательского поля рассматриваемой темы¹.

Концептуализация теоретического знания о журналистике всегда была в фокусе внимания исследователей, анализирующих новейшие изменения в медиасфере². Активность исследовательского интереса возрастала в связи с запросом профессиональной среды в условиях политических и технологических трансформаций. Меняется общество, вместе с ним изменяется журналистика как практика и как наука. Методы и подходы, точки зрения и идейные позиции находят новое воплощение на очередном этапе развития, в том числе и в области историко-журналистских исследований. Однако смена исследовательских парадигм отнюдь не предполагает отказа от научного опыта предшественников, в котором, независимо от идеологического контекста времени, накоплен выверенный научный подход в определении методов

¹ Теория журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014; Дунас Д. В. О целесообразности создания теории СМИ на современном этапе // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 1; Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018; От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России / под ред. Е. Л. Вартановой. М., 2019; и др.

² Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII – 60-гг. XIX в.). Ростов н/Д., 1986; История журналистики как объект исследования и учебная дисциплина. Ростов н/Д., 1997; Ковалева М. М. Отечественная журналистика: вопросы теории и истории: сб. статей. Екатеринбург, 2000; Акопов А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория и практика. Ростов н/Д., 2002; Ахмадулин Е. В. Проблемы и методология системного исследования истории отечественной журналистики // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2009. № 1; и др.

и методик изучения журналистики. Любая наука развивается на усвоении итогов достижений предшественников, обеспечивая тем самым преемственность развития. На протяжении многих десятилетий проблемы истории и теории, методологические основания журналистики как науки были предметом обсуждения историков, изучающих процесс формирования науки о журналистике, ее самопознании и становлении теоретической истории журналистики.

Истоки теории. Самопознание журналистики началось с ее зарождения и необходимости осознания ее сущности и назначения. Учитывая цель издания и интересы читателей первой русской газеты «Ведомости», ее редактор Борис Волков первым поставил вопрос о новости как важнейшем признаке газеты, без которого она превращается в «меморий ради гисториков». Вопросы оперативности и доступности периодики, разнообразия содержания и ясности изложения как необходимые условия привлечения читателя впервые сформулировал Г. Ф. Миллер в «Предупреждении» к первому российскому журналу «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»¹, редактором которого он являлся. В самом названии издания была определена его цель – служение пользе и увеселению читателя. Эти функции журнала не раз впоследствии будут постулироваться в названиях журналов XVIII века.

В первых попытках издателей и журналистов выявить и обосновать особенности периодической печати еще не ставились вопросы специфики журналистской деятельности. Эта проблема впервые была затронута М. В. Ломоносовым в его «Рассуждении об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии», ставшим сводом этических правил деятельности журналистов. Ломоносов также поднял вопросы типологической структуры периодики. В отзывах на выходявшие академические издания и в проектах новых он изложил стройную систему ее организации с учетом периодичности, содержания, круга читателей. Наряду с планами научных и научно-популярных журналов в письмах Ломоносова, адресованных Академии наук, содержится проект издания газеты научно-практического характера. В письме от 15 июля

¹ Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Январь. С. 5–6.

1759 года он детально излагает программу такого издания, названного им внутренними «Российскими ведомостями»¹. Однако теоретические разработки Ломоносова и его конкретные практические предложения значительно опережали существовавший уровень развития периодики в России и в большинстве своем не были реализованы.

Подобно своим предшественникам, Н. И. Новиков целью периодического издания считал пользу и увеселение читателя. Однако трактовка понятия пользы у него имеет существенные особенности: польза как исправление нравов. Заметное место в новиковской концепции печати отводится личности журналиста. В предисловии к первому номеру «Пустомели» под заглавием «То, что употребил я вместо предисловия» Новиков формулирует требования к журналисту. По его словам, «чтобы хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здоровое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических, и, наконец, истинное о вещах понятие»².

Об этих достоинствах журналиста писал до него и Ломоносов. В новиковском же моральном кодексе журналиста сверх того названы: критический талант («Правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять»³), отрицательное отношение к социальному злу («Нет ничего, что бы не было подвержено критике»⁴), и убеждение, что журналист должен «мешаться в политические дела»⁵. То есть, Н. И. Новиков не сводит деятельность журналиста только к распространению знаний. Он видит назначение журналиста в критическом изучении действительности, в исправлении нравов. Задачи распространения знаний, критики социальных пороков в журнальной теории Новикова тесно увязаны с идейным влиянием на читателя, воспитанием полезного члена общества, «истинного сына отечества». К подобному выводу впоследствии придет и В. Г. Белинский, который, размышляя о влиянии журнала на читателя в условиях капитализации прессы, утверждает, что эффективность журналистики измеряется не числом подписчиков, а нравственным влиянием на публику.

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.–Л., 1957. Т. 10. С. 78.

² Пустомеля. СПб., 1770. Июнь. С. 7.

³ Там же. С. 10.

⁴ Трутень. 1769. Л. XXXII. С. 256.

⁵ Пустомеля. 1770. Июль. С. 87.

Таким образом, первые суждения о журналистике принадлежали самим журналистам, которые стремились осознать ее возможности и функции. Свой вклад в формирование историко-теоретических представлений о журналистике внесли Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. А. Полевой, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, М. Н. Катков, И. С. Аксаков, А. С. Суворин и многие другие журналисты и издатели, создававшие в России периодическую печать, участвовавшие в ней и пытавшиеся определить ее место и роль в жизни общества. Прозвучавшие в их высказываниях сущностные оценки журналистики и попытки определить закономерности ее развития нуждались в системном осмыслении и периодизации. Начавшаяся в XIX веке работа по библиографическому описанию русской периодической печати свидетельствовала о стремлении представить развивающуюся журналистику как самостоятельное явление. Описание периодических изданий, которое в течение XIX в. вели библиографы В. С. Сопиков, В. Г. Анастасевич, А. Н. Неустроев и другие, завершилось выходом фундаментального труда Н. М. Лисовского «Библиография русской периодической печати. 1703–1900» (Пг., 1915). При всех недостатках первые классификации и библиографии создавали предпосылки для теоретического и исторического осмысления периодической печати в России. Предпринятые Н. И. Гречем и Н. А. Полевым опыты исторически обозреть русскую журналистику с неизбежностью поставили задачу ее периодизации. И если Греч пытался установить основные этапы движения журналистики в соответствии со сменой царствований, то Полевой, подход которого можно определить как историко-типологический, стремился дать периодизацию с учетом внутренних особенностей развития печати. Эти наработки более масштабно и последовательно, с привлечением широкого круга имен и явлений были продолжены В. Г. Белинским. Библиографическая работа по изучению русской журналистики фактически объединилась с историческим ее познанием, а высказывания Н. И. Греча, Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина, А. А. Краевского, В. Г. Белинского и других имели историко-теоретический и библиографический характер. Значительное место в дореволюционных исследованиях по истории литературы и журналистики принадлежит цензуре, которую в разных аспектах и временных рамках дореволюционного периода рассматри-

вали А. М. Скабичевский, К. К. Арсеньев, А. Котович, М. К. Лемке, В. Розенберг, В. Якушкин. Период накопления историко-теоретических сведений о журналистике, осознание ее как самостоятельного вида профессиональной деятельности привел к необходимости систематизации и концептуализации журналистики как науки.

Эволюция проблемы. Постановка методологических проблем исследования журналистики является естественным результатом развития научного знания и по мере взросления науки требует своего разрешения. Общеизвестно, что журналистика как профессиональная деятельность, которую в России в XIX веке называли «срочной словесностью», имеет филологическую родословную. В лоне словесности она развивалась первые полтора века своего существования, когда журнал был ведущим типом издания и, в силу отсутствия других социальных институтов, через литературу и литературную критику формировал не только литературные вкусы, но и общественное мнение. В XX веке, по образному выражению Г. В. Жиркова, «происходит как бы бракосочетание журналистики и политики в отличие от ее неравного брака с литературой в XIX столетии»¹. Изучение журналистики в XX веке продолжалось по преимуществу в русле филологической науки. «До сих пор мы часто пользовались методами смежных наук, прежде всего филологии, хотя, по признанию самих литературоведов, филологические методы исследования журналов не ясны», – сетовал Б. И. Есин, размышляя в 1977 году о методике историко-журналистских исследований². Необходимость преодоления положения, «когда работы историков журналистики по объекту анализа, по методам ставятся в промежуточное положение не то исторических, не то филологических трудов»³, казалась очевидной. Тем более, что в условиях существования официальной научной специальности «журналистика», необходимо было разработать методологические основания и методический

¹ Жирков Г. В. Журналистика и исторический процесс: общецивилизационные аспекты // История журналистики как объект исследования и учебная дисциплина. Вып. 1: матер. межд. научно-практической конференции. Ростов н/Д., 1997. С. 13.

² Методика изучения периодической печати: сб. статей / под ред. проф. Б. И. Есина. М., 1977. С. 5.

³ Там же.

инструментарий для изучения и преподавания этого самостоятельного явления и вида деятельности.

Периодом наибольшей научной активности советского времени в области исследования методологии и методики журналистики стали 1970–1980-е годы – период зрелости журналистики как науки, когда она была представлена крупными обобщающими исследованиями, динамично развивалась в официально утвержденном научном статусе, обеспечена профессиональной подготовкой кадров в университетах страны. Ни одна крупная научная конференция не обходилась без обсуждения определения категорий и понятий, методов и исследовательских методик, соотношения истории и теории, места курса истории журналистики в профессиональной подготовке¹. Именно в то время впервые была поставлена проблема о необходимости целостного изучения системы теоретических взглядов о журналистике в их историческом развитии. «Как ни странно, но факт, – писал в 1971 году А. Ф. Бережной, – что, несмотря на большое число работ о печати и довольно длительный период изучения ее истории, до сих пор у нас нет фундаментальных трудов, раскрывающих во всем объеме взгляды виднейших теоретиков и практиков журналистики прошлого»². Озабоченность исследователя понятна, ведь к тому времени уже был создан прочный фундамент историко-журналистских исследований, но теоретического осмысления не доставало. Однако уже через шесть лет Б. И. Есин констатирует: «Работы, суть которых можно обозначить как “теоретическая история”, начинают появляться в виде диссертаций и некоторых монографий: А. Ф. Бережной “Русские предшественники ленинской печати”, В. Г. Березина “В. Г. Белинский – теоретик печати” и др.»³. Впоследствии в этом ряду появятся новые исследования, в которых историко-теоретические взгляды деятелей журналистики

¹ Журналист. Пресса. Аудитория: межвуз. сб. Вып. 3 / под ред. С. В. Смирнова. Л., 1986; Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов / под ред. Б. И. Есина. М., 1987; Научная конференция по методам исследования журналистики: тезисы докладов. Ростов н/Д., 1987.

² Бережной А. Ф. Мнимое и истинное // Журналист. 1971. № 3. С. 33.

³ Есин Б. И. О методике историко-журналистских исследований // Методика изучения периодической печати: сб. статей / под ред. проф. Б. И. Есина. М., 1977. С. 7.

прошлого станут неотъемлемой частью общего анализа¹. По мнению Б. И. Есина, в такого рода работах наиболее активно формируются методы исторического исследования журналистики.

Однако вряд ли этот подход можно считать исчерпывающим. Накопление субъективных мнений о журналистике дает лишь возможность получить совокупный взгляд журналистов, политических деятелей, чиновников на процесс развития журналистики того или иного периода, проследить внутреннюю логику формирования общественно-го сознания в отношении к журналистике как социальному институту. Совокупность индивидуальных взглядов, даже будучи включенных в определенную историческую эпоху, не позволяет выявить закономерности эволюционных изменений в движении времени, определить системные трансформации. Эта задача – зарождения и непрерывного поступательного развития теории журналистики – впервые была комплексно решена в 1986 году в докторской диссертации А. И. Станько «Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е гг. XIX в.)». Несмотря на идеологическую основу исследования (методологической опорой являлось марксистско-ленинское учение о печати), оно впервые системно, на прочном фундаменте историко-журналистских знаний представило процесс теоретического познания журналистики в России на протяжении более чем полутора веков, выявило основные его этапы, закономерности, обусловленные общественно-политическим развитием.

Тем не менее, проблема одностороннего подхода продолжала оставаться. «Как известно, – пишет участник одной из конференций, которые регулярно по проблемам методологии проходили в то время в Ростовском государственном университете, – в изучении и преподавании истории журналистики в разное время использовались различные подходы: от исследования прошлого печати как части литературного процесса – до рассмотрения ее исключительно в русле идеологической борьбы. Односторонний взгляд на периодику в свете развития революционно-демократической мысли, оставив в забвении целые пласты профессионально интересных изданий и множество имен, обеднил

¹ См.: Громова Л. П. А. И. Герцен и русская журналистика его времени. Л., 1994; Станько А. И. А. С. Пушкин – журналист, его размышления и разборы. Ростов н/Д., 1999.

представления университетских выпускников о богатейшем опыте, накопленном отечественной прессой»¹. Обсуждение проблем историко-журналистской науки, прошедших тогда на конференции в Ростове, было продолжено на научной конференции в Санкт-Петербургском государственном университете. Итоги дискуссий нашли отражение в готовившемся на кафедре истории журналистики СПбГУ новом учебнике, в котором были учтены новейшие научные разработки и преодолены идеологические стереотипы, существовавшие в старой учебной литературе². Учебник, разработанный группой ученых Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и Екатеринбурга, вышел в 2003 году под грифом Министерства образования РФ в издательстве СПбГУ (2-е изд. – 2005, 3-е изд. – 2016) и явился продолжением исследовательских подходов петербургской научной школы. Этот учебник свидетельствовал о преемственности в изучении истории журналистики в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете.

Еще на заре становления историко-журналистской науки в 1926 году группой молодых ученых-филологов, в числе которых были В. Е. Евгеньев-Максимов и Л. К. Ильинский, была подготовлена «Инструкция по описанию журналов XIX века»³. Членами этой группы впоследствии были созданы такие исследования как «Очерки по истории социалистической журналистики XIX в.», «Из прошлого русской журналистики», трилогия о «Современнике» В. Е. Евгеньева-Максимова, а затем первый том фундаментального коллективного труда «Очерки по истории русской журналистики и критики» под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, Н. И. Мордовченко, И. Г. Ямпольского. Представленный в издательство Ленинградского университета в начале 1941 года, он из-за начавшейся войны вышел в свет лишь в 1950 году. Второй том, посвященный истории журналистики и крити-

¹ Громова Л. П. Курс истории журналистики в профессиональной подготовке журналистов // История журналистики как объект исследования и учебная дисциплина. Вып. 1. Ростов н/Д., 1997. С. 23.

² История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2003.

³ Впоследствии эта работа будет использована Б. И. Есиным при разработке методики изучения газеты. (Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России: задачи и теоретико-методологические основы обучения. М., 1981).

ки второй половины XIX столетия, вышел в 1965 году и был подготовлен совместно коллективом исследователей факультета журналистики и филологического факультета Ленинградского государственного университета. Его выпуском занимались преимущественно преподаватели факультета журналистики ЛГУ В. Г. Березина и Н. П. Емельянов.

Эта двухтомная фундаментальная коллективная монография, названная «очерками», заложила основы историко-журналистского университетского курса. Она объединила двухсотлетний путь развития русской журналистики и критики от начала XVIII до конца XIX века. Что характерно, принцип построения текста «очерков» предопределил и структуру будущих учебников по истории журналистики: каждый период был представлен обзорной главой, содержащей характеристику периода, цензурных условий, тенденций развития литературы и журналистики, а также монографическими главами о ведущих изданиях, издателях, редакторах, публицистах. Этот опыт впоследствии был использован, когда в 1960-е годы готовился к изданию первый учебник под редакцией А. В. Западова при участии исследователей ЛГУ и МГУ (последнее, 3-е издание вышло в 1973 году). Отчасти этой же традиции последовал и авторский коллектив при подготовке нового учебника «История русской журналистики XVIII–XIX веков» под редакцией Л. П. Громовой, вышедшего в 2003 году под грифом Министерства образования РФ (3-е издание опубликовано в 2013 году). Таким образом, еще на ранней стадии становления журналистского образования в Ленинградском (Петербургском) университете при активном участии В. Е. Евгеньева-Максимова были заложены методологические основы исследования истории журналистики, предложена методика исследования и преподавания историко-журналистских дисциплин, которая в основе своей сохраняется и поныне.

Проблема взаимоотношений истории и теории журналистики, их неразрывности в свое время была емко определена Н. Г. Чернышевским в его известной формуле: «без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»¹. И действительно, исторический и теоретический подходы в изучении журналистики

¹ Чернышевский Н. Г. О поэзии // Полн. собр. соч.: в 15-ти тт. Т. 2. М., 1949. С. 265–266.

тесно взаимосвязаны: первый имеет целью представить закономерное развитие журналистики, второй – раскрыть познание ее сущности. Общеизвестно, что исследования о журналистике носят, как правило, синкретичный, междисциплинарный характер. Вопрос состоит лишь в том, на какой методологической платформе строить диалог различных типов осмысления, какие методы становятся доминирующими, ибо любая гуманитарная наука неизбежно несет на себе печать своего времени. Следует признать, что уже существовавшие и новые методы исследования журналистики используются сегодня другими науками, прежде всего историей, филологией, социологией, политологией, как в силу сложившейся традиции, так и в связи с некоторой близостью объектов изучения. В то же время «предмет истории журналистики и методы ее исследования, – по верному замечанию Б. И. Есина, – только частично совпадают с предметом и методами литературоведения или истории»¹.

Проблема методологического выбора при изучении истории журналистики в новых условиях, когда накоплен новый эмпирический материал, обогащается методика исследований, обновляется терминологический аппарат, вновь правомерно ставится на обсуждение О. С. Кругликовой, отмечающей, что «в российской науке наблюдаются некоторые черты кризиса теоретических представлений об истории журналистики, отражающиеся как в неопределенности методологических подходов к научному исследованию, так и в поиске путей совершенствования методики преподавания этой дисциплины»². «Неопределенность методологических подходов», думается, как и прежде, связана прежде всего с междисциплинарным характером самой науки о журналистике и использованием методического инструментария смежных наук. Мы имеем в виду применение старых и современных общенаучных методов (описательного, статистического, классификационного, системного и других), хотя все они могут модифицироваться в приложении к журналистике и переходить в специальные³.

¹ Есин Б. И. Основные направления работы в области истории русской журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Журналистика. 1975. № 2. С. 57.

² Кругликова О. С. Теоретические компоненты истории журналистики // Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018. С. 42.

³ Есин Б. И. О методике историко-журналистских исследований. С. 5.

Методологический подход предполагает комплексный способ исследования, включающий в себя различные методы и процедуры анализа, но составляющий логическое, познавательное единство. В теории познания получили обоснования такие методологические подходы как исторический (воспроизведение эволюции предмета в форме его истории) и логический (воспроизведение эволюции предмета в форме его теории)¹.

Исторический подход, по мнению Е. А. Корнилова, находит свою реализацию в двух основных разновидностях, направлениях научного анализа: синхроническое рассмотрение развития журналистики (т. е. изучение и сопоставление фактов журналистики с точки зрения соответствия общественно-политическим процессам) и диахроническое (т. е. изучение и сопоставление фактов журналистики с точки зрения внутренней эволюции и преемственности). Развитие синхронического и диахронического изучения журналистики идет на основе системного анализа, в рамках которого, наряду с рассмотрением журналистики как части более общих, включающих систем, значительное внимание уделяется ее подсистемам – группам и типам изданий, различным внутренним имманентным категориям и проблемам. Важность системного подхода несомненна, неслучайно о нем не раз упоминали и возвращаются в своих исследованиях А. И. Акопов, Г. В. Жирков, А. И. Станько, Е. А. Корнилов, Е. П. Прохоров, М. М. Ковалева, С. Я. Махонина и др.²

Постановка методологических проблем исследования журналистики является естественным результатом развития научного знания. Совершенно очевидно, что новых достижений наука может добиться не только за счет дальнейшего расширения исследовательского поля, но и

¹ *Корнилов Е. А.* Проблемы методологии исследования журналистики // История журналистики как объект исследования и учебная дисциплина. Вып. 1. Ростов н/Д., 1997. С. 9.

² См.: *Прохоров Е. П.* Теоретико-методологические проблемы развития истории журналистики // История журналистики как объект исследования и учебная дисциплина. Вып. 1. Ростов н/Д., 1997; *Ковалева М. М.* Указ. соч.; *Махонина С. Я.* Некоторые аспекты системного подхода к изучению истории журналистики в России // Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов / под ред. Б. И. Есина. М., 1987.

за счет совершенствования традиционных и выявления новых подходов к его изучению. Поэтому в структуре научного знания, по мнению Е. А. Корнилова, «все большую ценность приобретают, – наряду с текущими результатами анализа, – логика, принципы, приемы и методы, с помощью которых исследователь познает свой предмет, описывает и объясняет происходящие процессы»¹. В системе методологических категорий особое место принадлежит принципу историзма – всеобщему логическому принципу, имеющему универсальное значение. Принцип историзма реализуется в форме определенных методологических требований к научному познанию. Он предполагает объективное и всестороннее рассмотрение изучаемого объекта, познание его связей, установление предпосылок явления, определение периодизации развития.

Долгое время в периодизация отечественной журналистики наука опиралась на ленинскую концепцию освободительного движения (дворянский, разночинский, пролетарский), в структуре которой весь XVIII век был зачислен в предысторию периодической печати. В качестве исследовательского приоритета определялась демократическая журналистика, в то время как другие издания (консервативные, либеральные) рассматривались в критическом ключе. «Направленческий» крен явно доминировал в общем анализе прессы, что мешало созданию объективной картины журналистики, выявлению ведущих тенденций ее развития. Многочисленные попытки определить критерии периодизации: «по царствованиям», по цензурному режиму (правительственной политике в области печати), по типологическому развитию, по форме собственности (государственная/частная) и другим признакам (например, М. М. Ковалева предлагает разделить трехсотлетнюю историю российской прессы «на два специфических по своему содержанию периода – до становления журналистики как профессии и после»²) – приводили в итоге к проблемно-хронологическому подходу в изложении процесса развития журналистики и его изучения.

Выводы. Все науки о журналистике (теория, история, социология, политология) имеют дело с единым объектом, части которого (учредитель, журналист, законодательство, аудитория) находятся в сложных связях, постоянном взаимодействии и требуют системного анализа.

¹ Корнилов Е. А. Указ. соч. С. 8.

² Ковалева М. М. Указ. соч. С. 16.

Для историков журналистики особенно важно изучение процессов развития. Особенность изучения истории журналистики определяется тем, что одновременно с продолжением сбора эмпирического материала необходимы актуальные обобщения, выявление общих закономерностей типологического развития, трансформации жанровых форм, изучение публицистического мастерства, эффективности руководства изданием. Историческая наука значительно выиграет, если она будет активнее откликаться на проблемы современной практики и их осмысление в теории. Представляется важным наряду с историко-культурной и историко-политической проблематикой чаще обращаться к историко-функциональной парадигме, что позволит придать исследованию конкретно-прагматический характер.

История журналистики обладает огромными потенциальными возможностями, изучение которых позволит актуализировать и эффективно использовать это богатство в профессиональной подготовке. Для этого необходимо продолжить разработку методологических основ изучения и преподавания истории журналистики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Людмила Петровна Громова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики СПбГУ.

Вклад Петербургской школы журналистики в становление и развитие политологии журналистики (политической теории журналистики)

Политическая теории журналистики в предметном поле советской теории журналистики. Поле политических исследований журналистики формировалось на фундаменте советской науки о журналистике и является сложным и противоречивым феноменом. В сообществе российских исследователей журналистики до сих пор нет консенсуса относительно того, можно ли считать *политической теорией журналистики* совокупность теоретических взглядов о принципах, ролях и функциях журналистики, определенных ей в качестве обязательных к соблюдению и исполнению в политической сфере, или речь идет о *политизированной теории журналистики*, в которой вся исследовательская парадигма основывается на ее политическом функционировании (как, например, в советский период – на идее роли журналистики в построении бесклассового коммунистического общества).

Политизированность и идеологизированность советских исследований журналистики – это неоспоримый факт. Но нельзя игнорировать и то, что в СССР сформировались устойчивые традиции концентрации исследовательского внимания именно на политической составляющей деятельности журналиста или прессы в целом.

В Петербурге (Ленинграде), в котором наука о журналистике базировалась на традициях изучения истории русской журналистики и критики, заложенных исследователями филологического факультета Петербургского университета¹, политический профиль исследований журналистики стал приобретать явный характер в послевоенное время – в первые годы существования отделения журналистики (конец 1940-х – начало 1960-х гг.). В 1960–1970-х годах политическая исто-

¹ См.: Хубецова З. Ф. Отечественная научно-педагогическая школа истории журналистики как часть мирового научного и образовательного процесса // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 57–58.

рия журналистики стала гораздо более востребованным направлением исследований, чем история журналистики в контексте литературного процесса, так полюбившаяся исследователям первой половины XX века. Тенденция к увеличению объема историко-политических исследований прослеживалась по всей стране. Например, в 1970-х годах в разных уголках страны было представлено к защите внушительное количество кандидатских и докторских диссертаций по научной специальности 10.01.10 – журналистика, в которых анализировались исторические аспекты политического функционирования прессы или исследовалось творчество политических публицистов¹. Это стало следствием политики, проводимой государством в сфере журналистского образования. Как отмечает один из самых авторитетных российских историков журналистики, доктор филологических наук профессор СПбГУ Г. В. Жирков, «история русской журналистики... оказалась в числе бдительно контролируемых сверху дисциплин, предпочтение отдавалось большевистской и партийно-советской печати»², поэтому исследования проблем партийной печати не только стали важной частью истории журналистики, но и предопределили развитие общей теории журналистики.

Исследователям истории журналистского образования в России, теории журналистики и отечественных научно-образовательных школ журналистики хорошо известно, что в полемике 1920–1940-х годов об оптимальной модели журналистского образования победили сторонники университетского подхода (а не те, кто видел подготовку будущих журналистов в стенах партийно-пропагандистских учреждений).

¹ См.: *Здольников В. В.* Русская журналистика 90-х годов XIX века: (Отражение марксизма в либеральной печати): дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; *Кузичева А. П.* Марксистская критика в борьбе за Чехова (1903–1905): дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; *Радванская Н. А.* Украинская революционно-демократическая журналистика 90-х годов XIX в. и ее роль в пропаганде передовой России: дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1975; *Усачев В. Н.* Павел Бажов – партийный публицист. (1918–1950): дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; *Шароева Т. Г.* В.И. Ленин и литературно-критическая борьба в русской советской журналистике 20-х годов: дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1975.

² *Жирков Г. В.* Петербургская школа подготовки журналистов: три модели выпускника // 60 лет журналистскому образованию в России. 1956–2006. Ленинград – Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. СПб., 2006. С. 24.

В 1950–1970-х годах идейное воспитание журналистов, как и в постреволюционное время, все еще оставалось под контролем партийных структур¹, однако их вмешательство в образовательный процесс носило спорадический характер. Поэтому теоретическое осмысление практических (в том числе и политических) задач, которые государство ставило перед журналистикой, стало делом тех, кто непосредственно работал в системе высшего образования, – преподавателей журналистских вузов. Этот процесс, как известно, интенсифицировался в 1950–1960-х годах, в период, когда в ведущих советских вузах отделения журналистики при филологических факультетах были преобразованы в самостоятельные факультеты¹. Как отмечает Г. В. Жирков, «обособление студентов-журналистов от филологов помогало партийным структурам более основательно контролировать подготовку “помощников партии”»; в известной степени ограждало их от якобы тлетворного влияния остальной студенческой массы»². Именно с обретения системой вузовского журналистского образования самостоятельности и начался процесс формирования «партийной модели выпускника»³, доминировавшей в СССР вплоть до распада страны.

В структуре новых для страны факультетов журналистики был определен стандартный набор кафедр. Это были кафедры, обеспечивающие изучение *газетного дела, языка периодической печати и основ журналистского творчества* (сотрудники этих подразделений в меньшей степени ощущали на себе идеологическое давление со стороны партийно-государственных органов), и кафедры *теории и практики журналистики* и *истории отечественной и зарубежной журналистики* (им и вменялось в обязанности обеспечение взаимосвязей между наукой о журналистике и марксистско-ленинской политической теорией). В конце 1960-х – начале 1970-х годов стали создаваться кафедры *телевидения и радиовещания*.

Особая идеологическая нагрузка (обоснование связи актуальной для 1960–1970-х годов практики советской журналистики с ее марксистским теоретическим базисом) была возложена на кафедры теории

¹ См.: Хубецова З. Ф. Политологическое знание о журналистике // Теория журналистики в России. Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018. С. 135.

² Жирков Г. В. Указ. соч. С. 18.

³ Там же. С. 17–28.

и практики партийно-советской журналистики и преподавателей, которым нужно было разрабатывать базовый курс теории журналистики («марксистско-ленинского учения о печати» в терминологии тех лет). Первыми эту задачу решили для себя преподаватели ЛГУ – «силами... кафедры [теории и практики партийно-советской печати – З. Х.] была разработана первая в СССР программа учебного курса по дисциплине “Теория и практика партийно-советской печати” (утверждена в Министерстве образования в апреле 1947 г., автор П. Я. Хавин)»¹. Чтение лекций в соответствии с этой программой осуществлялось по всей стране вплоть до конца 1960-х годов, однако определяющее значение для развития советской теории журналистики имел опыт факультета журналистики МГУ. Как вспоминает Г. В. Жирков, «в 1960–1970-х гг. происходила отладка образовательной модели журналиста. В ней участвовали партийные структуры, Союз журналистов и центры подготовки журналистов, главным образом, университеты. За ведущее звено был взят факультет журналистики МГУ, о чем свидетельствуют многие партийные документы, материалы Второго межвузовского совещания преподавателей специальных дисциплин (16–18 мая 1967 г.), где докладчики подробно раскрыли опыт Московского университета: представили программы учебных предметов, рассказали о принципах преподавания специальных дисциплин на журфаке, организации производственной практики, о постановке учебной газеты и др.»².

Процесс становления базового теоретического курса на факультете журналистики МГУ его сотрудники описывают следующим образом: «Случилось так, что Е. П. Прохорову пришлось в довольно “авральном” порядке с 1968 года взять на себя чтение курса лекций по теории журналистики. Дело в том, что на заседании кафедры печати обсуждали записанную на пленку лекцию по этому курсу одного из преподавателей, пришедших из прессы и ее окружения. Она произвела удручающее впечатление – преподаватель постоянно повторялся, студенты смеялись, и иногда – громко. После заседания Е. П. Прохоров, не выдержав, сказал заведующему кафедрой, что так основной теоретический курс читать нельзя... Через неделю зав. кафедрой передал Е. П. Прохорову поручение декана взяться за чтение этого курса (мол,

¹ Хубецова З. Ф. Указ. соч. С. 140.

² Жирков Г. В. Указ. соч. С. 23.

докторскую написал по теории публицистики – ему и карты в руки). И он стал его преподавать»¹.

Со временем Евгений Павлович Прохоров стал ведущим теоретиком журналистики не только журфака МГУ, но и всего Советского Союза, поэтому анализ динамики его научных интересов позволит понять логику развития советской теории журналистики и определить, *на каком этапе, по каким причинам и в каких условиях произошла дифференциация общей теории и политической теории журналистики.*

Будучи одним из первых выпускников аспирантуры факультета журналистики МГУ, Е. П. Прохоров начал свою исследовательскую деятельность в русле упоминавшейся выше традиции рассмотрения историко-журналистской проблематики в контексте политического процесса – неслучайно своими учителями Евгений Павлович считал первых заведующих кафедрой истории русской журналистики и зарубежной печати факультета журналистики МГУ Е. С. Ухалова и А. В. Запалова². Кандидатская диссертация на тему «Русские публицисты 40–60-х годов XIX века о литературно-общественном и народном движении в Индии» была защищена ученым на родном факультете в 1959 году. Десять лет спустя состоялась защита его докторской диссертации по теме «Публицистика и общество: публицистика как тип творчества в связи с особенностями ее функций и предмета», а в 1970-м году Е. П. Прохоров представил собственную версию программы учебного курса «Введение в журналистику» («Основы марксистско-ленинской теории журналистики»).

«Е. П. Прохоров постоянно углублял свои разработки в области публицистики и журналистики»³, а особым признанием его заслуг в деле формирования советской теории журналистики можно считать включение исследователя в состав коллектива авторов третьего издания Большой советской энциклопедии, задуманного, в том числе, с целью популяризации советской науки. При подготовке к публикации

¹ К двадцатилетию кафедры социологии журналистики // Теория и социология СМИ. Ежегодник 2010 / Сост. М. Е. Аникина. Ч. 1. М., 2010. С. 7.

² См.: *Распопова С.* Каждый учитель – чей-то ученик // Журналист. 2016. № 10. URL: <https://jrn1st.ru/content/kazhdyy-uchitel-chey-uchenik>.

³ К двадцатилетию кафедры социологии журналистики. С. 16.

словарной статьи «Журналистика», вошедшей в девятый том (1972)¹, «Е. П. Прохоров не только активно цитировал труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, но и опирался на сложившуюся к тому времени теоретико-методологическую базу советской теории журналистики, а также демонстрировал знакомство с трудами зарубежных исследователей – коммуникативистов»².

Среди тех, чьи труды легли в основу теоретических описаний Е. П. Прохорова, – и *Александр Феодосеевич Бережной*³, первый в СССР доктор наук по специальности «Журналистика», один из ведущих представителей научной школы журналистики Ленинградского государственного университета; и *Георгий Иванович Куницын*⁴, выдающийся советский литературовед и искусствовед, автор оригинальной трактовки ленинского учения о партийности литературы, защитивший по соответствующей теме в 1960 году кандидатскую диссертацию; и *Спартак Иванович Беглов*⁵, известный журналист-международник и один из первых докторов наук в СССР, чья исследовательская деятельность была связана с зарубежной прессой и внешнеполитической пропагандой; и другие представители факультетов журналистики МГУ и ЛГУ⁶.

Спустя год после публикации словарной статьи в БСЭ, Е. П. Прохоров представил свое первое учебное пособие по теории журналистики. Книга, «прошедшая цензуру и выпущенная в свет, кому-то по-

¹ Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 9. М., 1972.

² Хубецова З. Ф. Указ. соч. С. 142.

³ Цитируемый в словарной статье труд: *Бережной А. Ф.* Ленинские принципы советской печати. Л., 1970.

⁴ Цитируемый в словарной статье труд: *Куницын Г. И.* В. И. Ленин о партийности и свободе печати. М., 1971.

⁵ Цитируемый в словарной статье труд: *Беглов С. И.* Монополии слова. М., 1969.

⁶ Так, в библиографии статьи присутствует и первый в СССР справочник, посвященный редакционной работе и полиграфической технике, подготовленный в ЛГУ (*Богданов Н., Вяземский Б.* Справочник журналиста. Л., 1971); и первые учебники по телевидению, подготовленные в МГУ (*Юровский А. Я., Борецкий Р. А.* Основы телевизионной журналистики. М., 1966; *Багиров Э., Кацев И.* Телевидение. XX век. М., 1968); и пересказ существовавших на тот момент в зарубежной науке теоретических концепций журналистики (Современные буржуазные теории журналистики. Сб. статей. Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1967).

казалась сомнительной, и ее распространение было приостановлено»¹, однако идеи, описанные и систематизированные ученым для БСЭ, стали векторами дальнейшего развития советской теории журналистики.

В 1970-е годы в СССР было защищено множество кандидатских и докторских диссертаций, посвященных принципам² и функциям журналистики³, ее общественному предназначению⁴, вопросам сопряженности политики и публицистики⁵, внешнеполитической⁶ и внутриполитической пропаганде⁷.

По воспоминаниям учеников, Е. П. Прохоров остро переживал «времена факультетских “черных полковников”, которые “гнобили” его... за недостаточно восхищенное, “ошибочное” с их жестко сталинских позиций отношение к марксизму-ленинизму»⁸, однако ученому все же удалось преодолеть сопротивление цензуры, и в 1978 году в свет вышло учебно-методическое пособие «Введение в журналистику», рекомендованное для использования в образовательном процессе всех советских вузов, выпускающих дипломированных журналистов.

Учебная и научная дисциплина «Введение в журналистику» («Основы марксистско-ленинской теории журналистики») была позиционирована в пособии как теоретико-методологический фундамент специальных дисциплин, в числе которых – «история, теория и практика партийно-советской печати, телевидения, радиовещания, редакционно-издательского дела и пр.»⁹.

¹ К двадцатилетию кафедры социологии журналистики. С. 16.

² *Круковская Л. М.* Основные принципы советской прессы: дис... канд. филол. наук. М., 1973.

³ *Магай И. П.* Функции советской печати: дис... канд. филол. наук. М., 1973.

⁴ *Прилюк Д. М.* Общественное назначение журналистского произведения: дис... д. филол. наук. М., 1974.

⁵ *Ученова В. В.* Происхождение и развитие публицистики как рода литературно-политической деятельности: дис... д. филол. наук. М., 1974.

⁶ *Шарончикова Л. В.* Эволюция еженедельника «Экспресс» в системе буржуазной пропаганды Франции 1953–1973 гг.: дис... канд. филол. наук. М., 1975.

⁷ *Горчева А. Ю.* Современная газетная полемика как форма партийной пропаганды: дис... канд. филол. наук. М., 1974.

⁸ *Семенов В.* Вот уже год, как нет Евгения Павловича Прохорова // Культура и искусство. URL: http://www.cult-and-art.net/society/3111-vot_uzhe_god_kak_net_evgenija_pavlovicha_prohorova.

⁹ *Прохоров Е. П.* Введение в журналистику: Учеб.-метод. пос. М., 1978. С. 11.

В 1980 году в свет выходит подготовленное коллективом кафедры теории и практики партийно-советской печати факультета журналистики МГУ учебное пособие «Введение в теорию журналистики»¹. Впервые в советской истории в заглавие учебного пособия для журналистов было вынесено понятие «теория журналистики» без указания на ее «марксистские» корни, однако ракурс рассмотрения теоретико-журналистской проблематики не изменился (да и не мог измениться по объективным причинам), как и в трех важнейших работах, опубликованных Е. П. Прохоровым на исходе советской эпохи. Речь идет о его первом персональном учебнике «Введение в журналистику» (1988) и двух хрестоматиях (1986, 1989), собранных ученым в дополнение к учебнику². Комплект из учебника и хрестоматии позволил приблизиться к реализации авторской модели теоретической подготовки будущих журналистов, в которой цель преподавателя – не навязывание догм, а мотивация обучающегося к поиску истины. В одном из интервью, посвященных перспективам развития в России науки о журналистике, ученый отмечал: «я вообще против учебников в университете. Учебник – это то, что надо выучить. В университете должны быть учебные пособия, сборники материалов и т. п., чтобы студенты могли разбираться самостоятельно, формировать свое представление о предмете»³. Сформировать представление о предмете «теория журналистики» студенты журфаков СССР должны были на основе знакомства с политико-публицистическими текстами, нормативно-правовыми и партийными документами, которые Евгений Павлович собирал для хрестоматий около 20 лет. Отметим, что рубрикация текстов в хрестоматиях соответствовала структуре сложившейся накануне распада СССР теории журналистики. Так, в первом томе, вышедшем за два года до появления учебника, было собрано около ста текстов в следующих тематических

¹ Введение в теорию журналистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Журналистика» / Е. П. Прохоров, С. М. Гуревич, А. Х.-Г. Ибрагимов и др. М., 1980.

² Прохоров Е. П. Введение в журналистику: Учеб. М., 1988; Введение в журналистику: Хрестоматия / Сост. Е. П. Прохоров. М., 1986.; Введение в журналистику: Хрестоматия / Сост. Е. П. Прохоров. М., 1989.

³ Устинова О. Наука о журналистике должна иметь четкую структуру // Меди@Альманах. 2004. № 2–3 (6). С. 9.

разделах: *функции журналистики, правовые основы журналистики, принципы журналистики, журналистика как область творческой деятельности, действенность и эффективность журналистики, журналистика как система средств массовой информации, журналисты коммунистической печати, радио, телевидения.*

Второй том, изданный в разгар перестройки, был гораздо скромнее по объему и содержал около 60 текстов, разбитых на пять разделов: *КПСС об идеологической работе в современных условиях, журналистика как форма общественно-политической информационной деятельности, журналистика в классовом обществе, свобода печати и журналистской деятельности, исторические типы журналистики.*

Таким образом, к концу 1980-х годов советская теория журналистики, олицетворением которой стали труды профессора Е. П. Прохорова, охватывала широкий круг вопросов журналистского бытия, актуальных и сегодня. Марксистский ракурс рассмотрения научной проблематики затруднял идентификацию теоретического знания в качестве политического или неполитического. Тем не менее, можно говорить о формировании поля политических исследований журналистики, объектом которых стало политическое измерение массово-информационных процессов в СССР и за рубежом. Зарубежная журналистика и роль журналистики в международных процессах изучалась почти исключительно в политическом контексте (заметим, что сильный политический «акцент» сохранился за исследованиями международных информационных процессов и сегодня); «в работах, посвященных роли СМИ в капиталистическом обществе, анализировались проблемы пропаганды образа жизни в обществе потребления, манипулирования массовым сознанием, политико-идеологического противостояния мировых систем капитализма и социализма, классового характера журналистики... и т. д.»¹.

Теоретический вклад советских ученых, и в частности Е. П. Прохорова, на наш взгляд, до сих пор не оценен отечественной наукой по достоинству. Эпоха перемен, охватившая страну в перестроечное время, требовала решительного отказа от прошлого теоретического

¹ Блохин И. Н. Социологическое и социально-психологическое знание о журналистике // Теория журналистики в России. Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018. С. 109–110.

и методологического наследия, и не все рациональное и ценное, что содержалась в разработках «эпохи развитого социализма», было болезненно воспринято постсоветской наукой. Когда «после рубежных 1989–1991 гг. началась работа над новым учебником»¹ и развернулись дискуссии о новых теоретических основаниях журналистики², Е. П. Прохоров «нервными и интеллектуальными боями ... отбивался от попыток заставить заменить его “устаревшие”, выдержавшие испытания временем основания, на “новые”». Как стало ясно тридцать лет спустя, «многое, очень многое из того “устаревшего” является более чем актуальным и сегодня: гуманизм, опора в социальном развитии на развитие прежде всего интеллектуальных, творческих потенциалов личности и общества, социальное равенство и поддержка тех, кто реально нуждается в помощи. И как много из шумно рекламируемого “нового” оказалось простым шарлатанством, кликушеством, очковтирательством...»³.

В глобальном масштабе России очень повезло обеспечить преемственность научных традиций в исследованиях журналистики по цепочке «дореволюционные – советские – постсоветские». Несмотря на явно тенденциозное отношение к советской теории журналистики, разработанной в системе марксистско-ленинских координат, мы все же не лишились (пока!) своего национального теоретико-методологического фундамента науки о журналистике (в отличие от большого количества постсоветских и постсоциалистических государств, в которых доминирует американизированный подход к изучению сферы массовой коммуникации и наблюдается острая нехватка оригинальных исследований в области теории журналистики)⁴.

Политология журналистики как социальная теория журналистики. Деидеологизация науки о журналистике, начавшаяся в самом начале 1990-х годов, сопровождалась реорганизацией научно-образовательной инфраструктуры. Самые заметные трансформации стали

¹ К двадцатилетию кафедры социологии журналистики. С. 16.

² Некоторые итоги этой дискуссии можно увидеть в коллективном труде кафедры теперь уже социологии журналистики факультета журналистики под руководством Е. Прохорова: Основные понятия теории журналистики: новые подходы к проблеме; под ред. Я. Н. Засурского. М., 1993.

³ Семенов В. Указ. соч.

происходить с кафедрами, ответственными за разработку теоретических аспектов журналистики. По всей стране из оборота были изъяты номинации, указывающие на советское и партийное прошлое и самой журналистики, и науки о ней. Так, в одночасье кафедры теории и практики партийно-советской печати были преобразованы в кафедры социологии журналистики, как, например, на факультетах журналистики МГУ (1990) и СПбГУ (1991). На журфаке МГУ до сих пор любят рассказывать занятную историю о том, как «один из нынешних сотрудников кафедры поступил в аспирантуру в 1989 году и был зачислен по кафедре теории и практики партийно-советской печати. Шли месяцы, сдавались кандидатские минимумы... И вот однажды, вынырнув... на поверхность академической жизни в районе журфака, аспирант вдруг не обнаружил кафедры теории и практики партийно-советской печати. Испугавшись автоматического вослед за ликвидацией кафедры отчисления из аспирантуры, он стал искать “концы”. К его радости, в аспирантуре он остался – но уже в списках другого подразделения факультета. Так счастливый аспирант узнал в 1990 году о создании кафедры социологии журналистики»¹.

В том, что московская кафедра теории была преобразована в кафедру социологии, есть своя логика: теоретический профиль кафедры с середины 1960-х годов был дополнен социологическим, и прикладные социологические исследования к моменту реформ были важным направлением научной работы кафедры^{III}, поэтому после принятия Постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» (1988), реабилитировавшего научный статус социологии, выбор данного исследовательского профиля для главной теоретической кафедры факультета был практически predetermined. Как и то, что руководство кафедрой было возложено на Е. П. Прохорова.

В том, что кафедра социологии появилась и в Петербурге, также есть своя логика. К началу 1990-х годов кафедра теории и практики партийно-советской печати (переименованная в середине 1980-х в кафедру советской печати) была самым крупным структурным подразделением журфака. Здесь работали и специалисты по политической

¹ К двадцатилетию кафедры социологии журналистики. С. 20.

истории отечественной и зарубежной печати, и по журналистскому творчеству, и экономике СМИ, а главное – ученые, разрабатывавшие общетеоретическое и социопсихологическое направления науки о журналистике. В июне 1991 года на базе старой кафедры были открыты две новые. Вопросы *журналистского мастерства* (исследование основ творческой деятельности, типов СМИ и журналистских жанров, публицистики и актуальных проблем журналистики) отошли к кафедре журналистского мастерства, а *общая теория, социологические, психологические, этико-правовые и экономические аспекты* – к кафедре социологии журналистики. С этого времени кафедра социологии журналистики (позднее – кафедра теории журналистики (2005), кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций (2011)) во главе со своим почти бессменным^{IV} руководителем Сергеем Григорьевичем Корконосенко стала не только ведущей теоретической кафедрой Северо-Запада, но и драйвером развития науки о журналистике в России и за ее пределами.

С. Г. Корконосенко, можно сказать, один из лучших образцов системы воспроизводства научных кадров, налаженной к началу 1990-х годов на факультете журналистики ЛГУ (СПбГУ). Выпускник уже факультета, а не отделения журналистики, ученик А. Ф. Бережного – первого декана и ведущего факультетского специалиста по теории и практике партийно-советской печати (на чьи труды, как было сказано выше, опирались исследователи при разработке теоретико-методологических основ науки о журналистике), выпускник аспирантуры факультета журналистики, человек, прошедший научный путь от ассистента до заведующего кафедрой теории и практики партийно-советской (советской) печати.

На момент организации кафедры социологии журналистики С. Г. Корконосенко завершал работу над докторской диссертацией. Тема «Социальные функции прессы в политической жизни современного российского общества» настолько не укладывалась в филологический профиль факультетского диссертационного совета^V, что защита в итоге состоялась в политологическом диссертационном совете филологического факультета СПбГУ (1993).

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в среде журналистского образования была очень популярна тема научной организации жур-

налистского труда – книга под названием «Основы научной организации журналистского труда» вышла в 1987 году из-под пера видного ученого факультета журналистики МГУ, стоявшего у истоков журналистского образования в вузе, профессора С. М. Гуревича. Принципы научной организации труда исследователя и преподавателя журналистики в полной мере были применены С. Г. Корконосенко в процессе руководства новой кафедрой. Научная работа шла планомерно, кафедра разрабатывала новые исследовательские направления, вводила в учебный оборот новые дисциплины, открывала новые профили и образовательные программы.

В 1990-х годах в истории кафедры произошли два важных события: во-первых, вышло в свет первое издание учебного пособия «Основы теории журналистики» (1995)¹, которое впоследствии было переработано С. Г. Корконосенко до уровня учебника (2001), многократно переиздавалось и используется по всей стране как одна из главных альтернатив учебнику по теории журналистики Е. П. Прохорова; во-вторых, было издано (1998) коллективное учебное пособие «Социология журналистики: Очерки методологии и практики» (под ред. С. Г. Корконосенко), позже переизданное уже в статусе учебника по дисциплине «Социология журналистики».

Подготовка учебной литературы стала стимулом для перевода абстрактных дискуссий о новых теоретико-методологических основаниях науки о журналистике (надо отметить, что журфак СПбГУ активно включился в эти всероссийские дискуссии²) в формат научных описаний. Таким образом, в конце 1990-х – начале 2000-х годов Петербургская школа журналистики в лице С. Г. Корконосенко представила свой взгляд на структуру научного знания о журналистике, существенно отличавшийся от взглядов представителей Московской школы. Еще с 1981 года, с момента публикации первой в СССР книги по социологии журналистики, Е. П. Прохоров популяризировал идею о триединстве теории, истории и социологии журналистики в структуре научного знания о ней. С созданием кафедры социологии журналистики Е. П. Про-

¹ Корконосенко С. Г. Основы теории журналистики: Учеб. пос. СПб., 1995.

² См.: Корконосенко С. Г. Динамика теории журналистики в современной России // Факультет журналистики: Первые 50 лет. Статьи, очерки / Отв. ред., сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 1996. С. 58–76.

хоров продолжил разрабатывать теоретические вопросы, признаваясь в одном из интервью, что «правильней было бы назвать наше подразделение кафедрой теории и социологии журналистики»¹. В 2004 году конфигурация науки о журналистике была описана ученым уже следующим образом: «Наука о журналистике имеет четкую структуру: есть законы о журналистике (теория), есть ее процесс развития (история), есть ее современное состояние (социология, в узком смысле слова). Других наук о журналистике нет. Все остальные входят в одну из этих трех составляющих науки о журналистике, в зависимости от того, чем занимается исследователь в каждом конкретном случае»².

В «Социологии журналистики» 1998 г. С. Г. Корконосенко представил свое альтернативное видение структуры науки о журналистике: «Мы будем исходить из разделения науки о журналистике на историю (воссоздание прошедших событий в их конкретности и многообразии), теорию (производство идей, взглядов, концепций) и критику (анализ и оценка текущей практики) – по аналогии с литературоведением, искусствоведением и другими науками о духовно-творческой деятельности». Основной объект исследования – социологию журналистики – ученый отнес «к классу теоретических дисциплин, поскольку главным своим содержанием ... (социология журналистики – З. Х.) обращена к научному пониманию современных процессов и прогнозированию перспектив развития СМИ в обществе. Она соседствует с рядом других подходов к актуальной практике СМИ, каждый из которых отличается не только особым предметом анализа, но и происхождением, генетическими связями с теми или иными областями гуманитарного познания»³.

В дальнейшем идея определения научного статуса тематически разнородных направлений теории журналистики, которые (также как и социология журналистики) имеют особый – социогуманитарный – взгляд на предмет анализа, была доработана С. Г. Корконосенко. Так родилась концепция *социальных теорий журналистики*, которые позволяют увидеть «взаимосвязи прессы с обществом, взятым во всем

¹ Устинова О. Указ соч. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Социология журналистики. Очерки теории и методологии. Ред. С. Г. Корконосенко. М., 1998. С. 32.

богатстве его измерений и аспектов изучения... [с помощью которых] устанавливается тесная кооперация науки о печати с классическими дисциплинами обществоведения»¹.

Непосредственным свидетелем научных поисков кафедры тех лет стал автор данных строк, который в статусе аспиранта (1997–2001) выполнял под руководством проф. С. Г. Корконосенко кандидатскую диссертацию. Новые идеи рождались в спорах, часто академическое сообщество реагировало на новаторство неприятием и критикой, теоретические понятия и подходы уточнялись и дополнялись не один год.

В этой связи запомнился эпизод, который произошел незадолго до моей защиты и перехода на другую кафедру.

В сентябре 2001 года кафедра готовилась к проведению очередного заседания своего традиционного (проводимого с 1994 года) научно-практического семинара «Журналистика и социология». На заседании кафедры по вопросу определения тематики семинара выступил С. Г. Корконосенко – на коллегам по кафедре он апробировал потенциальную реакцию научного сообщества на идею позиционирования в структуре научного знания о журналистике блока социальных теорий журналистики – социологии журналистики, психологии журналистики, права и этики СМИ, культурологии, а главное – *политологии журналистики*. Запланированный на декабрь 2001 года семинар «Журналистика и социология» решено было посвятить репрезентации и обоснованию научного статуса политологии журналистики. В материалах по итогам семинара² российскому академическому сообществу и была впервые представлена *идея развития политологии журналистики как теории среднего уровня (социальной теории журналистики)*, сосредоточенной исключительно на политических аспектах журналистского бытия.

2001 год стал важной вехой развития не только факультета журналистики СПбГУ, но и отечественной политической теории журналистики в целом.

Выше мы уже упоминали о том, что в ЛГУ (СПбГУ) исследовательские работы с явно выраженным политическим профилем не могли

¹ Социология журналистики. Учеб. пос. для студентов вузов / Под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2004.

² Журналистика и социология'2001: политология журналистики: материалы науч.-практ. семинара, 6 дек. 2001 г. Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2002.

быть защищены в факультетском филологическом диссертационном совете. Поэтому многие защиты проходили в советах, присваивавших степени по историческим (реже – философским) наукам. В частности, в 1970-е годы в МГУ, а в 1980-е уже и в ЛГУ, существовали диссертационные советы с шифром специальности 07.00.10 – история науки и техники, история журналистики, присваивавшие ученые степени в области исторических наук.

В начале 1980-х годов к тем, кто выполнял работы политологического профиля по истории, теории и практике журналистики, добавилось заметное количество ученых, специализировавшихся на изучении зарубежной журналистики. Направление стало настолько значимым, что в 1981 году была создана кафедра зарубежной журналистики, а позже на ее базе создано отделение международной журналистики для обучения студентов-иностранцев (1985). Традиции доминирования политического взгляда на зарубежную журналистику были заложены еще в первые годы обретения факультетом журналистики самостоятельности – в 1962–1963 учебном году студенты впервые получили возможность прослушать лекции по курсу «История зарубежной коммунистической и рабочей печати», разработанному Валентином Сергеевичем Соколовым – человеком, сделавшим очень многое для обособления на факультете поля исследований зарубежной журналистики. Выпускник (1956) и аспирант (1959–1962) кафедры истории отделения/факультета журналистики, проходивший стажировку во Франции (1961–1962) и защитивший в кандидатскую диссертацию по теме «Печать Народного фронта и прогрессивная французская литература» (1966), а позже – докторскую по близкой тематике¹, Валентин Соколов был одним из ведущих сотрудников кафедры теории и практики партийно-советской печати и одним из первых руководителей кафедры зарубежной журналистики (с 1985 по 1987 – в статусе исполняющего обязанности, с 1989 по 1995 – в статусе избранного по конкурсу заведующего кафедрой). Им был разработан комплекс базовых для кафедры учебных дисциплин, часть из которых входит в учебные планы обучения студентов СПбГУ и сегодня: это и лекционные курсы «История зарубежной журналисти-

¹ Соколов В. С. Общественно-литературная борьба во Франции в период IV Республики. («Толстые» журналы: литература, идеология, политика): дис. ... д. филол. наук. Л., 1983.

ки», «Современная зарубежная журналистика», и спецкурс «Печать Франции», и спецсеминар «Современная прогрессивная журналистика Англии, США и Франции»; также В. С. Соколов руководил творческой студией «Вопросы войны и мира в современной журналистике».

Самые талантливые ученики В. С. Соколова (С. А. Михайлов и П. Я. Рыкованов) и А. Ф. Бережного (С. М. Виноградова^{VI}) не только продолжили традиции политического прочтения журналистики зарубежных стран в составе педагогического коллектива кафедры зарубежной журналистики, но и открыли этим исследованиям новые перспективы. В частности, С. М. Виноградова, сменившая В. С. Соколова на посту заведующего кафедрой (1995), стала одним из российских лидеров по изучению журналистики стран Африки и Ближнего Востока и проблем международного информационного обмена. При ее непосредственном участии и под ее руководством на базе факультета журналистики, а позже – факультета международных отношений, – сформировалось молодое поколение российских и зарубежных исследователей социально-политических и этнокультурных аспектов деятельности отечественной и зарубежной журналистики.

К началу 2000-х годов в СПбГУ (да и по всей России) удельный вес политических исследований журналистики стал настолько внушительным, а защиты в «неродных» политологических диссертационных советах настолько трудоемкими, что решение этой проблемы стало одной из главных задач руководства факультета.

И вот в сентябре 2001 года в СПбГУ начал свою работу один из первых в России диссертационных советов по научной специальности 10.01.10 – журналистика с присвоением ученых степеней доктора и кандидата филологических и политических наук. Открытие совета с политологическим профилем стало не только спасением для диссертантов (как и для автора данных строк, у которого отпала необходимость в поиске подходящего совета за пределами журфака) и признанием за отраслью политических исследований журналистики в России права на состоятельность и самостоятельность. Это стало, в первую очередь, подтверждением того, что в Санкт-Петербургском государственном университете сложилась *научная школа политологического исследования журналистики*, обеспеченная кадрами высшей квалификации и развивающаяся в рамках устойчивых проблемно-тематиче-

ских направлений. Профиль политических наук в новом диссертационном совете представляли восемь ведущих ученых факультета, четверо из которых состояли (когда-либо) в штате кафедры социологии журналистики и специализировались на изучении конкретных аспектов политической деятельности журналистики: заведующий кафедрой С. Г. Корконосенко (*отечественная журналистика в политических процессах*), профессора С. М. Виноградова (*зарубежная журналистика в политических процессах, журналистика в этнополитических процессах*), В. А. Сидоров^{VII} (*политическая культура журналиста*), Г. С. Мельник^{VIII} (*социально-психологические и политические аспекты функционирования журналистики*). Наряду с другими членами диссертационного совета (в частности, заведующим кафедрой зарубежной (с октября 2001 года – международной) журналистики А. С. Пую и профессором той же кафедры Н. С. Лабушем, присоединившимися к ним позже заведующей кафедрой связей с общественностью в политике В. А. Ачкасовой и заведующим кафедрой связей с общественностью в бизнесе Д. П. Гаврой) ученые стали самыми востребованными научными руководителями для диссертантов факультета журналистики с научными интересами в области политической журналистики (и не только журфака СПбГУ).

Таким образом, открытие в России диссертационных советов по научной специальности «Журналистика» с присвоением степеней по политическим наукам^{IX} стало важным фактором институционализации той части науки о журналистике (ее политологической составляющей), которую С. Г. Корконосенко назвал *критикой*. Развитию собственно *теоретического компонента* политического поля журналистики и внедрению полученных знаний в педагогический процесс исследовательский коллектив кафедры под руководством С. Г. Корконосенко посвятил все последующие годы.

Так, в 2004 году политология журналистики как научное направление и учебная дисциплина была представлена российскому академическому сообществу на страницах монографического сборника научных статей «Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия»¹.

¹ Журналистика в мире политики: исслед. подходы и практика участия / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2004.

В 2005 году традиционный кафедральный семинар «Журналистика и социология» сменил свой формат – он стал проводиться под эгидой научной конференции Санкт-Петербургского Философского общества и СПбГУ «Дни Петербургской философии» (позже – Всероссийского научного форума с международным участием «Дни философии в Петербурге»): в 2005–2011 годах мероприятие проводилось в формате секции «Журналистика в мире политики», в 2012 году в связи с расширением круга обсуждаемых проблем секция сменила свое название на «Журналистика XXI века». В 2013–2015 годах программное мероприятие было заявлено как семинар в рамках философского форума, а последние пять лет «Журналистика XXI века» проводится в формате двухдневной международной научно-практической конференции кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.

В 2017 году кафедра заявила еще одно свое крупное научное мероприятие по политико-журналистской проблематике – панельную дискуссию «Политические стратегии и политическая журналистика» на Международной научно-практической конференции Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций «Стратегические коммуникации в бизнесе и политике» (проводится раз в два года). Кафедральные научные мероприятия стали дискуссионной площадкой не только для исследователей политической журналистики и политической коммуникации из разных подразделений СПбГУ (традиционно большой интерес к теме политики и журналистики проявляют философы и политологи), но и ученых практически из всех российских вузов, в которых ведется изучение данной проблематики.

С середины 2000-х годов шло интенсивное развитие системы узкоспециализированной политологической подготовки журналистов: разрабатывались учебные курсы политологического профиля, появилась группа специализации в области политической журналистики на заочном отделении, а после выпуска последнего курса заочников (2015) обучение продолжилось в рамках магистерской программы «Политическая журналистика». Первый набор на эту программу состоялся в 2010–2011 учебном году^x, а уже в 2015-м в свет вышли коллективный учебник «Политическая журналистика» под общей редакцией С. Г. Корконосенко¹ и сборник аннотированных рабочих программ

¹ Политическая журналистика: учебник. Ред. С. Г. Корконосенко. М., 2015.

учебных дисциплин магистерского профиля «Политическая журналистика»¹.

Тематика читаемых курсов, а также преподавательский состав, обеспечивающий обучение по магистерской программе в прошедшем 2019–2020 учебном году, дают представление о *направлениях развития* Петербургской научно-образовательной школы политической журналистики и о том, *чьими усилиями* развивается в СПбГУ политическая теория журналистики.

Политическая журналистика (политология журналистики) как теоретическое ядро исследовательского направления закреплена за руководителем программы В. А. Сидоровым. Кроме того, Виктор Александрович продолжает разрабатывать тему *политической культуры журналиста и вопросы политической пропаганды как коммуникативной деятельности*.

Нормативное регулирование политической журналистики и политической коммуникации в целом составляет предмет исследования и преподавания С. Г. Корконосенко.

Произведение политической журналистики, методы анализа политической коммуникации и этнополитическая проблематика в СМИ – это сферы интересов И. Н. Блохина^{XI} и отражение уровня его научной квалификации.

Язык политической коммуникации и речевые аспекты политической журналистики – это исследовательское направление С. И. Сметаниной^{XII}.

Психология политической коммуникации – это тематический приоритет группы преподавателей кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций, специализирующихся на исследовании и преподавании психологии журналистики: Н. Л. Волковского^{XIII}, А. Н. Гришаниной^{XIV} и С. В. Курушкина^{XV}.

Теория и практика политической коммуникации в России и партийная журналистика – тематическая специализация автора данных строк^{XVI}.

Политический контекст журналистской деятельности продолжают исследовать и преподавать и сотрудники других кафедр: объект

¹ Программа магистерского образования по профилю Политическая журналистика. СПб., 2015.

внимания преподавателей кафедры международной журналистики – *политическая журналистика за рубежом* (кандидаты политических наук, доценты кафедры А. Ю. Быков, Ю. В. Курьшева^{XVII} и др.), *экстремальный политический процесс и роль журналистики в конфликтах* (Н. С. Лабуш); в сферу внимания преподавателей кафедры цифровых медиакоммуникаций входит *журналистика в политических технологиях* (Г. С. Мельник), *практика политической журналистики* (Е. А. Королев), отдельные аспекты и этапы *политической истории российских СМИ* изучают почти все преподаватели кафедры истории журналистики.

К началу 2010-х годов, когда оперативные задачи (презентация и обоснование учебной и научной дисциплины «Политология журналистики»; создание научной площадки для консолидации сообщества ученых, интересующихся политической журналистикой; развитие системы узкоспециализированной журналистской подготовки и ее обеспечение учебной и учебно-методической литературой и научно-педагогическими кадрами высшей квалификации) были решены, появилась потребность в выходе на принципиально новый – фундаментальный – уровень разработки политической теории журналистики.

Первым шагом к этому стала реализация в 2013–2014 годах под руководством С. Г. Корконосенко проекта НИР из внебюджетных средств СПбГУ «Политическая журналистика в современной России: комплексный подход». Итогом этого проекта стал упоминавшийся выше учебник для вузов «Политическая журналистика». И хотя опубликованный текст по глубине анализа и сложности рассматриваемых тем вполне может претендовать на фундаментальность, учебный статус издания не позволял ввести изложенные в нем идеи в широкий (собственно научный) оборот. Кроме того, необходимо было найти фундаментальное решение и для задач более высокого уровня: обоснования предложенных С. Г. Корконосенко подходов к решению проблемы *структурирования науки о журналистике, определения дисциплинарного статуса теории журналистики и места социальных теорий журналистики* в теоретическом поле журналистики. Поэтому следующие несколько лет исследовательский коллектив (межвузовский и межкафедральный по своему составу) во главе с С. Г. Корконосенко посвятил разработке инициативной темы НИР

«Теории журналистики в России: генезис, современное состояние, направления развития».

Итогом этой работы стали две монографии, в которых социальные теории журналистики были концептуально осмыслены и представлены в своей *ретроспективе* (Теории журналистики в России: зарождение и развитие, 2014¹) и *перспективе* (Теория журналистики в России, 2018²). В строгом соответствии с концепцией о триединстве истории, теории и критики в научном знании о журналистике Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций и представила свое видение отрасли российской науки, которая пока еще соответствует научной специальности 10.01.10 – журналистика (филологические и политические науки), но в скором времени может быть изъята из номенклатуры специальностей научных работников. Автору данных строк, который в проекте НИР «Теории журналистики в России: генезис, современное состояние, направления развития» и в монографиях представлял политико-журналистское теоретическое поле, очень хочется надеяться, что отечественные традиции исследования и преподавания журналистики в целом и политической журналистики в частности не будут прерваны из бюрократических соображений или в результате очередной научной революции. И исследовательский коллектив под руководством С. Г. Корконосенко еще сможет выполнить социальный заказ на разработку «темных пятен» отечественной науки о журналистике, сформулированный, например, в рецензии представителя Московской научно-образовательной школы журналистики доктора филологических наук профессора И. А. Панкеева на монографию «Теория журналистики в России» (2018): «сожалению, в монографии не уделено внимание правовым и этическим аспектам журналистики... Не исключено, что это будет сделано в одной из следующих книг серии, так как... Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций ... работает над

¹ Теории журналистики в России: зарождение и развитие / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014. Монография была отмечена Дипломом I степени на Международном конкурсе медиаисследований «НАММИ-2014».

² Теория журналистики в России / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018. Работа стала первой монографией из серии «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций», учрежденной в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ.

подготовкой монографий по таким направлениям, как “Общая теория и социальная теория журналистики”, “Статус и поведение личности в массовой коммуникации” ... и др.»¹.

Пока концепция монографии, посвященной общей теории журналистики, находится в стадии разработки, исследовательский коллектив кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ и его партнеры из разных вузов страны сосредоточили свои усилия на *систематизации знаний о тех, чьими силами в России развивается научно-педагогическая отрасль журналистики*. Итогом реализации инициативного проекта НИР СПбГУ «Научно-педагогические школы журналистики в России» (2019–2021), выполняемого под руководством С. Г. Корконосенко, должны стать: методики качественно-количественного анализа научно-педагогических школ журналистики в России; классификационно-типологическая модель школ в России и в мире; история формирования отечественных научно-педагогических школ журналистики и серия профессионально-творческих портретов выдающихся представителей отечественных научно-педагогических школ журналистики. Нацеленностью на получение этих результатов во многом и обусловлены содержание и структура данного сборника, приуроченного к 70-летию профессора Сергея Григорьевича Корконосенко. А еще это отличная возможность вспомнить всех, кто является «лицом» Петербургской научно-педагогической школы политической журналистики, частью которой автору посчастливилось стать.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Залина Фёдоровна Хубецова, кандидат политических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

¹ *Панкеев И. А.* Российская журналистика «не становится научной дисциплиной, а является таковой...» (Рецензия на книгу: Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко [Сер.: Петербургская школа журналистики и МК]. СПб: Алетей, 2018.) // МедиаАльманах. 2019. № 6. С. 128–133.

Примечания

I Первым статус факультета получило отделение журналистики МГУ (1952), затем отделение журналистики Киевского университета (1953), Львовского университета (1954), Уральского университета (1960), Ленинградского университета (1961).

II Об отсутствии оригинальных исследований в странах ЕЭС, в частности, в Польше неоднократно заявлял давний научный партнер СПбГУ, ныне покойный профессор Силезского университета Мариан Геруля.

III К началу 1990-х годов за сотрудниками кафедры и социологической лаборатории при ней закрепились следующие тематические специализации: И. Д. Фомичева – изучение аудитории и контента СМИ; А. А. Ширяева и Л. Г. Свитич – личность журналиста, его профессиональное сознание, журналистское образование; А. И. Верховская – общественные связи СМИ; Т. В. Шумилина – методы сбора информации.

IV В почти тридцатилетней истории кафедры у С. Г. Корконосенко лишь однажды возникла трехлетняя пауза, в течение которой он не был связан трудовыми отношениями с факультетом журналистики (Высшей школой журналистики и массовых коммуникаций) СПбГУ.

V Докторский диссертационный совет был открыт в ЛГУ в 1974 г.

VI Светлана Михайловна Виноградова – такой же прекрасный плод факультетской системы воспроизводства кадров высшей квалификации, как и С. Г. Корконосенко. Выпускница факультета (1972), С. М. Виноградова была принята в качестве ассистента на кафедру теории и практики партийно-советской печати сразу после окончания аспирантуры (1975). В 1977 году она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Районная печать: исторический и современный опыт организации работы (По материалам Ленинградской области)» (в том же диссертационном совете, что и С. Г. Корконосенко), а в 1981 году, когда была создана кафедра зарубежной журналистики, перешла туда. С. М. Виноградова прошла научный путь от ассистента до доцента по кафедре, а после защиты диссертации по теме «Западные теории журналистики в контексте социально-политического развития африканского общества» на соискание ученой степени доктора политических наук (1993) до профессора и заведующего кафедрой (1995–1997). Небольшой период времени (1997–2000) С. М. Виноградова работала на кафедре социологии журналистики в должности профессора и участвовала в становлении социологического направления науки о журналистике, а с 2000 года, после перехода на факультет международных отношений СПбГУ и избрания на пост заведующего кафедрой теории и истории международных отношений (2001) вплоть до самой смерти (2019) осуществляла научное руководство диссертационными работами по широкому спектру тем, связанных с международной политикой и информационным обменом.

VII Виктор Александрович Сидоров – выпускник заочного отделения факультета журналистики ЛГУ (1977) и один из немногих профессоров факультета, кто пришел в науку с солидным опытом практической работы, полученным за годы работы на Ленинградском радио. Становление его научной карьеры началось не в стенах ЛГУ, как у большинства преподавателей, а в Ленинградской высшей партийной школе, куда он был приглашен в качестве преподавателя кафедры средств массовой информации в 1987 году. Обе его диссертации – и кандидатская по теме «Воздействие массовой коммуникации на духовную культуру старшеклассников (опыт историко-социологического анализа современного радиовещания)» (1992), защищенная по специальности «Политическая культура и идеология» (социологические науки), и докторская по теме «Политическая культура средств массовой информации» (1995), защищенная по специальности «Социальная философия» (философские науки), были выполнены на базе данного учебно-научного центра. (Примечательно, что руководителем его кандидатской стал заведующий кафедрой СМИ Академии общественных наук (1987–1992), известный журналист-практик Александр Георгиевич Менделеев). После получения ученой степени доктора наук В. А. Сидоров был принят на кафедру социологии журналистики СПбГУ в качестве совместителя, а в 1999 году вошел в штат. В настоящее время является профессором кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.

VIII Галина Сергеевна Мельник пришла на журфак ЛГУ в 1979 году. В 1981-м она была принята в качестве ассистента на кафедру теории и практики партийно-советской печати. В 1983 году под руководством А. Ф. Бережного защитила кандидатскую диссертацию по теме «Правовая пропаганда в газете: социально-психологический аспект» (по специальности 07.00.10 – история науки и техники, история журналистики); работала в должности доцента по данной кафедре вплоть до ее трансформации. В год открытия кафедры социологии журналистики Г. С. Мельник перешла туда и активно участвовала в становлении научных направлений кафедры и разработке новых учебных курсов. Ею были разработаны программы курсов «Психология журналистики», «Актуальные проблемы современной науки и журналистика», «Право и этика СМИ» «Информационная культура журналиста». После защиты докторской диссертации «Массовая коммуникация как фактор политического влияния» (1998) и перехода на кафедру периодической печати (ныне – цифровых медиакommunikаций) продолжила разработку политических и социопсихологических аспектов журналистской деятельности, а также теоретических и методологических основ журналистского творчества.

IX Наряду с СПбГУ советы с политологическим профилем были открыты в Уральском государственном университете и в Российской академии государственной службы при президенте РФ.

X Так как программа была заявлена двумя кафедрами (теории журналистики и международной журналистики), научное руководство осуществляли

представляли представители обеих – В. А. Сидоров и Н. С. Лабуш соответственно. На момент написания данных строк программа реализуется под руководством В. А. Сидорова.

XI Игорь Николаевич Блохин был принят в штат СПбГУ в 1994 году в качестве старшего научного сотрудника Лаборатории функционирования СМИ, которая была организована вскоре после создания кафедры социологии журналистики. В 1997 году защитил в РГПУ им. А. И. Герцена диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук и стал штатным сотрудником кафедры социологии журналистики. В 2009 году им была защищена докторская диссертация по теме «Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ» (научный консультант – С. Г. Корконосенко). В настоящее время И. Н. Блохин работает в должности профессора кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций и является одним из ведущих российских специалистов по изучению этнополитической роли журналистики.

XII Светлана Ивановна Сметанина – выпускница аспирантуры факультета журналистики ЛГУ (1980), защитила в факультетском диссертационном совете кандидатскую диссертацию по теме «Функционально-типологический анализ способов наименования лиц и фактов в структуре публицистического текста: статья и очерк на международные темы в центральных газетах 70-х годов» (1982). В штате СПбГУ – с 1994 года (до 2005 года преподавала на кафедре теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации, в настоящее время – профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций). В 2002 году защитила докторскую диссертацию по теме «Динамические процессы в языке и стиле в журналистике конца XX века». Является одним из крупнейших российских специалистов по изучению медиатекста в контексте современной культуры и в области лингвистической экспертизы конфликтных текстов. В настоящее время работает в должности профессора кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.

XIII Николай Лукьянович Волковский – выпускник Львовского высшего военно-политического училища (1972), кадровый военный, практик военной печати, прошедший путь от военного корреспондента до редактора ряда военных газет Ленинградского военного округа. В 1989 году защитил в диссертационном совете ЛГУ кандидатскую диссертацию по теме «Печать и строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (исторические науки). В штате СПбГУ – с 1997 года (до 2004 года преподавал на кафедре истории журналистики факультета журналистики, затем перешел на кафедру теории журналистики, откуда в июне 2019 года ушел на пенсию). В 2003 году Н. Л. Волковский защитил докторскую диссертацию по теме «Журналистика в информационных войнах: исторические истоки и современные тенденции» (филологические науки) и стал ведущим российским исследователем в области информационных войн, журналистики «горячих» точек. Являлся руково-

директором магистерской программы «Психология журналистики» и разработчиком ряда учебных курсов психологического профиля.

XIV Анастасия Николаевна Гришанина – выпускница двух факультетов ЛГУ (СПбГУ) – журналистики (1988) и психологии (1993). В штате СПбГУ – с 2004 года (была принята на должность старшего преподавателя кафедры общественных связей и рекламы, с 2006 – преподаватель, а затем доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций). Защитила кандидатскую диссертацию по филологическим наукам по теме «Психологизм как методологический компонент журналистского творчества (на примере современных журналов)» (2005), научный руководитель – Г. С. Мельник. Является разработчиком ряда курсов психологической направленности и специалистом в области психолого-лингвистической экспертизы конфликтных политических текстов. В настоящее время работает в должности доцента кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.

XV Сергей Васильевич Курушкин – выпускник магистратуры СПбГУ (программа «Социология журналистики», 2012), который еще во время учебы проявлял интерес к научной работе кафедры теории журналистики, был включен в исследовательский проект «Разработка теории и практики функционирования массмедиа российского мегаполиса» и стал соавтором одного из разделов коллективной монографии «Сетевые СМИ российского мегаполиса» (2011). В 2017 году им была защищена кандидатская диссертация по теме «Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ (на материалах интернет-СМИ России)» (политические науки, научный руководитель – В. А. Сидоров). В 2019 году принят на кафедру теории журналистики и массовых коммуникаций на ставку старшего преподавателя с преподаванием дисциплин «Политическая сетевая коммуникация», «Психология журналистики», «Психология политической коммуникации».

XVI После защиты кандидатской диссертации по политическим наукам в только что открывшемся диссертационном совете (2001) была принята на кафедру теории коммуникации. В 2010 году перешла на кафедру теории журналистики и продолжила разработку политико-коммуникативной и политико-журналистской проблематики. В настоящее время работает в должности доцента кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций.

XVII Ю. В. Курышева разрабатывала тематический блок по зарубежной журналистике в первой версии рабочей программы учебной дисциплины «Политическая журналистика (политология журналистики)».

Петербургская школа социологии журналистики: источники, этапы, направления исследований

Источники российской социологии журналистики. Приступая к описанию любой сферы деятельности или, как в данном случае, научного направления всегда есть соблазн отодвинуть как можно дальше в прошлое его истоки. Хочется надеяться, что социология журналистики в комплексе дисциплин является исключением, поскольку свойство социальности изначально заложено в природу профессии и наличествует как сущностное ее свойство. Изучение журналистики как социального феномена развивалось в зависимости от изменения самого исследуемого объекта, структурного усложнения науки об обществе, влияния философских и методологических подходов, доминировавших в науке в ту или иную эпоху. Социология журналистики как научная дисциплина вызревала более двух столетий, начиная с того времени, когда было обнародовано первое сочинение о журналистике как общественной деятельности – работа М. В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» (1755 год).

В XIX в. журналистика обрела свойства профессиональной деятельности и стала объектом внимания различных научных дисциплин со свойственными им предметными подходами (нормативными, лингвистическими, психологическими, философско-политическими и др.), включая и социологические¹. В этот же период шло оформление социологии как науки под влиянием процессов усложнения социальной структуры, позитивистских представлений о познаваемости законов общественного развития, потребностей внедрения в социальное управление научных принципов. На журналистике данные факторы отразились непосредственно через дифференциацию аудиторий массовой и специализированной прессы, мировоззренческий раскол на материалистический и идеалистический лагеря, обретение и присвоение функций социальной организации.

¹ *Блохин И. Н.* Социологические теории журналистики // Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014. С. 155–190.

В XIX веке ярко выявилась специфика отечественной школы исследования журналистики, доминантой которой стало **нормативное** направление. Фундаментом нормативности является тезис долженствования, исходя из которого, вырабатывалась система представлений о том, какой должна быть журналистика и какой она быть не должна. В русской общественной мысли (Н. А. Бердяев, И. В. Киреевский, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров и др.) были сформулированы принципы партийности (принадлежности к «лагерю») и беспристрастности журналистов, подвергались анализу способы воздействия на массовую публику с целью формирования общественного мнения, подвергалась критике безответственность, поверхностность суждений и невежество. Было выявлено «противоречие между просветительской миссией журналистики и ее зависимостью от эпатажного содержания периодических изданий, воздействующего на массовую публику и определяющего рыночный спрос»¹. В социологическом аспекте нормативности в отношении журналистики выделяется ее интерпретация как формы социальной практики, которая поддерживается с помощью норм и посредством которой обеспечивается устойчивость социальных отношений.

Помимо нормативного направления в социологической оценке журналистики XIX – 1-й половины XX веков формируется **структурно-типологический (стратификационный)** способ ее анализа (в классической социологии его аналогом выступает социальная статика). В рамках такого подхода описывались аудиторные группы периодических изданий, типы авторов и героев журналистских произведений, сама журналистика представала как развитая организационная структура (Б. Н. Чичерин, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др.)².

Социальная динамика была представлена **функциональным** анализом журналистики как формы и сущности функций-отноше-

¹ Блохин И. Н. Формирование основ теории журналистики в русской философии XIX – начала XX века: нормативно-этическое направление // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 1. С. 104.

² Блохин И. Н. Становление традиции социологического анализа в отечественной теории журналистики (XIX – 1-я половина XX вв.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. Т. 2. Философия. С. 78–87.

ний (Д. И. Писарев, П. Л. Лавров, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин и др.). В отечественной общественной мысли было выработано системное представление о функциях журналистики во взаимосвязи со способом воздействия на общественное сознание. «Первую группу составили информативные и просветительские функции, состоявшие в сообщении публике фактов, формировании на их основе близкого к научной форме знания, побуждении к размышлению и, как результат, создании компетентных аудиторий. Во вторую группу вошли функции критики и пропаганды как способов внедрения в сознание оценочных суждений, формирования систем отношений, идеологий и мировоззрений. Третья группа была представлена функциями, побуждавшими к действию – агитацией и социальной организацией»¹.

На рубеже XIX–XX веков отечественная наука также абсорбировала и адаптировала разнородные направления, основу которых составляли уже не позитивистские установки, а интерпретативные практики. В области социальных наук критика позитивизма заключалась в том, что многообразие общественных отношений не укладывается в умозрительные теоретические схемы, а субъективные социальные действия не поддаются объективированному анализу. **Интерпретивистские направления** были едины в использовании герменевтической методологии и переносе акцента исследований с действующего субъекта на сами социальные и коммуникативные действия и процессы. Неслучайно, что объектом анализа для интерпретивистов стали процессы коммуникации и образуемые ими аморфные поля и сферы. Однако, в отличие от западной социологической традиции, подобные направления (феноменология, структурализм, интеракционизм) не рассматриваются российскими историками науки в качестве ее теоретических источников. Игнорирование интерпретивистского направления, ложная скромность в оценке богатства и разнообразия собственного научного национально-культурного базиса, привели к тому, что наследие данных школ относится к источникам социальной философии, психологии, лингвистики, культурологии, но никак ни социологии.

¹ Блохин И. Н. Способы анализа среды бытования журналистики // Век информации. 2019. Т. 7. № 1. Журналистика XXI века: среда обитания: матер. междунар. научно-практической конференции, 2–3 ноября 2018 г. / ред.-сост. С. Г. Корконосенко, А. Н. Гришанина; отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2019. С. 29.

Непосредственную опасность такое игнорирование представляет для социологии журналистики, дисциплинарно сформировавшейся в русле теории журналистики, но зачастую, неоправданно относимую к социологическим теориям «среднего уровня». Для социологии журналистики представляется естественным обращение к идеям Г. Г. Шпета, П. А. Флоренского, Р. О. Якобсона, Ю. М. Лотмана и др., на основе которых были разработаны теории коммуникативных полей, концепции картины мира, техносферы, семиосферы и т. д., широко используемые в исследованиях журналистики. Особое место в системе интерпретивистских теорий занимает интеракционизм, чья судьба в отечественной науке непосредственно связана с театроведением, с наследием К. С. Станиславского, Н. Н. Евреинова, П. М. Ершова¹, чьи идеи оказали влияние на теорию шоу-цивилизации, ролевую концепцию, исследования телевизионной и радиожурналистики, документалистики и сетевых коммуникаций.

Значительную роль в самоопределении социологии журналистики сыграли **эмпирические исследования**. Начиная с формирования профессиональных редакционных коллективов в XIX веке, социология и журналистика шли параллельным путем систематизации своих эмпирических методов. Социологи изучали феномен общественного мнения, а журналисты вырабатывали способы эффективного воздействия на него; социологи исследовали социальную структуру, а журналисты искали рыночные ниши удовлетворения информационных интересов различных типов аудиторий; социологи разрабатывали и верифицировали методики, а журналисты апробировали их в своей работе. В 1920-е годы берет свое начало социологическое изучение журналистов и редакционных коллективов с позиций экономической социологии (в частности, социологии труда) с целями определения профессиональных характеристик и улучшения кадрового состава работников редакций².

¹ *Блохин И. Н.* Отечественное театроведение в системе источников теории журналистики // Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 415-416.

² *Свитич Л. Г.* Журналисты двадцатых годов (из истории социологических исследований) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1973. № 6. С. 42–55.

Таким образом, к середине XX века сложились все предпосылки для формирования социологии журналистики как отдельного исследовательского направления в рамках теоретико-журналистской научной школы. К источникам дисциплины отнесем, во-первых, *нормативное направление*, в рамках которого формировался подход к анализу журналистики во взаимосвязи с ее общественным долгом, социальными требованиями и ожиданиями. Во-вторых, собственно *социологическое направление* с выделением *социально-статического (стратификационного)* и *социально-динамического (функционального)* видов анализа. В-третьих, *интерпретивистское направление*, базирующееся на герменевтическом методе, с анализом журналистики как пространства субъективно обусловленных коммуникаций. В-четвертых, *эмпирическое направление* с тенденцией конвергенции социологии и журналистики на основе общей методики деятельности и потребности во внедрении результатов исследований в социальную практику.

Институционализация отечественной журналистики. Ленинградский период. В советские годы журналистика становится массовой профессией и, если определять строго социологически, только в этот период приобретает свойства социального института. Благодаря политике в сфере образования, культурному развитию и широкому внедрению коммуникационных технологий, в СССР сформировалась массовая аудитория и многоуровневая система средств массовой информации. Условия плановой экономики, централизованного управления, роста культурного уровня аудитории и технологической доступности СМК в своей совокупности обеспечили новое качество социального регулирования. На СМИ возлагались функции инструмента власти (информирование, пропаганда, агитация), воспроизводства общественного сознания (просвещение, воспитание, социализация), обеспечения обратной связи и участия в репрезентации общественного мнения. Ответом на социокультурные и технологические изменения стало создание системы высшего профессионального журналистского образования, в структуре которой начали свое формирование научно-педагогические школы.

В советское время социологические исследования журналистики и массовых коммуникаций осуществлялись в форме проектов, участие в которых объединяло академические, вузовские и управленческие структуры. Например, московские исследователи участвовали в реали-

зации таких масштабных проектов, как «Таганрог» (рук. Б. А. Грушин) или изучение редакций районных газет (А. И. Верховская, Е. П. Прохоров, Л. Г. Свитич, А. А. Ширяева), которые вряд ли могли осуществиться без качественной организационной централизации. Базируясь на знаниях, полученных в ходе проектных исследований, и разработанных методах, ученые факультета журналистики МГУ в 1981 году сделали первую концептуальную заявку о научной дисциплине в книге «Социология журналистики: теория, методология, практика»¹.

Опыт Ленинграда, с одной стороны, подтверждал общую тенденцию кооперации усилий академической социологии, университетской науки и партийных органов. В то же время, имел свою специфику непосредственной вовлеченности социологии в практику редакционного производства, жизнь журналистского сообщества и в профессиональное образование. Отделение журналистики на филологическом факультете ЛГУ открылось в 1946 году. С течением времени получали свое развитие новые технологии производства СМИ и каналы массовой коммуникации, журналистика структурировалась тематически, что приводило к типологическому обособлению различных видов прессы, внутри самих редакций возникала своя организационная специализация. Подобные процессы соответственно воздействовали на профессиональное образование: на базе отделения был создан факультет журналистики с развитой кафедральной структурой, в городе функционировали партийные, комсомольские и профсоюзные школы². С конца 1950-х годов под руководством В. А. Ядова в ЛГУ начинает работу Лаборатория социологических исследований.

В развитии теоретических предпосылок социологии журналистики в 1960–1980 годы обнаружили новые грани дифференциации, связанные с поиском, объяснением и регулированием систем отношений института журналистики с общественными интересами и запросами, с профессиональным образованием и с потребностями редакционного производства. Исследования общественного мнения с использованием методик и техник массовых опросов проводились по инициативе Ленин-

¹ Социология журналистики: Теория, методология, практика / Под ред. Е. П. Прохорова. М., 1981.

² Таловов В. П. Журналистское образование в СССР. Учебное пособие. Л., 1990.

градской студии телевидения, директором которой в 1962–1966 годы был *Борис Максимович Фирсов*. По его инициативе в редакционную деятельность была введена практика формирования, модификации и коррекции сетки вещания Ленинградского телевидения с учетом мнений, интересов и потребностей аудитории, выявленных с использованием результатов эмпирических исследований¹. В 1964 году Ленинградская студия телевидения и Лаборатория социологических исследований ЛГУ провели совместное изучение эффективности телепередач, а в 1967 году ленинградский филиал Института конкретных социальных исследований АН СССР, образованный в 1968 году (сейчас – Институт социологии РАН), организовал первое исследование ленинградской телевизионной аудитории. В 1969 году на философском факультете ЛГУ Б. М. Фирсов защитил кандидатскую диссертацию «Социальные проблемы телевидения» (научный руководитель – В. А. Ядов)², а в 1979 году – докторскую диссертацию по теме «Массовая коммуникация в условиях различных социальных систем». На основе разработок телевизионных инженеров (М. И. Кривошеева и др.), исследователь представил объяснительную модель развития коммуникационных технологий в контексте социальных характеристик аудитории, уровня ее технических компетенций и целей использования СМК³.

В одном из своих интервью Б. М. Фирсов рассказывал о смысле, который он вкладывал в свою работу на телевидении: «Суть идеи – “человекоцентризм”, ориентация любого канала массовой коммуникации на наиболее актуальные интересы людей, а не на прагматические сиюминутные цели политики и идеологии. Развивая эту идею, я исходил из некоторого социологизированного представления о телезрителе (радиослушателе, читателе газет), которому должно служить человекоцентричное ТВ. Я видел, этого зрителя (1) умеющим сопротивляться любым попыткам манипулировать его мнением; (2) обладающим особым чутьем на правду, которую не сможет заглушить даже самая изощренная телевизионная риторика; (3) способным отличать культурные суррогаты от подлинных произведений искусства; (4) пони-

¹ *Фирсов Б. М.* Телевидение глазами социолога. М., 1972.

² *Фирсов Б. М.* Социальные проблемы телевидения: дис. ... канд. филос. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1969.

³ *Фирсов Б. М.* Пути развития средств массовой коммуникации (социологические наблюдения). Л., 1977.

мающим и тонко чувствующим специфику и природу телевидения»¹. В идеях Б. М. Фирсова, имеющих основание в эмпирической практике общения с аудиторией, лежат куда более глубокие нормативные представления о миссии телевидения и журналистики в целом, заложены структурные направления медиаобразования, обоснованы предметные цели социологии журналистики.

Помимо изучения аудитории, в советский период закладываются основы методологии социологической работы с редакциями и организациями профессионального журналистского образования. В 1966–1967 годах по инициативе отдела пропаганды Ленинградского обкома КПСС было проведено первое подобное исследование кадрового состава редакций газет Ленинграда и области. Заместитель заведующего отделом *Владилен Иванович Кузин* разработал «карточку журналиста», с описанием профессиональных, социальных и демографических характеристик, которая была использована в анкетировании работников редакций. По результатам исследования были выявлены мотивы выбора профессии, определены профессиональные ориентации журналистов и инструментальные особенности их работы, представления о задачах прессы и требованиях к начинающему специалисту, приходящему работать в СМИ со студенческой скамьи². Опрос журналистов и редакторов выявил ряд проблем взаимодействия с читателями, которые послужили отправной точкой комплексного исследования аудитории районной прессы Ленинградской области, проведенного в 1968 году³. Выводы, полученные в ходе опросов читателей, изучения писем в редакции и материалов массовой работы с участием городских и районных газет, послужили основой нового цикла редакционных исследований в 1969–1970-е годы⁴.

¹ Докторов Б. З. «О себе и своем разномыслии...»: Интервью с Борисом Фирсовым // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 2 (76). С. 67.

² Кузин В. И. Исследование разрушает стереотип // Журналист. 1967. № 1. С. 8–10.

³ Кузин В. И. Районная сегодня и завтра // Журналист. 1968. № 3. С. 2–4.

⁴ Кузин В. И. Кому быть журналистом? // Журналист. 1969. № 11. С. 26–29; Кузин В. И. Газета – орган партийного комитета. Л., 1971. С. 157–173; Журналисты сами о себе: черты социального портрета творческих работников ленинградской печати, радио, телевидения и издательств. Л., 1970.

Результаты эмпирических исследований редакций и аудиторий не оставались материалами «для внутреннего использования» в отделе пропаганды, а становились поводом для дискуссий, площадкой для которых выступили страницы журнала «Журналист». В своих публикациях В. И. Кузин поднимал проблемы трансформации журналистских функций, противоречий между идеальными представлениями о профессии и реальностью редакционной работы, фундаментальным университетским образованием и ремесленническим технологизмом труда. Широта профессионального кругозора и глубокое понимание проблем журналистики послужили основой успешной деятельности В. И. Кузина и на посту директора Ленинградской студии документальных фильмов, и в университетских аудиториях.

Одним из источников, повлиявших на формирование социологии журналистики как научной дисциплины, стали работы в области методологии исследования текста. Изучению его структурной организации посвятил свои труды выдающийся ленинградский ученый В. Я. Пропп, по праву занимающий свое место в ряду основоположников современного структурализма. С Ленинградом, отделением Института этнографии АН СССР, также связана научная деятельность Ю. В. Кнорозова, известного по дешифровке письменности майя, но также внесшего и значительный вклад в описание систем коммуникации и предложившего типологические способы анализа ее агентов.

Не отрицая значение внешних по отношению к исследованиям журналистики научных направлений, главная роль в ее изучении принадлежит университетской научной школе. В советский период в качестве научной дисциплины была оформлена теория журналистики, в рамках которой изучались ее социальные функции и роли (П. Я. Хавин, Л. Э. Варустин, А. Я. Гребенщиков). Социологические методы в труде журналиста тематически были представлены в практико-ориентированных учебных дисциплинах, в исследованиях редакционной деятельности рассматривались проблемы обратной связи с аудиторией и научной организации труда (А. Н. Васильев, М. С. Куртынин, А. К. Варсобин, А. А. Юрков). Социологизм как способ предметного познания с критических позиций органично присутствовал в исследованиях зарубежных СМИ и социальных функций зарубежной журналистики (В. С. Соколов, С. М. Виноградова, А. А. Дубровин,

А. А. Чесанов, П. Я. Рыкованов). Проблемы социальной обусловленности профессиональной деятельности анализировались в исследованиях по истории отечественной журналистики (В. Е. Евгеньев-Максимов, В. Г. Березина, А. В. Западов, Н. П. Емельянов, Х. С. Булацев, Г. В. Жирков, Л. П. Громова). Тем не менее, до начала 1990-х годов в содержании журналистского образования традиционно преобладал лингвистический компонент, поскольку университетские факультеты и кафедры выделялись из филологических подразделений. Вплоть до настоящего времени большинство диссертационных советов по направлению «Журналистика» присуждают ученые степени по филологическим наукам. Однако в системе самих лингвистических исследований со временем все большее значение приобретают направления, имеющие кросс-дисциплинарный характер, такие как структурная семиотика, лингвокультурология и когнитивистика.

Таким образом, к началу 1990-х годов сложились объективные условия для выделения социологии журналистики как особой предметной научной области и учебной дисциплины, а также формирования организационных подразделений, осуществляющих подобную научно-педагогическую деятельность. Перестроечные процессы вынесли в публичную сферу массовой информации обсуждение проблем о роли прессы в социальном управлении¹, трансформации социальной структуры отразились на типологической системе СМИ, продекларированный лозунг «гласности» привлек к журналистике массовое внимание и обеспечил рост интереса к профессии.

Институционализация дисциплины и эмпиризм. 1990-е годы стали временем обоснования и обособления предметных полей в рамках теории журналистики, в том числе, (а по времени, и прежде всего) социологического. В образовательные стандарты и учебные планы специальности «Журналистика» была введена дисциплина «Социология журналистики», в 1990 году открывается кафедра социологии журналистики в МГУ (зав. кафедрой – Е. П. Прохоров), в 1991 году – в СПбГУ. Кафедру в Санкт-Петербурге возглавил *Сергей Григорьевич Корконосенко*, с именем которого с этого времени неразрывно связана история петербургской научно-педагогической школы журналистики.

¹ *Корконосенко С. Г.* Печать, управление и самоуправление. Тула, 1992.

В 1993 году кафедра участвовала в организации и проведении исследования региональной печати по заказу Леноблсовета¹. В 1994 году на факультете журналистики была открыта научно-исследовательская социологическая лаборатория («Лаборатория функционирования СМИ»). В этом же году начал работу научно-практический семинар «Журналистика и социология»², непосредственным организатором которого была кафедра социологии журналистики СПбГУ. Также в 1994 году вышли первые сборники и пособия, посвященные социальному функционированию журналистики и ее социологическому анализу³.

Институционализации социологии журналистики также способствовало формирование системы воспроизводства научных кадров через диссертационные советы по специальности «Журналистика», как в области филологических, так и политических наук. Научно-педагогические школы журналистики, формировавшиеся в 1990-е годы, складывались преимущественно по географическому принципу с привязкой к конкретному вузу или его подразделению (институту, факультету, отделению, кафедре). Далее такие школы посредством работы диссертационного совета, организации конференций, выпуска научных журналов и тематических сборников, деятельности сайтов создавали дискуссионное поле единомышленников, что формировало сетевое пространство отношений уже не по географическому, а по теоретико-методологическому принципу (функциональному, историографическому, структурно-семиотическому, коммуникативному)⁴.

¹ Системный анализ журналистской деятельности / Отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 1993.

² Блохин И. Н. Теория журналистики на рубеже веков: диалектика науки и метафизика творчества // Век информации. 2020. Т. 8. № 1. Журналистика XXI века: Человек. Политика. Медиа: матер. 25 междунар. научно-практической конференции, 22–23 ноября 2019 г. / ред.-сост. С. Г. Корконосенко, А. Н. Гришанина; отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2020. С. 11–18.

³ Социальное функционирование журналистики / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 1994; Журналист и информация. Учебное пособие / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 1994.

⁴ Блохин И. Н. Социологическое и социально-психологическое знание о журналистике // Теория журналистики в России. Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018. С. 93–125.

Для начального периода становления школы социологии журналистики характерно увлечение эмпирическими исследованиями. В использовании возможностей прикладной социологии виделось решение многочисленных проблем, возникающих в редакционной деятельности в 1990-е годы, в первую очередь, привлечения аудиторий и рекламодателей. В этот период возникают исследовательские центры изучения аудиторий («Экро», «Гортис», Comcon, Gallup Media–TNS–«Медиаскоп») и отрабатываются методики изучения потребительских характеристиках аудитории и рыночных свойств СМИ как каналов коммуникации. Противоречия между рыночными принципами удовлетворения потребностей, профессиональными ценностями просвещения в образовании и поиска истины в науке не могли не сказаться на журналистике. В ее теоретическом анализе вновь обострилась проблема нормативности, но в отличие от XIX века в дискуссии оказались вовлечены формирующиеся научно-педагогические школы журналистики, связей с общественностью и рекламы. В социальном анализе журналистики в 1990-е годы сформировалось два основных подхода. Первый – в рамках теорий массовой коммуникации, второй – в рамках теории журналистики. Научно-педагогическая школа массовых коммуникаций в Петербурге сформировалась на факультете социологии СПбГУ (И. П. Яковлев, Д. П. Гавра, Д. П. Шишкин), но в начале XXI века она органично влилась в структуры факультета журналистики, обеспечивая направления связей с общественностью и рекламы.

Увлечение эмпиризмом наблюдалось не только в коммерческом и университетском секторе, но и в академической науке. В петербургских отделениях Института социально-экономических проблем и Института социологии РАН развивались направления, связанные с изучением общественного мнения и эффективности массовой информации. В ряду петербургских исследователей этого периода следует выделить *Бориса Зусмановича Докторова*, заслуга которого состоит в описании и анализе системы прикладных социологических исследований в России и зарубежных странах¹.

¹ *Докторов Б. З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М., 2005; *Докторов Б. З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М., 2006; *Докторов Б. З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М., 2008.

Наряду с эмпирическим ренессансом для периода 1990-х годов характерно обращение к социокультурным и культурно-антропологическим закономерностям, возникающим в массовой коммуникации. В социологической науке шла дискуссия о соотношении количественных и качественных методов, в структуре теории журналистики выделилось социально-психологическое направление. Первые опыты теоретического анализа читательской психологии связаны с идеями *Валентина Павловича Таловова* о тождестве субъекта и объекта коммуникативного взаимодействия и об антропоморфном механизме этого тождества¹. Филологический базис науки о журналистике в большей степени влиял на обращение к личности автора, чем адресата, но в социологии и психологии журналистики эти действующие лица получили равные права на исследовательское внимание.

Кризис 1998 года привел к сокращению объемов аудиторий периодических изданий и стал первым сигналом, угрожающим существованию профессиональной журналистики. С. Г. Корконосенко диагностировал состояние профессии, используя многоуровневый подход к анализу (впоследствии, данная методология будет использована при описании журналистских функций). «Разрушение журналистики... пойдет по нескольким направлениям. В организационном плане отмирают устойчивые формы ее существования, радикально преобразуются типы и структура СМИ. В методическом отношении ломаются системные методы и стиль деятельности. В институциональном измерении журналистика трансформируется в службу с иными социальными ролями и статусом»².

В 1998 году вышло в свет учебное пособие «Социология журналистики: очерки методологии и практики», в котором нашли свое отражение такие приметы времени, как увлечение эмпиризмом («Социология рынка и маркетинг СМИ») или разделение методов на количественные и качественные. В создании пособия приняли участие известные пе-

¹ *Таловов В. П.* О читательской психологии и теоретических основах ее изучения. Л., 1973; *Таловов В. П.* Читательский спрос на газету: Учеб. пособие. СПб., 1999. С. 64–65.

² *Корконосенко С. Г.* Российская журналистика: от кризиса к отмиранию // Журналистика и социология '98. Журналистика в условиях общественного кризиса: Мат-лы науч.-практич. семинара, 1 декабря 1998 г. / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 1999. С. 12–13.

тербургские социологи – Владимир Тимофеевич Лисовский (директор НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ) и Татьяна Захаровна Протасенко (ИСЭП, СНИЦ, «Мегаполис», ИС РАН). В книге были представлены различные исследовательские направления: культура социологического мышления (В. И. Кузин), изучение журналиста и редакций (Л. Г. Свитич), социолингвистический анализ текста (И. П. Лысакова). Мультипарадигмальность социальных наук не могла не сказаться (и сказывается до сих пор) на обсуждении проблемы об объекте и предмете дисциплины. В пособии на первых страницах отмечалось, что социология изучает «поведение людей и функционирование общественных институтов»¹, то есть изначально определялась принципиальная многоуровневость проявления функций журналистики. Учитывая всю многомерность социологического знания и тяготеение к универсальным определениям, оттачивалась формулировка объекта дисциплины: журналистика как пространство (институт, система, структура, поле, либо их сочетания) социального (коммуникативного) действия.

Социологический подход к исследованию журналистики не ограничивался только предложением многоуровневой модели, включающей в себя пространства личности, института и общества в целом. С. Г. Корконосенко определил саму журналистику в качестве субъекта социального действия, что нашло свое выражение в концепции **социожурналистики** как уровня «квалификации сотрудников СМИ, который характеризуется высокой социологической культурой мышления, поиска, сбора и интерпретации информации, а также социальной ответственности за последствия своей деятельности»². В социожурналистской интерпретации профессиональная деятельность, во-первых, описывается в динамической последовательности этапов организации труда, во-вторых – в движении по направлению познания, регулирования и преобразования социальной действительности.

Теоретическое размежевание и технологизм. На рубеже XX–XXI веков проявилось несколько факторов, оказавших серьезное влия-

¹ Социология журналистики: Очерки методологии и практики: Пособие для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Под ред. С. Г. Корконосенко. М., 1998. С. 5.

² Там же. С. 47.

ние на петербургскую научно-педагогическую школу журналистики. В систему высшего образования были внедрены двухуровневая система подготовки (бакалавриат и магистратура), что привело к переосмыслению действующей педагогической модели. На факультете журналистики СПбГУ к трансформации были готовы, в образовательный процесс подготовки специалистов на последнем этапе реализовывалась модель двойной специализации – технологической (печать, телерадиовещание, дизайн) и тематической (политической, деловой, социокультурной). Социология журналистики как направление присутствовало в перечне тематических специализаций, а после перехода к двухуровневой системе было преобразовано в профиль магистерской подготовки. Ответом на требование вариативности в образовании было объявление комплекса специальных дисциплин, например, в области социологии журналистики таких курсов как «Журналист как исследователь социальных процессов», в основе которого лежала концепция социожурналистики, или «Исследование массовой информации: технологии и практики» с акцентом на использовании социологических данных в редакционной деятельности.

Другой важный фактор был связан с распространением Интернета, внедрением сетевых технологий в журналистику, редакционное производство, образование, бытовую и досуговую жизнь. Направления научных исследований все больше смещались в область социальной психологии и антропологии, а в области прикладной социологии началось движение от массовых опросов к анализу больших данных интернет-статистики. Развитие социальных сетей, перенос приоритетов медиапотребления от заданных шаблонов «повесток дня» к саморегуляции пользователей, появление сегмента сетевых СМИ, формирование стандартов интернет-маркетинга и специфических сетевых дискурсов потребовало адекватного теоретического осмысления и системной реакции профессионального образования. Задача социологии журналистики состояла в разрешении проблемы отношений категорий журналистики как института и массовых коммуникаций как поля (или пространства). С. Г. Корконосенко определил их взаимоотношения как «единство без тождества», журналистика «существует одновременно в нескольких сферах общественной жизни (социетальных системах) и в

каждой из них отвечает (должна отвечать) на объективно предъявляемые ей ожидания»¹. Принцип «ответа на ожидания» выводил социологию журналистики в поле социально-ролевой теории, согласно которой институт журналистики функционирует в пространстве массовой коммуникации и вместе с субъектами социетальных систем участвует в его формировании.

Логика анализа журналистики в социетальных системах вызвала необходимость обращения к предметной методологии. На семинаре «Журналистики и социология» в 2001 году было обосновано научное направление «политология журналистики», в рамках которого определялись политические функции журналистики и границы ее возможностей. Политическая действенность (субъектность) журналистики проявлялась, в первую очередь, в поле социального контроля с дальнейшим поступательным внедрением в сферы самоуправления и управления. Определение объекта и предмета социально-контрольной практики СМИ решалось С. Г. Корконосенко в русле социологического анализа статистики и динамики: «динамическое истолкование основных категорий анализа открывает путь к регулированию, то есть к преодолению отклонений от оптимального положения вещей»². Другой предметный подход с использованием соответствующей методологии состоял в исследовании журналистики в качестве феномена и института культуры. Политологическое и культурологическое направление впоследствии нашли свое оформление в магистерских программах «Политическая журналистика»³ и «Журналистика и культура общества»⁴. Итогом этапа теоретического размежевания и осмысления изменившихся коммуникатив-

¹ Корконосенко С. Г. Журналистика и массовая коммуникация: единство без тождества // Журналистика и социология, 2000. Журналистика как массовая коммуникация: Мат-лы науч.-практич. семинара, 7 декабря 2000 г. / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2001. С. 7.

² Корконосенко С. Г. Журналистика как институт социального контроля // Журналистика и социология. Россия, 90-е годы: Монографический сб. статей / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2001. С. 59.

³ Политическая журналистика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2015.

⁴ Журналистика и культура общества. Учебное пособие / под ред. М. А. Воскресенской. СПб., 2019.

но-технологических условий функционирования СМИ стал выход новой редакции учебного пособия «Социология журналистики» в 2004 году¹.

Функционализм и метапарадигмальная методология. Дискуссии о журналистике начала XXI века выявили парадигмальные противоречия, что обозначило переход от географических критериев и предметно-тематических принципов формирования научно-педагогических школ к теоретико-методологическим, со специфическими особенностями категориального аппарата, методологии и методики исследований². Социология журналистики традиционно тяготела к функциональному анализу, с обоснованием институциональной природы профессиональной деятельности с опорой на развитую организационную структуру. Однако предлагаемые способы описания и систематизации функций имели существенные отличия, что можно объяснить апелляцией к разным парадигмальным основаниям. Е. П. Прохоров (МГУ) предложил линейную модель определения функций по результату (эффекту) деятельности³, что привело к смешению функций журналистики (института) и СМИ (организации). Способ выявления функции как эффекта характерен для коммуникативных парадигм с акцентированием значения процесса, имеющим приоритет перед субъектом. С. Г. Корконосенко при определении функций журналистики исходил из субъектного подхода и представил функциональную систему как многоуровневую – на уровнях общества в целом, социальных институтов и человеческой личности⁴ – отметив, в одной из полемических работ, что «сущность журналистики не открывается на плоскости»⁵. Развитие функционального подхода как субъектного позволяет к выделенным уровням добавить, во-первых, уровень подсистем (политической, экономической, культурной и социальной), что и произошло при предметно-тематиче-

¹ Социология журналистики. Учебное пособие для студентов вузов; Под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2004.

² Блохин И. Н. Функциональный подход в исследованиях журналистики как предпосылка научной школы // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 49–50.

³ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М., 2011. С. 61.

⁴ Корконосенко С. Г. Основы журналистики: Учебник для вузов. М., 2001. С. 178.

⁵ Корконосенко С. Г. Сущность журналистики, открытая пониманию и неподвластная схеме // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 2. С. 42.

ском размежевании теорий; во-вторых, уровень организаций, посредством которых институт журналистики реализует свои функции, что позволит функционально «развести» журналистику и СМИ.

Распространение коммуникативных парадигм в исследованиях журналистики начала XXI века связано с тем, что она со временем все больше приобретала черты массовой деятельности из-за распространения доступных технологий и массового самомедиаобразования. Социальные сети, массовый журнализм, сетевая самоорганизация, контроль властей и бизнеса за медиаповедением стали теми факторами, которые вывели исследователей на новые уровни метапарадигмальности и подтолкнули к поиску адекватного языка науки. Участие журналистики в формировании качественно новой среды существования («жизнь в медиа») нашло отражение в двух крупных монографиях, подготовленных учеными петербургской школы – «Сетевые СМИ российского мегаполиса»¹ и «Современный российский медиаполис»². Течение научно-организационной жизни повлияло на семинар «Журналистика и социология», который с 2006 года дважды сменил свое название, сначала на «Журналистика в мире политики», затем на «Журналистика XXI века» (с 2012 года). Заседания приобрели статус конференции в рамках «Дней философии в Петербурге», что позволило усилить теоретико-методологический акцент обсуждаемой проблематики. Кафедра социологии журналистики также дважды меняла свое наименование: в 2005 году она была преобразована в кафедру теории журналистики, в 2011-м – в кафедру теории журналистики массовых коммуникаций. В новых условиях профессиональной деятельности возникла необходимость внесения изменений в программы и процесс преподавания учебных дисциплин, были изданы авторское пособие В. А. Сидорова «10 рассуждений о социологии журналистики»³ и новый учебник для бакалавриата «Социология журналистики»⁴.

¹ Сетевые СМИ российского мегаполиса / под ред. И. Н. Блохина, С. Г. Корконосенко. СПб., 2011.

² Современный российский медиаполис / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2012.

³ Сидоров В. А. 10 рассуждений о социологии журналистики: учебное пособие. СПб., 2012.

⁴ Социология журналистики: учебник для бакалавров / под ред. С. Г. Корконосенко. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2013.

Выводы. Анализ существования человека в коммуникации выявил несколько теоретических логик, начала которых были обозначены в качестве источников отечественной социологии журналистики. Во-первых, была обоснована **логика нормативности** во всем разнообразии теоретических направлений: административно-юридических (правовых), профессионально-деонтологических (этических) и производственно-прагматических (технологических) направлений¹. Неизбежное сопряжение нормативности с профессиональными ценностями было развернуто С. Г. Корконосенко в направлении исследований самой теории журналистики² и раскрыто в аксиологической методологии, ведущая роль в разработке которой принадлежит *Виктору Александровичу Сидорову*³.

Во-вторых, продолжала свою эволюцию **социологическая логика** как в стратификационной, так и в функциональной перспективе. Стратификационный подход был использован С. Г. Корконосенко, например, в ролевой типологии журналистов, разработанной в ходе проекта «Свобода личности в массовой коммуникации»⁴, а также в анализе сообществ, «которые создают и используют медиа в своих целях»⁵. Типологические модели, базирующиеся на ролевом анализе, разрабатываются петербургскими исследователями как в рамках теории журна-

¹ *Корконосенко С. Г.* Нормативные теории журналистики в России: ретроспективный взгляд // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 5. С. 12.

² *Корконосенко С. Г.* Теория журналистики: моделирование и применение: учеб. пособие. М., 2010; *Корконосенко С. Г.* Проблема ценностного потенциала современной отечественной журналистики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 318–325.

³ *Сидоров В. А., Ильченко С. С., Нигматуллина К. Р.* Аксиология журналистики: Опыт становления новой дисциплины / под общ. ред. В. А. Сидорова. СПб., 2009; *Журналистика. Общество. Ценности: коллективная монография* / Ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб., 2012; *Медиа накануне постсекулярного мира: коллективная монография* / под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2014.

⁴ *Корконосенко С. Г.* Личная свобода в журналистике: взгляд профессионалов медиа // Актуальные инновационные исследования: наука и практика (Тамбов). 2012. № 2.

⁵ *Корконосенко С. Г.* Фактор мотивации в деятельности медиа сообществ // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 56-го междунар. форума (13–14 апреля 2017 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. 2017. № 2. Т. 2. СПб., 2017. С. 122.

листки¹, так и с парадигмальных позиций массовых коммуникаций². В работах 2010-х годов разрабатывается понятие медиапространства в качестве интегральной категории, включающей в себя и системно-институциональные и сферные (полевые) образования. *Сергей Игоревич Шелонаев* (СПбГУ промышленных технологий и дизайна), анализируя состояние социологии массовых коммуникаций, приходит к выводам, аналогичным определению теоретическим проблем социологии журналистики: для описания и моделирования научной методологии органичным является системный подход, дисциплина определяется как полипарадигмальная, в исследованиях оптимальным представляется использование топологически-пространственного принципа³. В развитии функционального направления, помимо уже отмеченного потенциала многоуровневого анализа, выделяются исследования общесистемной интегративной динамики⁴ и дисфункциональности журналистики в нормативно-ценностном аспекте⁵.

В-третьих, в контексте «человекоцентризма» обрела заслуженное внимание **интерпретивистская логика**, проявившаяся в изучении проблем коммуникационной свободы⁶, использовании герменевтической методологии⁷, обращении к феноменам медиа сообществ как

¹ *Блохин И. Н.* Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа. СПб., 2016.

² *Шелонаев С. И.* Медиапространство: опыт социологического анализа. СПб., 2012.

³ *Шелонаев С. И.* Парадигмальные сдвиги в концепциях массовой коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 100.

⁴ *Корконосенко С. Г.* Интегративная функция: журналистика или социальные сети? // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. 2018. № 2. Т. 1. СПб., 2018. С. 277–279.

⁵ *Сидоров В. А.* Журналистский текст как источник экстремизма, или Дисфункция журналистики XXI века // Мир философии – мир человека: прилож. к журналу «Философские науки»: Редкол.: Ю. Н. Солонин (предс.) и др. М., 2007. С. 330–345.

⁶ *Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А.* Свобода личности в массовой коммуникации / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2010.

⁷ *Корконосенко С. Г.* Культура понимания как поле интегральных исследований журналистики // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 5–9.

новым формам социальности¹ и журналистики как субстациональному образованию². В теоретическом корпусе социологии журналистики органично присутствуют работы социолингвистического и феноменологического направлений. *Ирина Павловна Лысакова* изучает структуры, возникающие в процессах порождения медиатекстов, приспособления высказываний к типу СМИ как языковым моделям и к внутренним компонентам изданий³. *Борис Яковлевич Мисонжников* исследует СМИ как текстуальное пространство, структурное единство которого обеспечивает семиотика медиатекстопостроения, а динамику определяет энтропия как универсальное средство идентификации состояния содержательных и формальных структур издания⁴.

В-четвертых, пришла в соответствие с теоретическими направлениями **эмпирическая логика**, индикативная диалектика которой соотносится как с классическими методологическими схемами, так и новыми способами программного сетевого анализа. Использование моделирования на эмпирическом фундаменте больших данных проникает не только в научно-исследовательскую практику, но и в журналистскую деятельность⁵. При этом опровергаются прогнозы о «конце» журналистики, которая переживает очередную (и далеко не первую) эволюционную трансформацию в своей истории. «Неизбежность» журналистики обоснована «неизбежностью» социальности, являющейся сутью деятельности (института, профессии, сообщества...), а «покушение» на журналистику есть симптом «покушения» на социальность.

¹ *Корконосенко С. Г., Бережная М. А.* Сетевые медиа сообщества: соотношение коммуникаций онлайн и деятельности офлайн // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 216–234.

² *Корконосенко С. Г.* Субстациональный подход к пониманию современной журналистики // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала). № 3 (20). Т. 1. Белгород, 2018. С. 10–16.

³ *Лысакова И. П.* Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005.

⁴ *Мисонжников Б. Я.* Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). СПб., 2001.

⁵ *Корконосенко С. Г.* Математика и теория журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 155–164.

Громкие лозунги продолжают опровергаться интегральной силой логик, опирающихся на имманентную социальность включенного в журналистику человека. Как не произошло «смерти автора», так и не случился «конец истории». Л. Р. Дускаева в своей «гипотезе об адресате», определила, что «журналист в творческом процессе моделирует возможные реакции читателей на текст, учитывает их при создании текста и принимает во внимание то, что адресат может противопоставить написанному им»¹. Со временем гипотеза стала утверждением, адресат включился в коммуникации, открыто заявил о себе в интерактивном медиапространстве и идентифицировался в медиастатистических показателях. И если существует возможность описания Вселенной с помощью системы дифференциальных уравнений, то любое явление или событие может быть распознано в них и математически обозначено. Становится возможным обозначение журналистики, а через нее и самой жизни (журналистика «жизнеподобна»), а возможным – следовательно, необходимым. И столкновение с необходимостью обозрения бесконечного решает фундаментальный вопрос этики познания – выбора между страхом с поиском возможностей его избежать и радостью встречи с неизведанным, постижение которого дает шанс сохраниться гармонии в отношениях людей и сообществ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Игорь Николаевич Блохин, доктор политических наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

¹ Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Под ред. М. Н. Кожинной. Изд. 2-е, доп., испр. СПб., 2012. С. 65.

Аксиология политической журналистики: основание, предмет, структура

Трансформации социума и журналистика. Современная журналистика действует в условиях непрерывных трансформаций социума, вызванных нарастающей борьбой его страт, меньшинств и других сообществ за доминирование в постановке общественно значимых ценностей. Обострение социальной ситуации определяет политическую турбулентность переживаемого нами исторического времени, когда «мир проходит через длительный период развала прежнего мирового порядка и создания нового»¹. Новый мировой порядок в экономике, политике, культурной сфере немыслим без укрепления в общественном сознании новых ценностных приоритетов и низвержения прежних. Изменение ценностной структуры социума осуществляется в идеальном пространстве, а если воспользоваться понятийным рядом П. Бурдье, то, прежде всего, в полях власти и журналистики. Эти поля находятся в постоянном специфическом взаимодействии.

Во-первых, в современной журналистике отмечаются перемены, влияющие на ее позиции в приобщенном к «цифровой» среде социуме: «утрачивается индивидуальное, творческое начало в формировании информации... субъект информации, не обладающий контролем над ее развитием, утрачивает свободу собственного творчества»². Во-вторых, П. Шампанем отмечается «двойственность позиции поля журналистики в поле власти: с одной стороны, она обладает большим влиянием (что позволяет некоторым наивно называть ее “четвертой властью”); с другой, – само это влияние способствует возникновению контроля за ее деятельностью... и ставит поле журналистики в подчиненное положение. Перефразируя известное высказывание, многие акторы, в особенности принадлежащие к господствующему классу, считают прессу

¹ *Караганов С. А.* Уход военного превосходства Запада и геоэкономика // *Полис*. 2019. № 6. С. 19.

² *Баева Л. В.* Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. С. 106–107.

слишком серьезным делом, чтобы доверять ее одним только журналистам»¹.

Однако часть исследователей, отталкиваясь от очевидного факта непосредственного влияния компьютерных сетей на поле журналистики, убеждена, что «цифровое» пространство надо рассматривать как пространство реализации публичной политики, где «возникают и получают развитие новые, онлайн-формы политического дискурса и механизмы взаимосвязи власти и общества. [Укрепляются] надежды на качественный скачок в демократическом развитии, на широкие возможности цифровой демократии, и эти надежды отчасти подкреплены реальными инновационными изменениями в публично-политической сфере. Тем не менее, взгляд на специфику политической жизни в цифровых социальных сетях наводит на определенные размышления»². Мы тоже настроенно относимся к уверениям, будто бы новые медийные технологии и мобильные коммуникации ведут к укреплению демократии, углублению представлений аудитории СМИ о сущности социально-политических и культурных процессов, поэтому и поддерживаем реалистическую позицию Шампаня, которая в наши дни подкрепляется новыми исследованиями самих массмедиа и условий функционирования журналистики как во внутренних по отношению к ней средах (газетно-журнальная, вещательная и «цифровая»), так и внешней (общество).

Социум как среда функционирования журналистики во второй половине XX века претерпел качественные трансформации, которые, в свою очередь, повлекли за собой разительные перемены в журналистике как институте общества. Сегодня сформировалось «общество зрелищ», и поэтому в журналистике происходит функциональный сдвиг от информирования к «представлению», и одновременно «главным действующим лицом, во имя которого создается спектакль, становится зритель, осуществляющий медиатизацию на уровне личного

¹ Шампань П. Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики / пер. с фр. // Socio-Logos.ŷ.

² Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Полис. 2019. № 2. С. 79.

медиаповедения»¹. Таким образом, переход медиа к более высокому уровню технологий оказал свое влияние на журналистику как профессию и как средство политического взаимодействия: реципиент овладел навыками информационного реагирования на сообщение коммуникатора и нередко сам пытается им стать. Социальные подвиги привели не к укреплению взаимопонимания людей в обновленном медийном пространстве, а открыли дорогу агрессивным выражениям общественных настроений. «Социальные стихии начала XXI века имеют свои отличительные черты. И эти черты вызывают известную тревогу, – пишет известный политолог А. Быстрицкий. – Во-первых, протестная активность происходит в ситуации невероятного информационного и коммуникационного изобилия. ...Во-вторых, – и это следствие новой коммуникационной ситуации тоже, но не только, – протесты почти что повсеместно лишены выраженного лидерства и системы требований. Опять же – новая информационно-коммуникационная среда играет свою роль. Не имея внятной повестки, выступления оказываются элементом общего недовольства происходящим»². В динамично растущей массе, вовлекаемой «цифровым» миром в акты конфликтного медийного противостояния, как правило, наблюдается готовность к переносу агрессии из символического пространства в физическое: «значительное число ресурсов и сетевых сообществ давления представляет и агрегирует радикальные и экстремистские взгляды, которые затем артикулируются в публичном политическом пространстве»³.

Смысловые войны в медийной среде. Общий знаменатель условий функционирования журналистики в обновляемом информационном пространстве можно обнаружить в интересном суждении исследователя о политическом тексте и его назначении: 1) структурирование социального порядка; 2) демаркация социального пространства; 3) мобилизация коллективной воли для произведения определенно-

¹ Блохин И. Н. Журналистика как социокультурный феномен // Журналистика и культура общества. Учеб. пособие / под ред. М. А. Воскресенской. СПб., 2019. С. 18.

² Быстрицкий А. Восстание масс // Известия. 2019. 25 декабря. URL: <https://iz.ru/957667/andrei-bystritskii/vosstanie-mass>.

³ Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015. С. 119.

го действия. «Публично представлять политический текст может как сам политик, так и субъект символического производства – журналист, идеолог, ученый, общественный деятель, деятель культуры»¹. В такой постановке проблемы можно найти несколько аспектов для ее рассмотрения. Выделим один из них: необходимость учитывать полноту содержания размещенного в медийной сфере контента, который может демонстрировать всю линейку политических действий субъектов – от гуманистических проявлений доброй воли до воинствующего экстремизма. Поэтому представленные варианты функционирования политической журналистики лишь в малой мере можно считать детерминированными новой «цифровой» средой. На деле эта среда только обострила всегда бушевавшие в мире так называемые «информационные войны», выделив сражения за символы и ценности политики. Совершенно справедливо политолог назвал такие войны *смысловыми*, «поскольку для них информация – средство создания и распространения глобальных *смыслов*, ориентированных на качественные изменения в содержании и мотивации сознания миллионов людей»².

Философы также рассматривают современную эпоху как мир глобальных смыслов и выделяют при этом три аспекта бытования массовых коммуникаций: 1) как воздействие, 2) как взаимодействие и конвенция, 3) как *смыслопорождение*³. *Значимость функции смыслопорождения связана с ценностью понимания Другого. Расширим представление об этой функции. Смыслопорождение – не столько итог возникающего в информационном взаимодействии понимания, то есть на коммуникации «Я – Другой», сколько результат активизации смыслов фундаментальных ценностей. Однако эти ценности в настоящую эпоху «глобального неравновесия, с ее эффективными коммуникационными средствами», отметил болгарский философ Петко Ганчев, ока-*

¹ *Фидря Е. С.* Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. 2019. № 4. С. 53–54.

² *Адамьянц Т. З.* Коммуникативные механизмы современных смысловых противостояний // Социс. 2019. № 2. С. 98.

³ *Василькова В. В.* Коммуникативные измерения «текучей современности»: манипуляция, конвенция, смыслопорождение // Ценностные миры современного человечества: Дни философии в Петербурге-2011. СПб., 2012. С. 58, 61.

зались вытесненными с авансены, потому что «цивилизация зашла в тупик, в зону глобального риска, даже близка к катастрофической полосе. [Поэтому] настало время восстановить фундаментальные ценности, которые некогда вывели человечество из первобытности на путь культурного, цивилизационного развития»¹. Так что в медийном взаимодействии субъектов информационных отношений в социуме предстоит не только восстанавливать ценностные смыслы культуры и цивилизации, но и противопоставить их смысловым войнам.

Понимание смысловых конфликтов до сих пор во многом ограничено императивом обязательно обнаружить в качестве детерминирующего начала материальную подоплеку любых коммуникативных агрессий. Сегодня по-прежнему базис социальных конфликтов усматривается – почти без исключения – в общественных несогласиях по поводу распределения «общественного пирога». Однако с таким подходом мы вряд ли поспеем за быстро текущим временем, с его объективными переменами. Мы не заметили, как стали свидетелями и участниками парадигмального сдвига в представлениях о составляющих социальных процессов. Такого рода предшествующий сдвиг произошел в XIX веке, когда в науке разглядели *непосредственную производительную силу*. Тогда стремительно возросли масштабы и темпы научно-технического прогресса; результаты научного прогресса стали явными во всех отраслях жизни и во всех сферах деятельности человека². И сегодня, подобно тому, как философия XIX столетия увидела в науке непосредственную производительную силу, нам тоже предстоит признать за информационной сферой фактор закономерных перемен в общественной жизни, для которой информационные связи в социуме перестают быть элементом только его надстройки, а приобретают качества его базиса. Своеобразное подтверждение этой идеи находим у Дж. Ваттимо, который пишет, что «интенсификация явления коммуникации, ускорение распространения информации вплоть

¹ Ганчев П. Глобализация, глобальный кризис и необходимость новых принципов, институтов и новых ценностей современного человечества // Ценностные миры современного человечества: Дни философии в Петербурге-2011. СПб., 2012. С. 5, 7, 21, 27.

² Введение в философию: учеб. пособие / авт. кол. И. Т. Фролов и др. М., 2007. С. 539.

до со-присутствия, прямого репортажа... является не просто одним из аспектов модернизации среди множества других, но, на самом деле, предстает центром и содержанием этого процесса»¹. При этом важен как объективный аспект фактора (растущая потребность человечества в социально значимой информации), так и субъективный, связанный с «распространением идей демократизации,.. а также благодаря стремлению все большего числа людей не оказываться пешкой в чужой игре и использовать любые возможности принимать значимые решения исходя из собственных приоритетов и собственных представлений о добре и зле»².

В новом столетии научное сообщество вплотную подошло к признанию базисной функции информационных отношений в социуме, и прежде всего, в поле политики. В связи с чем допустимо дифференцировать ценности включенной в социальный оборот информации на «личную, групповую и общественную»³, которые характеризуют информационные отношения в социуме эпохи формирования «цифровой» медийной среды. Т. О'Рейли, предложивший термин *Web 2.0*, выделил десять ключевых принципов развития всемирной сети, в данном контексте наиболее значимы два из них: «1) Интернет становится ключевой платформой политического дискурса; 2) публичная политика быстро трансформируется в результате использования социальных медиа»⁴. Выделенные нами принципы находятся в прямой и обратной причинно-следственной связи.

Политологи активно обсуждают вопросы радикализации выражаемых в медийной сфере политических установок и массовых настроений, то поддерживая, то отвергая коммуникативные агрессии. «Обязательными условиями стилистически успешных коммуникаций, – полагает В. Крашениникова, – являются спокойный тон и

¹ *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество / пер. с ит. М., 2002. С. 22.

² *Адамьянц Т. З.* Указ. соч. С. 99.

³ *Чапля Т. В.* Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 2006. С. 93.

⁴ *Лебедева М. М., Харкевич М. В., Зиновьева Е. С., Копосова Е. Н.* Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. 2016. № 6. С. 29.

отказ от оборонительных позиций»¹. Последнее, кстати говоря, будет чрезвычайно важным при нашем последующем анализе практик коммуникативных агрессий. А сейчас обратим внимание на одну примечательную тонкость в обнаружении противоречий между субъектами медиасферы в том случае, если исследователи не сводят противоречия исключительно к расхождению интересов субъектов и анализируют причины конфликтов не только в сфере материального: как объяснение мотиваций субъектов выдвигается стремление субъектов к символическому акту – обретению идентичности. Символический акт в общественной жизни – элемент надстройки, обладающий объективно присущими ему особенностями: «интересы можно согласовать и примирить, потребности – удовлетворить, в то время как идентичности требуют признания. Без учета борьбы за идентичность вовлеченных в политические взаимодействия субъектов не... выстроить стратегические приоритеты и долгосрочные цели развития»². Следовательно, фактор надстройки может быть представлен как базисный, отчего символические акты, еще вчера присущие только полю политики, теперь осуществляются и в поле журналистики. Разительные трансформации порождают новое качество социального пространства – политическое поле журналистики³; в нем осуществляются социально значимые символические смысловые акты, носящие характер ценностного согласия или столкновения субъектов этого поля.

В качестве промежуточного итога зафиксируем, что представление о современном состоянии полей политики и журналистики реализуется по следующим подходам:

- через признание политической турбулентности современной эпохи, в которой происходит трансформация всех ее субъектов, в том числе медийных;
- через учет последствий технологической революции в информационной сфере, массовизации так называемой «цифровой» среды;

¹ Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007. С. 385.

² Семенов И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. 2019. № 3. С. 14.

³ Сидоров В. А. Политическое поле журналистики: субъекты и медийные практики // Век информации. 2020. Т. 8. № 1. С. 54.

– через анализ современного «общества зрелищ» и детерминированного им медиаповедения субъектов информационных отношений в социуме;

– через определение качественно нового состояния информационных конфликтов в обществе – смысловых войн;

– через понимание информационных отношений в социуме как имеющих отношение не к надстройке общества, а его базису.

Ценностные основания информационного взаимодействия в социуме. Сущность рождающихся в журналистике смыслов двойственна. С одной стороны, смыслы как понимание мира журналистом, с другой, как трансляция журналистом уже сложившегося в обществе восприятия мира. Смыслы порождаются как рациональной, так и эмоциональной реакцией человека на окружающее, и потому во многом опираются на устойчивые для личности нормы и стереотипы. Такая особенность сознания индивида при его включении в аудиторию СМИ учитывается в большинстве концепций взаимодействия массмедиа и общества, но сама ценностная природа функционирования журналистики в теоретико-журналистских построениях затрагивается косвенно, что вошло в противоречие со сложившейся социально-политической практикой настоящего времени.

В этом контексте понятен феномен возникшего в начале нового столетия интереса ученых в России и за ее пределами к ценностной природе социального взаимодействия. Философская теория ценностей снова оказалась в эпицентре всеобщего внимания. Рост интереса спонтанный, специально не направляемый и не возбуждаемый, тем не менее, объективный. Это значит, что мыслящая часть общества, нравственно ответственная за состояние его духовной жизни, все более убеждается в своевременности признания важности ценностных констант в социальной практике. Не менее важно противодействие ценностной поляризации общества и всякий раз по-своему понимаемым негативным началам в духовной сфере, несущим в себе социальные деструкции. По большому счету, философия не может быть полноценной, не участвуя в решении данных задач. Поэтому столь важны «усилия философии в разработке идеалов, тесно связанных с условиями жизни конкретных народов, с историей и судьбами Родины, ибо, как говорил А. Ф. Лосев, если философия не питается учением о Родине, то является наивной

и ненужной, а ее “обобщения” представляются слишком пустыми и нежизненными»¹. Ученым, политикам, писателям и журналистам в их оценках событий, фактов, явлений более, чем раньше, стал свойственным ценностный подход. «Современные представления о средствах массовой коммуникации дают возможность рассматривать информационное послание как передачу ценности»².

Вместе с тем, аксиологический поворот в науке, было наметившийся в начале XXI века, не состоялся. Так и оценивают современное состояние теории ценностей философы: «есть множество конференций по широчайшему спектру аксиологических проблем; большое количество сборников, связанных преимущественно с тематикой социально-политических и культуроведческих “применений” аксиологии; издается специальное международное периодическое издание “Journal of Value Inquire”. Вместе с тем, популярность “прикладных” и “прагматических” аспектов аксиологии в современной культуре “компенсируется” снижением ее статуса среди фундаментальных философских дисциплин. Исследователи аксиологии констатируют серьезные проблемы, связанные с ее “теоретическими каркасами”, и методологический хаос, который царит в определениях самого понятия “ценность” и трактовке ценностных отношений, не говоря уже о попытках локализации аксиологии в общей структуре философского дискурса»³. Таким образом, ценностное измерение мира раздвоено: прикладные аспекты аксиологического знания сделали шаг вперед – появились медицинская⁴ и политическая аксиология, плюс к ним аксиология журналистики, в то время как «забуксовала» их базисная составляющая. Разрешение возникшего противоречия – дело будущего, но вряд ли стоит сопротивляться возникшей среди исследователей потребности

¹ Рачков П. А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1995. № 2. С. 19.

² Хочунская Л. В. Медийные «лидеры мнений» как выражение ценностей аудитории // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции. М., 2012. С. 214.

³ Шохин В. К. Аксиология // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0147b7e8f087b539ec51af47?p.s=TextQuery>.

⁴ Ларионова И. С. Здоровье как социальная ценность: Автореферат дис. ... д. филос. наук. М., 2004. С. 8–9.

выстраивать прикладные аксиологии, применяя ценностный подход в изучении тех или иных областей социальной практики.

В философской теории ценностей, которой всего-то чуть более века от роду, есть своеобразные зоны, содержащие до сих пор нерешенные вопросы, которые допустимо даже назвать неразрешимыми, так как ответы на них бывают затруднены реальными обстоятельствами, мировоззрением индивидов, политической идеологией. Разбирая этот аспект, начнем с того, что ценность всегда биполярна. Если добро и красота – ценности, то есть ли основания отказывать в ценностном статусе злу и безобразию? Вопрос по сути центральный в дискуссии о существовании и статусе так называемых «отрицательных»/«негативных», ценностей. «Вопрос не просто терминологический, ибо провозглашение абсолютного добра лишает такого же статуса зло, но тогда, – считает философ, – теряется сам смысл зла как антипода добра»¹. Другой точки зрения придерживаются политологи. Они считают, что «ценность осознается тогда, когда ей противостоит антиценность, понимание добра означает противопоставление ему зла». И это не просто какая-то иная точка зрения на предмет сложного философского спора, это взгляд на практику, в которой абстракция зла овеществляется субъектами политического поля журналистики: «Подрывное воздействие на потенциалы жизнеспособности страны оказывают антиценности [как ложные ориентиры], внедряемые в массовое сознание и институты страны. Речь идет об отношении к теме государственных ценностей как к проблемам информационной войны и ее методам – информационному оружию»².

Действительно, пример с политической аксиологией примечателен. Так, несмотря на кризис в самой философской теории ценностей, появление политической аксиологии стал прагматичным ответом на запросы практики, и потому положение о национально ориентированных ценностях теперь постоянно в политической повестке дня России. Как будто бы парадокс – фундаментальное обоснование аксиологии неустойчиво, а дисциплины, прикладные по отношению к философской теории ценностей, зарождаются и продолжают успешно развиваться. По этому случаю можно высказать два предположения.

¹ Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996. С. 62–64.

² Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 179, 594.

Во-первых, кризис в философской теории ценностей, несомненно, наступил, но, по всей видимости, все же не настолько затронул некоторые ее аспекты, чтобы негативно сказаться на растущих потребностях в ценностном подходе к анализу текущей социальной практики в дисциплинах социально-политического цикла. Вне зависимости от того, как рассматривать зло и заблуждение – антиценностями, отрицанием ценностей и пр., следует исходить от факта реального присутствия зла и обмана в политике. Так что политикам, идеологам, журналистам так или иначе приходится объяснять, какие идеи и события несут в себе отрицание ценностей истины и добра, как все это может и должно отражаться, или уже отражается, в словах и действиях акторов политической сферы, на мифопостроениях и политической риторике массмедиа, на формировании самой повестки дня в публичной сфере социума, на методах противостояния злу и обману в политической журналистике. Это в частности. Конечно, вопрос гораздо шире, речь следует вести не только о политике и журналистике, но и других дисциплинах, в которых изучаются во всем их многообразии вопросы истории и функционирования общества. Это только доказывает, что потребность в ценностном анализе картины мира объективно способствует развитию аксиологии в тех или иных ее проявлениях. Так подрастает эмпирическая база исследований философов, и таково прогрессивное значение становления прикладных аксиологических дисциплин.

Во-вторых, переходя к предмету нашего анализа, заметим, что некоторое сомнение насчет «аксиологического генезиса» аксиологии журналистики все же есть. Да, родство здесь несомненно, но сама возможность отстранения молодой прикладной дисциплины от кризисных явлений внутри материнской для нее, как может показаться, философской теории ценностей настораживает, и ставит знак вопроса насчет генезиса аксиологии журналистики. На поставленный вопрос мы даем свой ответ – утверждаем, что новая научная теория производна, прежде всего, от журналистики. Эта позиция все та же, что ранее уже формулировалась относительно других дисциплин журналистского «гнезда» – социологии журналистики¹ и политологии журналистики².

¹ Сидоров В. А. 10 рассуждений о социологии журналистики: учеб. пособие. СПб., 2012. С. 12–14.

² Корконосенко С. Г. Политическая теория журналистики // Политическая журналистика: учебник / под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2015. С. 14–25.

Журналистская практика, особенно когда непосредственно связана с политикой, всегда оперативно реагирует на интенции политикума, тем более в той их части, если затронуты информационные интересы и потребности социума. Само наличие близкой к практике человека современной медийной среды, где он необременительно для себя выражает собственные мысли и настроения, ведет индивида к обязательности оценивания им фактов медийной жизни – идей и событий в мире. Процедуру оценивания индивид соотносит с интуитивно создаваемой им системой идеалов и ценностей. Такие подходы аудитории СМИ, включаемой в политическое поле журналистики, объективно «подпирают» информационные настроения и методы функционирования основных акторов этого поля. Чтобы понять происходящие под таким воздействием медийные процессы, необходим адекватный им аксиологический анализ, вызвавший к жизни новую журналистскую дисциплину.

Коммуникативные агрессии и фобии как объект аксиологического анализа. Аксиология политической журналистики рассматривается как закономерный этап формирования в области журналистики прикладной философской теории ценностей – это с одной стороны; с другой – нового направления в изучении журналистики и массовых коммуникаций¹. На первый взгляд, в нашем вычерчивании алгоритма исследования есть некоторое несоответствие: не должно частное – аксиология политической журналистики – расширять наше понимание общего – аксиологии журналистики. Но так это смотрится через

¹ См.: *Сидоров В. А., Ильченко С. С., Нигматуллина К. Р.* Аксиология журналистики. Опыт становления новой дисциплины / под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2009; *Сидоров В. А.* Аксиология журналистики: учеб. пособие. СПб., 2016; *Ерофеева И. В.* Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей журналистики начала XXI века): дис... д. филол. наук. СПб., 2010; *Сидоров В. А., Нигматуллина К. Р.* Ценностная поляризация медиасферы России: тенденции и признаки // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2016. Т. 72. № 2; *Сидоров В. А.* Медийное взаимодействие как область соприкосновения ценностей // *Вестник Северного (Арктического) федерал. ун-та. Сер.: гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 5; *Антропова В.* Концепт «Другой» в дискурсе качественных СМИ: репрезентация идентичности и ценностные доминанты // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2020. № 1 (35); *Сидоров В. А.* Ценностное понимание мира в гуманитарном знании XXI века // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 5 (43).

призму традиционного подхода к иерархии научных теорий. В нашем понимании, аксиология политической журналистики выступает не в частном ответвлении общей теоретической разработки, а в качественно ином виде, можно сказать, в новой ипостаси уже известной теории ценностей журналистики.

Формирование категориального аппарата неизбежно при построении определенной теоретической модели, поэтому следом за сделанным уточнением наших представлений о связи понятий «аксиология журналистики» и «аксиология политической журналистики» необходимо обратить внимание на содержательные связи предмета нашего исследования с ценностно-политическим анализом, который, как известно, рассматривается в качестве метода изучения ценностного содержания функционирующих в информационной сфере медийных образов, а сами медиаобразы – в качестве инструмента утверждения ценностей.

Однако в последнее время ценностно-политический анализ стал восприниматься не столько способом изучения медийных фактов, сколько обозначением аксиологии журналистики, а по отношению к политическому контексту начали упоминать «ценностный анализ медиа». До некоторых пор терминологическая разногласия могла показаться несущественной, потому что подразумевалась синонимичность аксиологии журналистики и ценностного анализа медиатекстов, которые, пишет И. В. Ерофеева, «воспринимаются аудиторией как популярная форма коммуникации, подразумевающая активное общение с накопленным культурным опытом». Выходит, что и в этом варианте «ценностное измерение журналистики (с акцентуацией внимания на аксиологических функциях, на культурных явлениях и традициях, на аксиологической сущности института СМИ и творческого процесса в журналистике»¹ рассматривается в качестве еще одного проявления ценностно-политического анализа журналистики. Так что есть необходимость повторить однажды сказанное: «еще не определен особый ракурс рассмотрения ценностной структуры журналистики, исходящий из самой журналистики, а не аксиологии, являющейся частью фило-

¹ Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 3.

софского знания»¹. Таким образом, вопрос о демаркации находящихся на разных уровнях понятий – «ценностно-политического анализа» и «аксиологии политической журналистики» – назрел. Теперь их понимание не может быть сведено к представлению о проявлении в разных формах одной и той же сущности, отныне ценностно-политический анализ будет исполнять отведенную ему роль в категориальной иерархии – инструмента аксиологии журналистики.

Аксиология журналистики – научная дисциплина, изучающая журналистику как источник и ретранслятор ценностей общества в их предметно-смысловом многообразии, а также собственно журналистику как социальную ценность. Данное определение следует понимать в трех аспектах, предопределяющих своевременность постановки вопроса об изучении аксиологии политической журналистики:

1. журналистика органична культурной и политической динамике социума;
2. журналистика репрезентирует и генерирует ценности социума;
3. журналистика как институт общества является социальной ценностью.

В перечисленных следствиях выделим ключевые понятия – культурная динамика, генерация, репрезентация ценностей, социальная ценность в себе, – позволяющие понять, каким образом аксиологию политической журналистики можно рассматривать новым проявлением аксиологии журналистики. По той же причине выделим объект интереса со стороны аксиологии политической журналистики – политическое поле журналистики. И именно здесь обнаруживается нечто существенное для нашего анализа: с одной стороны, названный объект кажется отличным от объекта изучения в аксиологии журналистики, внимание которой в целом сосредоточено на ценностно-смысловом разнообразии мира, политики в том числе; с другой, при внимательном рассмотрении эти же объекты почти сливаются, делаются неотличимыми, один выступает как проявление другого, и наоборот.

Вернемся к суждению политологов, считающих, что ценность осознается, прежде всего, в противостоянии чему-то такому, что мож-

¹ Сидоров В. А. Аксиология журналистики: возможности прочтения проблематики // Теория журналистики: в поисках смысла, структуры и назначения: сб. науч. тр. / под ред. М. Н. Кима. СПб., 2007. С. 56.

но обозначить антиценностью. Иными словами, не познаешь добро, если не видишь зла. Добро и зло взаимодействуют, создают социальную динамику. Это означает, что ценность в статике лишена смысла. Понимание ценности происходит в результате осознания конфликта, который сопровождает жизнь (или сам является жизнью) в социальной, культурной, политической сферах. А при более внимательном взгляде на медийную практику обнаруживается, что любые конфликты в информационном пространстве так или иначе обретают политический облик, вживляются в политическое поле журналистики. Непрерывное функционирование социально заметных конфликтов входит в перечень важнейших свойств политического поля журналистики, является формой протекания в нем информационных процессов, суть которых сводится к столкновению разноименных ценностных начал в образе смысловых войн большей или меньшей интенсивности. Политическое столкновение ценностей в массмедиа становится репрезентативным объектом аксиологического анализа, в котором сходятся важнейшие аспекты функционирования ценностей в обществе.

Таким образом, в той степени, в какой политическое поле журналистики является объектом анализа в аксиологии политической журналистики, последняя представляет собой исследовательские интенции аксиологии журналистики в целом. В границах нашего теоретического построения ценностные конфликты / смысловые войны, проходящие в политическом поле журналистики, становятся непосредственным объектом изучения, с выделением в нем феноменов коммуникативных агрессий и ксенофобий, оказывающих деструктивное воздействие на функционирование медийного пространства, и в этом плане, на поведение его акторов и аудитории.

Коммуникативные агрессии – проявление социальных противоречий в медийной среде – нанесение оппоненту идейно-политического и культурно-нравственного ущерба по каналам массовой коммуникации. Агрессии в медийной среде в форме ценностного конфликта вокруг «символа веры» ведут к политической и культурной поляризации общества и подпитывают предрассудки социума по отношению к «инаковости» – иному образу мысли, иной культуре, иному поведению. Контексты коммуникативных агрессий – политика, культура, спорт, городской быт, межличностные отношения – пронизываются прояв-

лениями обличений, ненависти, оскорблений, угроз в адрес носителей «инаковости» – языков, художественных вкусов, политических взглядов. Причем в политическом поле журналистики фиксируются все отмеченные факты медийных агрессий по отношению к «инаковости», потому что идеологии, формируя политический медиа контент, вбирают в свою орбиту влияния все стороны жизни общества.

Обращает на себя внимание ценностно-смысловое наполнение коммуникативных агрессий. В их основе, говоря обобщенно, противопоставление светлого и темного начал нашего бытия. Естественно, что при этом каждая конфликтующая сторона, всякий актер коммуникативных агрессий оставляет за собой право полагать себя на светлой стороне смыслового сражения – на стороне добра, истины, красоты. Мы не ставим перед собой задачу анализировать те или иные практики медийных агрессий в смысловых войнах, где пришлось бы как-то оценивать позиции конфликтующих сторон. Резонно отстраниться от демонстрации своих политических ценностей и сосредоточить внимание на алгоритме коммуникативных агрессий, целью которых является нечто большее, чем только лишь преодоление/подавление фактов «инаковости» в сознании противостоящей социальной общности. Успешный итог применения агрессивных методов ведения смысловых войн подразумевает, что отныне в сознании всех участников медийного конфликта начинают, во-первых, безоговорочно доминировать политические ценности зачинателей агрессии, во-вторых, происходит низвержение ценностей проигравшей стороны, а также, в-третьих, получают максимально широкое распространение фобии – негативный эквивалент целей и методов действий проигравшей стороны и ее политических ценностей.

Каждой исторической эпохе, с ее неповторимым рисунком культурной динамики, характерны свои фобии. Точнее говоря, особенное их образное представление в массовом сознании, так как негативный эквивалент смыслов терпящей поражение стороны не то же самое, что сама зародившаяся в сознании индивидов фобия. Например, в Средние века страхи перед эпидемиями чумы, нашествиями диких завоевателей, обнищанием находили примитивное объяснение своему происхождению в происках Дьявола. Ужас, вызываемый его мифической фигурой, заменял в воображении человека любые другие материально

осязаемые страхи. В общественной жизни фобии служили своеобразной дымовой завесой, были призваны направлять внимание социума по ложному следу. За все века истинный смысл культивации фобий так и не изменился. В настоящее время сознание общества поражено новым видом фобии – страхом перед опасностями, которые таятся в глубине «цифровой» среды и олицетворены в образе хакера. При этом киберугрозы не ложные, а вполне реальные: так, потери от преступлений в банковской сфере исчисляются сотнями миллионов долларов, исчезают средства с кредитных карточек граждан, нарушается бесперебойная работа электростанций, крадутся секреты партий, армии, органов власти. В этих условиях киберугроза, муссируемая в медийной среде, превращается в навязчивый, иррациональный и неконтролируемый в своей основе страх. Киберфобия поражает практически все социальные страты, влияет на журналистов и на все другие медийные персоны. Распространение новой фобии в информационном пространстве объективно предопределено и всегда включено в аргументацию политики и пропаганды.

Кибермошенничество в сетевой среде с кредитными картами, вкладами – именно это явление, ставшее в жизни, увы, повседневным, – легло в основу сотворения нового образа Дьявола. Жертвами мошенничества в киберсреде стали магазины, общественные фонды, банки, рядовые граждане. Мошенники часто остаются безнаказанными. Именно перед ними подавляющее большинство людей считает себя беззащитным. Это чувство подогревается многочисленными публикациями в СМИ о преступлениях хакеров в той или иной форме. Так в мировом медийном пространстве хакер стал негативно известной фигурой. На сайте ИноСМИ с 01.01.2016 г. по 31.12.2019 г. обнаружено 985 публикаций, отсылающих читателя к образу хакера, причем в 645 случаях речь идет о русских хакерах. Также установлено, что за тот же период число публикаций, в которых затрагивается вопрос о смысловых войнах, – 3500.

Кибермошенничество вызвало реакцию отторжения социума от происходящего в «цифровом мире», и это в условиях, когда большинство граждан уже не могут без него обходиться. Очень многие события в «цифровой» среде вызывают недоверие. В глазах общества кибермошенничество – собирательное понятие, обозначающее преступные дей-

ствия против безопасности личности, его прав и свобод. Олицетворение преступных деяний – хакер. Мы провели анализ его репрезентации на информационно-аналитическом портале ИноСМИ¹: вовлекаемые в его оборот публикации мировой прессы несут в себе мощные пласты сведений по проблематике ксенофобии, во всем ее многообразии. В ходе анализа отобранных статей установили, что в них отражены проблемы киберпреступности и связанные с ними социальные страхи. Фобии репрезентированы через постановку в статьях утверждений, способных спровоцировать сильную тревогу в читательской аудитории.

В нашу статистику о хакерах были включены сообщения как о киберпреступности финансового порядка, так и политического. В первой группе выборки общий знаменатель выступает в виде проблем информационной безопасности, в которой нуждаются все – государство, бизнес, рядовой гражданин. Во второй группе – общий знаменатель представлен информацией о правонарушениях политического характера в «цифровом» мире, что является отражением не только на самом деле произошедших событий, но и привнесенных туда усилиями субъектов политической пропаганды – слишком велик соблазн использовать киберфобию в сиюминутных политических целях. Разделительная линия между двумя кластерами носит принципиальный характер: в первом случае киберпреступность космополитична, не знает границ; во втором – напротив, границы между мирами и государствами отчетливо проводятся политиками и журналистами.

Заключение. Понять циркулирующие в современной медиасреде фобии, а главное, объективные социальные события и процессы, которые эти фобии олицетворяют, определить их место в механизмах коммуникативных агрессий значит изучить явления политического поля журналистики, его функционеров в качестве акторов смысловых войн, проанализировать ценностные конфликты как динамичный индикатор политических отношений в обществе и на международной арене. Все это в совокупности и должно явиться обозначением, прерогативой исследовательских задач аксиологии политической журналистики.

¹ ИноСМИ – портал аналитических обзоров, принимаемых на постоянной основе. Принадлежит Российскому информационному агентству (РИА) Новости; финансовая поддержка осуществляется Федеральным агентством печати и информации России (Роспечать).

Политическая журналистика в сетевой среде: основные принципы Петербургской школы в мировом контексте

«Мы изучаем деревья, а не лес»¹, – справедливо отмечает испанский ученый Рамон Салаверрия в своей обзорной статье, посвященной 25-летию исследований в области цифровой журналистики. Салаверрия обозначил лишь одну из основных проблем, возникающих из-за перекоса в исследовательских тенденциях – в первую очередь на Западе. Но именно эта проблема представляется нам наиболее значимой в контексте того, о чем пойдет речь в нашем небольшом манифесте, поскольку концентрация внимания исследователей в области медиа на частностях неизбежно оказывает влияние на развитие теоретического компонента медиаисследований и нередко не самое хорошее.

Салаверрия говорил о цифровой журналистике в целом, но его мысль можно отнести и к исследованиям политической журналистики в сетевой среде – направлению, которое только начинает оформляться в рамках Петербургской научно-педагогической школы журналистики, но уже приобретает некоторые специфические черты, характерные для данной школы. Многие из этих особенностей как раз направлены на преодоление разобщенности между теорией и журналистской практикой, на исправление ряда недоработок, возникающих из-за неумелого использования общетеоретических методов (или даже полного их игнорирования), на переосмысление роли технологий в реализации своей профессиональной деятельности журналистами.

Не будем сразу обращаться к анализу традиций Петербургской школы, которые, к тому же, только формируются в рамках обозначенного нами проблемного поля. Сначала будет логичнее поговорить о мировых тенденциях в этой предметной области, чтобы затем ответить на два главных вопроса: во-первых, какое влияние оказывает Петербургская научно-педагогическая школа на исследования политической

¹ *Salaverria R. Digital journalism: 25 years of research. Review article // El profesional de la información. 2019. 28 (1). P. 2.*

журналистики в сетевой среде, а во-вторых, что Петербургская школа может дать мировому сообществу медиаисследователей?

Глобальные тенденции в исследованиях сетевой политической журналистики: кратчайший обзор. Данный раздел во многом основан на исследовании, проведенном группой ученых под руководством Стеена Стеенсена, в котором изучались аннотации, ключевые слова и списки литературы всех статей, опубликованных в авторитетном журнале *Digital Journalism* с момента его запуска в 2013-м году по 2018 год¹. Также более подробный разбор глобальных тенденций, оказывающих влияние на исследования цифровой журналистики, в том числе и политической, можно получить в нашей статье «Журналистика в цифровой среде: тенденции и проблемы научного исследования»².

Первая характерная черта исследований в области цифровой журналистики – это их междисциплинарность, обусловленная многообразием форм и способов функционирования журналистики в обществе. На глобальном уровне политический подход все еще популярен: Стеенсен и его соавторы пишут, что комбинация дисциплин «политология + технологии» в журнале *Digital Journalism* находится на втором месте по популярности, уступая лишь комбинации «социология + технологии». Несмотря на то, что авторы рассматривали всего лишь один журнал, мы считаем возможным зафиксировать популярность этой предметной области. Есть основания предполагать, что интерес к изучению политической журналистики в сетевой среде будет стабильно высоким и дальше, поскольку это заложено в западной образовательной практике: во многих университетах Европы факультеты журналистики выделялись из факультетов политологии, а в некоторых университетах они до сих пор объединены под одной крышей (в качестве примера можно привести факультет политологии и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани). Получается, что доминирование политической сущности журналистики в Европе закладывается уже на уровне обучения будущих журналистов. Любопытно сравнить это с

¹ *Steensen S., Grøndahl Larsen A., Benestad Hågvær Y., Kjos Fonn B.* What Does Digital Journalism Studies Look Like? // *Digital Journalism*. 2019. 7 (3). P. 320–342.

² *Курушкин С. В.* Журналистика в цифровой среде: тенденции и проблемы научного исследования // *Век информации*. 2019. № 4. С. 11–19.

российской практикой, в которой факультеты журналистики зачастую выделялись из филологических.

Однако интерес к политической составляющей журналистики – это одно дело, а его реализация – совсем другое. Ряд тенденций, выделенных Стеенсенем и его соавторами, навеивает тревожные мысли о будущем изучения политической журналистики в сетевой среде. С одной стороны, интерес к изучению аудитории и большое количество цитирований книги «Журналистика участия» Джейн Сингер представляются вполне оправданными: роль аудитории в потреблении и создании контента, в появлении и трансляции смыслов на самом деле существенно изменилась. С другой стороны, на практике интерес к аудитории приводит к появлению большого массива эмпирико-ориентированных исследований («мы изучаем деревья...») со слабо проработанной теоретической базой («...а не лес»). Появление большого количества метрик, упрощающих сбор данных об аудитории, подталкивает исследователей к выбору позитивистского направления, но выраженные в числовых показателях данные не всегда интерпретируются грамотно – во многом за счет отсутствия или недоосмысления теоретико-методологических оснований исследования.

Вполне предсказуемым оказывается интерес западных ученых к технологиям. Зачастую концентрация на технологических аспектах функционирования политической журналистики в сетевой среде приводит к игнорированию других исследовательских направлений, например, вопросов, связанных с профессиональной культурой журналиста. Впрочем, уже сейчас некоторые авторитетные ученые призывают переосмыслить роль технологий при изучении журналистики. Почетный профессор государственного университета Боулинг Грин (Огайо, США) Оливер Бойд-Барретт предостерегает «избегать соблазнов технологической определенности – ошибки приписывания технологиям некоторых последствий СМИ, которые более уместно приписывать людям, интересам и социальным формированиям, приведшим к развитию технологии»¹.

Наконец, выделим еще две черты, характерные для западных школ изучения журналистики. Первая – терминологическая разобщенность,

¹ *Бойд-Барретт О.* Медиа империализм. Харьков, 2018. С. 16.

которая приводит к тому, что в разных странах используются разные термины для обозначения одного и того же явления («цифровая журналистика», «онлайн-журналистика», «интернет-журналистика» и т. д.). Вторая – не так часто исследуются сами журналисты, транслируемые ими ценности, вопросы психологии журналистики и истории журналистики. Отсутствие осмысления эволюционных процессов в области медиа может приводить к появлению монструозных терминов, обозначающих как новые те явления, которые давно вошли в журналистскую практику. Вспомним о первом пункте и добавим к этому не всегда грамотную работу с терминологией и получим, например, «пост-правду» – невнятный термин, за которым не скрывается ничего из того, чего не было в журналистике раньше.

Приятно осознавать, что некоторые из обозначенных проблем пытается решить Петербургская научно-педагогическая школа журналистики.

Изучение политической журналистики в сетевой среде. Основные принципы Петербургской школы. Можно условно выделить две группы особенностей Петербургской школы (будем называть ее так для краткости, подразумевая Петербургскую научно-педагогическую школу журналистики) в области изучения политической журналистики в сетевой среде: общие тенденции, формирующиеся традиции, которые постепенно приводят к появлению Петербургской школы изучения политической журналистики в сетевой среде, и достижения, находящие непосредственное отражение в практической деятельности.

Первая группа особенностей Петербургской школы заключается в формировании некоторых принципов, применяемых при изучении политической журналистики в сетевой среде. Важнейшим из них является принцип *антропоцентричности*. В центре внимания Петербургской школы всегда остается человек, что помогает избежать технологической определенности, о которой писал Бойд-Барретт. Причем интерес к человеку не ограничивается сбором больших массивов, данных и попытками их интерпретировать, напротив, для Петербургской школы характерен отказ от обезличивания личности, от попыток спрятать личность за цифрами и статистикой. Для политической сферы этот принцип крайне важен: как показывает практика, далеко не всегда ориентация на позитивизм позволяет успешно прогнозировать события,

что ярко демонстрирует победа Дональда Трампа на президентских выборах в США вопреки данным социологических опросов.

Концентрация на человеке как на центре журналистики приводит ко второму принципу Петербургской школы – отстаиванию собственно журналистики. В то время как западные исследователи концентрируются на возрастающей роли аудитории, их петербургские коллеги изучают профессиональную культуру журналиста, сетевые СМИ в динамике общеисторического развития журналистики¹, ценностные и политические аспекты функционирования сообществ сетевых СМИ² – все то, что часто проходит мимо западных коллег. Важно помнить, что политическая журналистика – это деятельность людей для людей, которая, к тому же, может привести к реальным политическим действиям. Пытаясь спрятать политическую журналистику за «медиа», «коммуникациями» и «контентом» (при всей важности изучения этих областей), мы проигнорируем саму жизнь, реальную практику создания и потребления журналистских материалов.

Третий принцип Петербургской школы можно назвать *терминологической определенностью*. Петербургские исследователи стремятся к унификации терминов, созданию непротиворечивой терминологической базы при отказе от создания искусственных конструкций и калькирования их. Поэтому в Петербургской школе не прижился термин «фейк ньюс» – нет необходимости в создании нового термина, описывающего старое явление. Очень много внимания уделяется точности и непротиворечивости терминов. В этом разделе мы используем громоздкое, но более подходящее по значению сочетание «политическая журналистика в сетевой среде», поскольку напрашивающаяся «сетевая политическая журналистика» выводит на первый план технологический фактор, в то время как выбранное нами выражение ставит во главу угла журналистику. В некоторых случаях принципиальным становится применение к современной действительности уже

¹ Корконосенко С. Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? // Ученые записки ЗабГПУ. Серия: филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 234–239.

² Курушкин С. В. Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ (на материалах интернет-СМИ России): дис. ... канд. полит. наук / Санкт-Петербургский гос. ун-т. 2017.

введенных в научный оборот терминов: так, в одном из исследований ценностно-политические дискурсы сообществ российских СМИ были названы «сакральным» и «профанным», что подчеркнуло глубокую теоретическую связь этого исследования с работами М. Вебера и М. Элиаде¹.

Перечисленные принципы влияют на методологическую основу работ, посвященных политической журналистике в сетевой среде. В Петербургской школе активно используется интерпретативный подход и соответствующие методы: интен-анализ, неформализованный контент-анализ, социолингвистический анализ, медиапортретирование и т. д. Конечно, при анализе политической журналистики в сетевой среде трудно (и незачем) полностью игнорировать количественные методы – тем более что процесс сбора данных с развитием технологий значительно упростился. Однако для Петербургской школы характерен постоянный поиск идеального баланса между количественными и качественными методами, что представляется нам крайне важным для анализа политической журналистики. За числами скрываются реальные намерения людей и их склонность к выполнению конкретных политических действий. Игнорируя качественные методы, мы не сможем ни спрогнозировать эти действия, ни даже просто детально описать политическую обстановку.

Четыре принципа, выделенные нами, приводят нас к простому, но в то же время крайне важному выводу: для Петербургской школы крайне важна теоретическая основа исследований политической журналистики в сетевой среде. Но это не означает полное игнорирование эмпирических исследований, а, скорее, говорит о попытках более обстоятельно взглянуть на политическую журналистику, увидеть за деревьями лес. Не зря отмечается, что отсутствие теоретического базиса исследования или его недостаточная проработка говорят нам о слабой связи автора с конкретной научной школой².

Эти принципы находят свое отражение в реальной практической деятельности, некоторые аспекты которой рассмотрим подробнее.

¹ Там же.

² *Khubetcova Z., Korkonosenko S., Blokhin I., Kolodiev N., Kurushkin S.* Theoretical and methodological culture of journalism research in Russia // *Journal of Interdisciplinary Research*. 2019. 9 (1). P. 82.

Санкт-Петербургский государственный университет является одним из немногих мест, где можно получить степень кандидата политических наук по специальности «Журналистика». Этим активно пользуются молодые исследователи, которые изучают политическую журналистику. Также Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ предлагает ряд возможности для апробации исследований в области политической журналистики в сетевой среде: в рамках конференции «Стратегические коммуникации в бизнесе и политике» проводится секция «Политические стратегии и политическая журналистика», темой 25-й международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века» была выбрана «Человек. Политика. Медиа», что еще раз подтверждает антропоцентричность Петербургской школы. Политические вопросы регулярно затрагиваются на форуме «Медиа в современном мире. Петербургские чтения».

Нельзя не сказать и о публикациях исследователей Петербургской школы, в которых так или иначе затрагиваются проблемы функционирования политической журналистики в сетевой среде. Это, конечно, близкие по теме коллективные монографии «Сетевые СМИ российского мегаполиса»¹ и «Современный российский медиаполис»², в которых рассматриваются вопросы власти и регулирования и некоторые особенности взаимодействия политических журналистов с аудиторией в изменившихся коммуникативных условиях. Важным этапом в развитии Петербургской школы явилось создание книжной серии «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций», в рамках которой вышли такие коллективные монографии как «Теория журналистики в России»³ и «Коммуникативные агрессии XXI века»⁴. В работе, посвященной коммуникативным агрессиям, очень сильно представлен политологический блок, причем к петербургским исследователям присоединились зарубежные коллеги из Польши и Сербии, что привело к формированию на страницах книги своеобразного диалога культур, а разница в методологических подходах стала еще заметнее.

¹ Сетевые СМИ российского мегаполиса / под ред. И. Н. Блохина, С. Г. Корконосенко. СПб., 2011.

² Современный российский медиаполис / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2012.

³ Теория журналистики в России / под. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018.

⁴ Коммуникативные агрессии XXI века / под. ред. В. А. Сидорова. СПб., 2019.

Петербургская школа, впрочем, не только научная, но и педагогическая. Многие годы в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций реализовывалась магистерская программа «Политическая журналистика». О последовательности отстаивания принципов антропоцентричности и концентрации на исследованиях журналистики говорит наличие в учебном плане программы дисциплины «Психология политической журналистики». В некоторых вузах реализуется похожая дисциплина – «Психология политической коммуникации», но именно в Петербурге на смену коммуникативистике пришла журналистика, в результате чего курс претерпел значительные изменения: стало больше обращений к реальной журналистской практике, предметное поле сузилось, но стало глубже по содержанию, и, конечно, особое внимание стало уделяться психологии политической журналистики в сетевой среде. В рамках дисциплины «Произведение политической журналистики» магистранты готовили тексты для онлайн-проекта, посвященного политической истории России XXI века – удивительным образом здесь объединились и антропоцентризм Петербургской школы, и внимание к журналистике как к особому виду социально-ориентированной деятельности, и интернет-технологии, и историзм как метод познания действительности.

Будущее исследований политической журналистики в сетевой среде во многом зависит от того, какими принципами вооружится научное сообщество. Все чаще слышны мнения о том, что засилье эмпирических медиаисследований не идет на пользу современной науке, что нельзя игнорировать историю и эволюционное развитие средств массовой информации, что необходимо заново открывать человека в технологичном мире. В таких условиях принципы, выработанные исследователями Петербургской школы, представляются нам обращенными в будущее, когда эйфория от технологического прогресса сойдет на нет, и мы останемся один на один с нерешенными проблемами. Конечно, петербургские традиции исследования политической журналистики в сетевой среде только формируются, но уже сейчас понятно, насколько они могут быть важны в глобальном контексте. Вестернизация медиаисследований – тупиковый путь, поскольку культурный и социальный контекст зачастую остается изученным слабо. Главное достоинство Петербургской школы – адаптивность к различным ус-

ловиям, что и дает нам основания говорить о ее возможном влиянии на смену методологических подходов в исследованиях политической журналистики в сетевой среде. Ведь в конечном счете нам предстоит ответить на простой вопрос: «Хотим ли мы увидеть за деревьями лес?»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сергей Васильевич Курушкин, кандидат политических наук, старший преподаватель Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

Исследования политической коммуникации: концептуальные подходы и прагматика

Введение. Значение политических коммуникаций возрастает сегодня экспоненциально: на наших глазах они творят, конструируют, меняют политическую реальность. Соответственно и исследования в этой сфере с каждым годом привлекают все большее внимание ученых. В настоящее время можно с уверенностью констатировать: политическая коммуникативистика прошла все стадии институционализации, окончательно оформившись как самостоятельное научное направление. В то же время в российском научном сообществе о ней предпочитают говорить как о субдисциплине, становление которой пока далеко от завершения¹. Между тем в последние два десятилетия исследовательская база отечественной коммуникативистики и с точки зрения методологии, и с точки зрения прикладного инструментария, накапливается очень быстрыми темпами. Оценить нынешнее состояние этой молодой науки – задача весьма непростая, но необходимая. Попытка ее решения и осуществляется в данной статье.

Целесообразно начать с исторического экскурса в область политической коммуникативистики, который одновременно позволяет осуществить краткий обзор корпуса изданий, отражающих накопленные ею достижения.

Зарубежные подходы к изучению политических коммуникаций. В качестве точки отсчета в литературе предлагается рассматривать середину прошлого, XX века – именно тогда окончательно оформляется предметное поле данного научного направления. При этом исследователи, давно занимающиеся проблемами генезиса политической коммуникативистики, склонны выделять в ее становлении несколько этапов².

¹ Политические коммуникации. Учебное пособие. / Под ред. А. И. Соловьева. М., 2004

² Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникация // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / отв. редакторы О. В. Гаман-Голутвина, С. В. Патрушев. М., 2018. С. 420–421.

С начала XX века вплоть до его середины коммуникация изучалась преимущественно в рамках политической пропаганды, общественного мнения, СМИ. В последующие два десятилетия (1950–1970-е годы) основное внимание фокусируется на анализе политических аттитюдов и их изменений под воздействием коммуникации («теория полезности и удовлетворения потребностей» Э. Каца и др.). В 1970–1980-х годах коммуникативный подход включает рассмотрение социальных и политических процессов – анализ коммуникационных стратегий, используемых при проведении избирательных кампаний; роль массмедиа, конструирующих особую печатную и электронную медиареальность, с которой непосредственно имеет дело электорат; процесс принятия политических решений и его коммуникационное сопровождение. С конца 1980-х по 2000-е годы начинают изучаться вопросы властного воздействия и противостояния ему посредством коммуникации, окончательно конституируется элитология как самостоятельное направление политической науки, внутри которого особое место начинает занимать концепт медиаэлит и методология его изучения (П. Куртц, К. Ньютон, Д. Грейбер и др.¹). Наконец, с 2000-х годов фокус научного интереса смещается в сторону интернет-коммуникаций и феноменов виртуальной реальности – электронного правительства, виртуальной демократии, электронного участия, интернет-петиций и пр.

Метатеоретическими основаниями становящейся политической коммуникативистики стали идеи бихевиоризма (Г. Лассуэл, У. Липпман), политической кибернетики (К. Дойч), структурно-функционального анализа (Г. Алмонд, Дж. Коулман), позднее пополнившиеся целым рядом новых подходов (один из наиболее системных вариантов их типологии представлен в работе Р. Мидоу²).

В ряду этих подходов особый статус принадлежит теории политического дискурса и методу дискурсного анализа, появившимся благо-

¹ Kurtz P. The New Mediocracy: a Threat to Democracy // Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Paranormale. URL: <http://www.cicap.org/new/articolo.php?id=101001>; Newton K. May the Weak Force be With You: the Power of the Mass Media in Modern Politics // European Journal of Political Research. 2006. Vol. 45. P. 209–234; Lichter S. R., Rothman S., & Lichter L. The Media Elite: America's New Power-brokers. Bethesda, MD, 1986.

² Meadow R. G. Politics as Communication. Norwood, N. J., 1980.

даря работам едва ли не самого значимого авторитета в этой области голландского ученого Тена ван Дейка. Ряд исследователей, отстаивающих значимость нового подхода, занимают следующую позицию: методология дискурс-анализа представляет собой «бунт» против методологии системного, структурно-функционального анализа Т. Парсонса и старого институционального анализа. Окружающий мир – это не только «вещи», «структуры», «товар», которые можно осязать, ощутить, но это и смыслы, образы, ценности, рождающиеся в процессе обсуждения, коммуникации, формирующие социальный порядок, который может изменяться под воздействием практики и возникающих видов коммуникаций. Типичными темами исследований дискурса в сфере политических коммуникаций стали формирование политических убеждений, политические суждения, стереотипы, политические идентичности, общественное мнение, формирование политических представлений, имидж политиков и многие другие проблемы. Примечательно, что политическая дискурсология инициировала острый интерес исследователей к изучению политического языка, сделав, таким образом, политическую семиотику составляющей предмета политической коммуникативистики. Немецкий политолог Ульрих Саксер, говоря о роли политического языка в современных коммуникационных процессах, акцентирует внимание на следующем: знаковые политические системы обращаются не просто к разбросанным в пространстве и времени многочисленным «публикам», но – прежде всего – к разным интересам, к возможности взаимодействия, коммуникации между ними, без чего не бывает политики¹.

Наряду с политической семиотикой, к наиболее востребованным в последнее время коммуникативным подходам относится концепция «установления повестки дня» (*agenda-setting*). С позиции данной концепции, воздействие медиа на общество имеет в определенном смысле «конструирующий» характер: как только СМИ приступают к активному освещению тех или иных фактов и проблем, эти факты и проблемы тут же начинают восприниматься различными аудиториями в качестве наиболее важных и значимых по сравнению с остальными. При этом

¹ Цит. по: Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. URL: <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/309381-2-dialog-kvazidialog-kommunikativnih-teorijah-demokratii-rostov-na-d.php/>.

создание, конструирование публичной повестки дня формируется как результат трех относительно автономных повесток: государственно-политической, медийной и корпоративной, которые взаимодействуют и конкурируют в социальном пространстве. В современных условиях акторами, оказывающими влияние на конструирование повестки, становятся блогеры, статусные персоны (прежде всего, политически значимые фигуры), профессиональные журналисты, эксперты, пользователи социальных сетей и т. д.

Следует подчеркнуть: в последние десятилетия в коммуникативистике резко актуализировались эмпирические исследования. Так, в концепции agenda-setting для проверки наличия эффекта установления повестки дня используется разработанный М. Маккомбсом и Д. Шоу «гибридный» метод: чтобы зафиксировать этот эффект, необходимо провести процедуру сопоставления реальных индикаторов (в качестве которых могут использоваться самые различные данные – количество безработных, число мигрантов и пр.), результатов контент-анализа и опросов общественного мнения. Вместе с тем, при всей значимости прикладных, эмпирических исследований, сегодня оформляется реальная угроза определенного дисбаланса в их сторону: подчас результаты таких исследований выступают едва ли не главным аргументом доказательства любой гипотезы, любого выдвинутого тезиса.

Направления исследований в российской политической коммуникативистике. В российской науке разработка концепта «политические коммуникации» началась гораздо позднее зарубежных аналогов – на рубеже 1980-х–1990-х годов. Ряд российских авторов связывает введение в обиход этого термина с выходом в свет книг Л. М. Земляновой, прежде всего, работы «Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций»¹. Можно сказать, что теория журналистики, занимающаяся изучением коммуникаций в политической сфере, в определенном смысле стояла у истоков отечественной коммуникативистики.

В последующие два десятилетия начинают складываться ориентиры этого научного направления, и одновременно формируется дискурсивное пространство, представляющее собой своеобразную дискусси-

¹ *Землянова Л. М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый слов. терминов и концепций. М., 1999.

онную площадку, в рамках которой апробируются различные точки зрения и подходы. При этом в фокусе полемики продолжает оставаться предмет политической коммуникативистики – вокруг этой проблемы ведут споры представители самых разных наук – от политологов до журналистов и социологов. Тем не менее, в результате начинает вырабатываться общее понимание предметного поля научной дисциплины: объектом политической коммуникативистики не может быть отдельная область знания, поскольку это может легко увести от самого предмета – политических коммуникаций: объект анализа должен находиться в зоне пересечения различных интересов.

Сегодня предметное поле политической коммуникативистики представляется то многосоставным, включающим политическую дискуртологию, семиотику, лингвистику и т. д., то многослойным, когда за вербальной артикуляцией скрываются глубокие значения, – это, действительно, сложный феномен, имеющий немало форм выражения, смыслов, средств, функций существования всего политического.

Так, от теории политической кибернетики, предложенной К. Дойчем и рассматривающей политику как коммуникационный процесс координации усилий людей по достижению поставленных целей¹, оттачивается сетевой подход, развиваемый учеными петербургской школы политологии – Л. В. Сморгунным, А. В. Курочкиным, И. А. Быковым и др.

Поскольку на сегодняшний день Интернет выступает в качестве самостоятельного и обладающего собственной спецификой политического коммуникационного пространства, анализ его особенностей, во многом определяющих модели и форматы сетевой политической деятельности, оказывается в центре внимания целой плеяды исследователей: это представители и краснодарской школы (Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко и др.), известной своими исследованиями в области интернет-технологий; и нижегородской, занимающейся изучением, прежде всего, форм цифрового политического участия (Н. К. Радина и др.); и екатеринбургской (Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг и др.), исследующей феномен электронного правительства и системой его коммуникаций с населением; и московской (прежде всего, ученые

¹ Дойч К. Нервы управления. Модель политической коммуникации. М., 1993.

МГУ), диапазон интернет-исследований которой достаточно широк – новые «сетевые» элиты и их взаимодействие с общественностью, формы коммуникационного консалтинга и эффективность коммуникативных технологий в интернет-среде. Нельзя обойти вниманием и весьма серьезные разработки Санкт-петербургских ученых (прежде всего, в СПбГУ), занимающихся исследованием в интернет-пространстве коммуникативного поведения различных социальных категорий – от политических элит до обычных пользователей (С. С. Бодрунова, А. С. Смоларова и др.).

В то же время, чтобы быть комплексным, описание политической коммуникации должно дополняться принципом символической интеракции на основе ролевого рефлексивного обмена. Только так можно от кибернетической схемы приказа-повиновения перейти к описанию диалога, который выступает одной из форм политического общения, особенно в условиях демократических режимов.

Актуализация данного принципа привела к формированию научных школ, функционирующих в русле изучения полилоговых видов политической коммуникации. Одна из ведущих школ этого направления сложилась в Санкт-Петербургском государственном университете под руководством С. Г. Корконосенко. Предметом научного интереса коллектива, работы которого стали заметным событием¹, выступает информационно-коммуникационная составляющая политики, а результатом его многолетней плодотворной деятельности – обоснование появления новой дисциплины «Политология журналистики»² и соответствующей магистерской программы.

Вместе с тем необходимо учитывать: научное знание не обладает абсолютной самоценностью, оно имеет важную практическую составляющую, а именно «обречено» на то, чтобы предлагать пути реализации полученных знаний в человеческой деятельности.

¹ Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. Тула, 1992; Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014; Медиа накануне постсекулярного мира: коллективная монография / под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2014; Хубецова З. Ф. Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос.: в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации. СПб., 2017.

² Политическая журналистика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2015.

Если теоретическим основаниям политических коммуникаций свойственны выявление сущностных черт и характеристик взаимодействия политических акторов, раскрытие связей между ними, то потребность в решении конкретных задач политического общения, поиске способов и технологий достижения коммуникативных целей определяет особый подход к изучению сферы властных отношений.

Примечательно, что прагматический интерес к этой сфере, как за рубежом, так и в России, связан, прежде всего, с исследованием политической пропаганды, начало которому было положено еще в первой половине XX века. Именно тогда сложились ответы на вопросы: какие цели преследует пропагандистский механизм, как он устроен, каков арсенал его средств и методов? Поле изучения этих проблем стали классические тоталитарные режимы 1930–1960-х годов. Сегодня, когда Интернет стал едва ли не главной площадкой идеологической борьбы, фокус внимания исследователей сосредоточен преимущественно на сетевом инструментарии пропагандистского воздействия – фейках, виртуальных спецмероприятиях и т. д., а также на контрпропагандистских технологиях¹.

На рубеже веков концепт «политическая коммуникация» стал наполняться другими содержательными понятиями, связанными, в большей степени, с прикладным аспектом: «политический маркетинг», «политический PR», «связи с правительством (GR)», «лоббизм», «технологии политической мобилизации» и др.² Как компонент прикладного знания, политический анализ сосредоточен на описании и изучении конкретной проблемы, в решении которой заинтересован субъект. В этом случае структура и содержание политического анализа основаны не только на описании исследователем событий и явлений, но и на запросах «заказчика» – субъекта, определяющего цель решения про-

¹ См.: *Евдокимов В. А.* Пропаганда в Интернете // Полис. 2012. № 4. С.137–142; *Володенков С. В.* Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций // PolitBook. 2018. № 3. С.6–21.

² *Ольшанский Д. В.* Политический PR. М.: СПб.: Н/Новгород: Воронеж, 2003; Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации. Монография. Науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. М., 2016; GR и лоббизм: теория и технологии: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М., 2017.

блемы. В результате аналитики формируют стратегию, которая создает возможность изменения ситуации до параметров, устраивающих потребителя.

В этом случае весьма симптоматично выглядят слова Т. ван Дейка: «Иллюзия свободы и разнообразия достаточно часто является результатом действия технологий, которые служат интересам властных групп, в том числе и компаний, производящих эти технологии»¹. В то же время, по мнению ряда исследователей, такая зависимость от интересов «заказчика» свидетельствует не о конъюнктурности политического анализа, а о его сложности и многогранности в оценке ситуации, поскольку в ее рамках соприкасаются интересы конкурирующих групп². Эксперт прилагает усилия, чтобы обеспечить научность оценки существующего положения с учетом интересов клиента.

Многие эксперты сходятся во мнении, что существенную роль в данном процессе играет образ победившего кандидата, формируемый под влиянием политической рекламы, дебатов и сообщений в выпусках новостей, транслируемых по каналам СМИ на коротком отрезке предвыборной гонки. Несмотря на то, что предложить некую универсальную модель имиджа победителя не представляется возможным, опубликованные в последние годы работы зарубежных (Т. Гитлина, Д. Грабер, Р. Харта и др.) и отечественных (А. Чумикова, И. Минтусова, О. Березкиной, Е. Сучкова и Е. Малкина) ученых позволяют говорить о том, что массовую аудиторию все больше интересуют не столько позиции кандидатов по поводу каких-либо конкретных политических вопросов, сколько их личные качества: сила характера, уверенность в себе, лидерские способности, склонность к состраданию и т. п., немалый интерес вызывает также и финансовое положение претендентов на выборные должности.

Очевидно, что этот пласт – практико-ориентированные исследования – в ближайшие годы будет интенсивно развиваться, в том числе, и потому, что кризисная ситуация 2020 года выдвинула серьезные вызовы, связанные с появлением новых явлений и процессов (сovid-дисси-

¹ *Тен ван Дейк*. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М., 2013.

² *Соловьев А. И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2006.

дентство, способное стать реальной политической силой; новые виртуальные технологии мобилизации – методы «клавиатурного протеста» и т. д.).

Выводы. Сегодняшний этап развития знания вполне можно назвать периодом конструирования новой научной дисциплины – политической коммуникативистики, многосоставной характер предметного поля которой, определяемый всепроникающим существованием коммуникации, привел ученых к выводу о появлении коммуникативного метода исследования и даже особой коммуникативной методологии познания социальных и политических процессов и институтов¹. Вместе с тем процесс ее институционализация продолжается: ведется поиск новых концептуальных оснований для более точного обоснования выдвигаемых положений; осуществляется непосредственное изучение практики политических коммуникаций; формируются сообщества ученых, интересующихся данной тематикой, и публичные площадки для дискуссий.

Каждая из многочисленных традиций изучения коммуникаций имеет собственные способы концептуализации и обсуждения коммуникативных проблем и практик, каждая апеллирует к одним положениям и оспаривает другие. Только в ходе диалога между ними, когда они одновременно дополняют и опровергают друг друга, может родиться теоретический метадискурс. Тем самым политическая коммуникативистика априори носит междисциплинарный и интегративный характер.

Прагматическое же предназначение этой научной дисциплины заключается в том, чтобы показать и предоставить гражданам, альтернативным политикам коммуникативные механизмы контроля и управления, воплощение которых в практику может сделать жизнь людей более стабильной и безопасной.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вера Алексеевна Ачкасова, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой связей с общественностью в политике и государственном управлении СПбГУ.

¹ Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С.41–54.

Психологическая культура Петербургской школы журналистики

Психологическое изучение журналистики в рамках научной школы Санкт-Петербургского университета пережила за последние десятилетия сращение приемов психологии, социологии, филологии, менеджмента, журналистики. В СМИ используются психологические знания и методики при создании и демонстрации произведений; практическая психология, в свою очередь, изучая журналистские методы, расширяет диапазон воздействия массовой коммуникации. Психологи с большим интересом и пользой для других наук изучают медиатексты, их влияние на состояние потребителя СМИ.

На факультете журналистики Ленинградского, затем Санкт-Петербургского государственного университета, со времени образования отделения журналистики в 1946 году до создания Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», объект и предмет изучения психологии – человек и его характеристики – всегда был важен для студентов, преподавателей, исследователей. Собственно, точного названия дисциплины «психология журналистики» в годы становления факультета, возможно, и не было (не встречалось в документах). Однако обращение к теме изображения человека, изучению его личностных свойств, феномену журналистского творчества как способности автора отображать внутренний мир человека было приоритетным для многих дисциплин.

З. В. Таратынова вспоминает: «Мы слушали лекции блистательного литературоведа Григория Александровича Гуковского, потрясающего знатока западной литературы Татьяны Викторовны Вановской, нам, студентам-филологам, первым читала свои новые стихи Ольга Федоровна Берггольц... Литература воспитывала, формировала чувство слова, прививала вкус, приохотила к театру и просто заставляла думать»¹.

¹ *Федорова (Таратынова) З. В.* Наша знаменитая 2-я журналистики... // И припомним годы лучшие, над Невой любимый факультет. СПб., 2006. С. 10.

Т. В. Мартыненко позиционирует формулу успеха в журналистике, описывая высокую степень мотивации будущего специалиста: «Если коротко – то знать и хотеть. Сейчас возможности колоссальные, и если человек подготовлен и хочет работать там, где он хочет работать, – то он будет работать. Нужно постараться, используя и пополняя знания по совершенно разным отраслям и сферам жизни. Ведь нет ничего лишнего. Ни одного звена. Все это нужно знать»¹.

Психологическая составляющая профессии запомнилась многим состоявшимся в профессии выпускникам: «Я с самого начала проникся атмосферой университета. Ни в одном вузе студенты не чувствовали себя такими свободными и открытыми для диалогов. Мы общались с иностранными студентами на разные темы... Это было время накопления: опыта, потенциала, интеллекта»².

Несомненно, на формирование умений и навыков будущих журналистов влияли те теории и подходы, которые им давали во время обучения. Само по себе психологическое направление в теории журналистики возникло из психологических знаний о человеке вообще, а поэтому точные хронологические рамки этого возникновения установить трудно. По мнению ученых Петербургской (ленинградской) психологической школы (Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, А. В. Ярмоленко, Н. А. Тих, Ю. А. Самарин, Б. Ф. Ломов, Е. С. Кузьмин), элементы психологических знаний появились «тогда, когда человек впервые осознал, что он существенно отличается от всего другого в окружающем мире»³.

Психолого-теоретическое направление в журналистской науке базируется на двух исторически сложившихся подходах: изучение филолого-лингвистической составляющей массово-информационных текстов (в основном печатных) и исследования в области психологии творчества (литература, искусство, журналистика).

Одним из первых, кто преподавал дисциплину «Психология журналистики» на факультете журналистики, был *Владимен Иванович Кузин*, имеющий большой практический опыт в общении с людьми,

¹ *Мартыненко Т. В.* Высшая школа // И припомним годы лучшие, над Невой любимый факультет. СПб., 2006. С. 40.

² *Потапенко А. А.* Я журналист. Это мое призвание // И припомним годы лучшие, над Невой любимый факультет. СПб., 2006. С. 117.

³ *Крылов А. А.* О развитии психологической науки (довундтовский период) // Психология / Под ред. А. А. Крылова. М., 2007. С. 11.

владеющий всеми эффективными формами коммуникации и обладающий способностями преподавателя-наставника. Для передачи знаний по психологической культуре важно иметь опыт работы в журналистике. В. И. Кузин был спецкором газеты «Советская Киргизия» (1954–1956 гг.), стал ответственным секретарем многотиражной газеты в ЛПО «Светлана» (Ленинград), затем заместителем редактора молодежной газеты «Смена»; имеет опыт руководства ленинградскими СМИ в качестве заместителя заведующего отделом пропаганды Ленинградского обкома КПСС. Он владеет жанром проблемной статьи, критической корреспонденции, очерка, фельетона, киносценария, кинорецензии, то есть, теми формами жанров, в которых есть рассказ о человеке, его психологических свойствах и состояниях, чертах характера. Кроме того, он систематически печатался в «Правде», «Известиях», «Ленинградской правде», «Смене», «Советской культуре». Его статьи о проблемах подготовки журналистских кадров публиковали журналы «Журналист», «Искусство кино» и др. Он разработал анкету «Журналисты сами о себе» и провел первое за послевоенный период социологическое исследование журналистских кадров в СССР.

В 2020 году Владилену Ивановичу Кузину исполняется 90 лет, многие годы жизни связаны с ленинградской студией документальных фильмов. В течение 25 лет он возглавлял творческий коллектив, а также был сценаристом нескольких выдающихся лент: «Советская элегия», «Не о Сталине», «Тот самый Романов»¹.

В 2000 году вышла расширенная программа в совокупности с методическими указаниями, затем в 2004 году – учебное пособие по дисциплине «Психология журналистики», созданное В. И. Кузиным. Автор пишет: «На обложке воспроизведено одно из древнейших (1188 г.) изображений “Стрельца” в образе Кентавра: полульва-получеловека-полудракона, символизирующих вечное противостояние и нерасторжимость “светлого” и “темного”, сознательного и бессознательного в человеке. Этот метафорический рисунок можно интерпретировать как эмблему психологии журналистики»².

¹ Информация с сайта Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. URL: <https://jf.spbu.ru/teoria/3755-15058.html>.

² Кузин В. И. Психология журналистики. Программа курса и методические указания. СПб., 2000. С. 2.

В. И. Кузин ставит перед студентами задачи, мотивирующие их не только к освоению знаний по дисциплине, но и к получению навыков в профессии: «“Для чего мне лично нужна эта самая психология, где, когда и для чего она мне пригодится в жизни, учебе и работе?” – честный и компетентный ответ самому себе на этот вопрос определяет целеполагание, мотивацию и интерес студента к изучению психологии журналистики. Это первый шаг к тому, чтобы данная дисциплина стала понятной и приносила практическую пользу, а не превратилась в “мертвый багаж” университетских знаний. Второй шаг – осознание цели и задач дисциплины, четкое представление объектов и предмета изучения. Третий шаг – превращение знаний в привычку»¹.

По сути, В. И. Кузин предлагает слушателям определенный, выработанный им подход к психологическому изучению журналистики. Его алгоритмы сводились к следующему: вопросы целеполагания в профессии, практическая значимость умений и навыков, умение использовать теоретические знания при создании журналистских произведений, совершенствование полученных во время учебы техник и технологий в редакциях. Исторические условия того времени – рубеж тысячелетий – были таковы, что появлялись многочисленные средства массовой информации, новые имена и новые технологии, некая свобода творчества, как тогда казалось; обращение к человеку на страницах СМИ видоизменялось по сравнению с прошлыми публикациями. С ощущением новых форм творчества и новых возможностей их преподавания важно было не заретушировать тот огромный опыт советской журналистики, который проявился в документальных фильмах и очерках, портретах и журналистских расследованиях.

В подходах к изучению психологии журналистики В. И. Кузин опирается на основы общей психологии, указывает на необходимость освоения работ С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Я. Пономарева, говорит о наиболее значимых достижениях отечественной психологии, обращает внимание на достижения мировой психологии и отражает значительный период в развитии советской науки, когда ведущие психологи нашей страны (С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. Н. Леонтьев и др.), совместно работали над ключевыми проблемами психоло-

¹ Там же. С. 4.

гических знаний, в частности важной для психологии журналистики проблемой деятельности. Вместе с тем в двухтысячные годы в составе дисциплины появляется анализ западных подходов к пропаганде, описываются приемы психологического воздействия, дается интерпретация методов пропаганды с точки зрения психологии восприятия¹.

В. И. Кузин отмечает, что гносеологически цели изучения психологии журналистики весьма широки, но одновременно они носят и чисто практический характер. Это очевидно для преподавателя, так как он является автором более 40 научных работ по проблемам психологии журналистики, психологии политической журналистики, социологического мышления журналиста, социологии доверия и нравственности в журналистике, социологии и психологии массовой аудитории².

Среди целей изучения дисциплины В. И. Кузин называет:

– ввести студента в мир психологии как науки о самом сложном, что известно человечеству – во внутренний мир людей, и помочь ему обрести системное представление о психологических процессах массовых коммуникаций, человеческой психики и ее базовых законах, лежащих в основе жизни социумов и каждого индивида;

– глубже познать самого себя – систематически самоактуализироваться, научиться не только психологически мыслить, но и действовать;

– умело входить во внутренний мир «других людей», раскрывать «тайны» отношений «человек – человек» и механизмы «обработки людей людьми», составляющих «ядро подлинной психологии»³;

– соединить в индивидуальном сознании и повседневной деятельности студента теорию и практику журналистики с ключевыми понятиями, категориями и методами научной психологии. Именно это органическое соединение позволит студенту лично убедиться в том, что практическая психология журналистики – это надежный инструмент, без овладения которым не может состояться профессиональный журналист;

¹ Кузин В. И. Психологическая культура журналиста. СПб., 1998.

² 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград – Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ / отв. ред. Г. В. Жирков. СПб., 2006. С. 140.

³ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1989. С.15.

– раскрыть возрастающую роль СМИ и журналистов в усилении действия психологических факторов, обеспечивающих качественные изменения общественного сознания и поведения людей в процессе формирования гражданского общества XXI века.

Автор обращает внимание на междисциплинарность психологии журналистики, в условиях формирования концепции дисциплины это было важным шагом, так как впоследствии другие авторы Петербургской школы также строили свои программы на тезисах о том, что психологическое изучение журналистики требует от слушателя полученных ранее на других дисциплинах определенных знаний и компетенций. «Это особенно важно для всего процесса изучения (аудиторного и самостоятельного) психологии журналистики, т. к. она является пограничной междисциплинарной областью знаний, требующей от студента эрудированной информированности в определенных разделах философии, социологии, теории журналистики, общей и социальной психологии, логики и теории массовых коммуникаций»¹.

В своем учебном пособии В. И. Кузин неоднократно говорит о преемственности традиций, приводит примеры из прошлых лет, а также обращается к изучению теории журналистики в целом, в те годы кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций называлась кафедрой социологии журналистики СПбГУ. Собственно, он так и занятия проводил: мог повести быстрым шагом студентов на ЛЕНДОК (студию документальных фильмов), мог подробно в рамках мастер-класса говорить о раскрытии героя произведения.

Психология журналистики как дисциплина позиционировалась автором как важная часть научных направлений кафедры: прежде чем стать журналистом по должности, «нужно стать журналистом по мироощущению, способу восприятия окружающей среды, профессии и самого себя в профессиональной среде»². Эти выводы о соотношении субъективного и объективного в журналистике, личного и социального, сделанные в учебнике «Основы творческой деятельности журналиста», полностью относятся и к основным целям изучения психологии журналистики.

¹ Кузин В. И. Указ. соч. С. 5.

² Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 3.

За годы существования кафедры направления ее деятельности связаны с осмыслением практики современных медиа в свете социальных теорий журналистики, с совершенствованием методологической оснащенности деятельности СМИ и журналиста. Ранее и сегодня кафедра обеспечивает преподавание журналистам базовых дисциплин: «Основы теории журналистики», «Психология журналистики», «Социология журналистики», «Правовые основы журналистики», «Социальные теории журналистики», «Журналистика в этнокультурном взаимодействии».

Разделы предмета логически подчеркивали важность комплексного освоения дисциплин, не выделяя психологию журналистики (как это иногда бывает) в разряд «супердисциплины». На рубеже тысячелетий психологическое изучение журналистики было довольно востребованным.

В первые годы XXI века выходят ряд учебников и учебных пособий по психологии журналистики. Среди них – учебное пособие (а затем и учебник) Виталия Федоровича Олешко¹. Автор – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького; в практической журналистике с 1972 года, к моменту написания учебного пособия автор шести монографий, издававшихся в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Москве. Сфера научных интересов – психология творчества, технологии массмедиа, моделирование массово-коммуникационных процессов. Его труд выполняет роль учебно-методического комплекса, призван: способствовать изучению нормативного курса «Психология журналистики», в плане организации учебного процесса – от его начала до сдачи экзамена; предложить необходимый минимум теоретического материала по общей и специальной психологии; быть методологическим и методическим основанием для более глубокого самостоятельного постижения психологической культуры творческой деятельности в сфере массовой коммуникации и обусловленной ей актуальной проблематики современной журналистики; восполнить зачастую существующий недостаток непосредственного учебно-методического и личностного общения студентов (особенно заочной формы обучения) с преподавателем; дать возможность самостоятельно, но в

¹ Олешко В. Ф. Психология журналистики. Учебное пособие. СПб., 2006.

системе освоить психологические основы медиадеятельности тем из журналистов-практиков, у кого такая необходимость возникнет.

Как видим, опыт екатеринбургских коллег дает им возможность ставить иные задачи, которые становятся более технологичными. Среди рассматриваемых вопросов – психология журналистики в системе массово-коммуникационной деятельности, личность и личностные пространства, психологические исследования в журналистике, психология массово-коммуникационного творчества, личность как потребитель массовой информации (в дальнейшем В. Ф. Олешко выпустил не один учебник по психологии журналистики, сформировав Уральскую школу психологического изучения медиа).

Заметным событием тогда в психологическом изучении журналистики становится выход учебного пособия преподавателя факультета журналистики МГУ Е. Е. Прониной «Психология журналистского творчества»¹. Автор ставит перед слушателями вопросы о процессах эволюции мышления и стилей творчества журналиста в связи с развитием технологий массовой коммуникации. В основе ее концепции – теоретические и практические исследования аудитории, результаты психотехнического анализа журналистских текстов, опыт моделирования конкретных изданий, тематических разделов и полос. Анализируется роль новых технологий средств массовой коммуникации в становлении индивидуального и коллективного сознания. Рассматриваются пути и средства целенаправленного освоения различных парадигм мышления и творчества как условия социально-психологической и профессиональной адаптации журналиста с учетом современных коммуникативных психотехнологий. В исследованиях ученого и преподавателя явно превалирует психологическая составляющая, основное внимание уделяется диагностике текста. Работы Е. Е. Прониной о парадигмах мышления и видах журналистского текста стали важной частью московской школы изучения журналистики.

Среди учебных пособий и учебников несколько более поздних лет по психологии журналистики необходимо назвать работу А. М. Шестериной². Пособие посвящено проблемам функционирования жур-

¹ Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. М., 2003.

² Шестерина А. М. Психология журналистики. Учебное пособие. Воронеж, 2010.

налистики в психологическом аспекте: особенностям восприятия и воздействия СМИ, психологическим факторам успешности профессиональной деятельности в сфере массовой коммуникации, психологическим закономерностям журналистского творчества. Автор указывает на тот факт, что для журналистики важно изучение восприятия аудитории, в научном поле появляется анализ профессиограммы журналиста (факторы успешности, способности, социально-демографические условия). Автор рассматривает текст СМИ в ракурсе психологии, обращается к специфике общения и личности журналиста.

Среди перечисленных и других достаточно уважаемых школ психологического изучения журналистики подход Петербургской школы журналистики отличается тем, то в общих чертах он базируется на опыте ленинградской школы психологии и школы журналистики, то есть, как мы говорили выше, демонстрирует преемственность научных традиций Санкт-Петербургского государственного университета. Психологическое изучение журналистики основывается на принципе «от общего к частному», слушателям дается обзор существующих теорий, школ, затем они переходят к изучению техник и технологий, необходимых для освоения профессии. Эта позиция отражена и в монографии кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций «Теории журналистики в России: рождение и развитие».

В частности, в разделе о психологическом изучении журналистики отмечается, что российская психология как наука и направление смежных наук в XIX веке развивалась довольно активно в связи с развитием общественной мысли и успехами в естествознании, мировой философии, науках о языке. Линию идеалистической философии и психологии представлял В. С. Соловьев, ее развивали академические философские школы: неокантианство (А. И. Введенский, И. И. Лапшин, П. И. Новгородцев), позитивизм, интуитивизм (Н. О. Лосский), неогегельянство (Б. Н. Чичерин, Н. Г. Дебольский), спиритуализм (Л. М. Лопатин), экзистенциализм (Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев). В рамках этих философских направлений преимущественно в Московском и Петербургском университетах развивалась идеалистическая умозрительная психология. Следует отметить, что процесс развития психологической мысли и тенденции русской литературы влияли друг на друга обоюдно. Так, проза Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, В. В. Крестовского, Ф. М. Досто-

евского, сочинения В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета исключительно богаты психологически окрашенными идеями, открытиями и используемыми приемами¹. Философия, литература, языкознание стали предшественниками для психологической науки в журналистике, они подготовили почву для всестороннего изучения человека и открытия способов описания его жизни и деятельности.

Автор данного раздела считает себя учеником психологической школы журналистики, разработанной В. И. Кузиным (ученик-студент, ученик-соратник, ученик-колlega и преемник), так как принимал эстафету ведения дисциплины. На основе психологических и журналистских наблюдений в первом десятилетии XXI века была разработана концепция преподавания дисциплины «Психология журналистики» с учетом опыта предшественников и наработок современников. Психологические знания и подходы в теории журналистики, как показывает исторический опыт, можно свести к трем составляющим: закономерности создания массово-информационных текстов, психологические особенности авторов-творцов (психология личности) и психология массовой коммуникации (в ракурсе изучения аудитории СМИ).

В 2000 году на кафедре социологии журналистики СПбГУ была защищена диссертация *Анны Михайловны Сосновской* под руководством С. Г. Корконосенко². Работа позволила автору в дальнейшем написать монографию на основе многомерных междисциплинарных исследований идентичности журналистов. Монография содержит анализ эмпирического материала (более 60 биографий и интервью с журналистами), автор дает примеры тестов, которые можно использовать для выявления особенностей профессиональной идентичности журналистов³. Предмет исследования – идентичность журналистов, рассматриваемая с психологической и социально-психологической точек зрения.

¹ *Гришанина А. Н.* Психологическое изучение журналистики // Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014. С. 192–194.

² *Сосновская А. М.* Трансформация журналистских практик и самоидентификация журналистов: Сравнительный анализ на материале СМИ России и Швеции: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

³ *Сосновская А. М.* Психология идентичности журналиста. СПб., 2004.

Основными трудами для теоретической базы исследования стали книги по психологии, социальной психологии и социологии идентичности и социально-психологических подходах ее изучения. Таким образом, Петербургская школа журналистики остается верной основной концепции ленинградской школы психологии: «во главе угла» – человек.

Новая концепция дисциплины «Психология журналистики» была представлена в учебном пособии Н. Л. Волковского и А. Н. Гришаниной¹. Изначально книга задумывалась как учебно-методический комплекс для студентов-заочников, затем в процессе создания стала учебным пособием, отражающим концепции преподавания психологической культуры журналистам. Здесь также прослеживается связь научных направлений преподавателей кафедры и университета в целом. Знание о человеке, знания о личности базируются на учении Б. Г. Ананьева².

Подчеркивается, что сегодня дисциплина «Психология журналистики» изучается на старших курсах и непосредственно связана с такими учебными курсами, как «Психология» (включая основы социальной психологии), «Основы творческой деятельности журналиста», «Профессиональная этика журналиста», «Актуальные проблемы современности и журналистика». Отбор и содержание учебного материала основаны на принципах системности, комплексности, историзма в подходах к обучению студентов. В процессе освоения дисциплины студенты изучают: законы состояния и развития внутреннего мира журналиста, формирование «картины мира» и личности журналиста; закономерности психологических процессов в массовых коммуникациях и журналистике; психологические функции СМИ в обществе и психологические процессы в массовой аудитории; изменения под воздействием СМИ сознания и деятельности индивидов, психологического состояния в малых и больших группах; психологию общественного (массового) сознания, психологию эмоций, настроений и общественного мнения³.

Таким образом, слушателям дается основная установка о том, что психология журналистики – это система знаний и технологий, что не-

¹ Волковский Н. Л., Гришанина А. Н. Психология журналистики. СПб., 2011.

² Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.

³ Волковский Н. Л., Гришанина А. Н. Указ. соч. С. 4.

обходимо изучать закономерности психики для понимания частных процессов ее существования.

Для Петербургской школы журналистики важно четкое определение объектов изучения, в психологии журналистики – это журналисты, издатели, учредители и владельцы СМИ, массовая аудитория СМИ, текстовые материалы печати, передачи телевидения и радиовещания как результаты журналистского творчества и самопрезентации; предмет – внутренний мир читателя и писателя¹; его коллективное бессознательное (архетипы и менталитеты), профессиональные установки, демассификация диалогической модели «журналист – аудитория», а также психологическое восприятие продукции СМИ массовой аудиторией; отношения административных и неформальных структур, лидеров и элит.

По мнению *Николая Лукьяновича Волковского*, в курсе психологии журналистики своеобразно преломляется психология творчества, психология пропаганды, психология информационного воздействия, психология масс, психология конфликтов, психология общения, психолингвистика. По определению исследователей, психология журналистики изучает закономерности формирования и функционирования психики журналиста как личности и профессионала, психологию журналистского труда и творчества, особенности межличностного и межгруппового взаимодействия в процессе журналистской деятельности, формы и методы воздействия журналистов и СМИ на сознание и поведение аудитории, формы и методы психологической защиты журналистов и потребителей массовой информации².

Профессор Н. Л. Волковский работал военным журналистом, имеет публикации по теме чрезвычайных и экстремальных ситуаций. Его книги, посвященные информационным войнам, пользуются авторитетом среди специалистов, а спецкурсы и спецсеминары, которые он вел на факультете, имели успех у студентов, слушатели выходили с темами на бакалаврские и магистерские выпускные квалификационные работы.

¹ *Гришанина А. Н., Курушкин С. В.* Сетевой читатель; *Гришанина А. Н.* Сетевой писатель // Сетевые СМИ российского мегаполиса / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2011.

² *Волковский Н. Л., Гришанина А. Н.* Указ. соч. С. 5.

Н. Л. Волковский отмечает важность знаний о конфликте и его видах для современного журналиста. Тема в какой-то степени является «эксклюзивной», в психологии журналистики она представлена только этим автором. «Масса примеров из истории свидетельствует о том, что на первой, скрытой стадии конфликта активное и целенаправленное дезинформирование, или дефицит информации о степени опасности противостояния приводили к резкому обострению ситуации»¹. Журналист может освещать событие, отражать факт как самостоятельный и изолированный предмет, а может отражать его как часть целого, как элемент сложного явления. Соответственно, аудитория СМИ получит информационный продукт, в разной степени отражающий действительность. Успехи же в разрешении конкретных споров могут обеспечить и разрешение самого конфликта.

Сегодня к психологическому изучению журналистики обращаются исследователи разных университетов страны, появляются публикации об истории вопроса. Так профессор Забайкальского государственного университета И. В. Ерофеева отмечает, что психология журналистики – молодое направление научного знания, «которое в конце 80-х дифференцировалось от психологии массовой коммуникации и стало активно разрабатываться на факультетах журналистики МГУ, СПбГУ и тогда еще Свердловского университета». Исследователи сходятся во мнении, что психология журналистики востребована как у студентов, так и у тех, кто принимает их на работу. В основе журналистского творчества «лежат сугубо психологические категории: Общение, Взаимопонимание, Интересы/Потребности и др.»². Освоение проблемного поля и инструментария «Психологии журналистики» помогает будущему профессионалу оценить мощный потенциал современного информационного пространства и стать полноценным участником информационного обмена, инициировать новостные потоки, а не «выступать объектом манипулятивного произвола со стороны власть имущих, использующих информацию как основной рычаг воз-

¹ Там же. С. 54.

² *Ерофеева И. В.* Психология журналистики в системе профессионального становления современного журналиста // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2012. С. 163–164.

действия в социальных технологиях и политических играх»¹. Студент по окончании изучения лекционно-практического курса должен иметь четкое представление об особенностях масс-медиа в информационном обществе, о специфике политической деятельности, которая сегодня преобразовалась в информационную борьбу за сознание общества, за управление психикой элиты социальных групп.

И. В. Ерофеева дает высокую оценку концепциям Петербургской школы психологии журналистики, ссылаясь на работы В. И. Кузина: «целевая установка дисциплины включает ряд задач, в том числе прикладного характера: дать системное представление о психологических процессах массовой коммуникации, о базовых законах человеческой психики; познакомить с характеристикой массовой аудитории и массового человека; выделить и описать возможности и технологии формирования диалоговых отношений с аудиторией и конкретным человеком»².

Современная концепция психологии журналистики решает задачи усвоения знаний и приобретения навыков психологического взаимодействия за счет научного инструментария важных в аспекте психологии массовых коммуникаций, концепций и следующих психологических направлений: когнитивная психология (процесс кодирования и декодирования информации, особенности восприятия текста, стратегии продуктивного общения, правила эффективного построения медиатекста и использования медиатехнологий), гештальтпсихология (системы образов и живописных форм, представленных на определенном фоне; процесс целостного осознания профессиональной ситуации), аналитическая психология (теория и практика использования архетипов в речевом дискурсе и медиатексте), гуманистическая психология (классификация потребностей человека, приемы активизации страха в медиатексте, негативные эффекты воздействия СМИ и др.), психоанализ (проблема использования инстинкта в медиатексте). В. И. Кузин отмечает, что «Психология журналистики» направлена на формирование психологической культуры журналиста – «культуры, основанной на знании психологии как науки, на ее сознательном внутреннем

¹ Там же. С. 164.

² Там же. С. 165.

освоении и превращении в нормы повседневного профессионального поведения»¹.

Среди исследователей психологии журналистики в рамках изучения личности – профессор И. Н. Блохин², преподаватели других кафедр университета: профессор С. М. Виноградова, профессор Г. С. Мельник³. Монографии, учебники, учебные пособия являются важной частью подготовки студентов-журналистов. Для психологического изучения журналистики важен ракурс, подход к объекту и предмету исследования. Он состоит в том, что основные объекты изучения – журналист, тексты, читатель, и предмет – психологические закономерности, результаты их взаимодействия рассматриваются в психологии журналистики с позиции практики и теории журналистики, которая является в данном случае доминантой, а журналисты и аудитория – самодостаточными атрибутами психологического дискурса. Это и составляет специфику психологии журналистики, ее особенное, отличное от смежных дисциплин.

В заключении хочется отметить, что «петербургскую школу журналистского образования отличают фундаментальность и широта охвата медийной сферы в преподавании и в исследовании средств массовой информации – от истории журналистики до новейших теорий коммуникации»⁴. Психологическое изучение журналистики не осталось в стороне от традиций, более того, психология журналистики помогла обозначить те яркие жизненные моменты студентов и преподавателей, которые составляют основу университетских ценностей. В любой профессии важна самооценка человека, а в журналистской особенно.

Один из учебных опросов дисциплины «Психология журналистики» поставил вопрос перед студентами: «Зачем вы пошли в журналистику?». Большое количество ответов было: «чтобы преодолеть себя», «чтобы сделать мир лучше». Это достойно уважения, и такое отноше-

¹ Кузин В. И. Указ. соч. С. 13.

² Блохин И. Н. Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа. СПб., 2016.

³ Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. М., 2016; Мельник Г. С. Профессиональное общение в журналистике. СПб., 2004.

⁴ 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. С. 8.

ние к профессии отвечает требованиям, предъявляемым сегодня к психологической культуре журналиста.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Анастасия Николаевна Гришанина, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

Право журналистской деятельности

Пожалуй, первый вопрос, который возникает, если приглядеться к названию: как вообще связаны между собой право и журналистика? А. А. Иванова утверждает, что журналистская деятельность регулируется правом¹, а А. Г. Рихтер убежден, что журналистика на праве основывается². Эти два примера взяты у московских исследователей, но вполне аналогичную картину мы можем видеть и в Петербурге, и даже в пределах одной образовательной структуры: О. Л. Тульсанова и А. Ю. Дорский говорят о регулировании³, а Н. С. Лабуш и А. С. Пую – об основах⁴. Кафедра истории и правового регулирования отечественных средств массовой информации МГУ полагает, что занимается некоторыми аспектами⁵, а практикующие юристы обеих столиц предлагают правовое сопровождение.

Обращая внимание на эти различия, мы не ввязываемся в спор о словах – уже потому, что о словах в данном случае, кажется, никто не спорит. Все эти обороты мирно сосуществуют, подменяя друг друга в зависимости от обстоятельств. Однако нетрудно заметить, что на самом деле каждый термин отражает особое видение журналистской деятельности. Утверждая право как основу, авторы фактически заявляют, что журналистика без права невозможна или как минимум ущербна, уже не вполне или вовсе не журналистика. Эта предпосылка их исследований остается непроясненной, но совершенно несомненной. Если право журналистику регулирует, то профессия видится иначе. Без регуляции ни одна система существовать не может, хотя способы ее бывают разные: какие-то заложены в самой системе (саморегуляция),

¹ *Иванова А. А.* Правовое регулирование журналистской деятельности в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной академии. 2017. № 2. С. 217–220.

² *Рихтер А. Г.* Правовые основы журналистики: учебник. [Б.м.], 2016.

³ *Тульсанова О. Л., Дорский А. Ю.* Этическое и правовое регулирование деятельности средств массовой информации: Учебное пособие. СПб., 2011.

⁴ *Лабуш Н. С., Пую А. С.* Нормативно-правовые основы профессиональной деятельности журналиста: (альбом таблиц, схем и основных категорий). СПб., 2005.

⁵ *Правовые аспекты деятельности СМИ.* М., 2013.

какие-то – навязаны извне. Однако в любом случае регуляция касается всего бытия системы, является ее определяющей характеристикой. «Аспект» выдает принципиально иное отношение. Московский сборник сообщает своим названием, что, если взглянуть на журналистику «сбоку», то можно увидеть право, но с другой стороны его совершенно не углядишь. И, наконец, сопровождение подразумевает, что к сути явления, к самой журналистике право вообще не имеет отношения.

Эти четыре позиции, хотя и не продумываются самими авторами, не могут не иметь некоторого теоретического основания. Можно попробовать обнаружить его с помощью понятия деонтологии в интерпретации, предложенной С. Г. Корконосенко. Деонтология определяется через должное, то есть «необходимое, верное по сути, а не по регламенту, то, без чего жизнь утратит положенный ей порядок и вектор развития»¹. О таком должном, конечно, можно говорить как об основе. В отличие от деонтологии журналистики как тематизации ответственности в интерпретации Е. П. Прохорова² – не скажем «московской школы», поскольку Г. В. Лазутина, например, декларирует солидарность с позицией своего петербургского коллеги³. Однако сам С. Г. Корконосенко дальше рассуждает о журналистской морали, а право остается вне пределов рассмотрения. Для цитируемого автора это неудивительно, поскольку, с его точки зрения, в «профессионально-деонтологическом типе нормативного понимания журналистики... личностное самоопределение журналиста выходит на первый план»⁴. Зато, если мы обратимся к другим работам мэтра, мы увидим, что вопросы *регулирования* для него решаются на *основе* ценностей: «ключевым понятием для решения вопроса о том, что дозволено прессе и что не допускается, является **свобода печати** (выделено автором. – А. Д.)»⁵.

¹ Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение: учебное пособие. М., 2015. С. 115.

² Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2012.

³ Лазутина Г. В. Деонтология в системе научных представлений о журналистике (по результатам самопознания профессии на конец 2016 года) // Современная журналистика в аспекте деонтологии. М., 2017. С. 7–31.

⁴ Корконосенко С. Г. Нормативные теории журналистики в России: ретроспективный взгляд // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 5. С. 19.

⁵ Корконосенко С. Г. Основы журналистики: Учебник для студентов вузов. М., 2009. С. 256.

Право оказывается одним из фундаментальных начал журналистики, о чем красноречиво свидетельствует дальнейший текст.

Но, по-видимому, не фундаментальным началом, не основанием является законодательство о СМИ, регулирующее деятельность журналиста здесь и сейчас. Так «разговор о словах» приводит нас не только к теме из философии морали – деонтологии, но и теме из философии права – различии права и закона. Кажется, ни один из петербургских авторов не уделяет внимания этой проблеме. Причина совершенно понятна и, вероятно, уважительна. Даже юристы изучают соотношение права и закона не слишком внимательно, в большинстве своем сохраняя на всю профессиональную жизнь только один тезис из этой темы: «право и закон – не одно и то же». Журналисту же тем более на практике вряд ли придется сталкиваться с таким различием. А коль скоро успешная практика, как сегодня декларируется на всех уровнях, есть критерий качества образования, то опустить излишне нагружающий мозги материал не только допустимо, но и похвально.

Регулирование не менее значимо, чем основание. Оно пронизывает всю деятельность журналиста, является не аспектом, а формой существования, без которой невозможно содержание. В этом смысле показателен подход, примененный коллективом, представляющим разные школы журналистики, под руководством С. Г. Корконосенко¹. (Заметим на полях, что, может быть, одна из характерных черт Петербургской школы и состоит в ее всероссийскости.) Не рассматривая законодательное регулирование в качестве отдельной основы и вообще не уделяя ему особого внимания, авторы учебника тем не менее постоянно апеллируют к закону. Редакция как производственный коллектив? – «В Законе “О средствах массовой информации” под редакцией СМИ понимается...»². Информационное поле журналистики? – «Принятие законов о средствах массовой информации, о доступе к информации и ее защите...»³. Понятие «автор» в журналистике? – «В Законе РФ “О средствах массовой информации” ему дается официальное определение...»⁴. И т. д.

¹ Корконосенко С. Г. и др. Основы журналистской деятельности. М., 2020.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 126.

Одним из первых в Петербурге к вопросам законодательного регулирования журналистской деятельности обратился В. В. Ворошилов¹. И сегодня эти вопросы остаются в фокусе его внимания. Более того, как и 20 лет назад, исследователь ищет возможность рассмотреть в едином поле право и этику журналистики, причем приходит к выводу, что таким полем является деонтология². Однако в понимании деонтологии В. В. Ворошилов оказывается ближе к подходу Е. П. Прохорова, чем С. Г. Корконосенко: «каждый журналист, выполняя свой профессиональный долг, обязан отвечать на требования, предъявляемые к журналистике, своим творчеством, достоверными, объективными публикациями, которые никто не смог бы опровергнуть. То есть журналист обязан обладать высокой правовой и этической культурой»³.

Петербургские исследования работы журналиста в России сопровождаются созданием значительного корпуса работ по регулированию журналистики за рубежом. Внимание к иностранному опыту диктуется как учебными⁴, так и научными задачами⁵. В силу своего уникального положения – наличия образовательных программ по международной журналистике и диссертационного совета – Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» является абсолютным ли-

¹ *Ворошилов В. В.* Правовые и этические нормы в журналистике: конспект лекций. СПб., 1999; *Корконосенко С. Г., Ворошилов В. В.* Право и этика СМИ: Учеб. пособ. СПб., 1999.

² *Ворошилов В. В., Данилова И. А., Евдокимов А. С.* Деонтология журналистики: старт дисциплины // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 февр. 2016 г.). Чебоксары, 2016. С. 133–135.

³ *Ворошилов В. В.* Журналист. Закон и этика // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 3 (4). С. 237.

⁴ *Михайлов С. А., Никонов С. Б.* Международное право и законодательство иностранных государств о СМИ: учебное пособие. СПб., 2012.

⁵ *Быков А. Ю.* Реализация принципов федерализма в правовом регулировании американских СМИ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 4. С. 76–86; *Быков А. Ю.* Свобода слова vs. свобода религии: этико-юридические дилеммы применения норм Первой поправки к конституции США // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 5 (28). С. 23–27; *Курышева Ю. В.* Испания: политико-правовые аспекты процесса интеграции национальных СМИ в информационное пространство ЕС: дис. ... канд. полит. наук. СПб, 2008.

дером изучения зарубежной журналистики в Санкт-Петербурге и одним из лидеров – в России.

Для понимания нормативного регулирования журналистской деятельности не менее чем взгляд профессиональных журналистов важен взгляд юристов. В России вышло немало изданий под названием «Информационное право», одно из наиболее фундаментальных и системных принадлежит клавиатуре преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета О. А. Городова¹. Учебник, как и предшествовавшее ему пособие «Основы информационного права»², ориентирован на студентов-юристов, включает двенадцать глав, из которых только одна посвящена «Правовому регулированию в сфере организации и деятельности средств массовой информации». Задачей главы оказывается общий обзор российского законодательства о СМИ. Общий характер обзора понятен: такова обычная цель учебника, да и сфера научных интересов автора достаточно далека от повседневной практики журналистов. Как характерную черту отметим иное: текст, содержащий в своем названии слово «право», после нескольких страниц, посвященных всевозможным концепциям информации, успокаивается в уютном ложе рассмотрения законодательства.

В качестве отдельного направления исследований можно выделить изучение регулирования взаимодействия государственных органов и СМИ. Причем в рамках этого направления сосуществуют две темы: регулирование медиарилейшнз и регулирование сотрудничества при решении общих задач.

В 1998 году Ю. А. Потапов защитил кандидатскую диссертацию о взаимодействии со СМИ органов внутренних дел³. Эту тему исследователь продолжает успешно разрабатывать и расширять⁴, что привело

¹ *Городов О. А.* Информационное право: учебник. М., 2016.

² *Городов О. А.* Основы информационного права России. СПб., 2003.

³ *Потапов Ю. А.* Взаимодействие органов внутренних дел с государственными и общественными средствами массовой информации: Организационно-правовой аспект: дис. ... канд. юридич. наук. СПб., 1998.

⁴ *Потапов Ю. А.* Правовое регулирование отношений в области доступа к информации о деятельности государственных органов // Век информации. 2016. № 2. С. 70–73; *Потапов Ю. А., Тюменцев А. Н.* Актуальные проблемы взаимодействия судебных и правоохранительных органов со средствами массовой информации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 3 (44). С. 22–28 и др.

уже ко второму изданию учебника, концентрирующегося на деятельности пресс-служб государственных органов¹. Параллельно ученый обратился к истории законодательства о СМИ². Интересно, что именно в Петербурге было издано первое методическое пособие по взаимодействию пресс-служб судов с журналистами³, широко востребованное в России. В настоящий момент из печати выходит новое пособие основного автора той работы – пресс-секретаря Санкт-Петербургского городского суда Д. С. Лебедевой «Методические рекомендации по взаимодействию судов и СМИ».

Другому аспекту взаимодействия государственных органов и СМИ посвящена диссертация А. Д. Баконина⁴. В результате масштабного исследования А. Д. Баконин разработал понятие о СМИ как субъекте уголовно-процессуальной деятельности, предложил формулировки процессуальных норм, регулирующих возбуждение дел по сообщениям о преступлениях, распространенным в СМИ и т. д. Можно предполагать, что внедрение ряда предложений диссертанта в нормативную базу и практику правоприменения привело бы к более тесному взаимодействию журналистов и правоохранительных органов. Тема активно развивалась рядом исследователей, в том числе в столице⁵. Однако еще в 2019 году, по данным автора настоящего текста, не только не существовало налаженного сотрудничества, но даже и не велось государственной статистики, отражающей роль СМИ в установлении правопорядка.

¹ *Потапов Ю. А., Тепляков О. В.* Современная пресс-служба. М., 2020.

² *Потапов Ю. А.* Российское законодательство о цензуре, XVIII – начало XX века. М., 2018.

³ Работа пресс-службы суда: практические и методические рекомендации. СПб., 2016.

⁴ *Баконин А. Д.* Процессуальное взаимодействие правоохранительных органов, суда со средствами массовой информации при расследовании и рассмотрении дел о правонарушениях: дис. ... канд. юридич. наук. СПб., 2004.

⁵ *Наумкин Ю. В.* Механизм взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации в обеспечении правопорядка // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 9. С. 119–126; *Васильев Ф. П., Лазебная Д. М.* Некоторые особенности организации взаимодействия органов предварительного расследования и дознания системы МВД России со средствами массовой информации // Вопросы российского и международного права. 2019. № 9 (9–1). С. 178–184.

На фоне названных областей, в которых петербургские ученые находятся в авангарде российской научной мысли, загадочной проблемой отличается вопрос о регулировании участия СМИ в электоральном процессе. Загадкой данный пробел является по двум обстоятельствам. Во-первых, в Санкт-Петербургском государственном университете существует сильная и плодovitая школа политической журналистики. Во-вторых, данный вопрос привлекает внимание исследователей со всей страны: из Иркутска¹, Калининграда², Красноярска³, Орла⁴, Саратова⁵, Ставрополя⁶, Тюмени⁷ и, конечно, Москвы⁸. Конечно, можно вспомнить статью Г. С. Мельник в журнале «PR-диалог»⁹, но этого категорически недостаточно.

Другой сферой, которая не получила должного освещения в петербургских исследованиях, является регулирование отношений

¹ *Думикян А. А.* Информирование избирателей и предвыборная агитация в СМИ: проблема разграничения понятий // *Избирательное право*. 2019. № 1 (39). С. 9–17.

² *Зыкова А. В.* Нарушение СМИ избирательного права // *Молодой ученый*. 2018. № 1 (187). С. 87–89.

³ *Красицкая В. А., Пинтус С. А.* Реализация принципов информирования избирателей в деятельности СМИ // *Юристь-Правоведь*. 2009. № 6 (37). С. 38–42.

⁴ *Шустеров Д. М.* Информирование и агитация в региональных СМИ в свете изменений в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // *Актуальные проблемы современной науки*. 2006. № 5 (31). С. 93–97.

⁵ *Шалова А. А., Куликова С. А.* Правовое регулирование предвыборной агитации в сети Интернет // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2016. Т. 16. № 4. С. 472–480.

⁶ *Захарова Я. А.* Средства массовой информации как участники избирательного процесса // *Актуальные проблемы конституционного и международного права. Материалы Второй ежегодной конференции*. 2018. Ставрополь, 2018. С. 71–76.

⁷ *Фальков В. Н.* Использование новых средств массовых коммуникаций в предвыборной агитации: политико-правовой аспект // *Формула права*. 2005. № 1 (4). С. 58–65.

⁸ *Андреанова М. А.* Конституционно-правовые основы участия средств массовой информации в избирательном процессе в Российской Федерации: дис. ... канд. юридич. наук. М., 2013; *Иглин А. В., Головастикова А. О.* Роль СМИ в избирательном праве и процессе // *Теория права и межгосударственных отношений*. 2015. № 2 (2). С. 66–93.

⁹ *Мельник Г. С.* Избирательное право и СМИ: новые функции // *PR-диалог*. 2000. № 2 (7). С. 17.

журналистов с фигурантами их материалов. На страницах того же «PR-диалога» рассмотрение темы многообещающе начиналось статьей А. В. Воробьева¹. Вопросы защиты доброго имени исследователь продолжил изучать и позже². В Петербурге есть интересные фундаментальные подходы к институту репутации, предложенные профессиональными юристами³. Однако ни этому вопросу, ни вопросу персональных данных и частной жизни в материалах СМИ не уделяется того внимания, которого они заслуживают и как теоретические проблемы, и как практические сложности. И вновь приходится повторить: эта ситуация складывается на фоне повышенного внимания, которое уделяется указанным вопросам в: Архангельске⁴, Владимире⁵, Иркутске⁶, Казани⁷, Владивостоке⁸, Самаре⁹, Твери¹⁰, Уфе¹¹,

¹ Воробьев А. В. Выбор оружия для защиты // PR-диалог. 2000. № 3 (8). С. 53–54.

² Воробьев А. В. Освобождение от ответственности при рассмотрении дел о диффамации в СМИ // Закон. 2011. № 5. С. 99–108.

³ Килинкаров В. В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юридич. наук. СПб., 2011.

⁴ Мананников О. В. Пределы свободы печати: правовые аспекты // Журнал российского права. 2010. № 4 (160). С. 86–97.

⁵ Оборев А. С. О судебной защите деловой репутации юридических лиц в отношении сведений, размещенных о них в СМИ // Ученые записки. 2017. № 1 (21). С. 81–85.

⁶ Потапенко С. В. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации от диффамации в СМИ. Иркутск, 2008.

⁷ Кириллова Л. Е. Правовые проблемы размещения информации, порочащей честь и деловую репутацию лиц, в электронных СМИ // Закон и право. 2005. № 4. С. 41–43.

⁸ Парыгина Н. Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юридич. наук. Владивосток, 2017.

⁹ Барсукова В. Н. Механизм правовой защиты чести и достоинства человека. М., 2020.

¹⁰ Соколова А. И. Проблемы ответственности журналистов за диффамацию в контексте взаимоотношений средств массовой информации, власти и гражданского общества: на материалах тверской периодической печати: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.

¹¹ Надтачаев П. В. Вопросы совершенствования законодательства о средствах массовой информации в целях защиты личных неимущественных прав сотрудни-

Челябинске¹ и Москве², Москве³, Москве⁴... При внешнем изобилии работ названные и неназванные темы из области отношений журналистов с фигурантами их материалов остаются весьма спорными, и нет сомнений, что квалификация петербургских ученых позволяет им сделать свой вклад в прояснение этой сферы.

Традиционно выпадает из фокуса специальных исследований правовое регулирование журналистской деятельности с помощью договоров и локальных нормативных актов. Помимо наиболее известных авторов-москвичей⁵, посвящающих свои тексты данным вопросам, можно назвать еще Ю. Л. Афанасьеву из Пензы⁶, А. З. Долову из Нальчика⁷, А. В. Минбалева из Челябинска⁸. Причем из этих трех авторов лишь для последнего правовое регулирование СМИ является основной областью его интересов, остальные обращаются к теме в связи с иными волнующими их сюжетами. В самом деле: именно системой локальных актов и договоров определяется жизнь конкретной редакции. Какой аспект ее мы бы ни взяли для рассмотрения, обратились ли бы мы к ее фундаменту, мы обязаны будем изучать устав, трудовые и гражданские договоры с авторами, отношения с издателями и распро-

ков полиции // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3. С. 49–52.

¹ *Минбалева А. В.* Защита персональных данных при осуществлении профессиональной деятельности журналистов // Юрист. 2011. № 15. С. 42–47; *Минбалева А. В.* Проблемы обработки персональных данных журналистами и СМИ // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 25–30 и др.

² *Баранов А. Н., Бельчиков Ю. А., Сафонова Ю. А., Шваркопф Б. С.* Цена слова. М., 2002.

³ *Пичугина Т. Т.* Защита чести и достоинства. М., 2010.

⁴ *Шалаев А. В.* Юридический справочник главного редактора. Настольная книга. М., 2016.

⁵ *Федотов М. А.* Право массовой информации в Российской Федерации. М., 2002; *Рихтер А. Г.* Указ. соч.

⁶ *Афанасьева Ю. Л.* Особенности исполнения печатными научными периодическими изданиями требований действующего российского законодательства // Научный редактор и издатель. 2019. № 4 (1-2). С. 53–62.

⁷ *Долова А. З.* Трудовой договор как основание возникновения трудовых правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2007. № 5 (29). С. 34–43.

⁸ *Минбалева А. В.* Устав как основной локальный правовой акт редакции СМИ // Проблемы права. 2009. № 3 (19). С. 98–100.

странителями и т. д. Неслучайно, занимаясь исследованиями экономики медиа, С. Л. Давтян анализирует организационно-правовые формы и правоспособности редакции¹. В этой небольшой группе ученых звучит и голос петербургского профессора – М. Н. Кима, изучающего редакционный менеджмент². Но таких эпизодических исследований явно недостаточно для решения целого ряда юридических и организационных проблем – обеспечение редакционной независимости, выплаты авторского вознаграждения работникам редакции, соблюдения прав журналиста в отношениях с главным редактором и т. д.

Парадоксальным образом наш обзор показывает, что при давнем и серьезном изучении в Петербурге права СМИ целый ряд важнейших направлений еще ждет своих исследователей, в продумывании нуждаются концептуальные основания этих разработок, а о собственно петербургской школе без достижения консенсуса по базовым философским вопросам говорить можно лишь с высокой степенью условности. Заполнение выявленных пробелов приведет, вероятно, не только к изменению научного ландшафта города, но и заметному пересмотру образовательных практик.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Андрей Юрьевич Дорский, доктор философских наук, профессор кафедры рекламы СПбГУ.

¹ Давтян С. Л. Предпринимательская деятельность в редакциях СМИ // Медиаскоп, 2010. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/предпринимательская-деятельность-в-редакциях-сми>.

² Ким М. Н. Роль главного редактора в управленческой системе редакции // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 182–189.

Исследования периодической печати и организации медиапроизводства

Периодическая печать как объект исследования. Начальный период. Один из самых сложных объектов теоретического исследования – периодическая печать. Это объясняется ее многоаспектностью, вторжением практически во все сферы жизни общества, которые не просто становятся предметом ее внимания, но под ее воздействием могут претерпевать глубокие, порой весьма значительные трансформации. Печать, воплощенная в текстах, будучи феноменом, а именно чувственно воспринимаемым объектом, изначально бинарна: во-первых, в ней реализуется самодовлеющий семиотический комплекс с актуализированным прагматическим свойством, что, собственно, и обуславливает процесс текстуализации, и, во-вторых, благодаря семиотическим образованиям по мере снижения их энтропии генерируется идейно-содержательный потенциал, ради которого этот текст и создается. Печать не может не иметь идейно-содержательного предназначения. Без этого она утратила бы всякий онтологический смысл и полностью превратилась в псевдовещь, ирреальное порождение.

Периодическая печать – сложно структурированное **системное образование**, которое обладает особой идентичностью, самодостаточностью и, будучи наделенным признаками континуальности, объединяет группы объектов, тождественных по своим функциональным императивам, образующих в своей совокупности мощный социально-идеологический и ценностно-антропологический кластер. Он репрезентирован как уникальный и безусловный артефакт, представленный печатными изданиями, которым имманентна абсолютно выраженная прагматическая заданность – они созданы исключительно человеком и рассчитаны на использование только человеком. Периодическая печать – это на постоянной и долговременной основе выходящие печатные издания – газеты, журналы и альманахи, которые аккумулируют гигантский текстовый потенциал, наделенный особыми интеллектуальными, когнитивными, психоэстетическими, духовно-нравственными и лингвопрагматическими свойствами. Его можно определить как

актуализированный гипертекст, мегадискурс, в котором формируется бессчетное множество дискурсов, очень разных по своим масштабам, тематическим приоритетам, социальным характеристикам.

В масштабах мирового исторического процесса периодическая печать институционализировалась сравнительно недавно, ее становление и развитие проходило с конца XVI века и еще далеко не завершилось в настоящее время. Однако за данный период она стала исключительным культурологическим и гуманитарным явлением, оказала беспрецедентное влияние на мир человека, и прежде всего на формирование его социально-политических и духовно-идеологических приоритетов, мировоззрения, модели поведения. Системное исследование периодической печати как уже сформировавшегося института началось с того периода, когда она обрела соответствующий высокий общественный статус, и необходимо иметь в виду не отдельные разрозненные публикации, ей посвященные, а исследование интегративное, на теоретико-методологической основе, с академическим обеспечением познавательного процесса. Но приходится констатировать, что даже в современных условиях исследования, проведенные по некоторым направлениям, носят лишь пропедевтический характер, не проведено их удовлетворительной верификации, и им еще предстоит обрести системность и необходимую глубину.

Сложность решения проблемы заключается, в частности, в том, что не разработана адекватная и четкая парадигма исследования печати – и вообще массмедиа – как самостоятельной научной дисциплины. Сказывается отсутствие базовой формы в создании научной методологии и предметно-содержательного основания в аккумуляровании, обобщении и трансляции научного знания. Медиадисциплина пребывала в пространстве других дисциплин на положении не совсем законной приживалки. Это подчеркивается и в данном высказывании: «Процесс институционализации исследований медиа и коммуникаций в течение долгого времени проходил не в качестве становления самостоятельных парадигм, а в рамках социологии, политологии и психологии. То есть начало медиаисследований как области знаний лежит в исследованиях общества»¹. Необходимо учитывать, кроме того, что

¹ Дунас Д. В. Проблема изучения журналистики в поле массовой коммуникации: взгляд зарубежных исследователей // МедиаАльманах. 2013. № 1. С. 11.

научное познание – процесс вообще постепенный и даже медленный, поскольку должна быть выработана и апробирована эффективная и самостоятельная методология комплексного научного осмысления и понимания объекта изучения. Исходя из этого, следует также выявить аспекты его корреляции, уже как самостоятельного субъекта, с другими сферами гуманитарной практики, включая такие сложные, как фундаментальная онтология, ориентированная на аспекты концептуализации бытия. В. С. Степин в связи с этим замечает: «Сегодня уже не нужно доказывать, что наука в своем познавательном движении постоянно резонирует с развитием других областей культуры (искусства, философии, религии, обыденного сознания и т. д.). Ближе всего к ней всегда была философия»¹. Однако многое уже сделано, и к этому должно быть проявлено внимательное и уважительное отношение.

В одной работе невозможно с должной глубиной осветить все достижения в исследовании периодической печати, причем надо учитывать, что возникают зачастую и едва ли не преднамеренные, граничащие с обскурантизмом стремления принизить и деактуализировать саму периодическую печать как социальный институт, а также связанные с ней исследования. Это не может не иметь косвенных и латентных, но от этого не менее губительных, социальных последствий. Явно негативный результат такого отношения – систематическое суггестирование стереотипа, утверждающего исчезновение периодической печати в связи с превалированием цифровых каналов коммуникации и их абсолютизацией, из чего вытекает якобы бесперспективность и необязательность серьезного научного изучения газетно-журнальной периодики в бумажной модификации. В то же время факты указывают на то, что периодическая печать продолжает оставаться могущественным политико-идеологическим, просветительским, культурологическим и нравственным фактором жизни современного общества. Хотя, конечно, усиление IT-потенциала диктует внедрение инновационных методов развития периодики, и на примере ведущих мировых изданий мы видим, как это происходит, что, кстати сказать, тоже становится предметом продуктивного научного исследования.

¹ *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 1999. URL: <https://www.kph.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/stepin/pred.html>.

В связи с этим стоит обратить внимание на авторитетное высказывание: «Будущее – за все более персонифицированной и сегментированной информацией. Газеты, как электронные, так и бумажные, будут все больше работать на своего конкретного, известного и даже родного читателя¹. Из этого вытекает и исследовательская задача – ни в коем случае не игнорируя достигнутое, опираясь на него, продолжать изучение периодической печати в ее развитии, современной модификации. Именно это подчеркивает профессор С. Г. Корконосенко: «Прямолинейное отрицание предшествующего исследовательского опыта до сих пор не оправдывало себя в истории науки и культуры; в благополучном случае оно приводило к формированию новой ветви развития, которая прививалась к “стволу” и только усиливала его ветвистость»². Экзистенциальная сущность периодической печати, и в частности газеты, прогнозирование мультимедийной стратегии ее развития в настоящее время активно обсуждается. Профессор И. Н. Блохин, сделав глубокий анализ предмета дискуссии, поделился и интересным наблюдением: «Еще один аспект проблемы состоит в том, что контролировать граждан и их медиапредпочтения легче через Сеть, нежели через перемещение прессы и печатных книг»³.

Системно и масштабно изучать периодическую печать стали в XX веке, в котором ее монополизация в крупнейших странах достигла высокого уровня, появилась «большая пресса» и возникли влиятельные медиакорпорации. Массмедиа – прежде всего печать – стали объектом масштабного исследования в университетах, там же приступили и к подготовке будущих профессиональных сотрудников редакций газет и журналов. Мощный импульс для развития получила пресса США, что

¹ Гендиректор «АиФ» *Руслан Новиков* рассказал о будущем бумажных изданий // Рамблер/НОВОСТИ. 2018. 21 сентября. URL: <https://news.rambler.ru/other/40859079-gendirektor-aif-ruslan-novikov-rasskazal-o-buduschem-bumazhnyh-izdaniy/>.

² *Корконосенко С. Г.* Сетевые СМИ: журналистика продолжается // Сетевые СМИ российского мегаполиса / под ред. И. Н. Блохина, С. Г. Корконосенко. СПб., 2011. С. 10.

³ *Блохин И. Н.* Средства массовой информации в структуре медиахолдинга: факторный анализ среды существования // Современный медиахолдинг: формы существования и проблемы институционализации: коллективная монография / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. М., 2017. С. 40.

определенным образом коррелировало с бурным развитием технологического и индустриального потенциала. Страна формировалась как сверхдержава, в которой исключительно востребованными оказались средства массовой коммуникации, и ведущее положение среди них заняла периодическая печать. Она вышла на лидирующие позиции, на которых удерживается и поныне, несмотря на кризисные явления и воздействие конкурирующих сетевых медиа. Нельзя не признать справедливости следующего высказывания: «На сегодняшний день Соединенные Штаты Америки занимают ведущее место в информационной сфере. <...> Тем не менее по количеству выпускаемых периодических изданий США по-прежнему занимают ведущее место в мире»¹. Надо отдать должное бережному, корректному и основательному изучению американскими исследователями своей национальной прессы. Для этого, конечно, созданы благоприятные условия, однако и со стороны самих исследователей проявлены недюжинные способности, ответственность и энтузиазм.

Одним из крупнейших исследователей прессы был Ф. Л. Мотт, историк и журналист, автор фундаментальных трудов – «Американская журналистика. История: 1690–1960 гг.», пятитомной «Истории американских иллюстрированных журналов», за которую в 1939 году был удостоен Пулитцеровской премии. Важное место в историографии печати занял труд М. и Э. Эмери «Пресса и Америка. Интерпретативная история массмедиа». В этом объемном сочинении (издание 1978 года насчитывало 574 страницы) речь идет, в частности, о рождении американской печати, о том, как она «захватывает плацдарм», о восстании «четвертого сословия» (так в США называют журналистов) и т. д. Среди исследователей достойное место занимает и профессор Дж. Мэррил, который одним из первых обосновал типологическую категорию качественной газеты, что было принципиально важно для теории журналистики².

В странах Старого Света периодическая печать традиционно играла большую роль, была востребована обществом и становилась предметом внимательного и серьезного академического исследования.

¹ *Калягин Б. А.* Характерные черты современной прессы США // *Вестн. Моск. ун-та.* 2012. Сер. 10. Журналистика. № 3. С. 116–119.

² *Merrill J. C.* *A Hand Book of the Foreign Press.* Baton Rouge, La., 1959. P. 129.

В Великобритании с научной работой, посвященной национальной печати, выступил Х. Херд, который в 1952 году в Лондоне издал книгу «Марш журнализма: история британской прессы с 1622 года и до сегодняшнего дня». В Германии историей и теорией прессы занимался К. В. Бюхер, которого можно по праву считать основателем науки о газетной прессе. Исследованию журналистики, прежде всего газеты и ее аудитории, в 20-е–60-е годы XX века посвятил фундаментальные труды О. Грот. В 1931 году Э. Довифат опубликовал двухтомник «Газетная наука», а в 1937-м – двухтомник «Учение о газете». Этой темой он активно занимался и в послевоенный период. Среди крупнейших исследователей прессы – автор многочисленных и глубоких теоретических трудов К. Косцик. В ГДР теорией журналистики занимался профессор Х. Х. Першке, который внес значительный вклад в изучение газетной прессы.

Во Франции особое место среди исследователей прессы занимал Ж. Кейзер, известный публицист, автор книги «Смерть одной свободы». Он «разработал систему изучения печати, основанную на статистических данных. Его методами пользуются многие французские исследователи печати»¹. Среди учеников Ж. Кейзера, который являлся заместителем директора Французского института печати, в самом начале 1960-х годов был и командированный в Париж на стажировку В. С. Соколов, аспирант факультета журналистики Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. В будущем – доктор филологических наук, профессор. Свидетельства В. С. Соколова, приведенное в его книге «Мой университет: Воспоминания филолога-журналиста», поистине уникальны. В частности, он пишет: «Учебный план института, не говоря уже о его программах, явился для меня полным откровением. Здесь наряду с историей журналистики и с ее современным состоянием, к чему, по сути, и сводилось наше изучение периодической печати, изучали экономику, право, технику, психологию прессы, существовала даже особая учебно-научная секция “методологии и документации”, в которую я и записался, скорее всего потому, что ее вел мой научный руководитель Жак Кейзер, заслуживающий особых слов. <...> Большой интерес у всех нас вызывали также

¹ Зарубежная печать: сб. ст. / под ред. Я. Н. Засурского. М., 1964. С. 194.

проводимые Кейзером семинарские занятия по конкретному проблемно-тематическому рассмотрению ведущих публикаций парижской ежедневной прессы, определяемому им как их “морфологический анализ”, по которому Кейзер регулярно давал нам домашние задания. Жак Кейзер выгодно отличался от всей профессуры, имевшей отношение к нам, неизменной критичностью взглядов на вещи, своим собственным мнением по самым разным вопросам, возникавшим на занятиях, особенно подкупавшим нас при конкретном рассмотрении материала ведущих парижских ежедневных газет от правых “Паризьен либере” и “Орор” до крайне левой “Юманите”¹. Исследованию печати также посвятили свои труды французские ученые П. Альбер, А. Авенель, К. Белландер, К. Дельпорт, С. Хаффмэйер и др.

Здесь отражены только некоторые публикации наиболее авторитетных исследователей периодической печати. Значительных результатов в изучении прессы добились и отечественные специалисты. Причем в изучении не только российской газетно-журнальной периодики, но и зарубежной, поскольку весь медиапроцесс представляет собой единое целое. Уместно будет назвать сборник статей по журналистике и издательскому делу «Периодическая печать на Западе», изданный в 1904 году редакцией журнала «Образование» (Санкт-Петербург, типография Н. П. Собко). В России это едва ли не первое фундаментальное классическое издание по печати, которое содействовало формированию соответствующей парадигмы ее изучения и отнюдь не утратило научной ценности и в настоящее время. П. Берлин, один из авторов книги, во вступительной статье «Очерки современной журналистики» обосновал общие методологические подходы к исследованию прессы, причем обращался и к наследию Аксакова, Чехова, Щедрина.

В советский период изучение периодической печати происходило в рамках марксистско-ленинской идеологии, что в определенной мере сковывало научное творчество. Однако процесс исследования газетно-журнальной прессы, а именно она в основном и представляла в тот период журналистику, отличался все возрастающей активностью. Теоретическое осмысление печати и образовательный процесс продуктивно коррелировали, дополняли и стимулировали друг друга. Поэто-

¹ Соколов В. С. Мой университет: Воспоминания филолога-журналиста. СПб., 2004. С. 189–190.

му необходимо напомнить, что уже в 1917 году существовал частный Петроградский историко-литературный кружок, в котором учеными было осуществлено описание повременной печати – журналов и альманахов XIX века. Среди исследователей был приват-доцент кафедры русского языка и словесности историко-филологического факультета Петроградского университета Л. К. Ильинский. В 1925 году на факультете языкознания и материальной культуры университета профессора Л. К. Ильинский и В. Е. Евгеньев-Максимов приступили к проведению занятий по теории и практике газетного дела, истории русской критики и журналистики и книговедению. Через год была основана кафедра газетного дела – самостоятельная университетская образовательная структура.

Наступало время системного и основанного на соответствующей методологии изучения периодической газетно-журнальной печати. Петербургский исследователь журналистики профессор Г. В. Жирков отмечает: «В разработке вопросов журналистики участвовали в той или иной степени П. М. Керженцев, В. Карпинский, М. Курс, М. Левидов, В. А. Кузьмичев, Я. Шафир и др. Надо заметить, что в перечисленном ряду исследователей и публицистов, имевших вкус к теории, Я. Шафир выделяется разнообразием поднятых проблем журналистики и числом статей и книг, где идет речь об этих проблемах. <...> Конечно, труды Я. Шафира отражают дух времени с его классовой дифференциацией и политический темперамент партийного инструктора. В них сильны субъективизм, политический аспект и публицистический накал, но это не снимает реальных достижений автора, полученных в результате конкретно-социологических исследований, и теоретических обобщений, сделанных на их основе»¹.

Принципиально важно то, что Я. Шафир не просто обозначил вектор, по которому предстояло вести исследовательскую работу в области газетной журналистики, но и сам выступал как теоретик. Его работы, подчеркивал в предисловии к монографии Шафира «Вопросы газетной культуры» Л. Сосновский, «поставили очень остро вопрос о языке газеты, о содержании газеты, о требованиях разных слоев читательской массы к газете. Мы увидели, что нельзя продолжать дальше

¹ Жирков Г. В. Я. Шафир – исследователь и теоретик журналистики // Акценты. 2003. Вып. 1–2. С. 77–78.

газетное дело без серьезных попыток поднять самую культуру газеты... Любопытно, что от дореволюционной русской журналистики нам не осталось почти никаких работ, посвященных этим проблемам»¹. В связи с этим обратим внимание и на высказывание А. Ф. Бережного: «Тем не менее еще в 1914 г. один из обозревателей трудов по отечественной печати писал: “Наша журналистика ждет своего исследователя... у нас пока не имеется специальных сочинений, посвященных истории русской журналистики”»². Как видим, публикация Я. Шафира – знаменательный шаг в изучении газетно-журнальной периодической печати, и прежде всего такого ее направления, как газетоведение, которому Я. Шафир в монографии посвятил целиком первый раздел. По сути, в этой книге им был задан алгоритм исследования прессы: кроме идентификации газеты как ведущего субъекта информационной деятельности, были заложены основы типологизации прессы, жанрообразования (на примере исследования фельетона), языка, изучения процесса чтения и читателя.

В дальнейшем исследовании прессы большую роль сыграло учреждение институтов журналистики, в которых приоритетом была подготовка работников периодических изданий. Кроме того, стали готовить и радиожурналистов. По постановлению Ленинградского обкома ВКП(б) от 29 января 1930 года на базе газетно-журнального отделения Государственного техникума печати был основан Ленинградский государственный институт журналистики имени В. В. Воровского. В июне 1931 года институт получил новое название – Коммунистический институт журналистики имени В. В. Воровского (КИЖ), а в апреле 1940 года ему вернули прежнее название. Приоритетом было образование в области печати, систематизация периодики, разработка теоретических основ ее методологии. Профессор И. А. Фатеева пишет: «Перечислим весь состав кафедры печати на начало 1934–1935 учебного года... профессор Турок (заведующий), Хавин (заместитель заведующего), профессор Вяземский, доценты Чудновский, Рабинович, Ардашников, зав. кабинетом печати Брусничкин, а также Файнштейн, Крейнвич, Таубер. Далее в документе стоит слово “Резерв”, и пере-

¹ *Сосновский Л.* Предисловие // *Шафир Я.* Вопросы газетной культуры. М.; Л., 1927. С. 3–4.

² *Бережной А. Ф.* Русские предшественники ленинской печати. Л., 1969. С. 8.

числены Каннер, Урлауб, Файнштейн, Шур, Гиль. Если сравнить это со списком преподавателей первого года работы института, то окажется, что от первоначального состава специалистов в области печати за четыре года остались только П. Я. Хавин и Б. А. Вяземский, остальные фамилии новые»¹.

28 августа 1941 года институт был упразднен, и в этот же день народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин издал приказ о создании на его базе факультета журналистики Ленгосуниверситета. Из-за трагических военных событий приказ выполнен не был, факультет журналистики в университете появился позже, а сначала в 1946 году на филологическом факультете было учреждено отделение журналистики. Приказом Министерства высшего образования были утверждены заведующие двух кафедр: истории журналистики – В. Е. Евгеньев-Максимов, а теории и практики советской печати – П. Я. Хавин².

Ленинградская-петербургская школа журналистики, которая стала выдающимся гуманитарным и культурным явлением, формировалась, таким образом, на основе института журналистики, и даже задолго до его основания. В то же время необходимо подчеркнуть: достижения ленинградской-петербургской школы журналистики мы признаем, отнюдь не умаляя замечательных и поистине впечатляющих заслуг в исследовании периодической печати коллег из других городов и университетов. Результатом именно совместных наших усилий на поприще изучения феномена журналистики – а поначалу именно периодической печати – стали многие достижения в этой области. Российские исследователи в основном не отстают в изучении средств массовой информации, учитывают динамику их стремительного обновления, создают в целом адекватную и достаточно эффективную парадигму их анализа, несмотря на то, что медийная сфера подвержена очень быстрым трансформациям. Нельзя не согласиться с эмоциональным, но точным и совершенно обоснованным высказыванием С. Г. Корконосенко: «Признаем несомненный факт: за самые последние десятиле-

¹ *Фатеева И. А.* Институт журналистики в Ленинграде: от КИЖа к ГИЖу, от института к университету // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 140.

² *Бережной А. Ф.* Отделение – факультет журналистики Ленинградского государственного университета в 1945–1985 гг. СПб., 2003. С. 13.

тия массовые коммуникации и журналистика сделали ошеломляющий скачок в своем развитии»¹. Это было сказано почти четверть века тому назад, но актуальности отнюдь не утратило.

Исследование периодической печати как социального института осуществляется в направлении, которое в самых общих чертах наметил еще Я. Шафир и которое, конечно, в последующие годы обрело масштабность и фундаментальность. Казалось бы, все обстоит несложно: есть объект изучения, универсальная апробированная методология, определенный исследовательский опыт и знания. Но объект исследования оказывается исключительно динамичным, изменчивым и порой столь сложно детерминируемым, что даже проверенные практикой парадигмы выглядят порой несостоятельными. Журналистика вообще выступает как средство «исключительно доступное и влиятельное и потому особенно “рискогенное”». Хотя бы в связи с тем, что «наряду с генетически заданной социальностью прессы всегда существует ее *асоциальность* – и как явление, и как потенциальная опасность»². Постоянная модифицированность прессы, диалектически обусловленная ее подвижность и прагматическая многоаспектность, возможные энтропийные процессы обуславливают и соответствующие подходы к ее исследованию. Особо подчеркнем, что это исследование не может быть догматическим и загнанным в прокрустово ложе какой-либо изначально заданной теории. В связи с тем, что пресса зависит от развития инновационных технологий, так как предполагает фиксацию и перемещение во времени и пространстве текста – письменного на бумажном носителе, а теперь и бесписьменного, полностью виртуализированного, причем достигающего высокого уровня актуализации, – наука о прессе должна учитывать, прежде всего, идейно-содержательное и материальное состояние объекта, осуществляющего, по сути, отражение и потоковую обработку информации о текущих событиях. Это делается зачастую в системе реального времени, и запаздывание в рассмотрении происходящего чревато утратой его понимания. В связи с

¹ Корконосенко С. Г. Динамика теории журналистики в современной России // Факультет журналистики. Первые 50 лет / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 1996. С. 59.

² Корконосенко С. Г. Социожурналистика: в защиту концептуальной идеи // Невский наблюдатель. 1997. № 1. С. 20.

этим есть основание едва ли не на уровне аксиоматики констатировать, что «журналистская наука, в отличие от других областей гуманитарного познания, находит свой объект, прежде всего, в живой действительности – а именно в опыте прессы и порождаемых им идеях»¹.

Даже идентификация основных объектов периодической печати, прежде всего газет и журналов, которые попадают в поле исследовательского внимания, оказывается делом далеко не таким простым, как можно подумать. Так, если сравнить номера бумажных газетных изданий конца XVI века и современных, то контраст будет разительный. Даже, к примеру, издание второй половины XIX века очень трудно сопоставить с современным: другая система редакционного управления, другая содержательно-тематическая модель, не говоря уже о композиционно-графической. Профессор Л. П. Громова подробно проанализировала алгоритм становления газеты «Голос», которая выходила с 1863 года в течение 20 лет. Автором публикации была приведена и сканированная полоса одного из номеров – непривычная шрифтовая графика, система верстки, которая уже не используется и кажется совершенно архаичной, необычный формат страницы².

Есть много дефиниций, авторы которых попытались представить газету как нечто обладающее незыблемыми и жесткими признаками, прежде всего морфологическими, не задумываясь над тем, что сам процесс дефинирования – конкретная логическая операция, которая, однако, не предполагает, что при ее осуществлении необходимо руководствоваться исключительно положениями формальной логики. Взять хотя бы императивное заключение о том, что газета – печатное издание. Сегодня в журналистике оперируют понятиями «электронная газета» и «сетевая газета». Но и в отношении сугубо бумажной газеты дело обстоит не так просто. Например, еще в начале XX века один из самых авторитетных книговедов петербургский профессор М. Н. Куфаев «книгой» считал печатный продукт, в том числе и газету, представляющий собой «единое целое». Но главное то, что «посредством

¹ Корконосенко С. Г. Теории журналистики как вызов спонтанной практике прессы // Журналистика: исследования – методология – практика: сб. статей / отв. ред. Г. В. Жирков. СПб., 2004. С. 74.

² Громова Л. П. А. А. Краевский – редактор и издатель: учеб. пособие. СПб., С. 88–138.

видимого знака зафиксированы *мысль* и *слово*, взятые вместе». А вот ноты музыкальные, каталоги шрифтов, прописи и прочую подобную печатную продукцию автор серьезных трудов по философии книги собственно книгой и не считал¹.

Вопрос о том, что называть «газетой», имеет определенное и теоретическое, и практическое значение. Так, Э. Боллингер в справочном издании «Исторический лексикон Швейцарии» утверждает, что *Annus Christi*, которую издавали в 1597 году, «вероятно, самая старая немецкоязычная газета»². Г. Барт высказывается более однозначно и публикует даже исследование, в названии которого утверждается, что это «первая немецкоязычная газета»³. Можно привести еще немало публикаций, в которых *Annus Christi*, действительно уникальное издание, представлено именно как газета. Одно из самых авторитетных – полное воспроизведение текста ежемесячного издания *Annus Christi* с комментарием, в котором дается обоснование идентичности этой газеты с опорой на критерии, предложенные в свое время О. Гротом⁴. В то же время профессор Института германистики Инсбрукского университета доктор Т. Шредер заметил, что «*Annus Christi* мало может соответствовать в своем непосредственном развитии газете или журналу»⁵. И в самом деле, фактически это ведь был ежемесячно выходящий календарь с явными признаками периодического издания, и не более того. Таким образом, Т. Шредер, несомненно, имел основание рассуждать на эту тему и высказался вполне определенно.

Вместе с тем стали появляться и публикации, в которых уже безапелляционно утверждалось, что *Annus Christi* – никакая не газета, а

¹ *Куфаев М. Н.* Избранное. М., 1981. С. 45, 47, 103.

² *Bollinger E.* *Annus Christi* // *Historisches Lexikon der Schweiz*. 2008. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/043367/2008-02-13/>.

³ *Barth G.* *Annus Christi 1597. Die Rohrschacher Monatsschrift – die erste deutschsprachige Zeitung* // *Neujahrsblatt* / hrsg. vom Historischen Verein des Kantons St. Gallen.

⁴ *Annus Christi. Historische Erzählung der fürnehmsten Geschichten und Handlungen, so in diesem Jahr, vast in gantzem Europa, denckwürdig abgelauffen 1597.* Neudr. d. Aufl. von 1597 / hrsg. von M. Sändig. *Nendeln: Kraus-Thomson Organization Ltd.*, 1977. S. p.

⁵ *Schröder Th.* *Die ersten Zeitungen: Textgestaltung und Nachrichtenauswahl.* Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1995. S. 25.

журнал¹. Причем аргументы в пользу этого утверждения находили у того же О. Грота. Но ведь он еще в 1928 году назвал критерии, которым должна соответствовать газета, очевидно, современная и хорошо знакомая ему, как тип периодического издания, и едва ли правомерно экстраполировать эти критерии на издание, выходявшее сотни лет тому назад без учета его эволюционирования, конкретной исторической и культурной ситуации. Практически все признаки, сформулированные Гротом, можно только с большой долей условности соотнести с первыми изданиями, которые – конечно же, на конвенциональной основе – считаются газетами.

Так, было бы странно в современном понимании интерпретировать древнекитайские рукописи именно в качестве газеты или журнала. Да, это были повременные издания с функцией информирования, но стоило ли вообще выяснять, это газеты или журналы, с целью, которая сама по себе сомнительна. Ведь так можно попытаться уточнить «газетную или журнальную идентичность» и самых древних средств коммуникации: «в Китае уже в VII–X вв. (правление Танской династии) выходили рукописные газеты дигао»². Просто на основе здравого смысла и диалектики мы «договорились» считать их газетами, и это правильно. В свое время профессор С. В. Смирнов высказал мнение о том, что разум журналиста не может быть недиалектическим³. Добавим – также и разум ученого. Именно диалектическое начало положено в основу и типологической парадигмы, которая используется в журналистике. Вполне корректной и безукоризненной, например, представляется дефиниция, предложенная профессорами Г. С. Мельник и А. Н. Тепляшиной: «Газета – оперативное периодическое издание. В зависимости от типа и назначения газеты имеют разные сроки выхода, форматы и тиражи»⁴.

¹ Виниченко В. М. История зарубежной журналистики. У истоков журналистики. Ростов н/Д.; Таганрог, 2018. URL: https://books.google.ru/books?id=_LuYDwAAQBAJ&pg=PT86&lpg=PT86&dq=#v=onepage&q&f=false; Zeitschrift // Wikipedia. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Zeitschrift>.

² Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник. М., 2001. С. 35.

³ Смирнов С. В. Информационная культура и культура мышления журналиста // Основы информационной культуры: учеб. пособие / редкол.: С. В. Смирнов, Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников. СПб., 1998. С. 72.

⁴ Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Основы творческой деятельности журналиста: учеб. пособие. СПб., 2001. С. 101.

Конечно, наука не может развиваться без создания **соответствующей типологии**. Эта задача решается усилием многих специалистов, поскольку дело довольно трудоемкое, которое не обходится и без ошибочных решений. Ведь может существовать и «семейство изданий, для которых в отечественной типологии СМИ вряд ли найдется точное наименование»¹. Усложненность типологизации в области прессы проистекает из сложности объекта, влияние оказывает «*мультипарадигмальность* его отражения в теоретических концепциях». Базисное, и одновременно стимулирующее положение «заключается в открытости теории – в первую очередь для фактов жизнедеятельности прессы и общества»².

В принципе, в настоящее время уже создана достаточно адекватная типологическая система периодической печати. Она с необходимой полнотой, а главное, с учетом общеметодологических научных положений, разработанных, прежде всего, в современной логике, представлена в ряде изданий Петербургской школы журналистики³. Важно отметить, что ранее в качестве средства типологической идентификации никогда не рассматривался **лингвистический фактор**. Впервые это сделала профессор И. П. Лысакова, которая обратила внимание на то, что «особенности приспособления слова к типу газеты нигде не описаны, теоретически это явление в научной литературе не объяснено, в то время как общая теория газетно-публицистического стиля имеет в России почти вековую традицию изучения»⁴. Кроме того, следует

¹ *Корконосенко С. Г.* «Калейдоскоп»: развлекательный, а не «желтый» // Типология печати: проблемы теории и практики: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» (12 марта 1998 года, Санкт-Петербург) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1999. С. 104.

² *Корконосенко С. Г.* Нормативность, новаторство и эскапизм в теории журналистики // Журналистика в мире политики: ответственность перед будущим: материалы секцион. заседания конф. «Дни Петербургской философии-2008» / ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб., 2009. С. 129.

³ *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики: учебник. М., 2001. С. 86–108; Массмедиа российского мегаполиса: типология печатных СМИ / под общ. ред. М. А. Шишкиной; науч. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2009.

⁴ *Лысакова И. П.* Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005. С. 3.

принять во внимание, что процесс типологизации во всех отношениях дело живое, которое, напрямую коррелируя с практической сферой, существует в социально-политическом контексте. Так, по ряду причин в 1990-е годы «резко возросло разнообразие типов изданий, в частности, благодаря множеству сугубо “неполитических” развлекательных, рекламно-информационных, “семейных” газет и журналов»¹.

Бесспорно, типология периодической печати – важнейшее направление, благодаря которому возможно воссоздать структуру сложной и активно функционирующей системы. Но в периодической печати едва ли не главный аспект – содержательный, отражающий процесс формирования **дискурсного поля с гуманитарной интенцией** (если не касаться прессы маргинальной). В связи с этим в экзистенциальном плане в периодике возможно констатировать наличие – само собой разумеется, не без доли условности – соответствующей дихотомии. Во-первых, необходимо выделить формально-конструктивную составляющую – идентичность прессы как материального, мереологического и технологического феномена, о чем мы уже с той или иной степенью подробности вели речь. Во-вторых, составляющую содержательную, отражающую текстовой этический, аксиологический, нравственный и духовный процессы. Здесь присутствует во всей полноте человеческий фактор: рефлектирующий субъект создает текст как постоянно обновляемый нарратив и сам становится участником того, что происходит в рамках данного нарратива. И при этом все происходящее постоянно подвергается анализу и оцениванию с антропологических позиций.

Профессор М. Н. Ким говорит о том, что **«предмет антропологии журналистики** – возможности субъектов, принципы, границы и специфика их взаимодействия и воздействия на социальную и духовную среду общества»². Понятие предмета антропологии журналистики оказалось на редкость удачным в методологическом плане, поскольку отражает едва ли не главную задачу журналистики – быть обращенной к человеку. Через призму журналистики антропология позволяет обратиться именно к человеку в универсальном и полномасштабном

¹ Корконосенко С. Г. Политизированная пресса для «беспартийной» аудитории // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса): сб. науч. тр. / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1997. С. 45.

² Ким М. Н. Основы теории журналистики: учеб. пособие. СПб., 2013. С. 62.

значении, с большей точностью рассмотреть его в природной и социальной среде и дать всей гуманитаристике максимально широкое научное истолкование. И. Н. Блохин в связи с этим замечает: «Есть все основания считать социальную и культурную антропологию научными дисциплинами, находящимися в русле таких наук, как социология и культурология, и использовать термин “антропология” и категории этой науки так, как это было принято в отечественной традиции»¹.

Общая антропологическая интенция текста находит отражение в высказывании профессора В. И. Конькова о том, что «проблема человек и текст является одной из наиболее важных, свидетельство чего – существование таких философских направлений, как, например, герменевтика, где понимание текста возводится на уровень миропонимания»². Антропологический аспект журналистики, являясь содержательным и только совершенно косвенно коррелируя с материальным, меререологическим и технологическим феноменами (например, в решении задачи комфортного восприятия семиотических образований), реализуется исключительно через текст: его содержание, в идеале гуманистическое и утверждающее высокие нравственные принципы, конечно, может быть и дегуманизирующим, бесчеловечным и разрушительным. Но мы все же надеемся на высокое предназначение журналистики в антропологической интерпретации и наделяем ее позитивной коннотацией.

Это обусловлено и тем, что в журналистике, особенно в ее публицистическом представлении, в нарратологическую цепочку наряду с автором включен и читатель. В случае явной ангажированности автора может произойти сбой в релевантности, что губительно скажется на положении издания. По мнению В. П. Таловой, «структуру авторства, представляемого на страницах газеты, следует приближать к структуре читательской аудитории, на которую рассчитан данный печатный орган»³. Однако в общественном сознании порой утрачивается понима-

¹ Блохин И. Н. Журналистика в этнокультурном взаимодействии: учеб. пособие. СПб., 2003. С. 40.

² Коньков В. И. Человек в мире предметной семантики // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1993. С. 21.

³ Талова В. П. К вопросу об авторах газеты // Проблемы журналистики. Вып. 1 / отв. ред. А. Ф. Бережной. Л., 1973. С. 118.

ние того, что печать создается для читателя, игнорируются серьезные запросы аудитории, а вместо этого владельцы массмедиа и издатели, потакая ее низменным и случайным интересам, стараются манипулировать общественным сознанием. Между тем «особенно важно учитывать, что деятельность прессы невозможно адекватно представить без учета потребностей тех, кто использует ее потенциал»¹. Читатель инициирует, иногда непосредственно обращаясь к журналистам, тематическую направленность содержания, влияет на нравственную позицию и социальный выбор субъектов текстотворчества. Так, именно от читательской позиции во многом зависит выбор содержательно-смысловой интенции авторского текстопостроения. Профессор Л. Р. Дускаева подчеркивает, что на это влияют «изменения в смысловом поле читателя, которые составляют коммуникативно-смысловую потребность речевого поведения автора»². Происходит антропологизация медиатекста в сторону его фактической точности, отхода от имажинативных и фантазийных представлений. Профессор Н. С. Цветова говорит о том, что в «новой текстлингвистике, функциональной стилистике происходит обусловленная целой системой вполне объективных причин переакцентировка внимания с текста художественного на медиатекст»³.

Парадигмальная концепция всего процесса текстуализации в сфере периодической печати коррелирует со многими сторонами антропологической практики. Текст создается человеком и производится не просто как артефакт ради артефакта, а как носитель актуального содержания, и в связи с этим должен быть оптимальным образом **зафиксирован при помощи семиотического материала и в приемлемой форме передан субъекту**, заинтересованному в получении соответствующей информации. Ранее эта функция осуществлялась исключительно путем тиражирования номера газеты или журнала, а затем уже производилась его доставка получателю. Позже стали матрицировать

¹ Корконосенко С. Г. Печать, управление и самоуправление. Тула, 1992. С. 33.

² Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб., 2012. С. 13.

³ Цветова Н. С. Категория автора в интенциональном поле медиатекста // Там же. С. 19.

каждый номер и матричный картон с тиснением отправлять в пункт доставки с последующим стереотипированием – изготовлением металлической печатной формы. Использование авиации позволяло оперативно осваивать самые удаленные территории и уже там печатать тираж. Через некоторое время появилась возможность передавать содержание номера электронным способом и практически в любой точке планеты изготавливать печатную форму. Процесс печати всегда был исключительно сложным и в некоторых случаях обретал особую масштабность. Да и вообще журналистика, поскольку предполагает такое физическое действие, как доставка текста на соответствующих носителях получателю, всегда была особенно чувствительна к инновационным технологиям. Вот не лишнее интереса высказывание, которому без малого сто лет: «Трудно скрыть изумление, когда, осматривая такой полиграфический колосс, как государственная типография в Вашингтоне, видишь наборные, в которых стоят сотни наборных машин, когда в ротационном зале “Чикаго Дейли-Трибюн” в Чикаго осматриваешь 32-рольные агрегаты, по длине своей равные кварталу...»¹.

Освоение цифровых технологий привело к кардинальным системным изменениям. Процесс печати благодаря усилению тенденции, ориентированной на внедрение электронной бумаги, неизбежно становится по сути своей кибернетическим. Нынешние трансформации в области принттехнологий можно сравнить с открытием Гутенберга, что имело колоссальный эффект для всей цивилизации. Мультимедийные возможности уже в конце XX века стали коренным образом видоизменять природу периодической печати. В связи с этим С. Г. Корконосенко заметил: «Меняется характер информационного обмена: традиционная пресса выходит из вечного, казалось бы, плена монологичности, получая возможность стать принципиально интерактивным средством связи между людьми, во-первых, и налаживать диалог на неограниченно большом удалении от аудитории, во-вторых»². Конечно, это далеко

¹ Михайлов М. Л. По издательствам С.А.С.Ш.: Очерки. М., 1930. С. 63.

² Корконосенко С. Г. Парадоксы нормативности в мире телекоммуникаций // Периодическая печать на пороге электронной эры: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (мультимедиа и газета завтрашнего дня)» (17–18 марта 1999 года, Санкт-Петербург) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2000. С. 43.

не только простые технические преобразования. С этим сопряжены глубокие системные антропологические модификации, затрагивающие духовные приоритеты и ценности, которые, по мнению профессора В. А. Сидорова, «в нынешнем времени теснейшим образом связаны с революционными переменами в техносфере с ее техническими новинками и технологиями»¹.

Впечатляющие изменения, которые периодическая печать претерпела за последние десятилетия, порождают одновременно чувства и восхищения, и опасения за ее будущее. Технологии подготовки и оперативной доставки реципиенту текста будут, конечно, неуклонно совершенствоваться, и если в содержании этого текста не окажется утраченным высокое гуманитарное начало, прежде всего нравственное и духовное, значит, периодическая печать продолжает служить обществу, и выполняет свою высокую миссию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Борис Яковлевич Мисонжников, доктор филологических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций СПбГУ.

¹ *Сидоров В. А.* Ценности техногенного века в массмедиа // Журналистика в мире технологий: материалы науч-практ. семинара «Журналистика и мир`2008» (6 декабря 2008, Санкт-Петербург) / ред.-сост. М. Н. Ким. СПб., 2009. С. 112.

Кафедра цифровых медиакоммуникаций: в поисках новых парадигм

Медиаиндустрия в цифровой среде. Главным фактором беспрецедентных изменений медиасистемы и медиаиндустрии стала цифровизация информационной сферы и взрывной рост объема доступного контента. Цифровизация индустрии медиа становится предметом пристального внимания российских и зарубежных ученых, предлагающих разные научные подходы к анализу медийной практики, заставляющих критически пересматривать дигитальные теории. В соответствии с программой «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017) интенсивно меняются практика и технологии медиаобразования, реализуемые на трех уровнях: рынки и сфера производства информационной продукции, где взаимодействуют поставщики информации и потребителей услуг; платформы и технологии, где реформируются компетенции для развития отрасли; среда, создающая условия для развития платформ и технологий.

Внедрение новых информационных технологий кардинально изменило виды и типы журналистики, характер взаимодействия «коммуникатор–получатель», «коммуникатор–аудитория». К имеющимся функциональным возможностям и обязанностям журналиста добавился ряд специальных знаний, прежде всего из областей анализа данных, социальной теории и когнитивной психологии. Совершенствование подготовки кадров предполагает выработку необходимых стратегических компетенций специалистов для системной оптимизации работы, а также тактических – оцифровки текстов, соблюдения медиаэтики и информационного права, знания основ коммуникационного планирования и психологии массовой коммуникации. Медиарынок нуждается в специалистах с новыми коммуникационными компетенциями, творческими, технологическими и предпринимательскими навыками, необходимыми для управления проектами в цифровой среде и для работы на разных информационных платформах¹. В научном дискурсе

¹ *Melnik G. S., Teplyashina A. N. The of digitalization network space on journalism education // Media Education (Mediaobrazovanie) 2019. № 59 (1). P. 86–92.*

интенсивно обсуждаются каналы и аудитория, ключевые нарративы стратегических коммуникаций; осмысливается мультимедийный потенциал профессиональной журналистики, ее интерактивные качества и институциональность; анализируются коммуникативные стратегии новых медиа в цифровой среде; изучаются принципы организации редакционной работы, а также условия создания креативных медийных проектов и технологии их продвижения¹.

В работах преподавателей кафедры цифровых медиакоммуникаций отражаются основные тенденции глобализации, которые привели к качественным изменениям медиaprостранства и, в частности, оказали влияние на идентичность редакций как медийных структур. Глобализация вызвала небывалую по мощности интенсификацию информационных процессов и обусловила возникновение проблем, которые коснулись и редакционной практики. Лидеры качественной прессы мгновенно отреагировали на усложнение ситуации и объединили редакции бумажных и сетевых изданий. Современные системы СМИ, взаимодействуя, сливаются в единый ресурс, в результате чего открываются новые возможности в сборе, обработке и трансляции информации. Технологические сдвиги становятся основным фактором в процессе медиаконвергенции².

Научный интерес кафедры цифровых медиакоммуникаций сместился к проблеме влияния современных мультимедийных систем на состояние массмедиа и реципиентной среды, особенно на недостаточно изученные технологические и антропологические аспекты – ког-

¹ Мисонжников Б. Я., Павлушкина Н. А. Мультимедийный потенциал качественной прессы // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Мультимедийный потенциал журналистики. № 1 (10) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2016. С. 142–156; Мисонжников Б. Я. Мультимедийные системы в журналистике: герменевтический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 176–179; Мисонжников Б. Я. Публицистика в тисках цифровой антропологии // Вперед, мечта... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания: сборник научных статей / под ред. К. С. Пигрова. СПб., 2019. С. 122–129.

² Тепляшина А. Н. Влияние конвергентных процессов на жанрообразование в сетевой журналистике // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Мультимедийный потенциал журналистики. № 1 (10) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2016. С. 166.

нитивные, аксиологические и психосоматические. В связи с появлением и проникновением во все сферы коммуникации эффективных цифровых технологий изменилась семиотическая основа медиатекста, возник интегральный текстовый континуум, сложная перцептивная природа которого требует детального изучения с применением соответствующих методов идентификации. Это определяет поле научного поиска профессора кафедры Бориса Яковлевича Мисонжникова, который рассматривает указанные проблемы в контексте герменевтики, ее практической роли, которая возрастает с появлением сложных поликодовых текстовых систем. Их функционирование, в свою очередь, обусловлено развитием мультимедийных технологий, а также беспрецедентно мощной и практически тотальной дигитализацией медиатекста и расширением его семантического поля за счет гипертекстуализации¹.

Коммуникация в медиaprостранстве не просто усложняется, но и создает гуманитарные риски, прежде всего духовным процессам, которые в настоящее время стремительно протекают в сфере массмедиа, затрагивают стороны антропоценоза. Важно распознать процессы имплицитные, сложно идентифицируемые, поскольку именно в них порой и кроются наибольшие гуманитарные угрозы, связанные не только с манипулированием обществом, но и с деформацией его духовного, культурного и ментального кода. Именно герменевтический подход, предложенный Б. Я. Мисонжниковым, позволяет эксплицировать неявное и скрытое и на основе этого принимать правильные решения.

В работах Б. Я. Мисонжникова рассматриваются сложнейшие комплексы процессов массового внедрения в коммуникационные системы цифровых технологий и их возможные последствия. Ныне осуществляется перманентное моделирование медиаформ, они интегрированы в сложнейшие мультимедийные комплексы и стремительно расширяют поликодовый потенциал. Это происходит на дигитальной основе, причем данные процессы порой входят в противоречие с гуманитарными, в частности, творческими процессами. Б. Я. Мисонжников считает, что внедрение новейших инновационных технологий может использоваться не только на благо цивилизации: «Надо понимать, что

¹ *Тепляшина А. Н., Ерофеева И. В., Богуславская В. В., Толстокулакова Ю. В.* Моделирование медиатекста. Саратов, 2020.

эти процессы не должны отрываться от безусловных приоритетов, культурных ценностей, гуманитарных и духовных императивов»¹.

В работах ученых Института «Высшая школа журналистики и массовой коммуникации» СПбГУ раскрываются факторы и причины реорганизации мирового информационного пространства, изменения контента и форм предъявления информации в сетевых медиа. Вскрываются, с одной стороны, противоречия функционирования массмедиа в цифровой среде, недостатки и опасности, которые таит в себе контент неконтролируемых СМИ, но с другой стороны, также отмечаются преимущества и возможности развития медиаиндустрии в новых условиях. Изменение концепции новостного производства открыло новые возможности для освещения событий, что в свою очередь потребовало исследований ценности новостей, постановки вопроса о соотношении новых и старых форм предъявления информации².

Современная журналистика сочетает традиционные и новые технологии в поиске, обработке и трансляции информации, опирается на социальные сети, гражданскую журналистику. В статье Б. Я. Мисонжников и Н. А. Павлушкиной «Качественная пресса в виртуальном пространстве: трансформация редакционной практики»³ анализируется опыт применения социальных сетей в повседневной работе журналистов современных медиа. В частности, социальные сети рассматриваются как источник информации для журналиста. В таких сообществах четко видны профили пользователей, что позволяет редакциям самостоятельно изучать состав аудитории и ее медиаповедение. Личные данные, особенно биографическая информация и фотографии становятся легкодоступными для журналистов, которые используют их в публикациях часто без согласия героев материалов. Данные, получен-

¹ Мисонжников Б. Я. От дигитальной публицистики до «дигитальной поэзии» // Век информации. № 3. 2017. С. 16.

² Паранько С. В., Нигматуллина К. Р. Медиа как сообщества в новой цифровой реальности // Век информации. 2018. №. 2–1. С. 226–227; Павлушкина Н. А. Социальные сети в работе журналиста: pro et contra // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С.13–37.

³ Мисонжников Б. Я., Павлушкина Н. А. Качественная пресса в виртуальном пространстве: трансформация редакционной практики // Современные массмедиа: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 180–189.

ные из социальных сетей, не всегда верифицируются. Отсюда следует, что социальные сети являются не только удобным инструментом работы журналиста, но и становятся источником конфликтных ситуаций.

Медиа осваивают инструменты социального сетевого взаимодействия, обеспечивая максимальную доступность к информации любого вида; существуют в социальных сетях и мессенджерах – часто на нескольких платформах одновременно¹. Изучая опыт российских СМИ, эксперты в области теории и практики массмедиа отмечают новые тренды в развитии цифровой информационной среды: рост сегмента Smart TV, нелинейное потребление телевизионного контента, распространение мобильных приложений, гибридизацию различных типов текстов.

Вместе с тем, в научном дискурсе недостаточно представлены проблемы влияния цифровизации на формирование и функционирование локального медиaprостранства, ощущается острая потребность в разработке оригинальной контент-модели региональных сетевых массмедиа. Поэтому ценным научным потенциалом в дискурсе о новых СМИ становятся исследования медийного ландшафта региональных, городских², муниципальных³ сетевых медиа. В работах Камиллы Ренатовны Нигматуллиной всесторонне анализируется феномен «нового городского медиа», который противостоит традиционным локальным и региональным медиа с преимущественно государственной поддержкой. Автор рассматривает функционирование и содержание термина, дает краткую историю существования российских «новых городских медиа», анализирует особенности повестки онлайн-медиа Санкт-Петербурга, делает вывод о необходимых характеристиках изданий для отнесения их к типу «новых городских». Дальнейшее развитие городских интернет-газет полностью закрывает потребность аудитории в ин-

¹ Градюшко А. А., Нигматуллина К. Р., Пустовалов А. В. Сообщества «Вконтакте» и их роль в медийном ландшафте: опыт трех регионов // Труды БГТУ. 2019. Сер 4. № 1. С. 54–61.

² Нигматуллина К. Р. Как веб-ресурсу регионального СМИ достичь гармонии с человеком? // Журналист. 2018. № 8. С. 38–46.

³ Мельник Г. С. Муниципальные медиа в цифровой среде // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. науч. форума. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 2019. С. 226–228.

формировании о городской повестке, в то время как печатные издания, ориентирующиеся на глубокую аналитику и нишевые интересы, ежедневный выход будут менять на еженедельный¹. Существующая структура газетно-журнального рынка в России только подтверждает этот прогноз – соотношение журналов к газетам в последние годы неуклонно меняется в пользу ежемесячных изданий.

Группы в социальных сетях зачастую обгоняют районные газеты в оперативности, независимости, даже объеме информирования. Кроме того, они начали играть значительную роль в жизни местных сообществ, выполняя функции, не свойственные районным СМИ (не столько информирование, сколько провокация дискуссии, обратной связи, объединения активности горожан для совместного решения проблем). Установлено, что выживание региональных медиа критически зависит от того, насколько они могут встроиться в современную цифровую среду. Выявлено, что в регионах, где профессиональные СМИ слабо взаимодействуют с аудиторией, эта ниша быстро занимает ресурсы, созданными местными гражданами. Исследователи кафедры цифровых медиакоммуникаций отмечают изменения, происходящие сегодня в производстве местных новостей. Региональные сетевые медиа осваивают новые форматы и площадки, приобретают навыки организации вебстраниц и блогов, учатся создавать персонифицированный контент и овладеть цифровой речью. Вместе с тем, постоянный мониторинг региональной и местной прессы показывает, что эффективное решение проблемы восприятия цифрового текста лежит в плоскости отношений «человек–техника»².

В январе–мае 2015 года усилиями студентов и преподавателей кафедры был проведен мониторинг сетевых петербургских газет. Особое внимание было уделено таким разделам, как общество, политика, пра-

¹ *Нигматуллина К. Р.* Городская интернет-газета на смену городской ежедневной газете // Журналистика ў суладззі з жыццём. Мінск, 2016. С. 220–224.

² *Мельник Г. С.* Муниципальные СМИ Санкт-Петербурга: противоречия развития // Век информации. 2018. №1–2. С. 356–357; *Мельник Г. С.* Цифровая журналистика: конструктивные и деструктивные акторы развития // Актуальные вопросы онлайн журналистики: Матер. междунар. научной конференции: Ташкент, 2019. С. 8–11; *Тепляшина А. Н.* Новые медиа & традиционные СМИ: конкуренция как тренд // Вопросы журналистики. 2018. № 3. С. 24–35.

во, экономика. Целью мониторинга региональной прессы было выявление ошибок или искажений в средствах массовой информации, включая онлайн-СМИ. Одной из зон постоянного внимания преподавателей кафедры являются этические аспекты медиадетальности¹. В рамках курса «Профессиональная этика журналиста» проведено исследование интернет-версий изданий, распространяющихся в Северо-Западном регионе, позволившее выявить и классифицировать виды смысловых искажений информации.

Преподавателям Института представляется важным обсуждение с представителями местной прессы о том, как меняется профессия, как именно печатным медиа нужно переходить на новые рельсы. Эту задачу выполняет «Фестиваль малой прессы» (куратор – доцент кафедры цифровых медиакommunikаций Е. А. Королев). С 2015 года на площадке Института собираются журналисты, редакторы, учредители муниципальных, районных и корпоративных газет Санкт-Петербурга и Ленинградской области, чиновники городского и областного комитетов по печати. Также в Институте разработана специальная программа повышения квалификации «Региональная журналистика в Интернете», задачи которой – повысить качество навыков работы в социальных медиа, улучшить практики администрирования сайтов, научить журналистов лучше понимать аудиторию издания, разработать стратегию взаимодействия с аудиторией и контент-планирования на различных интернет-площадках.

Тема развития локальной прессы регулярно поднимается на одной из секций международного форума «Медиа в современном мире. Петербургские чтения». В 2019 году секция называлась «Мультимедийный ресурс местной прессы». Ее руководитель профессор Галина Сергеевна Мельник считает, что цифровизация информационной сферы и способов медиапотребления требует от местной прессы освоения

¹ *Тепляшина А. Н.* Этика сетевой журналистики XXI века // Этика массовых коммуникаций: опыт и научные исследования в России и Германии: матер. междунар. семинара / под. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2013. С. 77–79; *Мельник Г. С.* Смысловые искажения в текстах интернет-изданий: содержание, характер, возможные социальные последствия // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения. Материалы 55-го междунар. форума / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2016. С. 53–57.

новых форматов, организации веб-страниц и блогов, создания персонализированного контента. В статьях Г. С. Мельник анализируются изменения традиционных СМИ под воздействием новых информационных технологий. В инновационном обществе профессиональные связи с общественностью, медиа, журналистика становятся особым типом производства (сопроизводства) интеллектуальных услуг, что определяет существенный потенциал и стратегические перспективы развития данных видов деятельности¹. К компетенциям будущих специалистов добавляются умения создания текстов для мобильных потребителей. Технические возможности мобильных изданий позволяют читателям выбрать информацию в текстовой, аудио, визуальной или мультимедийной форме, а также быстро реагировать на нее. Появление изданий нового формата требует решения задачи соединения возможностей программирования и творческих идей журналиста. Успешные мобильные издания сочетают в себе важные, оперативные актуальные события и занимательную форму, достигают не только эффекта присутствия, но и эффекта участия, стимулируют индивидуальную активность, порождают особый тип сопроизводства².

Сетевые медиа изучаются как ресурс продуцирования новых технологий воздействия на аудиторию, как позитивных, так и негативных. В работах доцента кафедры цифровых медиакоммуникаций Натальи Анатольевны Павлушкиной последовательно изучаются проблемы журналистского и читательского дискурса в медиа³, управления вниманием в цифровых медиа⁴, сегментации аудитории⁵. Особое внимание

¹ Мельник Г. С. Перспективы медиа в пространстве Интернета // Журналистский ежегодник. № 2–1. Томск, 2013. С. 10–12.

² Мельник Г. С. Перспективы развития мобильных изданий // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. Мультимедийный потенциал журналистики. 2016. № 1. С. 68–81.

³ Павлушкина Н. А. Журналистский и читательский дискурсы в региональной прессе: модели взаимодействия // Журналистика в 2013 году. Регионы в российском медиaprостранстве. М., 2014.

⁴ Павлушкина Н. А. Управление вниманием в цифровых медиа: преимущества и риски // Мультимедийная журналистика: сборник научных трудов / под ред. В. П. Воробьева. Минск, 2018. С. 101–105.

⁵ Павлушкина Н. А. Сегментация аудитории сетевых медиа: обмен субъективным опытом // Век информации. 2017. № 3. С. 165–168.

уделено становлению молодых журналистов, выявлению динамики изменений медиапредпочтений и профессиональных идеалов в условиях развития цифровой среды, интенсификации информационных процессов и повышения медиаграмотности¹.

Трансмедийность потребления информации ведет к адаптации контента к платформам, времени и обстоятельствам потребления. Практически повсеместно происходит слияние редакций традиционного СМИ и сайта, появляются сотрудники и подразделения, отвечающие за техническую сторону сайта и за подачу материалов на различных платформах. Трансформация медиа на конвергентной основе коренным образом преобразует жанры сетевых медиа, усиливает влияние на лексико-семантическое содержание контента. Новой формой презентации информации является трансмедиа-сторителлинг, позволяющей вовлекать аудиторию в масштабные и сквозные истории.

Медийная экосистема умного города. В основе проекта кафедры цифровых медиакоммуникаций «Медийная экосистема умного города» лежит методологический подход, известный как медиаэкология. Социальные сети являются одновременно символическим и реальным пространством, в котором развиваются человеческие взаимоотношения. Написано большое количество научных работ, в которых авторы пытаются определить, что означает термин «социальные медиа», и рассуждают о том, какие условия дают городу право называться Smart City. Все определения касаются городов, сообщества которых осознают необходимость сделать город более удобным для проживания и экологичным в широком смысле. Понятие «умный город», появившееся в научном дискурсе на рубеже XX–XXI веков, все чаще связывают с термином «экосистема». Ощущается острая потребность в разработке концепции экосистемы цифровых медиа в умном городе, когда благодаря эффективному управлению инвестициями в человека (социальный капитал) и IT-инфраструктурой города будет обеспечен стабильный рост и повышение качества жизни.

Сам термин «медийная экосистема» также вызывает вопросы. Сергей Паранько, директор по цифровым технологиям газеты «Ведо-

¹ Павлушкина Н. А. Динамика изменений профессиональных идеалов молодых журналистов в условиях повышения медиаграмотности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 1. С. 124–132.

мости», полагает, что «модель создания экосистемы хороша, но очень сложно воплотима, потому что медиа исторически по ресурсам намного слабее в технологиях, чем технологические компании. Золотой век монополии на аудиторию и дистрибуцию закончился. Теперь медиа – это субъекты чьей-то экосистемы. Сейчас это субъекты социальных сетей, завтра – Интернета вещей, голосовых помощников, но уже не канал связи, который владеет аудиторией, владеет возможностью дистрибутировать информацию»¹.

Можно предположить, что медийная экосистема – это набор условий, обеспечивающих успешное создание и развитие медиапространства мегаполиса, региона и т. д., определяющей особенностью которого является самоорганизация. Медийная экосистема состоит из четырех основных компонентов: идеи, издательского опыта, источника финансирования и сообщества, которое объединяет их в единое целое. Находясь в составе экосистемы, медийные организации могут эффективно распределять между собой функции при разработке информационного продукта: разработку самих платформ, поиск ниши и целевой аудитории, выпуск продукта и его продвижение на рынок. Очевидно, что развитие медийной экосистемы связано с разработкой удобных для пользователей приложений и с использованием преимуществ мобильной телефонии.

К. Р. Нигматуллина дает собственное определение термину «умные медиа» по аналогии с базовым понятием «умный город»: «“Умные медиа” – метафора для обозначения площадок для массовой и персональной коммуникации между властью, социальными институтами и городскими учреждениями с одной стороны и массовой аудиторией либо конкретным гражданином – с другой. “Умным медиа” можно считать городское онлайн-СМИ, сервис по отправке жалоб на сайте, мобильное приложение – гид по музеям и другие медиа, которые при производстве и доставке контента ориентируются на цифровые данные, привязанные к конкретной локации»².

¹ Цит. по.: Развитие Интернета вещей в российской медиаиндустрии. С. 12. URL: <https://www.pwc.ru/ru/iot/iot-in-media-rus.pdf>.

² Цит. по.: Михайлова А. «Умный город» – «умные медиа»: музеи и СМИ в условиях глобальной цифровизации городских пространств // Музей. 2019. № 11.

В подобных условиях возникают и новые возможности для функционирования СМИ. Формируются стандарты индустрии мобильных приложений к изданиям, имеющих особенности доставки контента, push-уведомлений и технических требований, например, требований к скорости работы. На смену медиа, функционирующих как «фабрики» по производству информационного продукта, пришли медиа как информационная среда, в которой нет бинарной оппозиции «СМИ – пассивная аудитория», но есть множество субъектов, производителей и потребителей цифрового контента одновременно. Контент, технологии и социокультурный контекст, в котором они применяются, формируют интерактивную цельную медийную экосистему – систему коммуникационных технологий, рассматриваемых в контексте социума и культуры.

Изменения системных характеристик медиа носят не только позитивный характер, в связи с чем приобретают несомненную актуальность научные исследования, посвященные трансформации не столько самих информационных технологий, сколько их влиянию на отношения людей. Переход аудитории в социальные сети и мессенджеры, нарастающая зависимость от интернет-платформ, потребление контента через мобильные устройства, увеличение популярности видеоконтента и ряд других факторов способны привести к кардинальному изменению медиаиндустрии как в глобальном, так и в региональном аспекте, а именно на территориях умных городов, которые становятся социально-культурными центрами регионов, где цифровая революция трансформирует среду обитания.

Влияние цифровизации на развитие медиaprостранства умного города актуализирует необходимость выявления и изучения лучших журналистских практик по созданию уникального контента. Цифровизация медийного пространства, оказывая влияние на аудиторию, имеет социальные и культурные последствия для общества, которые нуждаются в специальном изучении и прогнозировании. Приоритетным направлением исследовательского проекта «Медийная экосистема умного города» является городская культура и идентичность отдельных социальных групп, а также формы и способы ее выражения в фокусе цифровых медиа. Особый интерес вызывает вопрос отражения в традиционных и новых медиа трансформаций социальных практик

жителей умных городов, медиатизации городского пространства, повышения качества жизни граждан, вывода городов на новый уровень урбанизации, улучшения управления городскими коммуникациями и т. д. Новые технологии способствует повышению качества городского управления, распространению новых сервисов, упрощающих доступ жителей к городским услугам и оптимизирующих деятельность конвергентных редакций. Также актуальным представляется исследование ретрансляции в медийном поле общественных настроений, изучение потенциала региональных медиа в аккумуляции интересов фрагментированной аудитории, обеспечении культурно-духовной и морально-нравственной безопасности граждан; роли СМИ в привлечении ресурсов для развития территории, активном использовании краудсорсинга, инвестировании в человеческий и социальный капитал для развития умного города и повышении качества жизни. Значительное внимание уделяется исследованию контента, затрагивающего тему конфликтов, которые возникают или могут возникать между различными группами, заинтересованными в построении умного города, для чего важен комплексный подход, так как, решая проблемы по отдельности, можно только усугубить противоречия между ними.

Вышеперечисленные аспекты изучения проблем функционирования медийной экосистемы составили ядро публикаций, подготовленных авторами докладов международного научного форума «SMIF–2020» в рамках панельной дискуссии «Медийная экосистема умных городов», цель которой – составить максимально полную карту медийной экосистемы мегаполиса, выявить ключевые тренды ее развития в связи с динамикой развития культурного пространства. Тематика статей охватывает такие вопросы, как:

- анализ роли медийной экосистемы в культурном пространстве умного города;
- изучение возможностей, форм и способов медийной экосистемы в преобразовании городского пространства с целью улучшения качества жизни горожан;
- выявление закономерностей и лучших практик функционирования цифровых медиа;
- прогнозирование правовых последствий анонимности мессенджеров для медийной экосистемы.

Технологические изменения ставят вопросы о необходимости поиска новых инструментов создания журналистских текстов в цифровой среде. Местные СМИ как часть информационной структуры города (наряду с такими явлениями, как медиакратия, аудитории и речевая культура населения) являются субъектом формирования единого образа медиаполиса и преобразования общественного мнения горожан.

Вместе с тем, в научном дискурсе недостаточно представлены проблемы влияния цифровизации на формирование и функционирование регионального медиaprостранства, ощущается острая потребность в разработке концепции влияния fake-news на экосистему медиа. Ждут реализации такие задачи, как составление алгоритма fact-checking в медийной экосистеме; составление карты ресурсов медийной экосистемы для создания контента; изучение структуры конкурирующих медийных экосистем в России и за рубежом.

Мультимедийный потенциал профессиональной журналистики. От современного журналиста требуется безупречное владение компьютерной техникой и умение модифицировать медиатекст, воссоздавать его в разных формах – электронной, бумажной, в более широких поликодовых версиях. Самое активное внедрение мультимедийных систем в печатную бумажную журналистику через ее сетевые версии стало едва ли не основным трендом конца прошлого и начала нынешнего столетия. Основными вариациями бумажной газеты являются их веб-сайты и версии для мобильных платформ, обогащенные интерактивными элементами.

В новых условиях обнажилось противоречие между нормативным подходом, выражающемся в исследовании психологических и социологических аспектов журналистской деятельности, и институциональным подходом, в рамках которого изучаются профессиональные роли и их реализация на практике. По мнению К. Р. Нигматуллиной, базой объединяющей данные подходы, являются профессиональные ценности, стандарты, в конечном счете, профессионализм¹. Кроссплатформенность, мультимедийные истории (сноуфоллы), спонсорский контент, журналистика данных (цифровые кладовые как источник но-

¹ Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналиста: поиск общих подходов в западных и российских исследованиях // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. Москва: 2019. № 3. С. 84–105.

ностей и анализа), монетизация информационного пространства – это новые аспекты изучения журналистики. Тексты приобретают свойства оперативности, трансмедийности, интерактивности, мультимедийности, гипертекстуальности, мобильности, персонализированности. Мультиканальные и мета-медиа оснащаются звуком, анимацией, гипертекстовыми ссылками, обширными электронными архивами и различными видами обратной связи с аудиторией, автоматизируются процессы сбора и обработки информации в медиасфере.

Возникающее требование создания многофункционального медиатекста, требует наличия у создателя текстов мультимедийных навыков – умения производить материалы для любого СМИ. От выпускника специализированного вуза также требуется умение изучать аудиторию и управлять вниманием и вовлеченностью, создавать медиапроекты с нуля, знать основные способы монетизации в медиа, продвигать тексты и медиа, использовать компьютерные технологии на всех этапах от создания текста – до аналитики и управления редакционным контентом¹.

В последние годы становится актуальной проблема востребованности журналиста на рынке труда. Это обусловлено как экономическими факторами, так и коммуникационной средой – конкуренцию журналистам составляют непрофессиональные производители информации и новые технологии, позволяющие агрегировать контент. Вместе с тем, количество желающих получить профессию журналиста остается стабильным в относительном выражении. А это значит, что в течение четырех лет обучения необходимо подготовить будущего бакалавра к тому, что требования к профессионалу на рынке могут кардинально измениться².

Преподаватели кафедры цифровых медиакоммуникаций анализируют рынок российских СМИ, выявляя кризисные факторы в индустрии массмедиа, влияющие на состояние рынка, и, соответственно, изменения требований к специалистам, работающим в информацион-

¹ *Нигматуллина К. Р.* Журналистское образование и вызовы профессиональной среды // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (25). Выпуск 27. С. 225–229.

² *Мельник Г. С.* Медиаиндустрия и журналистское образование: шаги к сближению. // Век информации. 2017. № 1. С. 264–273.

ной сфере. Исследуется вопрос адаптации системы подготовки журналистских кадров к условиям и требованиям рынка и необходимости формирования новых моделей образования в вузовской системе, определяются потребности в журналистских кадрах и профессиональные характеристики, необходимые для успешной работы в современных российских СМИ. Рынок журналистского труда в России не изучается системно, у вузов, занимающихся подготовкой специалистов для информационной сферы, весьма скромные представления о востребованности сотрудников СМИ как в целом по стране и регионам, так и по отдельным сегментам медиаиндустрии.

Разрозненные сведения о наполняемости рынка теми или иными специальностями можно обнаружить на сайтах Федеральной службы по труду и занятости (rostrud.ru), Министерства труда России (www.rosmintrud.ru), на Федеральном портале управленческих кадров (gosszluzhba.gov.ru). Однако фрагментарные данные не позволяют воссоздать даже приблизительную картину востребованности кадров, количество вакансий на открытом рынке в сфере журналистики крайне мало. Статистика подтверждается практикой: многие СМИ по-прежнему в качестве основного канала найма используют личные контакты и рекомендации сотрудников. Основными критериями, необходимыми соискателю, судя по предложениям на рынке труда, являются: предпочтительно филологическое образование, эрудированность, широкий кругозор, хороший слог и чувство стиля, умение использовать в текстах статистические данные, способность собирать, анализировать и интерпретировать данные. Среди требований к соискателю можно было встретить и такие: выполнение роли скрытого агента влияния в интернет-среде, создание «красивых» писем для рассылок, написание «вкусных» или «продающих» текстов. Все больше вакансий описывают несуществующего специалиста под названием «журналист–копирайтер–пиарщик», в то время как в образовательном процессе эти три специальности выделены в самостоятельные направления обучения. Среди причин такой ситуации можно назвать нестабильный баланс между специалистами, имеющими профильное образование и без такового.

Новая логика обучения журналистов. В научном дискурсе активно обсуждается не только будущее российской медиаиндустрии,

но и новая логика обучения журналистов для цифровой среды. Исследователи и практики признают, что сегодня коренным образом изменились и границы медиасистемы, и набор профессий, необходимых медиаиндустрии. На информационном рынке резко возрастает потребность в многопрофильных «сетевых» специалистах, умеющих собирать и «упаковывать» информацию в разные формы для размещения на разных платформах и для наиболее оптимального потребления аудиториями. Мультимедийная среда диктует пересмотр компонентов организационной, творческой, производственной деятельности журналистов соответственно новых квалификационных характеристик¹.

Вслед за практиками преподаватели стали говорить не о заметках и репортажах, а об «историях», «информационных молекулах», «длинных текстах» (лонгридах). В традиционные форматы проникли жанровые особенности текстов интернет-среды. Понятие «сторителлинга» (рассказывание истории) стало ключевым для современной отечественной журналистики. В условиях, когда социальные сети опережают СМИ в поиске информационного повода, ценным журналистским продуктом становятся эксклюзивные факты и экспертные мнения, доступно написанная история.

Вузы нацелены на опережение инновационных процессов, мотивацию будущих кадров к освоению новых навыков, необходимых при переходе СМИ к цифровым форматам. Это вносит значительные коррективы в образовательные программы вузов, готовящих специалистов для информационной сферы. Увеличение платформ потребления контента требует компетенции от авторов, которые должны освоить оригинальные способы презентации материала, приобрести специальные навыки для работы в конвергентных редакциях, расширить аудиторию путем вовлечения пользователей социальных сетей. Студенты приобретают навыки привлечения внимания аудитории к бренду массмедиа и его информационной продукции. SMM изучается как комплекс мер, направленных на решение инновационных проблем вовлечения аудитории в деловую активность. Будущие журналисты обучаются новым методам работы с аудиторией, используя, например, элементы «сара-

¹ *Тепляшина А. Н.* Образовательные технологии как средство реализации целей бакалавриата по журналистике // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2018. № 3 (12). С. 168–174.

фанного радио» (вирусный маркетинг). Это требует не только усилий по повышению репутации конкретного СМИ, но и развития отношений с блогосферой.

На кафедре разрабатываются новые учебные курсы: «Цифровая культура: технологии и безопасность», «Цифровые трансформации в современном информационном обществе», «Язык эффективной коммуникации в цифровом обществе», «Конвергентные технологии современных редакций», «Создание текста для сетевых СМИ». Журналисты и блогеры в погоне за рейтингом нередко выдают непроверенную, провокационную и даже опасную информацию. В противовес этой тенденции – передавать по определенным каналам сегментированной аудитории псевдоновости – формируется встречное направление – «фактчекинг» (противодействие фейковым новостям)¹. В результате в учебных программах появляются дисциплины, нацеленные на приобретение студентами навыков распознавания фейковой информации. Обязательными компонентами квалификации выпускника становятся: знание рынка цифровых медиа и специфики коммуникативных стратегий, навыки использования цифровых технологий и проектной деятельности по производству сложных цифровых продуктов, навыки продвижения и управления цифровыми медийными проектами.

С 2011 года студенты Института осваивают новые навыки на портале «Первая линия», имеют возможность писать и снимать для учебно-образовательного пресс-центра, в рамках которого существуют отдельные проекты: SMM-клуб, киноклуб, Green Club – экологическая журналистика. Принципы сетевой журналистики осваиваются и применяются не только в медиапроектах, но и в различных конкурсах: «Медиакарьера», «Медиастартап», «День медиаграмотности», «Мас-медиа перспектива», «PolitPRpro» «Медиана» (конкурс научно-популярной журналистики).

Интерес к интерактивному обучению реализуется через вебинары и видеосеминары, всплеск освоения новых дистанционных технологий и программ был отмечен в период коронавирусной пандемии. В оперативном режиме в период пандемии преподаватели осваивают много-

¹ *Королёв Е. А.* Медиафорум «Современная журналистика и фактчекинг» как повод задуматься о настоящем и будущем профессии // Век информации. 2019. Т. 7. № 4. С. 85–92.

функциональные инструменты для онлайн обучения, демонстрации и обсуждения медиаконтента. Важно, что в процессе общения участники встреч преодолевают психологические барьеры в управлении аудиторией и своими эмоциями¹. В исследованиях петербургских ученых не просто рассматриваются сущность понятий «мультимедиа» и «мультимедийные технологии», но и описываются условия для внедрения мультимедийных технологий в образовательный процесс².

Проблемы потребления информации. Под воздействием таких факторов, как трансграничность, общедоступность и гибкость изменяются не только модели коммуникации, но и практики медиапотребления. Растет доля социального вовлечения аудитории и доля времени потребления ею информации в Интернете. Одна из ведущих стратегий на информационном поле – воздействие на молодежную аудиторию, способную получать знания об окружающей реальности через «компактные месседжи»: текстовые материалы небольшого объема, ленты новостей, короткие видеоролики. Это меняет требования к производству медиатекста, форме его «упаковки» и выбору каналов распространения. Кроме того, таким образом молодые потребители реализуют свою потребность в интерактивном общении. Создаются платформы для голосования и оценок, выявления экспертных аудиторных мнений, предпочтений на основе анализа выбора материалов и иллюстраций. Цифровизация меняет структуру журналистики, использующей новые методы и инструменты для достижения осязаемых экономических выгод. Быстро развивается сфера «рюкзачной журналистики» (backpack journalism), где специалист владеет не только навыками сборщика информации, но и продюсера, режиссера, оператора и звукооператора, редактора. Сегодня с журналистами начинают конкурировать даже программные роботы-краулеры, способные распознать в потоке интернет-информации пресс-релизы и новости, «переупаковывать» и распространять их.

¹ *Виноградова С. М., Мельник Г. С., Панцеров К. А.* Медиаориентированный подход к подготовке специалистов по связям с общественностью в сфере международных отношений // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 132–148.

² *Vinogradova S., Melnik G., Pantserev K.* Transformation of media education in the digital age: to the issue of training specialists in the field of communications // Media education (Mdiaobrazovanie). 2018. № 1. С. 18–27.

В условиях конкуренции на информационном рынке традиционные СМИ вынуждены менять режим работы. Многократно возникает востребованность в креативных специалистах, способных найти новые импульсы в общении с аудиторией, внедрить инновации и реализовать в бизнес-проекты. В целях привлечения внимания редакции используют приемы геймификации, предлагают игровые продукты и тесты, сопровождающие основную информацию об актуальных событиях, используют мультимедийные возможности и адаптивную верстку сайта, собственные новостные ленты. Нередко, кроме журналистских текстов, на сайтах размещаются краткие видеолекции, аудиопрограммы и фотогалереи. Однако в желании расширить аудиторию редакции часто прибегают к приему «кликбейта», под которым понимаются сенсационные заголовки, а также привлекательные и провокационные картинки для увеличения числа кликов.

Принципиальные изменения происходят в практиках чтения и потребления информации. Проблема связана с резким ростом информационных потоков, который наблюдается в последние два десятилетия. В результате в современном коммуникационном пространстве создается видимость многообразия информации, тогда как на самом деле наблюдается ее дефицит. Меняется форма ментального восприятия текста, при которой читатель теряет ощущение количества и целостности, а также непрерывности и связанности, снижается качество познавательных процессов, ослабляется внимание, память, мышление, теряется воображение.

Сетевой контент: позитивные и деструктивные факторы. Ряд работ преподавателей кафедры цифровых медиакоммуникаций посвящен продвижению науки и научных знаний, культурных ценностей, спортивных достижений в сетевых медиа¹. При этом цифровая среда, в

¹ *Vinogradova K., Melnik G., Suprunenko N.* Promotion of science and technology in Russian network media // CSIS 2019. 11th International Scientific and Theoretical Conference “Communicative Strategies of Information Society”. 2020. P. 161–168; *Klyuev Yu., Vinogradova K., Zubko D., Misonzhnikov B., Melnik G.* Current communication Technologies in the promotion of scientific knowledge // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. 7 (4.38). P. 1591–1596; *Павлушкина Н. А.* Научные факты в социальных сетях: популяризация vs дезинформация? // Лженаука в современном обществе: теоретико-методологические подходы и стратегии противодействия. Международная научная конференция. М., 2015. С. 96–98.

которой функционируют новые медиа, оказывается не только благодатной для экспериментов и инноваций, но и одновременно рискованной¹.

Особую роль в конфигурировании медиaprостранства играют журналисты, генерирующие провокативный дискурс. Социальные психологи и политологи считают, что это может стать поводом для оформления «твиттер-революций», «фейсбук-революций». Исследование последствий профессионального участия журналистов в информационной оппозиции актуализирует проблему теоретического осмысления информации деструктивного содержания и роли профессиональных журналистов в поддержании культуры коммуникации. В работах Аллы Николаевны Тепляшиной была дана оценка масштабам формирования новых парадигм речевого поведения журналистов и фрейма обратной связи с читателями. Исследователем рассматривается тема современных трансформаций функционирования эвфемизмов в сети Интернет и ненормативной лексики, способы формирования сетевой идентичности. А. Н. Тепляшина исследует функционирование в сетевом пространстве медиатекстов с провокационным содержанием, образующих социальный андеграунд в новых медиа.

Результаты исследования контента публикаций в онлайн-версиях топовых изданий демонстрируют популярные стратегии критики властей и контроля за их действиями. Политические темы разрабатываются участниками коммуникации в стиле иронии и сарказма. Комментарии пользователей идентифицируются как обратная связь. Так, в одной из статей А. Н. Тепляшиной дается анализ медиатекста Д. Быкова как матрицы провокативного дискурса, вызывающего цепную реакцию комментариев с полярной коннотацией. Ставится задача выяснения некоторых проблем соотношения лингвистических и нелингвистических («экстралингвистических») факторов, влияющих на эмоциональную нагруженность текста, его культурологическую специфику².

¹ Melnik G. S., Misonzhnikov B. Y., Teplyashina A. N. Political discourse as the subject transgressive // *The Social Sciences (Pakistan)*. 2015. Т. 10. № 9. С. 2225–2230; Мельник Г. С. Концепты «катастрофа», «анархия», «глобальный бунт» как технология репрезентации мира в экспертном и медийном дискурсе // *Вперед мечта... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания: Сборник научных статей / под ред. К. С. Пигрова*. СПб., 2019. С. 135–142.

² Тепляшина А. Н. Медиадискурс в социальных сетях: лексико-семантические варианты // *Гуманитарный вектор*. 2019. Т. 14. № 5. С. 110–118.

Одним из научных направлений кафедры цифровых медиакоммуникаций является изучение материалов международных независимых аналитических центров, так называемых «фабрик мысли». В докладах и отчетах подобных центров эксперты прогнозируют развитие мира и отдельных государств в ближней и дальней перспективе. Экспертные оценки центров (которых насчитывается более 5 тысяч) соотносятся с медийными оценками. Изучение материалов позволяет выявлять концептуальные представления экспертов о мире и способах организации знаний (категоризация) в языке. Анализируется процесс превращения интеллектуальной деятельности из индивидуального творческого акта в коллективную работу по созданию новых смыслов. В свою очередь, массмедиа не просто нагнетают панические настроения, вызывают экзистенциальный страх, но и специально допускают необъективную оценку происходящего, в частности, усиливают эффект неизбежности глобального экологического кризиса вследствие истощения ресурсов планеты, загрязнения биосферы, потери биологического разнообразия.

В настоящее время сетевые массмедиа не ограничиваются просто информированием о катастрофах, но массивно внедряют в сознание реципиентов практически на уровне суггестии лексические фреймы отчаяния, безнадежности, смятения и растерянности. Потребитель информации замыкается в самом себе, ограничивает внешние коммуникации. «Бомбардировка» страхами, которую позволяют себе традиционные и социальные медиа, наращивает уровень тревоги в обществе. Устойчивые фобии становятся социально опасными. У людей даже на уровне микросоциальных групп формируются негативные психологические паттерны, асоциальные по своему характеру. В них обнаруживаются такие опасные черты, как озлобленность, жестокость, склонность к насилию и одновременно – скептицизм, настороженность, подозрительность, пренебрежение общественными нормами морали¹.

Феномен страха в современной социокультурной реальности является предметом междисциплинарных исследований, в том числе культурфилософских, философско-антропологических, социологических, психологических. Массмедиа стали субъектом создания провокатив-

¹ *Melnik G., Misonzhnikov B. Media provocative discourses of social phobias // The Academic Events Group. Abstracts book. 8th world conference of psychology and sociology 29 November – 01 December 2019. İstanbul – Tutkey, 2020. P. 25.*

ного дискурса и, вследствие этого, продуцентом многих социальных фобий, в том числе и очень опасных. В работах преподавателей кафедры поднимаются проблемы установления механизмов порождения, прежде всего таких социальных фобий, как когнитивные и поведенческие. Исследования помогают определить причины провоцирования средствами массовой информации социальных фобий, показать их значительную общественную опасность, особенно для людей с тревожными расстройствами. На позиции деструктивного использования провокативного медийного дискурса порой становятся и качественные всемирно известные издания. В ряде статей обнажается проблема трансгрессивности текстов, содержащих элементы деструкции¹.

Принципы постмодернизма во многом изменили систему ценностей, привели к трансформированию глубинной сущности сознания человека, который погружен в семиотическое пространство и выступает в качестве самого активного субъекта творения мира знаков и потребления знаковых комплексов. Постнеклассический рационализм, несмотря на свой потенциал, не дал возможности выйти из круга постмодернизма, и трансгрессия цепко удерживает в нем субъекта социального действия. Налицо смещение семантики многих важнейших семиотических кодов на уровне не только обыденной медийной практики, но и продуцирования и потребления медийного дискурса – наиболее политизированной и социализированной текстовой модели. Подобная тенденция, имеющая первостепенное онтологическое значение и соотносимая со многими императивами эмпиризма, располагающего весьма ограниченным познавательным ресурсом, определенно имела негативные гуманитарные последствия².

В политических текстах расширяются границы применимости языковых средств, например, инвективной, сленговой, профессиональной лексики, которая используется для создания оценочных суждений,

¹ Melnik G. S., Misonzhnikov B. Y., Grishanina A. N., Teplyashina A. N. Sense distortions in the mass media: Their social consequences // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. Т. 13. № 6. С. 762–772; Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Политический менасив как незиткетное речевое поведение // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13. № 1. С. 121–129.

² Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Политический текст в условиях коммуникативной трансгрессии // *Гуманитарный вектор*. 2015. № 3. С. 102–108.

часто выраженных в крайне непристойной форме. Таким образом, под воздействием коммуникативной трансгрессии, способствующей преодолению границ возможного и невозможного, меняется суть политической коммуникации. Используя всевозможные агитационно-пропагандистские платформы, в том числе сетевые, интернет-сообщества и реальные группы пытаются привлечь как можно больше людей к своей идеологии посредством речевого воздействия. Информация на политических ресурсах приобретает все больше экстремистский характер и становится массово доступной. В погоне за автономностью и самостоятельностью авторы политических текстов стремятся к неременному преодолению установленных обществом границ¹.

Кафедра цифровых медиакоммуникаций сосредотачивает свои усилия на разработке проблем противодействия экстремистским проявлениям в сетевых текстах и изучения влияния массмедиа на провоцирование социальных эпидемий. Экспертным сообществом фиксируется резкое повышение агрессивной среды, создающей стрессующую реальность, и неконтролируемый рост общественно опасных явлений (наркозависимость, терроризм, национальный экстремизм, деструктивные культы, игромания, компьютерная зависимость, прогрессирующее разрушение экологической среды, деградация института семьи и др.). Видео откровенных сцен насилия, убийств, суицидов, употребления наркотиков, жесткой порнографии и т. п. выводит потребителя из зоны комфорта, оказывает воздействие на его психику, вызывает негативные чувства (омерзение, отвращение, страх), порождает социальные эпидемии. Однако массмедиа обладают и позитивным потенциалом, способным преодолевать процесс деморализации и демонстрировать аудитории конструктивные жизненные сценарии².

Ряд статей преподавателей кафедры посвящен анализу и систематизации признаков экстремистских медиатекстов, которые содержат негативные оценки в отношении национальной, этнической, конфесси-

¹ Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Социоллингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4. С. 107–113.

² Мельник Г. С. Влияние СМИ на социальные эпидемии: конструктивные и деструктивные последствия // Ученые записки. Том 23: Современные социальные коммуникации в системе цивилизации и культуры: материалы международной конференции. СПб., 2014. С. 135–143.

ональной или профессиональной группы. В работах достигаются цели определения категории «экстремистского текста» в отношении информационных материалов, размещенных на сетевых ресурсах, выявления языковых и речевых средств (словесный экстремизм), использованных в качестве инструмента воздействия. Основные результаты исследования получены в ходе социолингвистического анализа политических текстов¹. Только совместные усилия социально ответственных медиа, высокотехнологичных кампаний, общественных организаций, государственных органов, гражданских активистов могут, в конечном счете, превратить Рунет в полноценную информационную экосистему.

В одной из глав монографии «Экстремизм в современном мире», в написании которой приняли участие преподаватели кафедры², дается анализ методики экспертной оценки информационных материалов экстремистской направленности, размещенных на сетевых ресурсах. Приводится набор основных приемов информационно-психологического воздействия на массовое сознание, которые чаще всего используются экстремистскими группировками в виде технологий манипулирования, приемов пропаганды и дезинформирования; уделяется внимание психологическим и социолингвистическим маркерам экстремистского медиатекста. В работе дается классификация лингвистических признаков экстремизма, составленная на основе анализа текстов судебных экспертиз. Обозначенные проблемные зоны открывают перспективы дальнейших исследований экстремистских дискурсов, парадигм их развития и механизмов. Задача оперативного распознавания экстремистского контента сетевых текстов становится в один ряд с задачами информационной безопасности общества³.

В коллективной монографии «Информационно-психологическая

¹ Мельник Г. С. Признаки экстремизма в сетевых текстах: лингвистический подход // Создание воспитательной антиэкстремистской антитеррористической среды в современном вузе. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2016. С. 172–177; Мельник Г. С. Признаки экстремизма в сетевых текстах: лингвистический подход // Конфликтология. 2016. № 2. С. 254–259.

² Мельник Г. С., Гришанина А. Н., Мисонжников Б. Я. Медийная модель мира и экстремистский дискурс // Экстремизм в современном мире. СПб., 2018.

³ Teplyashina A. N., Golubev V. Y., Pavlushkina N. A. Information Security in Social Media as Part of Media Education // Media education (Mediaobrazovanie). N 4. 2018. P. 138–147.

и когнитивная безопасность: состояние и задачи»¹, рассмотрен широкий круг вопросов, охватывающий исторические предпосылки и социально-политические реалии информационно-психологических угроз и безопасности в глобальном измерении, а также социально-психологические и когнитивные аспекты обеспечения национальной безопасности. Информация рассматривается как неотъемлемая часть процессов социального и политического управления. Анализируется медийный компонент в доктрине информационной безопасности (сущность, концепты, принципы реализации). Специально рассматривается вопрос воздействия медийных технологий на безопасность личности и общества.

Особое место отводится сетевым тактическим медиа, которые претендуют на общественный контроль за действиями власти, меняют конфигурацию классической политики, подрывая нормативную властную систему информационными атаками. Используя стратегии и техники продвижения в аудитории политических идей протеста, инакомыслия и бунта, программ и символов, тактические медиа мобилизуют аудитории на проведение небезопасных социальных перформансов и политических флэшмобов.

Одна из глав коллективной монографии «Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации»² посвящена политическим функциям сетевых тактических медиа. Как коллективный актор медиа в этих процессах с успехом реализовали функции мобилизации, подрыва и разрушения. Локальные по месту образования, тактические медиа становятся глобальными по воздействию, создавая сети активистов, позволяющих ускорять распространение опробованных техник и влиять на политические ситуации. Тактические медиа рассматриваются в одном ряду с такими видами новой сетевой альтернативной журналистики, как гражданская, социально-активная, партизанская,

¹ Мельник Г. С., Виноградова С. М., Мисонженников Б. Я. Массмедиа в информационно-психологической безопасности // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб., 2017. С.233–265.

² Мельник Г. С. Тактические медиа в мобилизационных технологиях // Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации (коллективная монография) / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. М., 2016.

коллаборативная и комьюнити журналистика. Сетевые тактические медиа выступают как эффективный информационный, идеологический, мобилизационный, организационный и синхронизирующий ресурс, где аккумулируются разрушительные идеи и формируется база оппозиционных коммуникативных практик, где быстро достигаются политические задачи при ограниченных временных, финансовых и эмоциональных затратах¹. В статьях, посвященных тактическим медиа, выявляются деструктивные последствия их использования в качестве технологии протеста². Исследования направлены на определение социально-психологической природы и сущности тактических медиа. В социальной практике тактические медиа создают пространство критической мысли, направленной против государства, рынка, академической среды, правовых институтов³.

Внимание исследователей кафедры также направлено на проблему противодействия терроризму. Специально рассматривается технология героизации терроризма в российских и зарубежных сетевых медиа, показано, как меняется образ террориста, а мультимедийные возможности позволяют создавать тексты, вербующие новых сторонников. Террористический акт становится не просто действием насильственного характера, направленным на разрушение и смерть, но и посланием для всего общества. Теракт в отражении СМИ выполняет функции деморализации и устрашения. В противодействии распространению идеологии терроризма и экстремизма в информационной среде важно формирование негативного образа террориста и негативного отношения общества к терроризму в целом. В СМИ недопустимы положительные оценки террориста и героизация его образа. Освеще-

¹ Vinogradova S. M., Melnik G. S., Shaldenkova T. Y., Achkasova V. A., Klyuev Y. V. Promotion of protest ideas in tactical media // *Espacios*. 2018. Т. 39. № 36. Р. 3–13.

² Мельник Г. С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 16. Вып. 3. Психология и педагогика. 2015. № 3. С. 83–91; Виноградова С. М., Мельник Г. С. Тактические медиа: язык протеста // *Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления*. Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. С. 49–54.

³ Мельник Г. С. Тактические медиа как протестный ресурс // *Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов*. 2017. № 2. С. 141–152.

ние в СМИ теракта должно обесценивать его смысл как своеобразного ценностного послания обществу и убеждать аудиторию в том, что принесенные жертвы были напрасны, что это безграничное насилие не имеет смысла¹.

Важным для воздействия на аудиторию является проблема изучения состояния общества в определенные периоды². Не могла не привлечь внимание проблема инфодемии в период карантинных мероприятий, связанных с коронавирусом.

Вместо заключения. Современные информационно-телекоммуникационные технологии привели как к невиданной по масштабам глобализации журналистской деятельности, так и трансформации системы подготовки кадров для информационных структур.

Направлениями научной работы кафедры цифровых медиакommunikаций являются: 1) исследование изменений медиасреды, связанной с цифровизацией медиаиндустрии, расширением ее возможности влиять на аудиторию; 2) изучение конструктивных и деструктивных факторов воздействия медиасреды (экстремизм, терроризм, социальные эпидемии, фобии, напряженность в обществе); 3) влияние качественных преобразований медиасреды под воздействием глобальной конкуренции на формирование квалификационных характеристик медиапрофессионалов; 4) воздействие измененных концепций производства информации на систему подготовки кадров для информационной среды; 3) изменение компетенций, способствующих оптимизации отношений «субъект информации–потребитель»; 5) определение ресурсов для обновления программ подготовки журналистов в условиях трансформации журналистики; 6) подготовка кадров для работы в новых условиях требования к специалистам (новые компетенции).

Медиообразование идет навстречу медиаиндустрии: вуз перестраивают свою работу со студентами, формируя у них новые навыки рабо-

¹ Мельник Г. С. «Героизация терроризма» в сетевых медиа: меры информационно-психологического противодействия // Информационная безопасность регионов России (ИБРР-2019). XI Санкт-Петербургская межрегиональная конференция. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2019. СПб., 2019. С. 370–373.

² Дейнека О. С., Мельник Г. С., Духанина Л. Н., Максименко А. А. Психологическое состояние общества в условиях инфодемии // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С.194–198.

ты в цифровой среде. Открывшиеся технические и технологических возможности и оборудование позволили сформировать интерактивную (журналистскую) модель медиаобразования с применением деловых и ролевых игр, групповых дискуссий, проектирования, моделирования. Это направление обучения показывает свою эффективность на практике.

Указанные тенденции, наряду с очевидными преимуществами, содержат и немало проблем и противоречий, которые наиболее отчетливо проявились в последнее десятилетие. Вопрос о журналисте—«многостаночнике» остается дискуссионным. Вместе с тем в профессиональном сообществе приходит понимание того, что в погоне за новшествами и удовлетворением интересов аудитории все же нельзя забывать о базовых профессиональных квалификационных требованиях, выработанных десятилетиями и доказавших свою эффективность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Галина Сергеевна Мельник, доктор политических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций СПбГУ;

Алла Николаевна Тепляшина, доктор филологических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций СПбГУ;

Егор Алексеевич Королёв, кандидат политических наук, доцент кафедры цифровых медиакоммуникаций СПбГУ.

Своеобразие петербургской школы исследований зарубежных СМИ

В 2018 году, рассуждая о развитии научно-образовательной школы, Сергей Григорьевич Корконосенко обратил внимание на следующее: «Для нашей страны характерно рассматривать симбиоз науки и образования, поскольку традиционно наука развивается на университетских кафедрах, а не в автономных исследовательских институтах, как, например, в США»¹.

В контексте анализа петербургской школы исследований зарубежной журналистики данный тезис подтверждается тем, что центром (ядром) изучения и осмысления процессов, происходящих в СМИ других государств, традиционно считается подразделение Санкт-Петербургского государственного университета, которое до 2001 года носило название «кафедра зарубежной журналистики», а после было переименовано в кафедру международной журналистики. В этой связи, этапы развития петербургской (ленинградской) школы изучения СМИ других государств, как нам видится, следует разделить на три условных этапа.

С 1964 по 1981 годы исследования реализовывались на базе кафедры истории русской и зарубежной печати, первым заведующим которой являлся профессор *Николай Петрович Емельянов*. Именно в пору его заведования «зарубежная журналистика» проявилось в качестве отдельного исследовательское направление. Данный этап характеризовался особым вниманием к анализу становления и развития систем СМИ в социалистических и развивающихся странах, а также тщательным изучением преимуществ коммунистической концепции прессы и недостатков буржуазных теорий журналистики. Иными словами, развитие зарубежной печати оценивалось в соответствии с марксистско-ленинским учением.

Следует отметить, что первые шаги исследований зарубежной журналистики были эмпирико-описательными с элементами коммен-

¹ Цит. по: *Хубецова З. Ф.* Российские научно-образовательные школы журналистики как часть мирового научного и образовательного процесса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Выпуск 2. С. 314.

тирования и субъективного оценивания. Однако уже в 1970-е годы начала складываться академическая школа исследователей иностранных медиа. Ее представители описывали отдельные издания или группы СМИ.

Несмотря на глубокий идеологический фундамент научно-исследовательской работы в обозначенном периоде, некоторые публикации до сих пор вызывают большой интерес. Например, фундаментальная монография В. С. Соколова «Печать Народного фронта и прогрессивная французская литература»¹, которая представляется актуальной и в настоящее время, поскольку «демонстрирует сложность и многоаспектность общественно-политических и художественно-литературных процессов, критически оценивает смещение духовных и нравственных акцентов»².

Также закономерно и то, что первым шагом на пути исследования зарубежной журналистики было стремление анализировать иноязычную публицистику. И только позже на смену интереса к публицистике появился интерес к СМИ. Тем не менее, филологическая линия еще долго являлась наиболее представленным теоретическим направлением.

Так, в серии публикаций под названием «Новый журнализм – концепция социальной мифологии», которая была опубликована в 1977 году в очень престижном по тем временам журнале «Демократический журналист», В. С. Соколов впервые в СССР рассказал о феномене нового журнализма в американской и западноевропейской периодике.

На следующем этапе (1981–1997 годы) ситуация начала постепенно меняться. Под руководством Ю. Н. Солонина (1981–1988 гг.), В. С. Соколова (1989–1995 гг.) и С. М. Виноградовой (1995–1997 гг.) кафедра зарубежной журналистики предпринимает успешные попытки комплексных исследований информационного пространства зарубежных государств. Не будучи удовлетворенными эмпирико-эссеисти-

¹ Соколов В. С. Печать Народного фронта и прогрессивная французская литература. Л., 1967.

² Мисонжников Б. Я. Для Эльзы Тироле был просто Валентином... // 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград – Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. СПб., 2006. С. 82.

ческими и нормативно-идеологическими подходами, новое поколение исследователей искало и находило более современные способы познания и анализа своего объекта изучения.

Как известно, у истоков создания кафедры стоял профессор *Валентин Сергеевич Соколов*. Именно с его именем связан прорыв в решении больших научных задач. В те времена, по мнению Алексея Быкова, «определяющий вклад в область знаний по методологии исследования журналистики внесли такие ученые, как А. Ф. Бережной, С. Г. Корконосенко и Г. В. Жирков»¹. Их наработки являлись основой для аналитического изучения, в том числе и процессов, происходящих в медийном пространстве зарубежья.

Новая кафедра акцентировала внимание на изучении общих исторических закономерностей развития зарубежной журналистики, особенностях функционирования медиа в различных странах и регионах, специфике становления и развития национальных медиасистем, анализе профессионального опыта ведущих зарубежных журналистов и публицистов.

В частности, в эти годы интенсивно исследовались отдельные сегменты зарубежных медиа, что создавало благоприятные предпосылки для их системного изучения в процессе исторического развития и теоретического осмысления. В этой связи, следует выделить монографии В. С. Соколова², Б. Я. Мисонжникова³, статьи А. А. Дубровина, диссертационные исследования аспирантов и докторантов кафедры⁴.

В данный период также продолжила свое развитие историко-филологическая линия: рассмотрение публицистики в связи с литературой, исследование языка медиа, анализ конкретных журналистских жанров, описание развития и становления СМИ в контексте истории.

Кроме того, появляется немало работ, в которых зарубежная журналистика изучается как определенный тип социального института,

¹ *Быков А. Ю.* Теоретико-методологические подходы к исследованию журналистики // Известия УрГУ. № 56. Екатеринбург, 2008. С. 173.

² *Соколов В. С.* Французские общественно-литературные журналы периода 4 республики. Критик и публицистика. Л., 1983.

³ *Мисонжников Б. Я.* «Нойе цюрхер цайтунг» как издание буржуазной качественной прессы. Л., 1985.

⁴ См. например: *Сапан М.* Печать курдской диаспоры: история и современное состояние. СПб., 1998.

описывается его проявление в различных общественных сферах. Политическое направление этого подхода определили работы С. А. Михайлова и П. Я. Рыкованова¹. Взаимосвязь журналистики с научной, культурной, религиозной и другими сферами рассматривалась такими авторами, как С. М. Виноградова² и И. В. Герасимов³. Особо следует выделить публикации материалов ежегодных научно-практических семинаров «Женщины в культуре Востока: политика, искусство, публицистика»⁴ и «Век информации».

Однако своеобразие ленинградской (петербургской) школы исследования зарубежной журналистики этого периода прежде всего характеризуется превалированием страноведческого направления научных изысканий. Так, например, в работах А. А. Чесанова⁵ и С. А. Михайлова рассматривались проблемно-тематические аспекты функционирования СМИ стран Западной Европы, Азии и Африки. С. М. Виноградова и В. С. Соколов фокусировали внимание на комплексном анализе особенностей журналистики различных государств⁶.

На третьем этапе (1998–2020 годы) произошло окончательное смещение фокуса научного внимания с зарубежной на международную журналистику. Не случайно, с 2001 года подразделение носит название «кафедра международной журналистики». Большую роль в формировании новой концепции теоретического осмысления медиа в условиях глобализационных процессов сыграл профессор *Анатолий Степанович Пулю*, который с 1998 года является заведующим кафедры.

¹ См. например: *Рыкованов П. Я.* СМИ в политической системе 5 республики во Франции 1958–1974 гг. Л., 1984.

² *Виноградова С. М.* Западные теории журналистики в контексте социально-политического развития африканского общества. СПб., 1993; *Виноградова С. М.* Современные западные теории журналистики и проблемы массовой информации в странах Тропической Африки. СПб., 1991.

³ *Герасимов И. В.* Исламские массмедиа на Ближнем Востоке и в России: история, проблематика и идеология. СПб., 2015.

⁴ Женщины в культуре Востока: политика, искусство, публицистика: Материалы научного семинара / Редкол.: С. М. Виноградова, И. В. Герасимов. СПб., 1997.

⁵ *Чесанов А. А.* Периодическая печать Германии. СПб., 2000.

⁶ *Соколов В. С.* Журналистика социалистических стран. Л., 1989; *Соколов В. С.* Периодическая печать Франции. СПб., 1997; *Соколов В. С., Михайлов С. А.* Периодическая печать Соединенных Штатов Америки. СПб., 1998; *Соколов В. С., Виноградова С. М.* Периодическая печать Италии. СПб., 1997.

Данный период характеризуется акцентированным изучением роли традиционных и новейших медиа, мультимедийных систем в мировых информационно-коммуникационных процессах. Кроме того, продолжается анализ зарубежных национальных систем СМИ в историческом и современном контекстах, выявление тенденций их развития и факторов влияния.

С начала 2000-х годов в работах ряда ученых начинает проявляться институциональный подход к исследованию зарубежной журналистской практики. В частности, журналистика как субъект права подробно рассматривается в работах А. С. Быковой¹ и С. Б. Никонова². Авторы изучают специфику функционирования зарубежной журналистики в правовом поле, рассматривая взаимовлияние права и саморегулирования СМИ, государственных способов регулирования и управления информационными потоками.

Немного позже в фокусе научных приоритетов появляется интерес к анализу феномена медиатизации внутри- и внешнеполитических процессов в различных странах и регионах. В этой связи большой интерес вызывают публикации А. С. Пую³, Н. С. Лабуша⁴, С. С. Бодруновой⁵.

При рассмотрении особенностей творческой деятельности зарубежных публицистов и политических деятелей напрашивалось обращение к биографическому методу. В частности, необходимо выделить монографию П. Я. Рыкованова «Франция: телевидение и власть: слово, образ, действие в политической практике генерала де Голля»⁶.

Также актуализировались научные дискуссии о противостоянии «западному миру», что привело к возникновению концепций вестерна-

¹ *Быкова А. С.* Масс-медиа стран-членов Европейского Союза: политико-правовые опросы регулирования содержания информации. СПб., 2004.

² *Никонов С. Б.* Глобальное информационное пространство и международно-правовые аспекты управления информационными потоками: дис. ... канд. пол. лит. наук. СПб., 2007.

³ *Пую А. С.* Журналистика Франции: плюрализм и этатизм. СПб., 2003.

⁴ *Лабуш Н. С.* Экстремальный политический процесс: особенности форм и медиатизация. СПб., 2017.

⁵ *Бодрунова С. С.* Современные стратегии британской политической коммуникации. М., 2010.

⁶ *Рыкованов П. Я.* Франция: телевидение и власть: слово, образ, действие в политической практике генерала де Голля. СПб., 2001.

лизации и девестернализации. Позже в повестке дня была сформулирована еще одна компромиссная концепция интернационализации исследований медиа. Данный подход проявляется в статьях и монографиях С. А. Михайлова, С. Б. Никонова, А. А. Смоляровой.

Следует отметить, что в 2000–2010 годы изучение зарубежных СМИ имело достаточно унифицированный характер. Также начала прослеживаться тенденция развития проблемно-тематического (типологического) направления. Данный подход характерен для работ Б. Г. Койбаева¹, М. С. Бакониной², А. А. Литвиненко³, А. В. Байчик⁴, Ю. В. Курышевой⁵.

Изучение особенностей журналистики и СМИ различных стран, положенное в основу страноведческого направления, представляет собой продолжение традиций кафедры. Однако произошла переоценка западного мира, который перестал восприниматься критически, а наоборот, рассматривается как пример функционирования качественных СМИ и разработки убедительных теоретических концепций.

В этой связи, безусловно, следует отметить блок монографий и учебных пособий *Сергея Анатольевича Михайлова*. В период с 2002 по 2010 годы под его авторством было издано более десятка работ, посвященных современному состоянию медиасистем тех или иных государств и регионов⁶.

Параллельно находит свое развитие и историкоцентричное направление. К нему мы относим работы, отсылающие к описанию про-

¹ *Койбаев Б. Г.* Международные организации: информация и безопасность на Ближнем Востоке. СПб., 2006.

² *Баконина М. С.* Джихад: идеология и пропаганда в международной коммуникации. СПб., 2003.

³ *Литвиненко А. А.* Газеты в Германии в XXI веке: от кризиса к модернизации. М., 2011.

⁴ *Байчик А. В.* Политическая стратегия транснациональных корпораций СМИ в процессе глобализации информационного пространства: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.

⁵ *Курышева Ю. В.* Испания: политико-правовые аспекты процесса интеграции национальных СМИ в информационное пространство ЕС: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.

⁶ См. например: *Михайлов С. А.* Журналистика стран Северной Европы. СПб., 2003; *Михайлов С. А.* Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб., 2004; *Михайлов С. А., Ли Динсинь.* Журналистика Китая. СПб., 2007.

цессов становления СМИ в историческом контексте. Здесь вполне логичным и обоснованным следует считать алгоритм исследования, в котором выделяются определяющие этапы развития журналистики той или иной страны. В зависимости от целей или задач исследования определяются приоритеты. Данный подход характерен для работ А. Ю. Быкова, А. С. Смоляровой¹, П. Я. Рыкованова, Ю. С. Даниловой, Е. С. Георгиевой.

Безусловно, в настоящее время основной фокус научного внимания направлен на изучение современных тенденций развития глобального информационного пространства. Многочисленные теории и концепции зарубежной журналистики отражают особенности существования современного общества и разнообразие научных подходов к анализу этого явления. По мнению С. А. Михайлова, «в чистом виде эти направления исследований встречаются достаточно редко – они взаимообогащаются и дополняются в зависимости от позиции автора или конкретно-исторических условий». В этом смысле, «наиболее интересным и продуктивным представляется подход к анализу явлений в зарубежной журналистике, связанных с политическими процессами»².

Кроме того, новейшим «трендом» петербургской школы является обращение к современным теориям медиакратии и электронной демократии. Данное направление проявляется в публикациях и проектах С. С. Бодруновой, А. А. Литвиненко, А. С. Смоляровой, К. Р. Нигматуллиной, Ю. С. Даниловой.

Так, в 2010 году под руководством А. С. Пую было осуществлено исследование «Теория и практика медиакратии в современных социально-политических процессах». Перед участниками проекта стояла цель сформулировать теоретико-методологические основы и выявить институциональную практику медиакратии в условиях трансформации современных социально-политических институтов.

В 2013 году под руководством А. А. Литвиненко было проведено масштабное исследование по теме «Гибридные медиасистемы и политическая повестка дня». Данный проект был посвящен сравнитель-

¹ *Смолярова А. С.* 1917 год в зарубежных русскоязычных СМИ: сто лет спустя // Век информации. 2018. № 3. С. 27–31.

² *Михайлов С. А.* Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб., 2002. С. 116–117.

ному анализу функций сервиса микроблогов Twitter в формировании повестки дня в России и Германии. Исследование осуществлялось на стыке трех направлений современной сравнительной медиалогии (распространение методологии на страны демократического транзита, эмпирические исследования, изучение гибридизации медиасистем).

В настоящее время петербургская школа исследований зарубежных СМИ активно осваивает современные научные направления: медиакомпаративистику (медиасистемы, журналистские культуры, коммуникация в различных социально-культурных контекстах), изучение гибридных медиасистем, анализ современных тенденций глобальной медиаиндустрии, участие СМИ в этнокультурных процессах, профессионально-творческие аспекты международной журналистики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Руслан Викторович Бекуров, кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики СПбГУ.

Социальная журналистика как проблемно-тематическое направление в подготовке журналистов

Социальная журналистика как направление профессиональной подготовки стало формироваться в начале 2000 годов и было обусловлено как общественно-экономической ситуацией в стране, так и определенными сдвигами в представлениях о роли и задачах журналистики в новых условиях функционирования. За два десятилетия практический опыт получил научное осмысление, сложились устойчивые принципы, формы и технологии, закрепленные в учебных программах разных уровней образования.

От исторической традиции – к практике нового времени. Обращение к социальной тематике, к жизни социально угнетенных низов, к судьбам «маленьких» людей присуще было российской журналистике и находилось в русле ее просветительских традиций. Проблематика благотворительности стала общей областью приложения сил в публицистике самых разных изданий. Т. И. Фролова указывает, что уже на рубеже XIX–XX веков в периодике России можно увидеть «зерна» современных взглядов на социальное партнерство¹. Журналистика советского периода, будучи встроенной в систему управления, демонстрировала социальный патернализм, который проявлялся в реальной действенности публикаций. Несмотря на определенную тематическую и технологическую ограниченность, поскольку на государственном уровне социальная сфера не считалась проблемной, в советской журналистике был накоплен значительный опыт социального взаимодействия с аудиторией. Аспекты обратной связи, организаторской роли прессы в курсах профессиональной подготовки в дальнейшем не только стали актуальными в жизненной практике, но и потребовали развития, теоретического переосмысления, а затем и разработки соответствующих методических подходов в образовательных программах для журналистов.

¹ Проблематика СМИ: Информационная повестка дня: Учеб. пособие. Под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. М, 2008. С. 119.

Социальная журналистика как осознанная творческая практика стала формироваться в 1990-х годах в ответ на вызовы новой реальности. Исследователи отмечали отчуждение государства и личности, оказавшейся в состоянии фрустрации. Можно сказать, что подобное состояние наблюдалось и в журналистике. С одной стороны, в СМИ пришли западные стандарты журналистики, которые исключали ангажированность, тенденциозность и требовали от журналистики полноты, сбалансированности, отстраненности. С другой – власть неохотно реагировала на публикации, которые в результате утрачивали привычную в советское время действенность, столь востребованную в период социального обострения. И, наконец, понимание действенности получило корректировку в контексте отстранения журналистики от участия в решении конкретных проблем: «смысл современной публицистики гораздо шире – он, прежде всего, в том, чтобы менять общественный климат»¹.

Необходимость однозначного вывода, понятного обобщения в пропагандистском тексте ранее традиционно приводили к «точному» ответу на поставленный вопрос. Амбивалентность нового сознания предполагала множественность вариантов ответа. «Разумно ли требовать от журналиста правильных ответов, если антиномия в том и состоит, что решения не имеет?»².

Широкий тематический спектр проблем социальной сферы в этот период обуславливал не оценочность материалов, не дидактику, а сбор фактов, свидетельств, различных позиций, то есть изучение проблемных реалий и поиск выхода. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х в журналистике постепенно складывается традиция наблюдения за проблемами, отслеживание их развития и, по заключению Р. Г. Иванян, период с 1989 по 1993 год характеризуется сенсационностью, драматичной и пессимистической эмоциональной тональностью публикаций, что провоцировало ощущение безнадежности и безвыходности ситуации³.

В 1999 году В. А. Сидоров и С. Г. Корконосенко на примере деятельности одного из информационных агентств показали, что в журна-

¹ Парфенов Л., Чекалова Е. Нам возвращают наш портрет. М., 1990. С. 28.

² Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. М., 2002. С. 14.

³ Иванян Р. Г. Журналистика и социальная работа: природа и опыт институционального взаимодействия (Россия, конец XX – начало XXI веков): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007. С. 80.

листской продукции отсутствует артикуляция интересов человека¹, а И. М. Дзялошинский зафиксировал, что если до середины 1990-х годов многие журналисты рассматривали свою деятельность как социально-значимую, то с 1995 года стала действовать модель профессии как игры, был отмечен перевод личностной самоориентации в игровую, фиктивную форму деятельности².

Однако время открывало новые темы, проблемы, героев, интерес к которым активно демонстрировала журналистика.

Исследователи наблюдали в последнее десятилетие XX века существование в журналистике нескольких профессиональных идеологий. Одна ориентировала журналиста на мессианскую, просветительскую, пропагандистскую деятельность. Другая предлагала рассматривать себя как беспристрастного информатора, который добывает и передает общественности сведения, не неся ответственности за то, кем и как они будут использованы. Третья, сформировавшаяся на принципах «теории малых дел», требовала помогать решению конкретных общественных и человеческих проблем. И, наконец, новая, коммерческая идеология проявлялась в задаче заработать как можно больше денег, представляя аудитории информационный продукт, впечатления, образы, которые более всего ее привлекают³.

В противовес обозначившимся тенденциям наблюдения, отстранения, развлечения в новых социальных условиях 1990-х годов начинает проявлять себя огромный потенциал активизированного общества, происходит постепенное формирование так называемого «третьего сектора» – негосударственных, некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на преодоление тех социальных проблем, с которыми не справляется государство и от участия в решении которых уклоняется журналистика⁴.

¹ Сидоров В. А. Иное время – иная реальность – иная культура журналиста? // Журналистика и социология'2000 / Ред-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2001. С. 47–48.

² Мы-сограждане (СМИ и общество). Том 2 / Под общ. Ред. Л. И. Семиной. М., 2002. С. 40.

³ Там же. С. 31–32.

⁴ О социальной журналистике в регионах: по итогам проекта «Терра инкогнита» или «Что такое третий сектор» (1999–2000). Второе издание. / Под общ. ред. С. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2002.

Р. Г. Иванян определяет 1993–1998 гг. как первый период в становлении институционального взаимодействия журналистики и социальной работы в связи с формированием новых (как государственных, так и негосударственных) учреждений социального профиля в России и отражением в журналистике этого процесса. Но и в начале 1990-х, и в дальнейшем «третий сектор» часто обвинял журналистов в невнимательности к гражданским инициативам, непонимании ценности, важности, значимости НКО, в том, что они мало и скудно пишут про НКО, не доверяют альтруизму общественников¹. При поддержке международных и российских фондов и программ общественные организации проводили многочисленные обучающие семинары для журналистов – АСИ, «Ночлежка», Институт региональной прессы, Центр РНО, «Взгляд в будущее», Корчаковский центр молодежных программ «Реальный путь», ГАООРДИ, Институт раннего вмешательства, «Возвращение» и многие другие. Задачей этой работы было формирование грамотного отношения к социальным проблемам и вовлечение СМИ в их решение. Такие образовательные инициативы показали потребность развития данного тематического направления в подготовке журналистов. Именно материалы тематических семинаров стали первыми образцами методической литературы по социальной журналистике.

С одной стороны, НКО выходили к журналистам напрямую, минуя программы профессиональной подготовки, с другой – они могли взаимодействовать с очень ограниченным количеством участников семинаров. При этом инструкции, которые формулировали общественники, не всегда учитывали определенные профессиональные фильтры, присущие журналистике, зачастую продвигали одностороннее представление о социальных проблемах, ограничивали творческие приемы, направленные на привлечение аудитории СМИ. Стала очевидной необходимость разработки и развития образовательных технологий и форм, соответствующих социальной проблематике, в университетских программах по журналистике.

Становление школы: объединение сил. Легитимация понятия «социальная журналистика» сопровождалась профессиональными и научными дискуссиями в силу его неоднозначного толкования:

¹ Негосударственные некоммерческие организации в Санкт-Петербурге. Информационно-аналитический отчет. СПб., 2004. С. 123.

формирование соответствующих образовательных программ было неизбежно связано с осмыслением функционального, ценностного, творческого своеобразия предмета изучения. Становление и развитие образовательных программ происходило параллельно с освоением новых практик в реальной профессиональной деятельности: от знакомства с тематической областью, к поиску и выбору адекватных технологий и творческих решений, а затем – к обобщениям и формулировке принципов работы и специфики нового направления в журналистике. По очень точному замечанию Т. И. Фроловой, основными идеями социальной журналистики должны были стать *развитие и партнерство*: требовался перелом в сознании – «от стратегии защиты к стратегиям развития»¹. Такая стратегия могла быть определена и сформирована не в рутине практической работы, а на более высоком уровне комплексного анализа и теоретических исследований.

В 2002 году на факультете журналистики в МГУ стартовал пилотный спецкурс по социальной журналистике, который осуществлялся усилиями преподавателей факультета, с одной стороны, и сотрудниками Агентства социальной информации (АСИ) – с другой. Это партнерство оказалось очень продуктивным для становления и развития профессионально-творческого направления в подготовке журналистов, поскольку соединяло академическую базу и профессиональный опыт. Занятия вели как преподаватели МГУ, так и приглашенные эксперты, в образовательный процесс были включены обучающие семинары в АСИ, кейсы, тренинги, ролевые игры с погружением в ситуацию, мастер-классы ведущих специалистов в социальной сфере, а также посещение организаций и фондов с обсуждением соответствующей проблематики. Блок необходимых, базовых знаний о социальной сфере был включен в общие лекционные курсы, а более углубленные компетенции студенты получали в творческой студии-семинаре. Соединение системных знаний, игровых творческих методик и реального участия в социальной деятельности давало хорошую профессиональную отдачу, и было с энтузиазмом воспринято и студентами, и НКО.

В 2003 году к процессу разработки и реализации программы присоединились АСИ-Мурманск в сотрудничестве с Мурманским гума-

¹ Светлая полоса: специализация «Социальная журналистика». М., 2004. С. 11.

нитарным институтом. В рамках проекта «Социальная журналистика гражданского общества», запущенного тогда при поддержке Фонда «Династия», соответствующие спецкурсы были разработаны по московской модели и реализовывались в региональных университетах шести городов Барнаула, Мурманска, Нижнего Новгорода, Пензы, Перми, Ульяновска (не только на профильных факультетах)¹.

В 2003 году на факультете журналистики МГУ прошел первый круглый стол по социальной журналистике с участием всех заинтересованных сторон – профильных комитетов городского управления, СМИ, сотрудников НКО, общественных активистов, исследователей. В ходе дискуссии стало формироваться заключение, что *лучший «социальный журналист» – это социальный работник, который занимается журналистикой*. Социальный активизм, таким образом, был включен в профессиональную парадигму журналиста соответствующей специализации. В дальнейшем такие встречи стали ежегодными и дали импульс к распространению не только образовательного опыта, но мощной научной рефлексии в отношении актуальной профессиональной практики.

На факультете журналистики СПбГУ в это же время постепенно складывается собственная образовательная традиция социальной журналистики, которая, начавшись в отдельных элективных дисциплинах, продолжается в магистратуре. С 2005 года начала осуществляться магистерская программа «Бытовая и семейная проблематика в СМИ», которая в дальнейшем сменила название на «Социальная журналистика». Программа реализовывалась на кафедре радио и ТВ и имела некоторый уклон в сторону аудиовизуальных СМИ. Но главным отличием было привлечение к преподаванию прежде всего *журналистов*, специализировавшихся в социальной проблематике (среди них были известные журналисты СМИ Санкт-Петербурга и документалисты: О. Островская, С. Агапитова, М. Бережная, Г. Артеменко, Е. Дылева, О. Дроздова, Д. Кузьмин, Т. Артемова, С. Дмитриева и др.), а также исследователи в этой области – М. А. Бережная, Р. Г. Иванян, И. Н. Блохин. Программа также предусматривала взаимодействие с некоммерческими организациями – их посещение, участие в мастер-классах,

¹ Социальная журналистика: профессия и позиция. Науч. ред. Т. И. Фролова. М., 2005.

прохождение исследовательской практики. Однако производственная практика проходила в редакциях СМИ, а не в общественных организациях, что подразумевало не столько участие в социальной деятельности, сколько освещение и журналистский анализ социальных проблем и, в том числе, деятельности НКО.

Таким образом, движение к принятию адвокации и социального активизма в деятельности журналиста могло происходить в разных направлениях: от общественной деятельности к журналистике или от журналистики к модерированию социальных проектов, а потом и участию в них. Этическая оценка таких практик, обусловленная продвижением порой односторонних взглядов и ценностей, требовала теоретического и педагогического осмысления.

Методическая составляющая образовательных программ по социальной журналистике, которая поначалу нарастала в тематических семинарах НКО (раздаточные материалы для участников, информационные бюллетени АСИ, тематические сборники Центра некоммерческих организаций, издания ОФ «Сибирский центр поддержки общественных инициатив», «Ночлежка», Детского фонда ООН – ЮНИСЕФ, АНО «Интерньюс» и многих других), продолжилась в работах представителей академического и журналистского сообщества. Первые учебные пособия, диссертации, монографии появились в 2000-х годах¹. В этих публикациях были описаны исторические традиции социальной журналистики, сформулирована ее тематическая, коммуникативная и функциональная специфика, обозначено ее институциональное

¹ Дзялошинский И. М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества: Учеб. пособие. М., 2001; По жизни: Пособие по социальной журналистике. Сост. М. Гессен, М. Назари. М., 2002; Общественная журналистика в России: Опыт региональных телекомпаний. М., 2002; Социальная журналистика. Антология возрождения. Учеб. пособие для начинающего социального журналиста. М., 2002; Журналистика социальной сферы / Под общ. ред. Г. А. Нуриджанова. М., 2003; Фролова Т. И. Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. М., 2003; Социальные инициативы российских СМИ. М., 2004; Севортьян А. Р., Шароградская А. А. Освещение этнического многообразия: Пособие для факультетов журналистики. М., 2005; Бережная М. А. Социальная тележурналистика. СПб., 2005; Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., 2006; Иванян Р. Г. (2009). Журналистика и социальная работа: природа и опыт институционального взаимодействия (Россия, конец XX – начало XXI вв.). СПб., 2009.

взаимодействие с социальной работой, сформирован понятийный аппарат исследования, задачи, принципы, технологии практической деятельности, выявлены оптимальные творческие и организационные формы, представлены возможные перспективы ее развития. Ведущим принципом функционирования социальной журналистики был определен принцип *социального партнерства*, который закреплял как ее роль в модерировании усилий различных сил общества в решении социальных проблем, так и позволял выступать активным субъектом в совместных действиях. В дальнейших исследованиях идеи получили развитие в их гуманитарном значении, в аспектах отраслевого функционирования, проявления в различных тематиках, коммуникативных пространствах, применения в новых технологиях¹.

Опыт Петербургской школы: продолжение традиций. Проблематика социального функционирования журналистики традиционно была в фокусе внимания петербургских исследователей. Тематическая область социальной журналистики получила осмысление в контексте ее целеполагания и адресности. Содержательная специфика проблематики рассматривалась в ее соотнесении с задачами публикаций, их влиянием на социальное последствие, в русле профессиональной идеологии. Это, в частности, определило менее тесные контакты с общественными организациями и привлечение к преподаванию журналистов, специализирующихся на освещении определенных проблем. А также преобладающее развитие теоретических курсов на первом этапе с дальнейшим расширением практического поля деятельности.

Мы наблюдаем три основных направления становления и развития школы:

¹ *Бережная М. А.* Телевизионная журналистика: практика реальной помощи (по материалам студенческих исследований) // *Говорит и показывает кафедра радио и телевидения.* Вып. 3. СПб., 2009; *Фролова Т. И.* Человек и его мир в информационной повестке дня. Гуманитарные технологии в журналистике. М., 2009; *Зайцева А. А.* Тележурналистика и социальная политика в регионе: направления и формы взаимодействия: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011; *Фролова Т. И.* Гуманитарная повестка дня российских СМИ. Журналистика, человек, общество. М., 2014; *Миронова О. С.* Медиатизация российской реформы здравоохранения: опыт печатных СМИ: дис... канд. филол. наук. М., 2017; *Бережная М. А.* Социальные проблемы в дискурсах ТВ. Raleigh, North Carolina, USA, 2018.

- образовательно-творческое, которое находит выражение в тематике учебных заданий, творческих проектах студентов, материалах производственных практик;

- образовательно-методическое, которое проявляется в разработке программ дисциплин, элективов, новых программ подготовки, создании учебных пособий и материалов; мастер-классы и выступления журналистов, экспертов в социальной сфере;

- исследовательское – воплощено в научной работе преподавателей, магистрантов, студентов, проведении конференций, семинаров, создание выпускных квалификационных работ, как на уровне бакалавриата, так и магистерских диссертаций.

Существование этих направлений не регламентировано какой-то общей организационной силой и не входит в общую программу деятельности. Созданная за годы теоретическая основа и потребности реальной жизни способствует росту интереса и активности студентов к проблемам социальной сферы.

Образовательно-творческое направление. Преподаватель Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, обозреватель журнала «Журналист» Е. А. Королев отмечает, что уже на первом курсе студенты заявляют о своей гражданской позиции, хотят заниматься социальной журналистикой – помогать людям.

Вот примеры из эссе, где они говорят о выборе профессии.

Анастасия Голикова из г. Красавино Вологодской области, в котором в 2008 году развалился градообразующий льнокомбинат: «Сейчас половина красавинцев ездит в ближайшие города, чтобы работать за копейки, открывает магазины, которые часто не проживают больше двух лет, и живет на социальную помощь государства. Две школы объединили в одну, люди бегут из города в поисках лучшей жизни... Я хочу рассказать о таких городах и помочь людям, считающим каждую копейку»; Антонина Калатушкина рассказывает о волонтерах благотворительного фонда «Кто, если не мы?», которые помогают пожилым людям и инвалидам, живущим в домах ветеранов. Она выбрала профессию, чтобы рассказывать именно о таких проектах¹.

¹ Королев Е. А. Надо отметить, что необходимо сказать // Журналист. 2017. № 10.

Студенты традиционно участвуют в благотворительных акциях, сотрудничают с социальными учреждениями Петербурга, берутся за освещение сложных социальных ситуаций. На начальном этапе дают о себе знать идеалистические представления начинающих журналистов о социальных проблемах, полные стереотипов. Это не столько недостаток знаний в области социальной сферы, сколько нехватка жизненного опыта. Педагогической задачей становится не только сохранить гуманистические устремления молодых журналистов, но научить грамотно работать с подобными темами, оценивать возможные эффекты публикаций, использовать журналистские методы исследования проблемы, чтобы в благом порыве не стать инструментом чьей-то манипуляции и не утратить доверие аудитории. Примерами социального проектирования могут быть тематические выпуски учебных газет с описанием социальных акций с участием студентов: ко Дню пожилого человека, Дню защиты детей, Дню борьбы со СПИДом, Дню инвалида, Дню борьбы с насилием и т. д., когда информационный повод дает возможность не только представить проблему всесторонне, но и организовать акции конкретной помощи (сбор средств, организация консультаций, экскурсий, мероприятий, конкурсов, встреч). Актуальным становится формат мультимедийных проектов, в котором работают как студенты, так и школьники профильного класса Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Тематика проектов говорит сама за себя: «Меж двух культур. Как живут сегодня межнациональные семьи», «Наркотическое и человеческое. История наркомании в пяти невыдуманных рассказах, без вывода, а может, и с ним», «К единственной маме на свете. Про детей в поисках семьи и семьи в поисках детей», «Кавказские пленники стереотипов. Петербургские кавказцы о предрассудках»¹.

Постоянным творческим заданием для студентов профиля «Телерадиожурналистика» является видеопортрет «Я так живу» и проблемный репортаж, в материалах которых преобладает социальная тематика. Аида Явбатырова познакомилась на улице с пожилой петербурженкой Натальей Константиновной Хоревой, которая поразила ее тем, что в своем преклонном возрасте увлеклась танцами. Для молодой

¹ Студенческие и школьные проекты. URL: <https://padlet.com/almaata1/za4es8nl0txy>.

журналистки проблемы «третьего возраста» стали открытием и поводом погрузиться в важную социальную тему. Ее дипломный фильм «Ах, какое блаженство!» победил в номинации «Документальный фильм» III Санкт-Петербургского кинофорума «Молодое кино» в 2017 году, а выпускным проектом в магистратуре стал фильм «Дочкинки» об отношениях «отцов и детей», завоевавший несколько побед на международных конкурсах. Короткометражный фильм «Создавая доступный мир» магистранта Егора Махонина, о разработчике устройств, помогающих наладить общение со слепоглухими людьми, стал победителем на Международном кинофестивале «Мир знаний» (2019).

Важны стажировки студентов, их участие в крупных социальных форумах – университетах, олимпиадах, летних лагерях. Например, таком, как Международный медиафорум в Артеке в октябре-ноябре 2017 года, целью которого было «формирование медиакультуры подрастающего поколения как готовности жить в коллективном диалоге с использованием цифровых технологий и медийных средств, брать на себя ответственность за происходящее в социальной среде, создавая социально значимую информационную продукцию»¹. Студенты-журналисты участвовали в работе медиаотряда в качестве вожатых, наставников, выполняя со школьниками социальные проекты, делали видеоролики на тему выбора – социального, профессионального, политического, в том числе короткие видео о «непопулярных» профессиях, о традициях разных стран и т. п. Этот новый социальный опыт позволяет не только проверить на практике собственные знания, но и почувствовать убедительность своей человеческой позиции, способность донести до почти что сверстников гуманистические профессиональные ценности.

Хороший результат дает соединение непосредственного участия студентов в социальных проектах с исследовательской деятельностью в области адвокативных практик журналистики, что определяет самые разные формы такого участия: поначалу – информационное сопровождение, организационная работа, а в дальнейшем – и наставничество, аналитика, даже экспертная работа.

Образовательно-методическое направление. За последние 15 лет в Институте «Высшая школа журналистики и массовых комму-

¹ Юнпресс. Мультимедиапортал для молодежи. URL: <http://ynpress.com>.

никаций» был разработан и реализован целый ряд элективных дисциплин по социальной проблематике в СМИ: «СМИ в контексте социальных проблем», «Журналистика в этнокультурном взаимодействии», «Социальная журналистика», «Тележурналистика социального действия», «Социальная документалистика», «Социальная проблематика в СМИ», «Телевидение: практика реальной помощи», «Журналист как исследователь социальных процессов» и др. Углубленные знания о проблемах и возможных путях решения дают встречи с экспертами, мастер-классы журналистов, деятельность которых оказала влияние на преодоление конкретных проблем, а также с сотрудниками пресс-служб, которые активно участвуют в формировании представлений о социальных проблемах в публичном пространстве. Соединение разных источников способствует выработке профессиональной позиции и дает навыки позитивной коммуникации в общении с разными сторонами проблемного поля. В таких встречах принимали участие: уполномоченный по правам ребенка в Санкт-Петербурге Светлана Агапитова, американская тележурналистка Лия Томпсон, проводившая расследования в сфере здравоохранения, прав потребителей, безопасности, экологии, что повлияло на изменения в законодательстве страны, отдельных штатов и городов, профессор Мичиганского университета Марк Фельдштейн, автор знаменитых в США исследований об использовании труда нелегалов, Елена Вешнякова пресс-секретарь «РусГидро», лауреат национальной премии в сфере общественных связей «Серебряный Лучник-2015», корреспондент НТВ в Санкт-Петербурге Мария Сапожникова, освещающая ежедневные события и проблемы горожан, Екатерина Майборода, пресс-секретарь Комитета по социальной политике Администрации Санкт-Петербурга, куратор социальной программы «Ищу маму» и культурно-просветительского проекта «Город равных возможностей», Элина Грундстрем (Тампере, Финляндия), писатель, исследователь социальной проблематики в медиа.

Исследовательское направление. Изучение современного состояния журналистской практики ведется постоянно в русле исследовательских интересов конкретных преподавателей, групп, проектов. В публичном исследовательском поле несложно проследить появление соответствующих публикаций. Для осмысления феномена научно-педагогической школы важно проявление исследовательских результа-

тов в образовательном процессе. С одной стороны, это включение актуальных теоретических работ в списки литературы рабочих программ, что представляет собой рутину учебного процесса. С другой – это альтернативные и дискуссионные формы представления проблемного материала в рамках научных мероприятий, которые не только становятся естественной составляющей университетского образования, но и включают студентов в развитие нового знания. Такими формами становятся научные семинары и конференции.

Для развития взглядов на социальную журналистику большое значение имеет расширение исследовательского поля, которое не ограничивается анализом функционирования отдельных проблемных направлений социальной сферы и их освещением в СМИ.

Опытом такого расширения стал международный научный семинар «Социальная журналистика как общественная деятельность: опыт и научные исследования в России, США и странах Северной Европы» (2014). Он позволил представить феномен социальной журналистики в интернациональном контексте, связь ее специфики с социальной картой разных стран, оценить степень ее влияния на социальные процессы в условиях разных традиций. Не менее интересным расширением привычной проблематики стал международный семинар «Журналистика сообществ: опыт и научные исследования в России, США, Северной Европе» (2015). Комьюнити журналистика как явление близкое по тематической и коммуникативной специфике к социальной журналистике, получает в настоящее время новый импульс в сообществах не только локальных, но виртуальных, что открывает дальнейшие пути исследования в привычном круге технологий социальной журналистики.

Теоретические исследования объединяют интересы преподавателей и студентов, включают в себя работы разного уровня – от курсовых сочинений до научных публикаций. Значение имеют самостоятельные исследования освещения в СМИ социальной проблематики, основанные как на анализе традиций и современного состояния журналистской практики, так и на рефлексии по поводу собственного профессионального опыта. Именно такая деятельность, которая выполняется в рамках курсовых и выпускных работ может представлять интерес для аналитиков социальных процессов: по сути, студенческие работы дают

периодический мониторинг текущей ситуации, а целевое использование этого ресурса позволяют проследить динамику развития тех или иных проблем и тенденций в аспекте медийных дискурсов.

Очевиден исследовательский интерес обучающихся к таким действенным телепроектам из прошлой и современной практики журналистики как «День ангела», «У вас будет ребенок», «Настоящий герой», «Телекурьер», «Правое дело», «День добрых дел», «Такие дела» и др.¹

За последнее десятилетие прошли защиты не менее 50 выпускных квалификационных работ, в которых социальная тематика была либо предметом, либо материалом исследования. В фокусе внимания таких работ – благотворительность, волонтерство, семейное насилие, усыновление, люди с ограниченными возможностями, мигранты, профилактика ВИЧ, наркозависимость, бездомность, бродячие животные, экологические темы, проблемы личной безопасности и др.

Выпускная квалификационная работа Виктории Буткевич (2015) называлась «Социальная проблематика межнациональных отношений на телеэкране». Автор работы выступала не только в роли журналиста-исследователя, но и, будучи членом Молодежного Совета при Санкт-Петербургском Доме Национальностей, в роли эксперта, и непосредственно участвовала в принятии решений относительно межнациональных конфликтов. Исследование помогло не только оценить текущую практику ТВ, но выработать рекомендации в связи с освещением сложной темы.

В мае 2017 года выпускница СПбГУ Мария Чеснокова защитила диплом на тему «Массмедиа сообществ: опыт классификации (на материале Челябинской области)», в которой были представлены медиа, созданные различными сообществами Челябинска и Челябинской области. Автор выявила, что в регионе действует большое количество таких медиа (гражданских и политических), описала способы их организации, особенности функционирования и контента. Анализ показал, что людей волнуют социальные проблемы, в частности, экологические, которые оказались главными для промышленного региона. В фокус исследования попала экологическая активность сообщества «Стоп ГОК», вызванная деятельностью Томинского горно-обогатительного

¹ *Бережная М. А.* Проблематика социальной сферы в алгоритмах телевизионной журналистики. СПб., 2009.

комбината. В выводах работы говорилось, что степень влияния медиа сообществ находится в прямой зависимости от активности участия граждан. Через полгода, в ноябре 2017 года, в СМИ появилась информация, что с обращением «Стоп ГОК», собравшим 160 тыс. подписей, познакомился президент, который позвонил руководителю организации Василию Московцу и заявил, что разделяет озабоченность активистов движения и согласен с тем, что такие вопросы не должны решаться на уровне администрации, так как затрагивают многих людей¹. Хотя это не означало решения проблемы, но подтверждало выводы исследования: ситуация была взята под контроль на самом высоком уровне.

Петербургская научно-педагогическая школа социальной журналистики зарождалась и развивалась в русле общих потребностей социума и тенденций исследований социальных аспектов функционирования СМИ. Сегодня ее опыт вписан в образовательные программы ВУЗов России. Социальная журналистика, в профессиональной природе которой – объединение общества на основе совместного решения, которая функционирует в формате «и..., и..., и...»², объединяет и исследовательские школы, и образовательные ресурсы. Такова самая главная специфика такой Школы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Марина Александровна Бережная, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой телерадиожурналистики СПбГУ.

¹ Путин позвонил главе челябинского движения «СтопГок» URL: <https://iz.ru/669380/2017-11-10/putin-pozvonil-glave-cheliabinskogo-dvizheniia-stop-gok>.

² *Фролова Т. И.* Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. М., 2003. С. 8–9.

Социальная и профессиональная солидарность в журналистике Петербурга (2017–2020 гг.)

В период пандемии коронавируса слово «солидарность», пожалуй, одно из самых повторяемых. Марафоны поддержки, демонстрация позитивных примеров взаимопомощи, акции по сбору средств для медиков как элемент признания ценности их труда, концерты без зрителей («Мы вместе» – 1 канал, 11 апреля 2020 г.), запуск волонтерского движения «Мы вместе» и продвижение идеи волонтерства как примера социальной солидарности, хештэги в социальных сетях (например, зачеркивание выражения «социальная дистанция» и его замена на «физическая дистанция плюс социальная солидарность») – эти и многие другие действия рефреном эмоционально повторяют мысль о том, что социальная солидарность и есть тот самый спасительный круг, который позволит каждому из нас достойно выйти из непростой ситуации. Особенно сильно актуализировалась солидарность на местном и локальном уровне, в контексте своего города, района, близкого круга окружения.

Действия по солидаризации имеют разный характер и причины: от отработки «заказанной» органами власти повестки (например, снятия эмоционального напряжения и создания ощущения контроля за ситуацией) до формирования чувства сопричастности и привлечения сторонников при выполнении тяжелых рискованных работ. Оставив в стороне размышления о том, насколько легко или сложно объединяться против «общего врага», да еще и такого как вирус, попробуем взглянуть на феномен солидарности с исследовательской точки зрения и с фокусом на петербургской журналистике.

Научные школы разных стран фокусируются вокруг трех традиций, связанных с пониманием солидарности: дюркгеймовской («социологическая традиция»), марксистской («конфликтологическая») и интеракционистской (символический интеракционизм и т. п.). У Э. Дюркгейма солидарность связывается с общественным разделением труда, это согласие в обществе без каких-либо кардинальных изменений в нем. У К. Маркса и Ф. Энгельса солидарность рассматривается через конфликт, который объединяет группы с целью революци-

онного преобразования общества. Представители интеракционистской школы акцентируются на знаках солидарности – формах протеста, забастовках и митингах. В работе А. Б. Гофмана проводится еще более тщательный анализ становления и развития идей солидарности¹. Он в частности пытается найти объяснение переменчивости внимания на протяжении истории к теме социальной солидарности в полисемии самого слова «солидарность», в котором отразилась множественность интерпретаций и смыслов.

За весь период истории человечества медиа часто становились одним из ключевых субъектов в формировании солидарности, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» (к примеру, солидаризация против определенной социальной группы). Сегодня петербургская журналистика повторяет традиционные позитивные и негативные маршруты.

Свежим случаем, когда журналистика усилила чувство сопричастности, принадлежности группе, продемонстрировала позитивный пример социальной сплоченности, стал флешмоб #ГазетаЖиви. Его объявили и провели в марте–апреле 2020 года печатные СМИ Петербурга («Аргументы и Факты», «Деловой Петербург», «Комсомольская правда», «Петербургский дневник», «Российская газета», «Панорама ТВ» и «Телесемь»)². Каждый руководитель СМИ делает селфи с журналом и выкладывает его в социальные сети. Организаторы хотели показать, что в кризисной ситуации экономической нестабильности, когда печатные издания оказываются самыми уязвимыми, надо бороться за общее дело, объединиться и поддержать друг друга³.

В то же время говорить о журналистах Санкт-Петербурга как о едином гомогенном тесно сплоченном сообществе не представляется возможным. Группы внутри журналистского сообщества выделяются

¹ Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов / Ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М., 2013. С. 97–167.

² Совместная акция печатных СМИ #ГазетаЖиви // АРС-Пресс. 2020. 20 апреля. URL: <https://arspress.ru/2020/04/20/7281/>.

³ Печатные СМИ Петербурга объявили флешмоб #газетаживи // Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. 2020. 15 апреля. URL: https://spb.sj.ru/spb/piechatnyie-smi-pietierburg?fbclid=IwAR2nM6wX_OeVEukYpeLY4IMQEk2AARTSE0kMjCvcMCAa6e2eX66K3-qevU.

на основе разных идеологических и профессиональных установок¹. Случаи, когда границы внутренних субгрупп размываются, воспринимаются как редкие и уникальные минуты профессионального единения. Условно таким примером можно назвать солидаризацию по делу Ивана Голунова.

Журналист-расследователь работал в «Новой газете», Forbes, «Большом городе», «Ведомостях», РБК, сейчас является специальным корреспондентом издания Meduza. Седьмого июня 2019 года журналист был задержан, а затем арестован. На него было заведено уголовное дело по подозрению в сбыте наркотических средств. Голунов настаивал, что запрещенные вещества ему подбросили. Законность и правовая чистота расследования также были под сомнением. Голунов сообщал об избиении при задержании, в полиции это отрицали. В течение многих часов ему не давали воспользоваться правом на телефонный звонок, затем не пускали адвоката и отклонили ходатайства о взятии смывов с рук и срезов ногтей (которые могли бы доказать, что журналист не контактировал с наркотиками). Резонансное дело приобрело всеобщую огласку и мощную волну поддержки. Ивана оправдали, дело прекратили за отсутствием состава преступления. Освободить невинного человека помогла беспрецедентная общественная кампания, в которую были включены широкие массы, в том числе представители медийных профессий. Более 10 тысяч человек подписали петицию в поддержку Ивана Голунова на сайте Change.org.

Оставляя за рамками данной статьи действия по солидарности в отношении Голунова, все же подчеркнем, что ее локомотивом стали российские журналисты. Председатель редакционного совета «Новой газеты» Дмитрий Муратов подчеркнул, что впервые после 1991 года, после опыта «Общей газеты» и после убийства Дмитрия Холодова, журналисты продемонстрировали реальную профессиональную солидарность². Он же отмечает, что во многом между собой не согласные,

¹ Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе. Общий аналитический отчет по результатам научно-исследовательских работ. М., 2017. С. 59.

² Муратов Д. В эти дни родилась новая технология преодоления цензуры и пропаганды // Журналист. 2019. № 8. URL: https://jrnlist.ru/solidarity-murатов?fbclid=IwAR2sw7kZo2R0b_ZaYzrFP9fenszn-f6RdVIEs0RaY4U_Q1thVEqhZZvNUg.

даже прямые оппоненты с разными политическими взглядами и приоритетами, объединились. Но такая реакция за весь изучаемый нами период произошла лишь однажды. И даже здесь речь не шла о единой консолидированной солидарности.

Так корреспондент петербургского издания «Невские новости» Олег Дилимбетов лишился работы после открытой поддержки Голунова в материале издания «Открытые медиа»¹. В тот же день на страницах «Невских новостей» появилось сообщение за подписью главного редактора издания Тимофея Шабаршина о том, что редакция прекращает сотрудничество с Дилимбетовым после высказывания им личной точки от лица всего СМИ. Шабаршин подчеркнул, что поступок Дилимбетова «идет наперекор политике издания о сохранении нейтральной позиции и соблюдении законодательства России»².

Таким образом, говоря о солидарности в журналистике, нужно понимать, что эта тема относится к разряду гражданских и этических. Последние несколько лет предоставили в наше распоряжение множество примеров проявления и отсутствия журналистской солидарности. Изучение практик позволяет не только обозначить общие тенденции в развитии и трансформации журналистики, но и по-новому взглянуть на состояние профессионального цеха и его роль в современном российском обществе.

Объектом нашего исследования является солидарность в журналистике Санкт-Петербурга в период с 2017 до марта 2020 года, когда общероссийская и местная повестка оказались заполнены тематикой COVID19. Предметом нашего изучения являются солидаризационные практики петербургских журналистов.

Нами уже были предприняты попытки классификации солидарности в журналистике³. Автор предлагал разделять их на инсти-

¹ Корреспондент «Невских новостей» лишился работы из-за публикации в поддержку Голунова // Интерфакс. 2019. 11 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/664773>.

² НЕВСКИЕ НОВОСТИ прекращают сотрудничество с автором после высказывания личной позиции от лица редакции // Невские новости. 2019. 10 июня. URL: <https://nevnov.ru/681356-nevskie-novosti-prekrashayut-sotrudnichestvo-s-avtorom>.

³ *Иванян Р. Г.* Типология практик внутрипрофессиональной солидарности в журналистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 123–129; *Иванян Р. Г.* Идеи

туциональные (инициатором является юридическое лицо) и внеинституциональные (инициаторами являются физические лица или незарегистрированные сообщества), профессиональные (ориентированы на сообщества медиа работников) и социальные (ориентированы на «внешний круг» – социальные организации, людей и т. д.). В предыдущих публикациях автора также подчеркивалось, что актуализация тематики журналистской солидарности происходит чаще всего в минуты «побед», «мобилизации» или «поражений».

Мы выделяли различные формы солидарности:

- связанные с привлечением внимания и заступничеством в конфликте с государством, работодателем (принятие публичных заявлений в защиту конкретных журналистов, мониторинг ситуации, связанный с ущемлением прав и свобод журналистов, индивидуальное заступничество, письма поддержки коллегам, находящимся в трудной ситуации, сбор средств, юридическое посредничество, одиночные пикеты, обнародование информации, привлечение внимание и просвещение, прямые действия, демонстрация личностного участия);

- связанные с увековечиванием памяти о погибших, умерших журналистах (акции, мемориалы и доски памяти, сборники воспоминаний). К этой категории можно отнести соболезнования и «оплакивания горя» в социальных сетях, премии, названные именами умерших журналистов и предназначенные для признания и поощрения талантливых представителей профессии;

- универсальные (издание специальных материалов, выпуск теле, радио продукции в знак солидарности (например, в 2010 году была издана специальная газета «Кашинь» в знак солидарности с журналистом ИД «Коммерсантъ» Олегом Кашиным, которого избили); флешмобы (например, флешмоб #SaveOurGuys «Спасите наших парней», в рамках которого в социальных сетях публиковались фо-

гражданской солидарности и медиа: грани пересечений // Медиафера: тенденции и перспективы развития: материалы научно-практической конференции, 2 марта 2017 г. / под ред. А. А. Маркова. СПб., 2017. С.51–55; *Иванян Р. Г.* Практики солидарности «низовой организации» в российской журналистике: попытки классификации // Век информации. Журналистика XXI века: профессиональная идеология для ускользящей профессии / ред.-сост. А. Н. Гришанина, С. Г. Корконосенко; отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2017. С. 62–73.

тографии людей с данной фразой. Проводился в мае 2014 года, когда Национальная гвардия Украины задержала на востоке Украины корреспондентов Lifenews Марата Сайченко и Олега Сидякина).

В настоящий момент эта классификация может быть дополнена и расширена, в том числе и за счет осмысления примеров петербургской журналистики. Но необходимо принимать и условность любой подобной классификации, поскольку случаи могут быть комбинированными.

Практики солидарности, связанные с противодействием давлению на СМИ. Восьмого февраля 2018 года двенадцать редакторов СМИ подали прокурору Петербурга Сергею Литвиненко жалобу на новую редакцию положения об аккредитации СМИ в петербургском парламенте и выступили таким образом против новой процедуры. Документ подписали главные редакторы следующих изданий: «Город-812» Сергей Балуев, АБН Елена Васильева, «Закс.ру» Наталья Гончарова, «Фонтанка» Александр Горшков, «Эхо Москвы в Петербурге» Виталий Дымарский, «Новая газета в Петербурге» Диана Качалова, MR7.ru Сергей Ковальченко, «МК в Питере» Максим Кузахметов, «Медиазона» Сергей Смирнов. Также подписи оставили директор петербургской редакции НТВ Петр Годлевский, руководитель ООО «Кросс-Медиа» Алексей Разоренов и шеф-редактор «Санкт-Петербург.ру» Яна Рубина¹.

Союз журналистов СПб и ЛО принял заявление против нарушения прав журналистов в петербургском Законодательном собрании, усмотрев в действиях петербургского ЗакСа нарушение свободы СМИ и противоречие Положения об аккредитации ст. 29 Конституции РФ и ФЗ «О СМИ»².

Приведенный пример является институциональным, он был инициирован редакциями и юридическим лицом.

Практики, связанные с необходимостью помощи и поддержки. Практики солидарности редакций и сотрудников медийных специальностей по отношению к конкретным журналистам сложно фиксировать, однако некоторые примеры нам все же известны.

¹ Журналисты опротестовали новый порядок аккредитации в ЗакС // MR&.ru. 2018. 8 февраля. URL: <https://m.mr-7.ru/articles/176598/?fbclid=IwAR120SICmm1Jxh2jgO9X35eyRViybDbVdVdGe8tCtSt-BxFixO7fU2r2E1s>.

² Союз журналистов усмотрел нарушение свободы СМИ в действиях петербургского ЗакСа // MR&.ru. 2018. 23 января. URL: <https://mr-7.ru/articles/175556/>.

Например, на одиночные пикеты в поддержку Ивана Голунова в Петербурге пришли главные редакторы и рядовые корреспонденты разных городских и федеральных изданий. «Если мы сейчас не попытаемся что-то изменить, придут за остальными», – говорила заместитель главного редактора «МК в Питере» Катерина Кузнецова. В одиночных пикетах ее сменяли главный редактор издания «Поробрик» Василий Романов, Арсений Веснин («Эхо Петербурга»), журналисты «Команды 29», фотограф MR7 Георгий Марков, главный редактор «Новой газеты» в Санкт-Петербурге Диана Качалова¹. Вектор такой солидарности – «журналист–журналисту».

Есть примеры и институциональной солидарности в отношении конкретного человека по линии «редакция–журналисту». Сюда можно отнести публикации в СМИ, призывающие помочь журналистам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Например, 6 мая 2017 года интернет-газета «Фонтанка» написала о том, что петербургскому журналисту и писателю Михаилу Грушевскому, одному из соавторов известных программ «Зебра», «Вкус к жизни», «По семейным обстоятельствам» и многим другим, нужна помощь. В публикации рассказывается о профессиональном пути журналиста и том, что после инсульта ему требуется финансовая помощь, а также приводятся реквизиты банковской карты, на которую можно перечислить средства².

Практики, связанные с привлечением внимания и заступничеством в конфликте человека с государством. К этой категории относятся практики солидарности с теми, кто находится вне профессионального сообщества. Как пишет обозреватель районной газеты «Острогожская жизнь» Ольга Боткина, «в провинции журналист должен быть чуточку больше, чем журналист. Я часто ощущаю себя в роли духовника: герои очерков зачастую просто исповедуются. Со временем вокруг каждого журналиста образуется определенный клуб единомышленников (а куда здесь еще податься людям). Многие становятся друзьями, забыть

¹ «Свободу Ване» // Лениздат.Ру. 2019. 8 июня. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1155824/>.

² Петербургскому журналисту нужна помощь // Фонтанка.ру. 2017. 6 мая. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/05/06/076/>.

своих героев просто невозможно. Здесь невозможно не дружить со своими героями»¹.

Боткина отмечает такую особенность как черту провинциальной журналистики, однако с этим можно поспорить. По крайней мере, позиция «больше, чем журналист» распространена в петербургских медиа тоже, которые мы к провинциальным не относим. Для нас это примеры практик солидарности журналиста с внешним сообществом, в первую, очередь с героями своих материалов.

Например, многолетняя деятельность журналиста Галины Артеменко (Mr7.ru) всегда была в контексте социальной проблематики. Журналистку отличает особый характер взаимоотношений с героями своих публикаций. Г. Артеменко использует свой социальный капитал, профессиональные и личные компетенции, административный ресурс, связи для оказания помощи тем, кто в ней нуждается. Она отслеживает развитие конкретной истории и жизненного «маршрута» своих героев, осуществляет мониторинг ситуации и почти профессиональный социальный патронаж. Ее публикации эмоциональны, публицистичны, они характеризуются взглядом на ситуацию со стороны «пострадавшего», жертвы – героя, нуждающегося в помощи и защите. Артеменко не проводит границ между личным и профессиональным, часто ссылается на собственные публикации на своих страницах в социальных сетях, просит о помощи, обращается с запросами, привлекает внимание, демонстрируя, таким образом, свою личную заинтересованность и равнодушие к судьбам героям. В правозащитной среде подобную деятельность нередко называют заступничеством, хотя сама журналистка считает, что «всего лишь разговаривает и слушает» своих героев.

Журналистка сотрудничает с рядом петербургских НКО, регулярно освещая их деятельность (например, с благотворительной организацией «Ночлежка»), участвуя в проектах (собирает частные истории для благотворительного фонда «Гуманитарное действие»²), открыто выражает свою симпатию организациям. Однако эмоциональная реакция

¹ Боткина О. В провинции журналист должен быть чуточку больше, чем журналист // Журналистика и медиарынок. 2020. 23 января. URL: <https://www.facebook.com/groups/579473192069002/permalink/3262593040423657/>.

² Благотворительный фонд «Гуманитарное действие». URL: <https://haf-spb.org/living-history/>.

и солидаризация к тексту проявляются при «встрече» с конкретными незащищенными людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, чей доступ к реализации прав человека, в том числе социальных, нарушен или затруднен, а государство не выполняет своих функций гаранта соблюдения прав человека.

Галина Артеменко писала о Косте, который в десять лет получил удар током в 10 тысяч вольт, потерял руку и повредил затылочную часть черепа. После смерти матери банк хотел отобрать у юноши квартиру. Благодаря усилиям журналистки, ее редакции и коллег из МР7.ру, подключившихся редакций «Новой газеты» в Петербурге и НТВ в Петербурге, депутата ЗакСа Бориса Вишневого удалось сделать так, что Косте нашли работу, дали возможность получать второе высшее образование и смогли сохранить за ним квартиру. Сетевое партнерство, горизонтальный нетворкинг не произошли бы без участия журналистов.

Другая история, к которой Г. Артеменко неоднократно обращалась, это история о безработной маме Наташе, у которой органы опеки отобрали детей. Благодаря вмешательству журналистки героине вернули четверых детей, помогли сделать в квартире ремонт и обставить ее мебелью. На своей странице в Фейсбуке журналистка пишет о том, что иногда слов сочувствия недостаточно, нужно оказаться рядом и предложить помощь, даже когда о ней не просят из-за барьеров или чувства стыда.

В нескольких публикациях Галина писала о бездомном Алексее Никонорове¹. Правда про него писали и другие российские и эстонские СМИ. Благодаря portalу DELFI удалось устроить его встречу с генеральным консулом Эстонской республики в Петербурге, написать заявление на восстановление вида на жительство, обратиться в Департамент полиции и погранохраны Эстонии, чтобы помогли найти отца. Артеменко звонила руководителю Центра рассеянного склероза Е. Евдошенко. Она пишет: «Каждый раз, сталкиваясь со сложной ситуацией, я понимаю, что единственный выход – это ручное управление, это

¹ Артеменко Г. Диджей Никоноров мечтает о Таллине // MR&.ru. 2019. 23 мая. URL: <https://mr-7.ru/articles/202648/>; Артеменко Г. Бездомный диджей из Эстонии физически существует // MR&.ru. 2019. 26 ноября. URL: <https://mr-7.ru/articles/211111/>; Артеменко Г. Алексей Никоноров ищет свидетелей // MR&.ru. 2020. 4 февраля. URL: https://m.mr-7.ru/articles/214096/?fbclid=IwAR18ZpZMy_BQk14KuiOP2IDf1fRRhqHTId07EtPnBy4Ta1L6EK0J_N01-8w.

админресурс, а так хочется, чтобы это была просто рутина – выработанный алгоритм помощи»¹.

В своей статье «Почему я пишу о тех, кому плохо» Г. Артеменко излагает свою профессиональную идеологию. Она подчеркивает, что в Петербурге сохранились лучшие традиции российского милосердия, в 1990-е город вобрал в себя «самые передовые европейские технологии помощи для облегчения жизни страдающих людей», стал передовым регионом в России, помогающим бездомным, людям, живущим с ВИЧ, наркозависимым. «В Петербурге милосердие стало просто обычной рутинной историей. Потому что у нас, не смотря на все издержки текущей политической ситуации, остались неприкосновенными понятия милосердия, сострадания и любви к ближнему».

Галина подчеркивает, что ее тексты – это не просто истории сострадания. Она видит в них инструменты по изменению социума, общества в сторону справедливости, взаимной поддержки, активного участия, внимания к индивидуальности. «И мы остаемся в этом поле – помощи, сострадания, принятия. Пишите, звоните. Мы рядом», – заканчивает свой профессиональный меморандум Г. Артеменко.

В деятельности журналистки отчетливо видно соединение журналистики с активизмом и социальной работой, которое обычно традиционно оценивалось в профессиональной среде как отступление от этических норм, однако сегодня получает все большее распространение².

Если в ситуации с Г. Артеменко речь чаще всего идет о солидарности с отдельными людьми, то другой пример, Натальи Шкуренко, показывает, как журналист может быть солидарен с организацией и/или общественно-социальным проектом. М. А. Бережная считает, что журналистское участие в подобных проектах заключается не только в информационном сопровождении: журналисты становятся активной движущей силой идей и ценностей, включая их в собственную профессиональную идеологию³.

¹ Артеменко Г. Почему я пишу о тех, кому плохо // MR&.ru. 2019. 5 декабря. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/220095285>.

² Бережная М. А. Социальные темы как катализатор профессиональной идеологии в журналистике // Век информации. 2017. № 1. С. 29–38.

³ Бережная М. А. Социальный активизм в журналистике: воспитание содействием // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. М., 2017. С. 462–468.

Наталье близка тематика, связанная с преступлениями сталинского режима, Большого террора. По факту сейчас Наталья не работает журналистом, поэтому ее единственной трибуной выражения являются социальные сети. Это один из индикаторов современного времени, когда журналист теряет редакцию в качестве официального места работы, но применяет свои профессиональные компетенции в онлайн на своих страницах в социальных сетях.

Когда в конце 2016 года был арестован исследователь массовых захоронений времен Большого террора, руководитель карельского отделения общества «Мемориал», историк Юрий Дмитриев, Наталья ездила на суды и выражала свою поддержку и несогласие с обвинением. Н. Шкуренко активно участвует в проекте «Последний адрес» и согласовывает адреса, по которым вывешиваются таблички с именами репрессированных людей, некогда проживающих в этом доме¹ (например, Льва Борисовича Беккермана²). На своей странице в сети Фейсбук Наталья вывешивает фотографию репрессированного жителя дома, подробно описывает судьбу героя, а также сложности в увековечивании его памяти, в том числе и связанные с сопротивлением современных жильцов иметь на своей стене подобную табличку. Отвечая на комментарии под постом, Наталья выстраивает важный диалог о противоречивости истории, об исторической памяти, о диалоге поколений, о покаянии, о роли репрессивного государства в судьбе личности.

Примером солидарности журналистики с организациями, активными в социальной сфере, стал проект «Истории сильных людей» портала Littleone, журнала Story, фонда «Подари мне крылья». Они решили собрать документальные рассказы о людях, которые вышли победителями в схватке с тяжелыми обстоятельствами и достигли своих целей. Пользователи могли описать свою или чужую историю на форуме Littleone³. Активное участие в работе проекта принимала петербургская журналистка Шекия Абдулаева.

¹ Мемориальный проект «Последний адрес» // Фонд Последний адрес. URL: <https://www.poslednyadres.ru/about/>.

² Шкуренко Наталья. Facebook. 2019. 21 апреля. URL: <https://www.facebook.com/shkourenok/posts/10210800213999830>.

³ Littleone. URL: <https://forum.littleone.ru/showthread.php?t=8086133>.

Четвертый пример солидарности журналистов, который мы приведем, относится к институциональной форме. Он связан с делом «Сети» (организации, запрещенной на территории Российской Федерации). 10 февраля 2020 года были осуждены молодые люди из Санкт-Петербурга и Пензы на тюремные сроки от 6 до 18 лет. Осужденные много раз сообщали о пытках, с помощью которых были получены признательные показания. Петербургский журналист Татьяна Лиханова изучила 75 томов уголовного дела и материалы экспертиз и пришла к выводу, что для получения показаний применялось насилие, причем не только к подсудимым, но и к свидетелям. Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области посчитал, что осужденные не совершили никаких реально опасных деяний, и потребовал от Генеральной прокуратуры провести проверку материалов дела и законности вынесения приговора по этому делу.

Резюмируя, подчеркнем, что практики журналистской солидарности, связанные с привлечением внимания и заступничеством в конфликте человека с государством и законом, могут быть и индивидуальными, и коллективными.

Практики, связанные с привлечением внимания и заступничеством в конфликте журналиста с работодателем. Последние годы также продемонстрировали примеры журналистской коллегиальной солидарности при защите от работодателя и цензуры. Так, например, Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области выступил с заявлением в поддержку Марии Карпенко, петербургского журналиста, с которой ИД «Коммерсант» расторг контракт. Причиной стало ее авторство в телеграм-канале «Ротонда».

Представитель ИД «Коммерсант» утверждает, что причиной расставания с журналисткой стал тот факт, что она работает на два медиа. Как написала Карпенко, глава ИД Владимир Желонкин объяснил, что ее деятельность в «Ротонде» является «активизмом, несовместимым с журналистским статусом», а публикуемая там информация не соответствует редакционной политике «Коммерсанта». Однако многие считают, что увольнение является прямым следствием недовольства чиновников различного уровня тем, как авторы канала освещают политическую ситуацию в Санкт-Петербурге.

Практики, связанные с конфликтом внутри журналистики. Подобные ситуации, пожалуй, лучше других демонстрируют неоднород-

ность журналистского сообщества. Чаще всего они отражают солидаризацию одной части журналистского сообщества против другой.

Так, например, Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области придал огласке случаи угроз и развернутой в интернете кампанией по травле журналиста-расследователя Дениса Короткова. Денис Коротков – неоднократный лауреат и обладатель звания «Журналист года – 2017», главной журналистской премии Санкт-Петербурга «Золотое перо».

Интересный пример институциональной солидарности был продемонстрирован в адрес депутата Петербургского парламента Бориса Вишневого, обвиненного Федеральным агентством новостей и каналом «Россия 24» в «растлении малолетних». Ряд СМИ, входящих в Медиагруппу «Патриот» (глава Попечительского совета – Евгений Пригожин) или неформально имеющих к ней отношение, распространили о нем информацию, порочащую честь и достоинство.

Санкт-Петербургский ПЕН-клуб опубликовал заявление, осуждающее травлю политика и правозащитника. ПЭН-Москва и Ассоциация «Свободное слово» полностью разделили возмущение своих коллег¹. Петербургские журналисты также обратились в Общественную коллегию по жалобам на прессу². Присоединившийся Секретариат Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области подчеркнул, что «подобными публикациями сотрудники данных СМИ не только дискредитируют себя, но и ставят свои медиа вне профессии. Участие в тиражировании подобной дезинформации не совместимо... со статусом журналиста»³.

¹ Литераторы и журналисты поддержали Бориса Вишневого // Новые известия. 2019. 22 ноября. URL: https://newizv.ru/news/society/22-11-2019/literatory-i-zhurnalisty-podderzhali-borisa-vishnevskogo?fbclid=IwAR3v3XC5YffKP7f6vuOSkRg3Te4Nj3j0Gp68BvGr_KZiYM4VVUslm1Zt1zE.

² Петербургские журналисты обратились в Коллегию по жалобам на прессу из-за травли Вишневого // Лениздат.Ру. 2019. 22 ноября. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1156536/>.

³ Заявление Секретариата Союза журналистов СПб и ЛО // Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. 2019. 10 ноября. URL: <https://spb.sj.ru/novosti-soiuza/zaivlieniie-siekrietariata-10?fbclid=IwAR1LB7XeMcFIFobOmcFEE143jLF6UhJu7b2XXdP5-ZH3DWuWrjf6npQXlc>.

Практики, связанные с увековечиванием памяти о погибших, умерших журналистах. Распространенной формой выражения солидарности этого типа являются посты в социальных сетях в случае ухода коллег из жизни. Назовем ее неинституциональной солидарностью по вектору «журналист–журналисту». Как правило, в эти минуты наиболее активны коллеги, работавшие или сотрудничавшие с усопшим. Кто-то берет на себя роль первичного информатора, источника, сообщающего о печальном событии. Отмечая других пользователей сети, информатор обозначает некоторые границы сообщества.

В своих комментариях и постах журналисты вспоминают о совместной работе с усопшим, вывешивают фотографии, выражают эмоции, связанные с первичными фазами горевания (оцепенением, неприятием, отрицанием, отчаянием, гневом), предлагают сбор средств пользу семьи, сообщают об организационных моментах, связанных с похоронами и другими процедурами. Например, пост о смерти журналиста Стаса Пылева на странице его коллеги Кирилла Теплякова от 6 августа 2017 года набрал 50 комментариев, 54 выражение эмоджи и 9 расшериваний.

К этой же категории мы относим практики солидарности по увековечиванию памяти о погибших журналистах. Например, возле здания факультета журналистики СПбГУ на 1-й линии Васильевского острова предполагалось открыть Сквер памяти погибших журналистов¹. В 2017 году была учреждена премия для журналистов имени Антона Губанкова, государственного чиновника и петербургского журналиста, погибшего во время крушения самолета в Сочи.

Анализируя приведенные примеры, можно сделать следующие выводы о современном состоянии солидарности в контексте журналистики. В настоящее время происходит актуализация дискурса ценностей журналистики как профессиональной деятельности и социального института. Появляются новые «герои» и «антигерои» – журналисты, чьи модели поведения в наибольшей или наименьшей степени отвечают профессиональным ценностям. Солидарность становится одним из важных компонентов профессиональной идеологии.

¹ В Петербурге откроют сквер погибших журналистов // Карповка. 2017. 22 февраля. URL: <https://karpovka.com/2017-02-22/v-peterburge-otkrojut-skver-pogibshih-zh/>.

Внутрипрофессиональная солидарность в журналистике часто связана с необходимостью защиты представителей медийного цеха, за исключением случаев, когда речь идет об увековечивании памяти. Но при этом журналистское сообщество не является гомогенным. Говоря о профессиональной солидарности, необходимо выделять субгруппу, которая ее выражает, и понимать, что будут проявляться солидаризационные практики и «по ту сторону баррикад». Неясен и вопрос о том, насколько выступления и заявления, исходящие от должностных лиц структур (например, Союза журналистов Санкт-Петербурга и ЛО) отражают настроения и мотивы редакций и журналистов.

Солидаризация происходит ситуационно, при этом некоторые случаи и темы вызывают большой отклик, в то время как другие проходят практически незамеченными. Так, например, в изучаемом периоде практически никак не представлены гендерная и поколенческая солидарность. Солидарность с маргинальными группами также не проявлялась.

Обобщая описанные кейсы, можно выделить следующие формы проявления солидарности с журналистами:

- онлайн и офлайн акции поддержки;
- сборы подписей в поддержку или с протестом;
- запуск хэштегов и флешмобов в Интернете;
- открытая поддержка в медиа известных людей и публичных фигур;
- обращения в органы с запросами и требованиями;
- митинги и одиночные пикеты;
- сбор средств на оплату штрафов и судебных издержек;
- замена на сайтах изданий фотографий черными заглушками и другие эксперименты с визуальным оформлением изданий.

Список современных солидаризационных практик постоянно расширяется, но очевидна тенденция переноса практик солидарности в онлайн-среду. Интернет-сообщества и паблики (например, Информационный портал медиасообщества Северо-Западного региона Лениздат) выступают с сообщением о кейсе и публикует солидаризационные выступления. Расшеривания, комментарии в социальных сетях, лайки воспринимаются как акты солидарности, но при этом остается откры-

тым вопрос, насколько интернет-солидарность отражает или взаимосвязана с офф-лайн солидарностью.

Солидаризация носит ярко выраженный эмоциональный характер, что может подвергать проверке основные принципы журналистики на прочность. Ощутимо медийное выстраивание «черно-белой» повестки, рассмотрение конфликтных ситуаций в ограниченных категориях: жертвенности/героизации и агрессивности. Профессиональная солидарность приобретает публицистическую окраску, при этом возможен сознательный или бессознательный отказ от сбалансированного освещения конфликта между индивидом и государством или работодателем и работником, в которых обе стороны имели бы равные возможности.

Результатом журналисткой солидарности может стать общественный протест, формирование социального движения, мобилизация ресурсов и сил для консолидированных действий. Журналистика способствует росту и сама является частью низового активизма. Такая ситуация возвращает нас к роли журналистики как катализатора демократических преобразований.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Рузанна Гургеновна Иванян, кандидат политических наук, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

В зеркале экрана

На глазах одного поколения, правда, сейчас представленного уже сильно пожилыми людьми, прошло зарождение ТВ как канала СМИ, становление его специфики и арсенала выразительно-изобразительных средств, системы ведущих-нюсмейкеров, высыпающих на информационное поле боя тонны информационного продукта и определяющих не только пространство, но и его динамику, и контуры поля боя.

Ленинградское ТВ первым в стране, которое с июля 1938 года начало регулярное вещание. Формировалось лицо нового СМК, его специфика, оригинальные выразительно-изобразительные средства. Телевизионная наука шла по пятам, выявляя все новое, заметное, эффективное, подлежащее подражанию и распространению. Надо заметить, что ленинградское вещание представляло большой интерес для теоретиков, являясь внекатегорийным, отличаясь своеобразием, интеллигентностью, сдержанностью и благородством форм, культурой вещания и поведения телеперсонажей в кадре.

В 1975 году в Ленинград прибыли звезды практики и теоретики эфира С. А. Муратов и Г. А. Фере. Целью их исследовательских и творческих интересов был новаторский «Горизонт» – первая в стране Главная редакция вещания для молодежи. Результат их визита – книжка «Репортаж с линии “Горизонта”», собственно, не представляла собой научное издание. Это изрядно беллетризованный, в свободной манере, занимательный репортаж о жизни и творчестве питерских телевизионщиков. Но, тем не менее, страницы этого репортажа позволяли сделать глубокие выводы. О несомненно репортажной природе ТВ. О синхронах, восходящих к Дзиге Вертову, но прибавивших на новой аппаратуре живой связи «человека в кадре» – и с микрофоном, и с аудиторией. О новых видах «обратной связи» «Горизонта» с молодежной аудиторией, переключавшихся с «Делегатскими собраниями» Театра юного зрителя. Уловили москвичи и огромный объем организационной деятельности питерских молодежных тележурналистов. Поистине гигантский «закадровый» труд – создание и руководство летними оздоровительными лагерями «трудных подростков». Результаты столь

деятельных забот, безусловно, попадали на экран. Но какова была та самая «закадровая» нагрузка, бескорыстный подвижнический труд? И зримый педагогический результат?

Книга одного из зачинателей советской телевизионной журналистики и одного из первых ее теоретиков А. Я. Юровского «Телевидение – поиски и решения» (М., 1975) – своеобразная сжатая и емкая телевизионная энциклопедия. Четко прочерчивается в ней весь путь развития телевизионного искусства и публицистики – от первых смелых опытов Московского и Ленинградского экспериментальных телевизионных центров до «космовидения» – репортажей из космоса, до системы «Орбита» (и программ, передаваемых по ней), до многосерийных фильмов и среди них таких монументальных эпических полотен, как документальная «Летопись полувека», до телероманов с продолжением, приковывающих к экранам треть страны...

А. Я. Юровский решительно разграничивает понятия «телевизионная журналистика», «публицистика», «искусство», разделяя все вещание на публицистическое, художественное, учебное (это не значит, что не может быть пересекающихся и взаимопроникающих телепроизведений). Тем самым автор исследования снимает многие путаные рассуждения о «телевизионном искусстве» применительно к интервью, беседе, репортажу. Не кажется излишней и неуместной в гуманитарном исследовании глава о развитии телевизионной технике. Во-первых, в ней собраны и систематизированы сведения, до того разбросанные по многочисленным изданиям. Во-вторых, история развития телевизионной техники дается в тесной связи с историей освоения все новых и новых выразительных средств телевещания, форм телепередач.

Телевещание 1930-х годов, которое не столько смотрелось, сколько слушалось радиолюбителями, несло, по мысли Юровского, идею телевидения, заложило чуть ли не все технические и творческие основы ТВ, способствовало последующему бурному развитию нынешнего ТВ. Следует заметить, что А. Я. Юровский впервые ввел в научное обращение интереснейшие факты из опыта телевидения Ленинграда до войны и в послевоенные годы. Страницы книги, посвященные ленинградским работам, явились, по существу, первым, довольно исчерпывающим очерком истории ЛенТВ.

И учеными нашего города, и ленинградской промышленностью многое сделано для развития телевизионной техники. А ленинградская школа профессора П. В. Шмакова, по существу, основала сегодняшнее электронное цветное вещание. Большой вклад в развитие каналов ТВ внесли также технические и творческие работники ЛСТ. Именно в нашем городе на маленькой (24 кв. м) опытной студии в саду Дзержинского была сделана попытка выявить специфику «живой передачи» (выход в кадр диктора, ведущего). Первым же передачам была придана публицистическая тональность, велись поиски оформления, выпущены первые телегазета и тележурнал.

В Ленинграде был осуществлен первый в стране внестудийный телерепортаж – показ первомайского парада и демонстрации на Дворцовой площади в 1948 году. Кроме того, ленинградцы поставили первую телеоперетту (Ж. Оффенбах «Лизетта и Филидор», режиссер И. Ермаков), первыми выпустили развлекательную программу «Телевизионный театр миниатюр» и поставили детскую оперу («Зайкин дом», композитор Ю. Вайсберг), первыми сделали постоянными участниками программы кукольных персонажей, привлекая к сотрудничеству театр марионеток Евг. Деммени. На ЛСТ создан был первый многосерийный документальный фильм «Солдаты Отчизны». А в сентябре 1964 года ленинградские телевизионщики первыми начали вещание на третьей кнопке – «Учебный канал».

Пришла пора вступить на пространство виртуальной сцены экрана и своим, питерским критикам, теоретикам-исследователям, выращенным под недобрый островным дождиком на свежем невском ветру.

На кафедрах ленинградских вузов были защищены первые диссертации. Кафедру телерадио факультета журналистики ЛГУ подпирали телекафедры Театрального института, Института кино и телевидения, Высшей профсоюзной школы культуры. Теория, история, методика – кафедры занимались всем и несли довольно серьезную нагрузку. Однако постепенно складывались небольшие творческие группы, объединяющиеся вокруг отдельных тем, направлений – стилистика текстов, детская журналистика, проблемы телерадиоведущего и его мастерство... Обширнейшие исследовательские пространства!

Кандидата филологических наук, доцента Л. А. Рукавишника живо интересовали проблемы «обратной связи». Он стал певцом «об-

ратной связи», изучая ее по материалам разных телеработ и активно внедряя в студенческие учебные передачи. Он выявлял до шести каналов этой самой связи, действующих в режиме прямого вещания, либо идущих в записи. И учтите, что все это было до сегодняшней мобильной связи. С обычной ТВ-связью, выносными микрофонами на толстых шнурах, с телефонии, в лучшем случае, по чрезвычайному заказу в салоне микроавтобуса (передача «Телекурьер»).

Сначала доцент Рукавишников подготовил сборник материалов, анализирующий связь редакций и студий с аудиторией («Проблемы журналистики», вып. 4. Л., 1972). В книгу, по кафедральной традиции, непременно были включены работы студентов. В данном случае, слушателей семинара Рукавишникова. А впоследствии выпустили брошюру «Обратная связь». Она служила научным обоснованием и методическим указанием функционирования каналов связи с аудиторией – от мобильных и компьютерных до благородно-архаичных, в традициях ленинградского тюзовского делегатского собрания.

За дело взялись опытные редакторы, журналисты, театральные и кинорецензенты. Материалы, накопленные радиоредактором и рецензентом «Ленинградской правды» Т. А. Марченко, вылились в конечном счете в докторскую диссертацию о радиотеатре.

По своеобразию эстетики Т. А. Марченко разместила радиотеатр, сложившийся к тому времени (1960-м годам), между театром и ТЕЛТЕАТРОМ, который складывался тогда – широко, объемно, разветвленно. Радиоосновы расширили его опоры, ввели новые понятия, компоненты действия, особенности драматургии. Скажем, музыка стала не только «музыкальным оформлением». Но также театральным занавесом, кулисами, декорацией, реквизитом и еще бог знает чем... Отталкиваясь от спектаклей радиотеатра, где сама Т. А. Марченко была подчас редактором, критикесса перешла к тщательному, скрупулезному анализу произведений телетеатра, тем более, что выпестованный на ТВ особой стати ленинградский телетеатр далеко не все свои произведения смог записать, многие выдающиеся спектакли шли в эфир живую, чуть ли не однократно.

Театр врвался в вещание, сливался с документом, научно-популярной и познавательной передачей. Даже в назидательной медицинской передаче Е. Яковлевой использовались театральные приемы.

Или даже целые методы, правда, довольно самостоятельные, но, тем не менее, наглядные и запоминающиеся. Так, пронизывая вещание, врубаясь в хронику, документ, репортаж, в живую и острую журналистскую публицистику, театр делает происходящее на экране одним бесконечным параллельным текущим жизненным процессом. И вот эта непрерывность, громадность, вездесущность делает телетеатр феноменом, продолжающим, с одной стороны, трехтысячную историю классического театра, с другой стороны, синтезирующим все наличие технико-технологических новаций и взаимоусвояемость многоканальных (радио, кино, эстрада, музыка) искусств и ремесел. Изучению этого увлекательного процесса и посвящены насыщенные пульсирующей радиотележизнью труды исследователя Т. А. Марченко.

Далее время рассказать об еще одном блистательном редакторе ленинградской телевизионной литературной драмы – Р. Д. Копыловой. Две остроумные изящные книжки – «Контакт» (М., 1974) и «Кинематограф плюс телевидение» (М., 1977) – содержат проникновенные формулы тогдашних взаимоотношений двух экранных муз: кино и ТВ. Возьмем ее размышления о присущем именно телевизионному экрану принципе многосерийности. В телевизионные серии мы, аудитория, включаемся – почти подобно тому, как они сами (серии!) включаются в программу, в сетку теледня. То есть, сюжет «идеального» телевизионного сериала отражает непосредственный ход времени, включается, прямо или опосредовано, в текущую «повестку дня». ТВ – да, это кино. Но кино, «растянутое» настолько, что оно обретает новые качества, становится телевидением, сохраняя и свои родовые киноособенности, понемногу обретая еще и родовые, уже телевизионные.

ТВ как вид экранного творчества (и документального, журналистского) утверждает себя на стыке многих крайностей. И полагать, что кино растворяется в телевидении, или, напротив, телевидение является лишь преемником «десятой музыки», – значит игнорировать эту плодотворную для искусства диалектику. Р. Д. Копылова отмечала, что ТВ в своем обращении с аудиторией поощряет персонификацию собеседника, культивирует устную речевую коммуникацию. Но это лишь самые прямые и приметные воплощения собеседнического начала на ТВ. Круг воздействия телеэкрана значительно шире. В телевидении присутствует нацеленность на диалог, даже полилог со зрителем. Со-

беседничество с самой широкой и многообразной публикой в общем смысле детерминирует и сам способ повествования, сюжетосложения, определяет преобладание «открытых» форм, конструкций незавершенности, которые включают зрителей в цель «развивающихся форм лица-действия», делают его неравнодушным участником происходящего на экране.

В ряду исследователей ТВ выделим В. А. Саруханова – кораблестроителя, художника, драматурга и автора передач, профессора Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. Автор пьес и сценариев, режиссер-постановщик театральных и телевизионных спектаклей, а также видеофильмов, автор книг и статей по различным творческим проблемам, помимо прочего является создателем огромного четырехтомного труда «Азбука телевидения». Эти тома выпустило в 2005 году издательство «Всемирное слово», которое возглавлял бывший главный редактор ленинградской телевизионной литдрамы Ю. В. Коробченко. Еще раньше, в 2002 году, московское издательство «Аспект-пресс» выпустило как бы сжатый тезисный вариант толстенных томов Саруханова. Это действительно всесторонняя азбука, но азбука для высшей школы, энциклопедия. Уже хотя бы введение на три четверти объема книг Саруханова эксклюзивного ленинградского материала делает солидный вклад в изучение обозримого телевизионного пространства.

Саруханов – мастер крутых и отчаянных выводов. Например, таких. Когда включилось телевидение, вчистую случился проигрыш американцев в войне во Вьетнаме. Политическая элита должна вывести ТВ из сферы политической борьбы. Государственное управление ТВ неэффективно – чиновник не заинтересован в качестве.

Отдельный том был отдан под словарь соответствующих терминов, что способствовало расширению исследовательского радиокинотелевизионного поля. И в практической деятельности, и осмысляя телетворчество в теоретическом плане, Саруханов много работал, создавая образную систему в документальном и в художественном вещании. Образность – это режиссерское исполнение задуманного всеми участниками программы, она охватывает все компоненты телезрелища. К сожалению, автор не успел в полной мере систематизировать и проанализировать громадный привлеченный к изучению материал.

Продолжить подобным же образом работу, включая сегодняшние достижения и неудачи электронных СМИ – задача, достойная выполнения последователями.

Перейдем к деятельности кафедры телерадиожурналистики СПбГУ и ее сотрудников. Всесторонне изучая работу Ленрадио и ЛенТВ, кафедра, естественно, вела основной исследовательский поиск в недрах вещания ленинградских-петербургских студий. Уникальный опыт радио и телевидения Ленинграда-Петербурга, технико-технологические новации, творческие достижения, этапы становления, повышение роли радио и ТВ в общественной и политической жизни региона, место в культурном пространстве северной столицы – все эти вопросы заслуживают пристального изучения исследователями, учебно-методической проработки, а также усвоения, восприятия и использования практиками в повседневной работе этого богатейшего опыта.

Ныне это становится вдвойне и втройне важным, Во-первых, петербургские каналы стали все чаще обращаться к накопленному творческому опыту прошлого, радио «Петербург» создало девятичасовой диск с блокадными записями, «5-й канал» обращается к ленинградским фильмам и передачам, канал «Санкт-Петербург» фокусирует пристальное внимание на исторических темах, используя архивные пленки. Во-вторых, питерские каналы предпринимают неоднократные и упорные попытки вернуть прежнее влияние, вещательное пространство, авторитет и былую славу на федеральном уровне.

Необходимо осознавать, что радиотелевещание в нашем городе развивалось в теснейшей связи с реалиями и достижениями театральной и музыкальной культуры, с развитием кинематографа и дизайна, с просвещением и популяризацией науки, промышленных достижений, освоением северных и восточных пространств – всем тем, чем славится наш город, чем известен он миру, полезен стране. Все это не только отражало, а словно бы впитывало, использовало, синтезировало сначала радиовещание, а затем ТВ. Все это отличало и наполняло особой весомостью ленинградские-петербургские эфиры, проявляющие себя с удвоенной концентрированностью, собранностью, творческим потенциалом в знаковые для народа и страны, переломные времена: в годы первых пятилеток, в суровые годы блокады, в первое перестроечное десятилетие.

В работах М. А. Бережной, С. Н. Ильченко, В. П. Летуновского, О. Ф. Майдуровой, Е. П. Почкай, Ю. В. Ключева, С. Ю. Агапитовой всесторонне освещены новаторские проявления в передачах, многочисленные и изобретательные каналы связи с публикой, аспекты появления и проявления личности у микрофона, на съемочной площадке, в студии. Многие публикации в периодических сборниках СПбГУ, в монографиях и учебных пособиях раскрывают общую картину кропотливой и последовательной работы, отражающей на домашнем экране и в радиоустройствах жизнь города и страны.

Творческие усилия кафедры объединены вокруг двух сборников очерков истории радио и ТВ нашего города и Дома Радио на ул. Ракова, ныне Итальянской. Это книги: «Эфир на фоне эпохи» (СПб., 2013) и «Телерадиоэфир Ленинграда-Петербурга: время и люди» (СПб., 2014). В коллективных кафедральных сочинениях впервые достаточно полно излагается история ЛенТВ и Ленрадио, включая и подвижническую блокадную. В работах присутствует критический разбор функционирования сегодняшних, уже петербургских телерадиоструктур. В сборниках очерчены исторические рамки, выработаны схемы, определяющие вехи развития и особенности каждого из этапов. В ткань повествования вводится серия интервью с заметными фигурами питерской электронной музыки, создана серия творческих портретов звезд, знаковых фигур радио и ТВ, чьи произведения разных жанров уже стали хрестоматийными.

В 75-ую годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне нельзя не вспомнить об исторических работах небольшого творческого коллектива, изучающего блокадный подвиг сотрудников Ленинградского радио. Помимо сборников материалов и воспоминаний на счету у группы исследователей полтора десятка публикаций, пять дипломных работ, два десятка курсовых, кандидатская диссертация, три фильма, один из которых удостоен «Золотого пера», главной премии Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Три автора – Т. В. Васильева, В. Г. Ковтун и В. Г. Осинский написали монографию «Позывные мужества». По крупницам собран в ней совершенно бесценный и уникальный опыт Ленинградского радио в годы Великой Отечественной войны. Оно работало на разные аудитории – на жителей города, включая молодежь и детей. На его за-

щитников – воинов фронта и моряков Балтики. На зарубежных слушателей – ленинградский эфир говорил с ними по-немецки и по-фински. Радио называли нитью жизни. Книга снабжена полуторачасовым диском, где записаны блокадные репортажи и интервью, песни тех лет в тогдашнем исполнении, сигналы воздушной тревоги и отбоя... Звуки войны и ликования Победы.

Нынче набрался материал об искусстве во время осады: о блокадном цирке, о Театре оперетты, единственном, который не эвакуировался. Готовится новое издание «Позывных мужества». Пишутся новые страницы истории и современности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Владимир Георгиевич Осинский – (1935–2020), кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой радио и телевидения ЛГУ–СПбГУ (1983–2001).

Исследования экранной документалистики: фокус и ракурсы

В фокусе киноведения. Документальное кино началось с безыскусно снятых кадров реальности. Фактически это было то, что Дзига Вертов спустя два с лишним десятилетия определит как «жизнь врасплох». Но уже к вертовским временам, началу 1920-х годов, стало понятно, что художественная практика запечатления реальной действительности ушла далеко от обычной хроники, что этот вид кинематографа таит в себе огромный потенциал, и природа «неигровой фильмы» оказалась на поверку гораздо более сложной и требующей глубокого осмысления с позиций

В Советской России первое теоретическое обоснование специфики документального фильма, опираясь на собственный творческий опыт, попытались сделать Дзига Вертов и Эсфирь Шуб, причем оба ставили во главу угла монтаж как специфическое средство, способное создавать особое экранное пространство и время. В их теоретических работах основное внимание уделено особенностям творческого процесса в работе кинодокументалиста, специфике мышления режиссера документального кино, а также элементам творческих и технологических приемов фиксации реальности.

Но это – практики, а теоретики добрались до документалистики спустя целые десятилетия. По понятным причинам не до исследований было в военное и послевоенное время, и наиболее активно изучение природы документального фильма, его родовой сущности началось лишь в 1960–1970 годы. Вначале появляются труды по истории документального кино, в которых обобщается и систематизируется путь, проделанный документальным кинематографом, начиная с момента его зарождения в России. В таких основательных работах, как коллективные монографии – трехтомное исследование «Очерки истории кино СССР» и четырехтомник «История советского кино», а также исследований «Кинематография дореволюционной России» С. Гинзбурга и «Россия. Революция. Кинематограф» В. Листова дана развернутая характеристика основных этапов развития документального кино в до-

революционной России и Советском Союзе, а также освещается становление и развитие различных подвидов и жанров документального кино (кинохроники (в т. ч. в виде киножурнала), кинопортрета, историко-биографического, публицистического, документально-поэтического и др.). Доминирующий в этих работах историко-ситуационный принцип позволил выявить основные тенденции развития документального фильма и проанализировать характер воздействия исторического и культурного факторов на функционирование документального кино.

В 1960-е годы предпринимаются попытки теоретически осмыслить опыт отечественного и мирового документального кино, сочетая сравнительно-исторический принцип исследования отдельных этапов развития документального кино, с выявлением общих и специфических явлений, оказывающих влияние на идейно-тематическую направленность и способы выражения в документальном фильме, с искусствоведческим анализом наиболее значимых явлений в документальном кино.

Одним из первых отечественных исследователей, сумевших с научных позиций и в то же время в доступной для широкой аудитории форме проанализировать проблемы, связанные с созданием и продвижением документального фильма, был С. В. Дробашенко¹. Значительное внимание в своих работах он уделяет одной из центральных проблем документального кино – выражению в фильме *авторской концепции* посредством монтажа и закадрового текста, т. е. «накладыванию» на зафиксированную реальность идейного и художественного замысла. «Кадр документального фильма эстетически нейтрален, – считает С. В. Дробашенко. – Он способен заостренно отобразить то или иное свойство действительности, назначение, суть явления или предмета. Но сам по себе он еще не эстетический элемент. Таковым он становится лишь в совокупности с другими изображениями, лишь заняв место в конструкции, структуре, формирующейся в процессе реализации авторского замысла, в процессе создания всего фильма»².

¹ Дробашенко С. В. Экран и жизнь. О художественном образе в документальном фильме. М., 1962; Дробашенко С. В. Феномен достоверности. Очерки теории документального фильма. М., 1972; Дробашенко С. В. Пространство экранного документа. М., 1986.

² Дробашенко С. В. Феномен достоверности. С. 93.

Работы Дробашенко послужили своеобразным катализатором интереса к проблематике документального фильма среди исследователей, и в 1970–1980 годы в СССР уже сформировалось самостоятельное научное направление киноведения – теория документального кино. Справедливости ради следует признать, что наибольший вклад в развитие данной области научных исследований внесли москвичи. Огромное значение для формирования базовых представлений о документальном фильме – и телевизионном, в том числе – имели в последние десятилетия XX века и начале нового тысячелетия работы С. С. Гинзбурга, С. И. Фрейлиха, Л. М. Рошалья, С. А. Муратова, Г. С. Прожико, Л. Н. Джулай и других столичных авторов¹.

Ленинградско-петербургская школа занимала и занимает место поскромнее, но, тем не менее, работа велась достаточно плодотворно. В научно-исследовательском отделе Ленинградского государственного института театра, музыки и кино, существовавшем с 1963 по 1992 годы, активно работал сектор кино и телевидения, занимавшийся исследованием процессов, происходивших в экранном искусстве. Вопросы истории и теории документального кино в течение многих лет плодотворно занималась Н. Б. Вольман, написавшая ряд книг о ведущих мастерах неигрового кино (Р. Кармене, А. Учителе, Н. Левицком) и основательно исследовавшая «Искусство советской публицистики» (1968). Под ее руководством был выпущен сборник научных статей «Документализм и современное кино» (1985), в котором была представлена панорама отечественного документального кино первой половины 1980-х.

К сожалению, сегодня трудно назвать петербургского киноведа, который посвятил бы себя изучению истории и теории документального фильма. Единственным петербургским изданием, где можно встре-

¹ *Гинзбург С. С.* Очерки теории кино. М., 1974; *Фрейлих С. И.* Теория кино. От Эйзенштейна до Тарковского. М., 1992; *Рошаль Л. М.* Мир и игра. М., 1973; *Рошаль Л. В.* Эффект скрытого изображения. Факт и автор в неигровом кино. М., 2001; *Муратов С. А.* Пристрастная камера. М., 2004; *Муратов С. А.* Документальный телефильм. Незаконченная биография. М., 2009; *Прожико Г. С.* Концепция реальности в экранном документе. М., 2004; *Джулай Л. Н.* Документальный иллюзион. Отечественный кинодокументализм – опыты социального творчества. М., 2005.

тить серьезные статьи об известных кинодокументалистах и о проблемах современного документального кино, был и остается журнал «Сеанс», издаваемый с 1989 года. На его страницах публикуются интервью с ведущими кинодокументалистами, их мнение относительно определенных проблем документального кино. В этом журнале была опубликована статья А. Сокурова «Записки о документальном кино», в которой он рассматривает проблему этики при создании документального фильма и проблемы взаимоотношений автора и документального героя; экологической теме в документальном кино была посвящена статья А. Костылева, а два номера (31 и 32) были объединены одной темой – прошлое и настоящее документального кино. В исследовании разных аспектов экранной документалистики приняли участие известные петербургские киноведы и кинокритики О. Ковалов, М. Трофименков, А. Гусев, В. Степанов и др.

В целом же можно сказать, что в последние годы появился ряд исследований, в той или иной мере освещающих проблемы теории экранной документалистики¹. Среди авторов этих работ и профессор кафедры телерадиожурналистики СПбГУ В. Ф. Познин, опубликовавший в рецензируемых журналах целый ряд статей, посвященных различным аспектам теории и практики современного документального кино (творческим направлениям и основным тенденциям трактовки документального материала; различным проявлениям псевдодокументалистики; особенностям структурно-образного решения фильмов, создаваемых в жанре «коллективный портрет»; проблеме времени как драматургического элемента документального фильма)².

¹ Сычев С. В. Эволюция тенденций развития документального кино- и телефильма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009; Шергова К. А. Эволюция жанров в документальном телевизионном кино: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010; Манскова Е. А. Современная российская теледокументалистика: динамика жанров и средств экранной выразительности: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.

² Познин В. Ф. Современные СМИ: между правдой и вымыслом // Медиаскоп. 2014. № 2.; Познин В. Ф. Документальное кино, XXI век: время подводить итоги // Вестник ВГИК. 2016. № 3 (29); Познин В. Ф. Время в экранной документалистике // Медиаскоп. 2017. № 2; Познин В. Ф. О специфике жанра «коллективный портрет» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. 2018. № 3.

Вероятно, в ближайшее время появятся научные работы, в которых будут основательно проанализированы такие острые проблемы кино- и теледокументалистики, как: выражение идеологической и эстетической концепции автора через организацию изобразительного и звукового рядов документального фильма; проблема экранного пространства и времени в экранной документалистике; документальный экран: этика и эстетика; псевдодокумент: виртуализация и дезинформация и др.

Обучая – изучай: поиски новых ракурсов. Для кафедры радио и телевидения факультета журналистики ЛГУ-СПбГУ изучение документального телефильма стало одним из направлений научно-исследовательской работы в перестроечное и постперестроечное время, когда экранная публицистика обрела небывало мощное общественное звучание. Владимир Георгиевич Осинский, многолетний заведующий кафедрой, активно поддерживал интерес преподавателей и студентов к телевизионной документалистике, а свои собственные наблюдения о развитии документального телефильма он обобщил в работе «Документальный телефильм: Поиски специфики»¹.

Его коллега Г. Н. Петров, не занимавшийся данной проблематикой целенаправленно, высказал, тем не менее, несколько остроумных замечаний о природе драматической композиции и сюжетопостроения в документальном фильме в своей докторской диссертации, а также в монографии «Драматургия телевидения: Проблемы журналистского мастерства и особенности творчества»². Показательно, что в учебнике «Курс радиотелевизионной журналистики»³, написанном уже в 2000-е годы двумя названными исследователями в соавторстве с Т. В. Васильевой, «образной публицистике» и связанной с ней проблематике посвящены несколько проиллюстрированных примерами параграфов.

В 2010-е годы изучение экранной документалистики в стенах теперь уже Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций

¹ Осинский В. Г. Документальный телефильм: Поиски специфики. СПб., 1994.

² Петров Г. Н. Драматургия телевидения: Проблемы журналистского мастерства и особенности творчества. СПб., 1999.

³ Васильева Т. В., Осинский В. Г., Петров Г. Н. Курс радиотелевизионной журналистики. СПб., 2004.

СПбГУ продолжилось – как в традиционном, так и в новом исследовательском ключе. В это время особенно актуальными стали когнитивные подходы ко всякому тексту, в том числе и аудиовизуальному, и переключение на этот доминирующий научный тренд десятилетия определило ракурсы исследовательских интересов как преподавателей, так и студентов кафедры.

Безусловно, серьезным импульсом к активизации изучения публицистического кино- и телетекста в целом стало открытие в 2012 году магистерской программы «Документальный фильм: технология и творчество». Именно в таком качестве проявился вузовский вариант развития, когда необходимость обучения индуцирует научный интерес, становится стимулирующим фактором формирования близких исследовательских ориентиров. Благодаря инициативе руководителя программы профессора В. Ф. Познина, профессора М. А. Бережной, доцентов С. Н. Ильченко, И. А. Кукурина, В. Г. Осинского, Е. П. Почкай, А. А. Пронина, старшего преподавателя И. Н. Апухтина и других преподавателей кафедры телерадиожурналистики, были созданы условия для творческой и научной реализации потенциала тех, кто интересовался документалистикой как особой сферой репрезентации реальности. Можно с уверенностью сказать, что преподавание специализированных курсов и руководство магистерскими диссертациями весьма мотивированных молодых людей пробудили научную инициативу преподавателей, способствовали появлению новых статей, учебных пособий, монографий.

Одним из таких «побочных эффектов» подготовки и реализации магистерской программы стало оформление нового подхода к анализу документального фильма – в русле произошедшего в гуманитарных науках на рубеже веков «нарративного поворота». А. А. Пронин, занимавшийся ранее проблемами сценарного творчества документалистов, обратил свой интерес в сторону нарративной проблематики публицистического кино- и телетекста. Рассматривая документальный фильм с когнитивной точки зрения как публицистический кинонарратив, он в ряде своих работ определил не только специфику структуры такого нарратива, «привязал» к производству документалистики ключевые категории и понятия нарратологии, но и разработал методологию анализа документального фильма как аудиовизуального нарратива. Итогом

этой многолетней работы стали две монографии: «Телевидение как рассказчик» и «Mass-док: презумпция нарративности»¹ и более двух десятков статей, ставших основой докторской диссертации «Документальный фильм как публицистический кинонарратив: структура, функции, смысл». Результаты исследований были успешно представлены на авторитетных площадках, в частности, на ставшей уже легендарной секции «Кино/текст» в рамках Международной филологической конференции СПбГУ.

И это направление не стало уделом усилий исследователя-одиночки! Работа руководимой А. А. Прониным секции «Телевидение как рассказчик» (в рамках Международного форума «Медиа в современном мире. Петербургские чтения») привлекла внимание не только занимающихся нарративной проблематикой авторов-преподавателей СПбГУ, Московского, Саратовского, Томского и других университетов, но и молодых исследователей. Очень важно, что возможность выступить и опубликоваться получили магистранты программы «Документальный фильм: технология и творчество», избравшие направлением своих исследований нарратологию. С докладами в разные годы выступили А. Зыков, Е. Махонин, А. Явбатырова и другие. Можно сказать, что по их стопам двигались и бакалавры, которые в своих ВКР (на их основе делались доклады на конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи») анализировали с позиций нарратологии авторские повествовательные стратегии, композиционно-сюжетную структуру фильмов, коммуникацию автор–рассказчик–зритель и т. п.

Все это позволяет говорить о том, что исследовательский горизонт раздвигается, проблемы аудиовизуальной документалистики рассматриваются с разных научных ракурсов, преимущественно междисциплинарных. Наряду с традиционными подходами, основанными на теории кино и журналистики (тематика, жанрово-форматные аспекты, использование выразительных средств и т. д.), изучение фильма как особого «мира истории», его когнитивных уровней становится устойчивым научным направлением, и прошедший по всем сферам гума-

¹ *Пронин А. А. Телевидение как рассказчик.* СПб., 2016; *Пронин А. А. Mass-док: презумпция нарративности.* СПб., 2017.

нитарных исследований «нарративный поворот» свершился в российском масштабе, начавшись именно у нас, в СПбГУ¹.

Еще один поворот в изучении документалистики произошел в последние годы также в Петербурге. Интерес к новым творческим практикам документалистов, реализуемым в интернет-среде, появился в мире еще начале 2010-х годов, когда громко заявило о себе направление *web-documentary*². В России одним из первых исследователей *мультимедийности* как явления, а также различных форм его реализации, была профессор СПбГУКиТа Н. И. Дворко, ныне представляющая Университет технологии и дизайна. Вместе со своими учениками она занималась как творческой реализацией различных мультимедийных проектов, так и обобщением и изучением этого опыта.

В 2019 году Н. И. Дворко приняла участие и в работе круглого стола «Web-документалистика: как коммуникативная практика “быстро” мира», который прошел в рамках Международного форума «Медиа в современном мире. Петербургские чтения». Отметим, кстати, что данная дискуссия о путях развития аудиовизуальной документалистики в сетевой среде выявила не только перспективы, но и препятствия, которые тормозят этот процесс: и творческие, и технологические, экономические, и административно-правовые.

Конечно, по итогам недавно прошедшего научного события, которое вызвала живой интерес у его участников, невозможно делать хоть сколько-нибудь определенные выводы о происходящем на наших глазах и с нашим участием процессе «дигитализации» документального фильма, его адаптации к интернет-среде и «цифровой» аудитории, их взаимовлиянии. Однако даже фиксация динамики этого еще не сформировавшегося в нечто определенное явления стоит наших усилий.

¹ Отметим, что это направление органично вошло в сформировавшийся благодаря инициативе М. А. Бережной проект НИР кафедры «Эстетика аудиовизуального произведения», что нашло свое отражение в коллективной монографии «Эстетика журналистики» (см.: Эстетика журналистики / под ред. М. А. Бережной. СПб., 2018).

² Дворко Н. И. Современное состояние веб-документалистики // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. науч. форума. Том 2. С. 129; Пронин А. А. Интерактивная web-документалистика: палитра возможностей и рамки ограничений // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. науч. форума. Том 2. С. 136.

Совершенно ясно, что активное включение в предметно-объектную сферу научных интересов как молодых исследователей (студентов разных уровней обучения, аспирантов, практикующих авторов), так и преподавателей новых медийных практик, авторов-документалистов необходимо – поскольку следует не только динамике развития современных медиа, но и пульсу медиаисследований.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Виталий Фёдорович Познин, доктор искусствоведения, профессор кафедры телерадиожурналистики СПбГУ;

Александр Алексеевич Пронин доктор филологических наук, профессор кафедры телерадиожурналистики СПбГУ.

Петербургская медиакритика: трансформация статуса

Понятие «медиакритика» институционально возникло на рубеже двух столетий. Оно вошло в обиход теоретиков и практиков журналистики при переходе отечественной медийной системы из периода «бури и натиска» в эпоху стабилизации, когда были выяснены отношения между СМИ и государством, и по умолчанию каждому из субъектов непростых медиаотношений была определена конкретная статусная роль. При этом стоит заметить, что для становления отечественной медиакритики как сферы профессиональной аналитической деятельности было характерно сужение предметного поля.

На практике данное обстоятельство означало, что объектом критического исследования и анализа стало исключительно телевидение. Тогда как периодическая печать и радио так и не смогли обрести значение для тех, кто пытался отслеживать доминирующие тренды в российском медиапространстве. Кроме того, стоит учитывать и то обстоятельство, что повсеместное внедрение Интернета в систему массовых коммуникаций в практику социума произошло уже в новом веке. Тогда как 1990-е годы характеризуются бурным и хаотичным развитием именно «традиционных» СМИ (печатная пресса, радио, ТВ), из триады которых именно телевидение выдвинулось в лидеры по тому вниманию, которое оказывали ему носители медиакритического знания и сторонники соответствующего внимания.

Заметим, что в Санкт-Петербурге именно в этот период была предпринята попытка начать выпуск специализированного издания, посвященного сфере радио. Но далее выпуска нескольких стартовых номеров идея не «выжила». Отчасти функции медиаинформирования выполняла так называемая «программка» – газета «Радио. Телевидение», где публиковались расписания вещания теле- и радиокompаний, функционирующих на территории города и Ленинградской области. Анализ эфирного контента, в основном, сводился либо к анонсам грядущих программ, либо к кратким рецензиям уже вышедших в эфир, постфактум. При этом в данном издании при двойном названии прио-

ритет отдавался телевизионным программам. Но эта газета была практически единственным печатным изданием, в котором хотя бы подобным минимальным образом освещался радиоэфир.

В 1990-е годы медиакритика еще только зарождалась как некое институциональное явление. И при доминирующем положении телевидения как объекта внимания со стороны тех, кто начал отслеживать его тематические тренды, жанровые трансформации, особенности и оригинальности появляющихся форматов, не говоря уже о бизнесах-моделях, на второй план были отодвинуты более «ранние» СМИ – периодическая печать и радио. То, что они доставляли до своей целевой аудитории в последнее десятилетие XX века, становилось объектом анализа и дискуссий по нескольким мотивам.

Прежде всего, ввиду политической актуальности публикуемых или озвученных материалов. Чаще всего, в связи с персонифицированным характером подобных публикаций. Во-вторых, именно достаточно очевидная бизнес-сегрегация медиа, характеризующая принадлежностью к той или иной экономическо-промышленной группе, определяла возможности и пределы анализа и критики. В-третьих, даже если полемика и возникала в публичном дискурсе, то ее содержанием чаще всего становились опубликованные сенсационные материалы разоблачающего (или обвинительного) характера. Критике подвергалась именно позиция автора, издания, учредителя. И уж никак не форма и не стиль, сопутствующие скандалу (дискуссии).

В немало степени разгулу «войны компроматов» способствовало общая социально-психологическая обстановка в стране и та роль, которую играли в ее создании сами медиа и журналисты. Первыми попытались выйти из этого клинча между СМИ и их критиками московские авторы И. Петровская и А. Вартанов. Однако это были, скорее, исключения, подтверждающие общую тенденцию. Рубежное событие, которое обозначило факт наличия медиакритики в наборе сопутствующих теории и практике журналистике дисциплин, произошло в Санкт-Петербурге, на факультете журналистики СПбГУ.

В 2003 году в диссертационном совете факультета Александр Петрович Короченский из Белгородского государственного университета защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме: «Медиакритика в теории и практике журнали-

стики». Диссертация была подкреплена изданием монографии «“Пятая власть”? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка»¹. Таким образом, было положено начало изучению и развитию этой сферы журналистской деятельности. И если в Москве медиакритика развивалась достаточно динамично, то в остальных регионах и мегаполисах ее становление происходило в значительной степени не столь стремительно. Во многом, ситуацию определяла интенсивность развития регионального медиарынка. В значительной степени процесс освоения медиакритического инструментария синхронизировался с развитием такого направления теории журналистики как медиаобразование. Подобная тенденция наблюдается и сегодня.

Однако то, как происходил и происходит процесс трансформации медийного пространства Санкт-Петербурга, плотно связанного с аналогичным пространством в соседнем субъекте РФ – Ленинградской области, давало достаточно эмпирического материала для появления аналитических, публицистических и информационных материалов на заданную тему.

Развитие медиакритики шло в весьма узком тематическом поле. Так в еженедельном журнале «Итоги» в течение ряда лет публиковались таблицы рейтингов наиболее популярных каналов и телепрограмм России, Москвы и Петербурга. Комментарии к публикуемым данным, как правило, отсутствовали. Тем более, практически не освещалась медийная жизнь северной столицы. Пожалуй, единственным печатным изданием, в котором освещались вопросы функционирования медийного рынка являлась газета «Коммерсантъ». Специфика подхода к этой сфере состояла в том, что материалы публиковались, как правило, на «петербургских» страницах ежедневных номеров федеральных выпусков. Традиционно петербургскую медийную тему вела журналист Анна Пушкарская, которая на этом поприще стала одной из самых известных практикующих сотрудников СМИ, косвенно причастных к медиакритике.

Из иных региональных изданий ситуацию на медийном рынке отслеживали региональные СМИ разной направленности. Так бизнес-издание «Деловой Петербург» уделяло внимание вопросам соб-

¹ Короченский А. П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-н/Д, 2003.

ственности в сфере СМИ. «Глянцевый» журнал «Собака.ru» обращал свой взор на жизнь и творчество наиболее наглядных и узнаваемых медиаперсон. Общественно-политические и морально-психологические аспекты контента освещались на страницах таких изданий как «Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «Смена», «Вечерний Петербург», «Вечернее время», «Петербургский Час пик» и ряде других. Большинство из них по тем или иным причинам объективного и субъективного характера прекратили свое существование и свернули практику выхода печатных версий. Возобновление же «Вечерки» под именем «Вечернего Санкт-Петербурга» не изменило ситуацию в принципе.

Журнал «Город» (впоследствии – «Город 812») в период своей «печатной» жизни пытался возобновить некую традицию медийной аналитики. В том числе и с помощью еженедельных публикаций рейтингов популярных телепрограмм разных форматов, сопровождая эти сведения неким подобием аналитических обзорных материалов. Однако здесь и проявилась существенная проблема медиакритики как научной дисциплины, претендующей на некую теоретическую базу.

Связана эта проблема с чрезмерным субъективизмом и вкусовщиной в оценке тех или иных проблем развития и формирования эфирного контента. Особенно наглядно подобный подход проявлялся в публикациях Михаила Золотоносова, который будучи журналистом, работающим преимущественно в печатных СМИ, экстраполировал свою методику анализа на аудиовизуальные медиа (и, прежде всего, телевидение). Несомненно, такой подход искажал представление о том, чем же должна заниматься медиакритика, в которой традиционно складывались три неравномерных сегмента, отслеживающих развития медиасферы: печатная пресса, радио и телевидение. Первые два оказались фактически на задворках внимания и анализа со стороны практикующих медиакритиков. Последнее стало первым и главным объектом медиакритики в самых разных ее проявлениях и форматах.

В немалой степени этому способствовало насыщение петербургского рынка печатной прессы изданиями формата «телегид», имеющими значительные тиражи по сравнению с газетами и журналами городского и федерального уровня. Издания «Телесемь» и «Панорама ТВ» удовлетворяли, прежде всего, информационную функцию, характер-

ную для всех СМИ. А в случае с телевидением образовывался некий коммуникационный синергетический эффект, кратно увеличивающий интерес и спрос одновременно на самое массовое из всех СМИ.

В определенной степени препятствием к анализу медиаконтента (хотя бы и в телеэфире) становилось экспоненциальное развитие такого канала массовой коммуникации, как сеть Интернет. Интерес к телезрителю в привычном, консервативном варианте – у телеприемника – начал трансформироваться в формат *video-on-demand*. Популярность и бурный рост характеризовал и такой вид восприятия контента как просмотр через различные гаджеты – от смартфона до ноутбука, не говоря уже о стационарных компьютерах. Аудитории становится важным сам факт просмотра популярного сериала, скандальной программы, резонансного *home video*, а уже потом – его возможное обсуждение в виде краткого и энергичного выражения собственного мнения на привычных платформах и ресурсах. Подобное явление, заметим, можно позиционировать как зачаточную медиакритику в статусе любительской оценки увиденного.

Здесь мы вновь сталкиваемся с практическим отсутствием мнений относительно материалов в печатной прессе и радиоэфире. За последние несколько лет мы вряд ли можем назвать хотя бы одно резонансное обсуждение радиопрограммы, вызвавшую бурную дискуссию не только в массовой аудитории, но и в профессиональной среде. Провокативные ток-шоу и эфиры радио «Эхо Москвы» не в счет. Это традиционный формат данного аудиовещателя.

Телецентричное развитие петербургской медиакритики всего лишь отражает и отражало в течение последних полутора десятков лет генеральную тенденцию в недрах общей теории журналистики. Более того, даже один из пионеров исследования медиакритики как подраздела науки о «четвертой власти» А. П. Короченский в последнее время все чаще и чаще позиционирует данное направление изучения медиа как часть или, во всяком случае, аффилированное с более системным и более «раскрученным» направлением, именуемым «медиаобразование». Наш объект описания выглядит на этом фоне как некая прикладная дисциплина, чье функционирование определяется общей потребностью медиасообщества в ситуационной и прагматической рефлексии по поводу и в связи с результатом его творческих устремле-

ний и реального создаваемого контента, который распространяется по каналам массовой коммуникации. Элементы медиакритики и ее проявления мы можем обнаружить как раз в практике тех СМИ, чья редакционная политика настроена на анализ общей медийной ситуации. Можно сказать, что в подобной ситуации мы имеем дело с реализацией парадигмы «медиа о медиа».

В петербургском медиaprостранстве роль «критиков СМИ» взяли на себя некоторые сетевые ресурсы – Fontanka.ru, Lenizdat.ru, Zaks.ru, Interessant. При этом каждый из них оказался не свободен от издержек, связанных как с позицией и взглядами самих хозяев и учредителей, так и тех журналистов, которых они ангажировали для работы в них в соответствии с их политическим кредо и степенью скандальной известности. В поле их интереса оказались кадровые вопросы, ситуации с собственниками конкретных СМИ, отношения с властями и государственными структурами, а также «скандалы, интриги, расследования...».

Показательна в этом смысле политика ресурса Lenizdat.ru, особенно ярко проявившаяся в 2014–2015 гг., то есть во время наиболее острой и драматичной фазы вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Можно даже сказать, что, пожалуй, это был пик политической медиакритики со стороны одного медиа в отношении ряда других, противостоящих ему по своей информационной политике и методам информационной деятельности.

Официально данное СМИ именуется как новостной портал СМИ Северо-Запада Lenizdat.ru. Он существует с 2003 года и представляет классический новостной сайт по типу интернет-издания. Официальная статистика его популярности: 47 900 посетителей в месяц. Как на источник информации на него ссылаются основные СМИ Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Северо-Западного региона. По структуре и характеру размещаемой информации данный информационный ресурс следует считать региональным медиа. Однако доминирующими объектами внимания сотрудников данного СМИ являются все аспекты, касающиеся деятельности медиа. Поэтому Lenizdat.ru можно охарактеризовать как сайт, ориентированный на профессиональную целевую аудиторию как внутри страны, так и за ее пределами.

14 мая 2014 года руководство ресурса запустило новый проект под названием «Хватит. Врать». Его идея заключалась в еженедельном вы-

пуске подборки фактов, которые бы свидетельствовали о фальсификациях информации по «украинскому вопросу», обнаруженных сотрудниками ресурса в медийном пространстве. На старте проекта был даже введен в обращение некий операционный термин «укрофейк». Им обозначалась некорректная информация, касающаяся различных аспектов украинского кризиса, которую публиковали различные СМИ. Однако в первых выпусках проекта «Хватит. Врать» можно было обнаружить примеры исключительно из практики российских медиа. Тогда же и была произведена двойная коррекция данной номинации. К термину «укрофейк» было добавлено прилагательное «российский». В то же время, после нескольких критических отзывов со стороны пользователей ресурса, касающихся одностороннего характера данного проекта, руководство Lenizdat.ru попыталось смикшировать проблемную ситуацию путем публикации укрофейков, производимых украинскими и западными СМИ. Но попытка не была успешной. Было опубликовано всего несколько нероссийских укрофейков. Причины этого дисбаланса крайне важны для понимания природы формата фейка, поэтому мы их проанализируем далее.

На сегодняшний момент проект «Хватит. Врать» находится в точке стагнации. Последняя подборка укрофейков была опубликована на сайте 4 апреля 2015 года. Она представляла собою дайджест наиболее ярких укрофейков за прошедший период и содержала 6 примеров. Очевидно, что можно констатировать некую исчерпанность идеи поиска недостоверной информации об украинской ситуации в медийной среде. Всего же в рамках анализируемого проекта на интернет-ресурсе было обнародовано 75 фактов в 22 выпусках. Официально все они именовались «укрофейками». Статистика источников была следующей: 66 укрофейков были обнаружены авторами проекта в российских медиа всех видов и типов (телевидение, радио, печатные СМИ, информационные агентства, интернет-ресурсы); 4 укрофейка были взяты в качестве примеров из публикаций в украинских медиа; 5 недостоверных фактов, описываемых в проекте, были выявлены и в российских, и в украинских медиа. Комментарии, на наш взгляд, в отношении данного проекта излишни. Очевиден манипулятивный характер использования коммуникационных возможностей данного интернет-ресурса.

Опыт подобных СМИ весьма поучителен для процесса становления медиакритики не только в Северо-Западном регионе, но и для всей России. Однако в петербургском медийном пространстве мы все же можем обнаружить менее политически ангажированные СМИ, в контенте которых можно найти латентные проявления медиакритической мысли. К некоторым из них приложил руку и автор данной статьи.

Так в течение ряда лет ресурс Fontanka.ru публиковал еженедельные телеобзоры Сергея С. Ильченко, выпускника журфака СПбГУ. Затем эту эстафету принял автор этой статьи. Но со временем потребность в анализе контента медиа отпала для руководителей данного ресурса, и потому медиакритическая деятельность данного СМИ сошла на нет.

Периодически обзоры телевизионного контента звучали в ряде программ радио «Петербург» (например, «Вольным стилем»), ряде других региональных радиостанций. Но эти всплески аудированной медиакритики не стали системой. Что, кстати, характерно для всей российской медиакритики. Тем не менее, данное направление журналистской активности постепенно развивается в северной столице. Более или менее регулярно критические материалы о телевизионном контенте публикуются в газетах «Петербургский дневник», «Культурный Петербург», «Санкт-Петербургские ведомости». Если же говорить о наиболее популярных объектах медиакритических публикаций, то тематический рейтинг можно сформулировать следующим образом: сериальные премьеры, резонансные ток-шоу, популярные телепроекты, медиаперсоны, эксклюзивные ординарные телесобытия.

Что же касается институционализации медиакритики как прикладной журналистской дисциплины, то она развивается в научно-исследовательской практике в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ в ходе обучения студентов на всех образовательных ступенях. Все чаще мы имеем дело с курсовыми и выпускными квалификационными работами, посвященными различным аспектам функционирования медиакритики. В рамках образовательной программы «Исследовательская журналистика» (для ступени магистратуры) автором данной статьи разработана программа «Медиакритика».

В настоящее время петербургская медиакритика находится на очевидном этапе трансформации из сферы одиночной и дискретной

активности энтузиастов теоретиков и практиков в системную дисциплину, которая обретает свое, необходимое и важное место в ряду тех предметов, которыми во время получения журналистского образования в университетской системе, непременно должен владеть будущий сотрудник СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сергей Николаевич Ильченко, доктор филологических наук, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ.

Раздел 2.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖУРНАЛИСТСКИХ ШКОЛ: ОЧЕРКИ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Е. Л. Вартанова, М. Е. Аникина, Д. В. Дунас

С. Г. Корконосенко и теория журналистики. Экспертное интервью с комментариями

Профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета Сергей Григорьевич Корконосенко – один из основоположников отечественной теории журналистики, широко известный в России и за рубежом. Он – признанный теоретик журналистики и СМИ, в своих трудах он выстраивает целостную теорию, живо откликаясь в своих теоретических построениях на изменения характера российского общества и отечественной науки, при этом оставаясь верным фундаментальным и незыблемым основам знания в целом и науки о журналистике. Библиография С. Г. Корконосенко свидетельствует о его постоянном исследовательском интересе именно к созданию системной теории, а не только исследованию частных вопросов функционирования журналистики и СМИ.

Важно, что С. Г. Корконосенко разрабатывает теоретические концепции журналистики и СМИ, исходя из потребностей вузовского образования, в значительной мере ориентируясь на студентов факультетов журналистики.

Профессор С. Г. Корконосенко определяет «журналистику» как «общественную деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной информации», как «систему предприятий и средств сбора и доставки информации: редакции, телерадиокомпаний, информационные агентства и их производственно-техническая база»¹.

¹ *Корконосенко С. Г.* Основы теории журналистики. СПб., 1995. С. 3; *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики. М., 2001. С. 3; *Корконосенко С. Г.* Теория журналистики: моделирование и применение. М., 2010. С. 3.

С. Г. Корконосенко предлагает нетривиальный подход к пониманию российской журналистики, постулирует ее как культурное достояние нации¹. Исследователь обращает внимание на вопрос патриотизма российской прессы. По его мнению, журналистика в России всегда обладала рядом особенностей, которые заметно отличали ее от журналистики в других странах. В результате журналистика ставится на один уровень с национальной литературой, искусством и наукой. Этот культурно-ценностный подход к журналистике С. Г. Корконосенко предлагает также распространять на систему журналистского образования.

Когда ученые факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова работали над проектом «Разработка фундаментальных основ отечественной теории медиа в условиях трансформации общественных практик и цифровизации СМИ» (грант Российского научного фонда, проект № 17-18-01408), наша исследовательская группа столкнулась с новым вызовом – сформулировать концептуальные основания теории нового и прежде в России не осмысленного системно феномена – медиа. При создании теории, проведении фундаментальных исследований в любой области науки актуализируется вопрос о ее объектно-предметном поле, концептуализации и операционализации, о необходимости поиска методологии и выбора корректного методического инструментария. Отвечая на этот вызов, мы не могли не обратиться к теоретическим воззрениям на феномен медиа С. Г. Корконосенко. Эта статья основывается на уникальном интервью, которое мы взяли у Сергея Григорьевича в рамках реализации проекта РНФ. В нем Сергей Григорьевич – выдающийся ученый и теоретик журналистики – рассуждает о медиа. Но не только. Профессор Корконосенко идет дальше и формулирует тезисы о природе социальных коммуникаций в целом, в них находят свое место и журналистика, и СМИ, и массовая коммуникация. Он рассуждает о научных традициях в исследовании журналистики, о национальной специфике в зарубежном контексте. Хотя, конечно, именно журналистика, которую Сергей Григорьевич рассматривает с особым вниманием, занимает свое приоритетное место в системе теоретических построений. Несомненно, мысли выдаю-

¹ *Korkonosenko S. G. Journalism in Russia as a national cultural value // Russian Journal of Communication. 2011. Vol. 4. № 3/4. P. 159.*

щегося исследователя современности – С. Г. Корконосенко – представляют большую научную ценность.

Сергей Григорьевич, как можно, на Ваш взгляд, описать основной предмет, изучаемый теорией медиа?

Я не уверен, что можно говорить о теории медиа, поскольку медиа – не деятельность, не сфера общественной жизни. Мы иногда это словосочетание используем, но мне кажется, что используем его либо механически, либо порционно.

Соответственно, если мы такой подход пробуем обсуждать, то он – беспредметный?

Я думаю, что он безобъектный. Предметы можно найти: можно говорить о теории деятельности в медиасфере – об этом можно говорить, потому что там есть функциональные проявления, а они должны осмысливаться. Осмысливать то, что в принципе есть носитель, существенно, мне кажется, не представляется возможным.

Как соотносятся, на Ваш взгляд, теория журналистики и теория массовой коммуникации как смежные дисциплины?

Они действительно соотносятся как смежные. В том смысле, что они не перекрывают друг друга, но очень тесно соприкасаются. Прежде всего, они соприкасаются постольку, поскольку в журналистике есть совершенно явный коммуникативный аспект – это понятно и не подлежит сомнению. В то же время журналистика не исчерпывается коммуникацией, так же, как коммуникация – это явление и область деятельности (и область теоретизирования), которая значительно шире журналистики. Надо понимать, что это не «вместо», не одно и то же, а это «вместе». Мы работаем с теорией коммуникацией, когда хотим исследовать журналистику как коммуникативное явление.

Один уточняющий вопрос: как Вы можете определить, что такое журналистика?

Ну, самое правильное, наверное, не определение, а понимание и описание журналистики – это множественное описание. Под журналистикой мы понимаем и определенную деятельность, и определенную квалификацию, и продукцию, совокупность произведений, которые появляются в результате журналистской деятельности. Под журналистикой (не очень точно, но все-таки) мы понимаем инфраструктуру –

не средства массовой информации, а редакции, то есть объединенные кадры, профессионально-творческие коллективы. И потом, что же тут лукавить, под журналистикой мы понимаем определенное образование, определенную область научно-исследовательской деятельности. Вот я бы так сказал. Если мы это понятие отнесем к какой-то одной смысловой стороне, то мы ошибемся.

Каков основной, базовый терминологический аппарат теории журналистики на сегодняшний день? Что мы должны учитывать, какие термины можно использовать, чтобы конструировать или развивать теорию журналистики?

Во-первых, надо все-таки прийти к согласию по поводу самой журналистики. К сожалению, здесь проявляется не столько разноплановость в трактовке этого понятия, сколько, я бы сказал, разновекторность. Это синтезирующее – вернее, объединяющее, интегрирующее понятие нам необходимо, включая различные стороны, или аспекты, этого понятия. Это во-первых. Во-вторых, надо договориться о понятиях, которые представляют журналистику как деятельность. И здесь будет целый куст понятий. Есть совокупность понятий, которые связаны (и дальше выбор) с назначением, миссией, предназначением, генеральной целью журналистской деятельности – и так далее. Здесь нужны слова: мы говорим «миссия», не условившись, миссия ли это организации (как это делается, допустим, в области менеджмента) или мы имеем в виду миссию как некое общественное или духовное предназначение.

Мне кажется, здесь надо договариваться о различении понятий, которые относятся к инфраструктуре журналистики, то есть: средства массовой коммуникации, медиа, СМИ и тому подобное. Как ни странно, при всей кажущейся определенности каждого из наименований, мы используем их смешанно, нечетко, и это очень затрудняет нам общение. В особенности надо договариваться на фоне того, что происходит в зарубежной, международной терминологии, где есть понятия, которые не имеют у нас аналога или которые мы переводим неадекватно. Хрестоматийный пример: «СМИ» и «медиа», которые якобы одно, а на самом деле это совсем не одно и то же. Мне кажется, что это самые существенные вещи, о которых нужно говорить прежде, чем двигаться дальше. Потому что следующий уровень уже инструментальный, он

будет связан с формами деятельности, с инструментами деятельности, с жанрообразованием и тому подобным.

Теория журналистики – теория среднего уровня?

Смотря с чем ее соотносить. Я думаю, в теории журналистики есть свой фундаментальный уровень, есть в ней средний уровень (который иначе обозначается, но я во всяком случае так давно обозначаю) – это пограничные дисциплины: социология журналистики, психология журналистики, может, быть, экономика журналистики, и даже культурология журналистики – внутри системы это свой средний уровень. Если рассматривать теорию журналистики в большом, непомерно большом научном контексте, то, конечно, рядом с философией она просто частная-прчастная.

Если обозреть то, что Вы назвали (и не назвали), в чем основные несовершенства теории? И что с этим делать, как с этим несовершенством попробовать бороться?

Несовершенства определить легче. Несовершенства мы выявляем все время, мы все время говорим об этом. Я думаю, главное несовершенство заключается в разомкнутости нашего исследовательского общества. Мы время от времени начинаем дискуссии, пытаемся поставить вопросы, требующие немедленного разрешения, а, может быть, и согласия до некоторой степени, но потом относимся к этой работе компанейски – она завершается, когда завершается очередной грант или иссякает энтузиазм у организаторов. Потенциал для того, чтобы все-таки контуры нашей области исследования определить и для достижения согласия в постановке вопросов (но не окончательных ответов) у нас, мне кажется, есть – и он хороший, потому что, в отличие от «западных» университетов, у нас работают коллективы. Есть очень популярный сегодня мыслитель, критик, и, можно сказать, философ журналистики М. Дезе, но у него нет кафедры, которая работала бы многие годы; и это касается и других специалистов. А у нас – в Москве, в Петербурге, в Воронеже, на Урале – у нас десятилетиями работают кафедры, у нас поколения вырастают. В этом смысле мы гораздо более организованы, и у нас есть преемственность, поэтому возможность для структуризации области, в которой мы работаем, у нас есть. Несовершенство нашей теории заключается еще и в том, что мы слабо апеллируем к широкому научному контексту.

Широкий – это какой?

Я имею в виду не только совокупность наук, но и те приоритеты развития науки, которые сегодня выявлены и которые, если угодно, даже на государственном уровне признаны. Ну, например, науки о человеке – это та среда, в которой наука о журналистике должна пребывать, с которой должна соприкасаться теснейшим образом. Есть работы, посвященные антропологии журналистики, но нельзя сказать, что взаимодействие с философской антропологией, с антропологией, которой занимается биологическая наука, у нас тесное. Нельзя сказать, что мы, не балуясь, не интригуя публику, а серьезно поставили философский вопрос в связи с журналистикой. Нельзя сказать, что наше взаимодействие с «информациологией» (это нестрогое название дисциплины) у нас сформировалось на уровне устоявшейся взаимосвязи. Мы читаем книжки, которые издают в смежных областях науки, но это совсем не значит, что наше взаимодействие с ними стало прочным, постоянным, основательным. А без этого журналистика развиваться не может, автономной она быть не может. Без нас социологи обходятся, мы без социологии обходиться не можем. Без нас психология прекрасно обходится (они говорят про психологию массовых коммуникаций, в общем ничего не понимая о том, как это делается на редакционном уровне), но мы без психологии обходиться не можем. Вот что я понимаю под широким научным контекстом: нужно взаимодействовать с ведущими тенденциями в развитии науки сегодня.

Кто в нашей сфере исследований субъект, расставляющий приоритеты? Кто субъект, принимающий решения? На что теоретики журналистики должны ориентироваться, как вычленять направления исследований?

Прежде всего по поводу долженствования. Если мы говорим о свободе мысли, выбора, интеллектуального пути, судьбы, то понятие «должен» мне не кажется самым уместным. Мы не можем принудить, обязать какого-то серьезного мыслителя переключиться с той области, которая ему интересна, даже если она предельно узкая. Мы можем в производственном отношении повернуть человека к изучению тех вопросов, в которых производство сегодня нуждается, но не направить мозги человека, если он устремлен в какую-то свою, узкую-узкую область. С другой стороны, поскольку журналистика есть явление столь-

ко же общественное, сколь и личностное – без приоритетов – прислушиваться к тому, в чем нуждается сегодня общество, мы должны. Приоритеты общественного развития и запросы стимулирует и выявляет общественная наука – не в приказах они выявляются, а в научных исследованиях, то есть это субъект все-таки общества.

Должны ли мы прислушиваться к тому, что запрашивает медийная, журналистская индустрия? Конечно, должны. Не подчиняться, но прислушиваться – иначе мы просто перестаем взаимодействовать с тем, благодаря чему журналистская наука существует. Она существует благодаря существованию журналистики как явления, как деятельности, как практики, как профессии, и так далее. Должны ли мы прислушиваться к тому, что диктует государство? Конечно, должны. Я называл сегодня некоторые направления взаимодействия с другими научными дисциплинами: только что у нас в университете были определены координаты конкурса лотов на так называемые междисциплинарные или мультидисциплинарные исследования. Они, эти лоты, прямо связаны с приоритетами на национально-государственном уровне. Я назову некоторые из них: это, например, цифровая экономика, это российские интересы в Арктике, это русский язык как государственный язык, это экология и урбанистика. Как мы можем не откликаться на то, что формулируется как заказ, если хотите, нашего работодателя (пока мы работаем в государственном учреждении)? И конечно, наше научное сообщество должно выдвигать приоритеты, оно должно собираться в разных формах и договариваться, что сегодня в нашей области знания нужно изучить вот это. И собирать усилия в этом направлении. Мы это делаем в нашем научном сообществе не очень активно, мы все-таки работаем по университетам и даже по кафедрам, а не как исследовательская корпорация.

Вы упомянули западные университеты. Как сосуществование отечественных и западных школ влияет на формирование теории и как Вы относитесь к процессу вестернизации (или девестернизации), о котором много говорится?

Я писал об этом, у меня было несколько статей о девестернизации. Естественно, я не изобрел это понятие, оно родилось применительно к журналистике в конце девяностых годов прошлого века, когда Дж. Даунинг выпустил первую крупную книжку по этому поводу, которая

потом много раз воспроизводилась. Я считаю, что наконец-то человечество дозрело до того, что в нем правы все: все имеют право голоса, право инициативы. Это относится и к выбору приоритетов национального развития, и к выбору ценностей, и к выбору духовных ориентиров. И в этом отношении сложившаяся англосаксонская монополия устарела. Мыслящие рационально западные исследователи говорят, что нам нужна девестернизация или интернационализация, потому что иначе мы идем к загниванию. Нельзя повторять то, что мы выдвинули как приоритеты и постарались распространить по всему миру. В одной американской книжке недавно я прочел такое признание: в Соединенных Штатах в концептуальной основе лежат те идеи, которые были высказаны в двадцатые-тридцатые годы минувшего столетия. Это же не мы с вами говорим. Если они воспроизводятся как окончательная истина, то где же движение вперед – даже если привлекаются силы из других дисциплин? Да, исследователи выделяют (например, тот же Т. Ханич) несколько этапов исследования, и они говорят не «теория журналистики», а о «journalism studies»: нормативные исследования, потом эмпирические исследования, потом социологические исследования и потом такой полифонизм, который якобы сегодня возникает. Но когда вчитаешься в эту классификацию, то получается, что все равно речь идет о том, как исследования журналистики строятся в США и в странах, идущих за США.

В книжке «Global Journalism Education in the 21st Century: Challenges and Innovations» есть сожаления, которые высказывают редакторы. Они пишут: «Хотелось бы посмотреть на те новые разработки, применительно к журналистскому образованию (ну, или знанию о журналистике), в которых звучат новые оригинальные идеи». А мы раскрываем книжки, выпущенные где-то там, на географической периферии, и видим, что это переписывание того, что написано в американских первоисточниках. Скучно жить на этом свете, господа! Вот что говорят наши вдумчивые коллеги в тех же Соединенных Штатах. Можно говорить о том, что в России это проблема стоит – проблема соотношения национально-культурного и универсального, космополитического? Конечно, она стоит. Почему она стоит, почему она не может не стоять? Потому что мы с петровского времени в своем культурном развитии, в развитии своей литературы, в развитии своей переводче-

ской культуры очень внимательно читаем то, что делается за рубежом. Если в таком развитии мы воспринимаем то, что делается за рубежом, перевариваем и создаем собственную национальную культуру, то, к сожалению, в области исследования журналистики, на нас иногда очень сильно действует то, что опубликовано там <...>. Мы повторяем это как универсальное обязательное знание. Кого ни почитай из людей, кто посерьезнее, все говорят про то, что объективность – это химера (даже не идеал), она придумана для того, чтобы красиво звучало, и сегодня просто неприлично говорить об этом. И, наоборот, начинают защищать принцип объективности, создавая бесконечные реляции в несколько страниц... Мы повторяем на своих занятиях, в своих студиях, что есть принцип объективности в журналистике – понимаете, это очень нехорошо. Надо очень внимательно читать то, что делается в университетах России, то, что пишется в университетах Италии, Франции, Германии – все, что делается в интернациональном мире, но надо очень сознательно выбирать для себя то русло, в котором ты будешь работать, и отчетливо понимать, что это русло выбрано осознанно. Так же, как в социальной науке.

В социальной науке выбираются приоритеты – например, Франкфуртская школа выбирается, и человек говорит: я работаю в этом направлении, потому что оно мне кажется..., я его признаю наиболее... – и так далее. Мы же чаще видим в работах наших исследователей конгломерат, путаницу, какой-то компот из самых разных публикаций на Западе, а не осознанно выбранное русло, в котором мы мыслим. Это русло можно выбрать и внутри своей страны, только нужно отдавать себе отчет, почему я работаю в этом направлении, а не в другом.

Можно ли вообще говорить, учитывая то, что Вы уже озвучили, о существовании некой идеальной теории? Есть ли теория, на которую можно полагаться и, если она есть, то как она структурно может выглядеть, если нет – то почему это невозможно?

Во-первых, я уже сказал, что понятие «медиасистемы» – это калька с английского, надо было это критически воспринять у нас. Мы не можем создавать, я бы сказал, уродливые слова на русском языке, калькируя то, что говорится на английском. Уж Вы-то это знаете хорошо. По правилам русского языка нужно было бы говорить «система медиа», а не «медиасистема», поскольку понятие «медиа», поставленное на

первую позицию, означает что-то «квази», что-то неполноценное – не более, чем «медийное мышление». Но самое главное, мне кажется, – это то, что понятие «система» здесь используется искусственно, в лабораторных условиях. Я не считаю, что через категорию «система» мы можем выразить реальное, спонтанное, во многом за-системное существование живого явления под названием «журналистика». Мы можем говорить о государственной системе, о политической системе, о системе знания, но журналистика не поддается такой системной формализации. Даже параллели с искусством, с архитектурой показывают, что неудовлетворенные авторы выпрыгивают из классических пропорций: античное искусство – системное, пост-античное – тоже. Но посмотрите, что делается в нынешнем новаторском искусстве – там нет пропорций! Там есть стремление выразить невыразимое в жизни – и к журналистке это тоже может относиться. Если она строится как система, то это жесткая конструкция, которая либо характерна для централизованно управляемого (Советский Союз – пожалуйста, это система), либо она строится в головах исследователей, а на самом деле развивается по другим законам. Поэтому идеальная система – это фантом, идеальное состояние – так еще можно было бы говорить.

А идеальная теория журналистики возможна?

Идеальная теория журналистики невозможна.

Почему?

Были попытки создать идеальную философию, или идеальное философское знание – например, у Гегеля. А оказалось, что после него появились и другие философские концепции, построения, которые либо развивали и меняли то, что он написал, либо двигались в совершенном другом направлении. Теория может быть идеальной только в том смысле, если в ней определены основные опорные точки, категориальный аппарат, «проклятые» вопросы, в ней упорядочены представления о том, как развивалась теория журналистики (какие были школы, направления), – только в этом смысле. Но идеального как совершенного быть не может, иначе это конец.

Вы сказали, что только в ограниченном социально-политическом контексте журналистика может рассматриваться как система, так? Тогда философский подход и системный анализ к журналистике нельзя применять?

Философски осмысливать можно все.

Системный анализ журналистики как объекта возможен?

Возможен, метод такой можно использовать. Система есть в сознании исследователя. Это система категорий, инструментов, которые используются, представлений и тому подобное. Мы накладываем систему анализа на живой объект, который как облако, несистемный с точки зрения своей организации. Это разные вещи – системный подход и системная организации журналистского дела.

Насколько современная теория журналистики соответствует исследовательской практике? Всегда ли мы можем наблюдать несоответственность эмпирических исследований с существующей теорией?

То, что существует драматический разрыв между развитием журналистской, редакционной, массово-информационной практики и научным осмыслением того, что происходит, – это факт. То, что наши научные представления либо консервативны, либо хаотичны, – это тоже факт в значительной степени. То, что журналистская действительность развивается, не обращаясь к теории, знанию, опыту, осмысленному в науке, – это тоже факт. Это разночтение мне представляется драматическим. Кто должен здесь делать движение навстречу? Поскольку мы с Вами представляем академическое сообщество, то можем говорить только о себе. Мы должны делать движение навстречу практике, то есть мы должны ее внимательно исследовать, не подчиняясь ей ни в малейшей мере. Когда мы изучаем протуберанцы на Солнце, мы не подчиняемся протуберанцем – мы их изучаем и смотрим на них как на нечто существующее. Когда мы изучаем асоциальное поведение в обществе, мы вовсе не становимся подчиненными шпаны и бандитизма. Это значит, что мы должны отстраняться от практики. Оценивать ее с точки зрения тех идеалов, сформировавшихся у нас представлений о журналистике, которые должны иметь достаточную аргументацию. На эмпирическом уровне мы должны были бы исследовать журналистику гораздо интенсивнее, чем делаем это сейчас, должны были бы исследовать журналистику на прикладном уровне – то есть выполнять работу по заказу. В практике, к сожалению, это почти экзотика в наших условиях. Вот такие сложные здесь отношения.

Эмпирические исследования журналистики и журналистской деятельности, которые проводятся, на Ваш взгляд, вполне соотносимы

с теорией журналистики? Они всегда могут стать основанием для ее развития?

Я бы так не оценивал все, что делается на эмпирическом уровне. Эмпирика – она очень разная у нас: есть серьезно построенная, есть то, что мы называем исследованием, а на самом деле это просто выход на какие-то отдельные сюжеты. У нас часто за эмпирическое исследование выдают интервью или опросы, которые выполняются по сетям. Там о репрезентативности и теоретико-методологической обоснованности просто не приходится говорить, а цифры публикуются. Оценивать все, что делается в этом мире, я просто не взялся бы. Я знаю, что иногда мы пользуемся (мы – это мировое исследовательское сообщество) данными, происхождение которых – мягко говоря – вызывает сомнение. Мы были во Вроцлаве в 2014 году, там выступал один американский профессор, он докладывал результаты всемирного исследования журналистских культур на основе опросов. Методика опросов не была показана. Как эти данные получены? Количество опрошенных не было показано. Ответы, которые я там видел, вызывали у меня сомнения. Мне запомнилось: оказывается, российские журналисты не считают заработную плату фактором, стимулирующим профессиональную деятельность. Сколько полупьяных репортеров и в каком баре спросили на этот счет? А ведь есть данные, которые потом послужили основанием для сопоставления. Я помню, что он сказал в итоге: оказывается, профессиональная культура России близка к профессиональной культуре латиноамериканских журналистов, а профессиональная культура стран Юго-Восточной Азии близка к профессиональной культуре англосаксонской профессиональной культуре. Это на основании цифр. К счастью, там же выступала и другая докладчица, из Германии, и она со всей немецкой обстоятельностью рассказала, как они проводили исследование, насколько оно надежно – и ей я поверил.

То есть здесь еще проблема, связанная с методологической культурой?

Прежде всего, конечно, так, если это эмпирическое исследование.

На Ваш взгляд, какие сегменты деятельности в области журналистики и, может быть, массовых коммуникаций сейчас недостаточно изучены с точки зрения теоретического осмысления? Что нужно изучать?

Срочно изучать нужно журналиста. Сегодня прозвучала ссылка на исследование Циркона – это редкий случай, когда более или менее представительно изучалась самоидентификация журналиста. Но мы совершенно недостаточно имеем сведений о том, как формируется журналистский корпус, из кого он состоит, какие тут мотивации и, самое главное, какие возможны движения вперед. Мы часто говорим «журналист должен», однако это относится к нашим мозгам, а не к людям, которые в действительности в журналистике заняты. Если они будут, допустим, говорить не то, что нравится теоретикам, – нельзя хмыкать, это надо принимать как реальность, как, если угодно, онтологию кадрового состава. Мы срочно должны изучать влияние социокультурных факторов на журналистику. Сейчас много говорится о том, что изучаются бизнес-модели. Действительно изучается (хотя больше говорится) влияние экономики, индустрии и так далее. Но влияние социокультурных факторов просто забыли совсем. А между тем, социально-культурная среда всегда «заказывает» способ мышления, способ поведения, способ восприятия журналистской продукции и даже формы, в которых представляется эта самая журналистская продукция. Я не говорю о том, что мы можем установить корреляцию, расхождение социокультурных модусов и того, что происходит в журналистике. И мы обязаны это изучать.

Мы должны заниматься прогнозами в области журналистики, и это очень трудно. Но эти прогнозы должны строиться на изучении тех тенденций, которым подчиняется развитие общества в нашей стране и не в нашей стране, за рубежом. Это такое прогнозирование, которое не из журналистики вырастает, а вырастает из мира, в котором журналистика присутствует. Мы должны (я уже сказал об этом чуть выше, но в другом контексте) заниматься взаимосвязью развития человека как основного ресурса эволюции общества. Общество, цивилизация, если хотите, в дальнейшем будет развиваться «из человека». Мы этим не занимаемся, мы, как прилежные ученики, повторяем что-то про информационное общество, но такового не может быть, по моим представлениям, это химера. Общество не может быть информационным, это сообщество людей, а информация не может являться перспективным источником общественного прогресса. По тем социофилософским концепциям, которые мне близки, ресурсом развития мира является че-

ловек, потому что индустриальный – исчерпан, природный – исчерпан, информация не развивает, а способствует развитию.

Как можно преодолеть расхождения между теорией и практикой журналистики?

Прежде всего, странно было бы, если бы вдруг практика стала повторять теорию (или наоборот). Есть, конечно, зависимость теории от практики – гораздо большая, чем практики от теории. Практика вообще – не важно, хорошая она будет, или плохая – будет жить без теории. А вот теория, если исчезает практика, игнорируется, становится каким-то схоластическим занятием, никому вообще не нужным. Надо ли вообще стремиться к уподоблению? Теория есть область умственной деятельности, она самоценна, она может уводить в какие-то области, где все ответы будут неправильные, – это и есть «заниматься теорией». Я помню, у одного финского социолога была такая мысль: какие претензии к Марксу, что он написал про грядущую пролетарскую революцию, а она не совершилась? Он написал теорию, одну из возможных, которая могла реализоваться, а могла и не реализоваться. Практика пошла по другому пути – в частности, еще и потому, что были и другие векторы теоретической мысли.

Это касается и теории, и журналистики. Здесь сложные отношения, я уже сказал. Теория должна обращаться к практике, обязана к ней обращаться, но она может развиваться по своим законам – в частности, по законам, которые действуют в области науки. Возвращаемся все к тому же: теория журналистики – это область научного знания. И если в области науки действуют какие-то законы, то игнорировать их теория журналистики не может. А законы развития науки – общественной, естественной, философии (если это наука) – они не очень спрашивают практику, это несколько другая специализация. В идеале, конечно, хотелось бы, чтобы практики слушали, что говорят теоретики.

А если в реальности рассмотреть, каков уровень использования теории в медиаиндустрии?

Есть несколько уровней научного исследования: фундаментальный уровень, уровень средней теории, уровень критики, прикладной уровень. Мне кажется, что критика – как функция или подраздел научных исследований в области журналистики – у нас развита слабовато. С одной стороны (ну так, для статистики), подавляющее большинство

того, что мы публикуем про журналистику, – это не может расцениваться выше, чем критика. Очень хорошее занятие – как театральная критика, как музыкальная критика, как литературная критика. Но это не теоретические исследования собственно, это обзоры практики с нашими заключениями. Это с одной стороны. С другой стороны, это не та критика, которая адресована практике и выполняется на том языке, которые этой практике близок и понятен. Мне кажется, что критика, которая имеет адресатом практиков и которая выполнена на внятном для них языке и с понятными выводами, – это ресурс сближения теории с практикой.

Какие парадигмальные основания теоретизирования по поводу журналистики и коммуникативно-информационной деятельности можно назвать и как структурно может складываться теория журналистики? Какие парадигмы, на Ваш взгляд, можно использовать, к чему можно апеллировать, что можно привлекать, чтобы конструировать современную теорию?

Тут какие-то распоряжения или выбор будут неуместны. Все-таки они будут избираться, эти парадигмы. Они всегда должны избираться. Журналистика тоже должна быть разной, и парадигмы тоже могут быть разные у журналистики. Это живое явление – так же, как бывают разные театры, и разная литература, и разный кинематограф.

Мне представляется, что все-таки эти парадигмы надо искать за пределами журналистики: их надо искать в сложных мировоззренческих вопросах, которые встают сегодня и перед миром, и перед наукой. Некоторые вещи мы с Вами сегодня назвали. Я думаю, что движение «от человека» и «к человеку» – это перспективный путь для исследований журналистики. Что она представляет собой в гуманистическом понимании? И здесь мы найдем общий язык с профессиональной журналистикой. Я убежден, что найдем. Чтобы не говорилось об индустрии, но в журналистику приходят люди, персоны, и они либо расцветают там, находя для себя поприще, удовлетворение, смысл жизни, либо умирают как персоны и добровольно превращаются в роботов, которые стоят у конвейера. Мы найдем в этом смысле понимание у профессиональной журналистики, потому что, как ни крути, публичное слово – это обращение, которое востребует ценности, язык, либо не востребует и не принимает. Это движение от человека мне кажется

очень важным. Мне кажется, что очень важно рассматривать сегодня теорию журналистики в связи с социально-культурными тенденциями, которые пробивают себя сквозь толщу указаний и формализаций.

Почему (возвращаясь к нашим взаимоотношениям с Западом) мы не находим взаимопонимания? Потому что все-таки есть определенный социокультурный код, который у разных наций формировался исторически. Конечно, он меняется: нынешнее поколение ребят – это не поколение их отцов и дедов с точки зрения социально-культурных детерминант. Тем не менее, четвертое поколение мигрантов обращается к прессе в поисках своего генетического родства. Мы вряд ли можем переделать людей. Как пишут некоторые исследователи, вся социальная мысль и социальные науки в России недешифруемы для Запада, потому что у нас разные социально-культурные истоки. Я вовсе не красный патриот, как Вы, наверное, догадываетесь, но деться от этого никуда нельзя. Мне кажется, что журналистику нужно сегодня понимать с точки зрения безопасности (это очень важно), но не той безопасности, о которой мы так печемся сегодня (сохранение секретов, избавление от угроз), а с точки зрения сохранения самобытности и личности, и социальной группы (в разном смысле), и, может быть, даже нации и этноса. Как мы не отрицаем способность влияния публичного слова, а это все-таки инструмент, средство воздействия, к которому совершенно неслучайно прибегают разного рода силы. Я не хочу сказать, что здесь какой-то заговор, я хочу сказать, что тенденциозное и эгоистическое использование журналистики – это абсолютный факт. Здесь концепты безопасности возникают сами собой.

Как структурно может формироваться теория? Какие ее разделы сейчас актуальны?

Есть структурирование дисциплинарное. Есть структурирование по уровням знания – это тоже вещи понятные, их называли сегодня, есть фундаментальные или общие теории, есть специальные или пограничные теории, есть к ним примыкающие и из них следующие эмпирические и инструментальные методологии. Возможно также строение по видам редакционной деятельности (или массово-информационной): журналистика сетевая, аудиовизуальная, журналистика печатных средств массовой информации. Мне кажется, что такое сетчатое представление структуры теории будет более адекватным. И, наконец, есть

еще и другое структурное понимание – оно связано с эволюционным движением, развитием теории журналистики в историческом времени.

А функциональная специфика – это не часть, не сегмент теории журналистики?

Это сегмент, но я бы отнес представление о функциях к уровневому разделению. Представления о функциях журналистики на уровне общетеоретическом есть представления на уровне, скажем, социологии журналистики, где этот же набор будет выглядеть иначе и будет прямо соотнесен с социологическим знанием. Сказать, что наука структурируется на представлениях о принципах, функциях, эффектах, – это уведет нас в формальные разделения, которые не очень перспективны.

Это интервью в очередной раз подтвердило фундаментальность, системность, глубину и оригинальность теоретических взглядов С. Г. Корконосенко. Сохранение роли традиционного – гуманитарно-филологического – подхода к постановке исследовательских проблем, исследовательскому инструментарию и даже методам их решения – важная задача. Мы хорошо знаем, что исторически в целом российская журналистика неразрывно связана с литературой и соответственно она развивалась как литературоцентричная деятельность и с точки зрения формы, и с точки зрения профессиональной идеологии. Повышенный интерес к журналистике во всех ее проявлениях, оставляющий в тени многие другие поля исследований массовых коммуникаций и медиа, исторически тоже понятен.

Сергей Григорьевич напомнил нам, что, говоря об универсальности и национальной принадлежности теории, следует заключить, что медиа существуют только в конкретных условиях конкретных социумов, национальных государств. Даже в условиях глобализации национальные государства сохраняют свои ключевые институты и структуры, в том числе и медиасистемы. Поэтому актуальность национального при создании теории учитывать необходимо.

Отвечая на наши вопросы, он отметил, что часто академическое сообщество механически и без рефлексии использует относительно новые для отечественного дискурса понятия. С ним можно отчасти согласиться. Однако, продолжая осмысливать его позицию, все же можно предположить, что развитие понятийного аппарата современ-

ной гуманитарной науки является абсолютно естественным процессом, проблемой которого остается нехватка общепризнанных и широко используемых исследователями интерпретаций. На наш взгляд, трудность заключается в многогранности, многоаспектности объекта современных исследований, о которой упоминал в интервью и сам Сергей Григорьевич. Она обнаруживается и в новых, и в ставших уже традиционными сегментах исследовательской практики, в том числе – в осмыслении феномена современной журналистики. Для него по-прежнему (а – возможно – и больше, чем раньше) трудно подобрать единое, исчерпывающее описание, ведь сегодня журналистика – и элемент общественной структуры, и социальный институт, и творческая деятельность...

Безусловно интересны и крайне актуальны размышления профессора Корконосенко о девестернизации. И нельзя не согласиться с тем, что этот процесс сыграл значимую роль в национальной рефлексии, в определении самостоятельной роли российской школы исследований журналистики и массовых коммуникаций, в обозначении места отечественных исследований в глобальном академическом мире. Следует отметить и то, что упомянутое Сергеем Григорьевичем международное сотрудничество, описанный им переход от «сепаратизма и изоляционизма к сотрудничеству» тем не менее, не привели к исчезновению, к утрате национального характера российских медиаисследований.

И, конечно, трудно не откликнуться на призыв профессора Корконосенко срочно изучать журналиста. Сегодня, в первые десятилетия нового века журналист остается одной из основных фигур в отечественных и зарубежных исследованиях, удерживая свои позиции, завоеванные в прошлом, а создание его актуального портрета требует от современных исследователей использования более совершенных методик анализа и – возможно – более внимательного отношения.

Конечно, с Сергеем Григорьевичем хочется дискутировать, полемизировать. Но не меньше этого с ним также хочется во многом согласиться. Ведь его взгляды – это такая важная опора для всех российских исследователей журналистики и медиа, встав на которую, обретаешь уверенность и прочность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Елена Леонидовна Вартанова, доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой теории и экономики СМИ, декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова;

Мария Евгеньевна Аникина, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии массовых коммуникаций факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова;

Денис Владимирович Дунас, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

К уточнению границ понятия «журналистика» в современной коммуникации

Введение. Латинское слово *definitio* означает «установление границ»¹. Понятие «журналистика» в современной коммуникации требует «ограничения», проясняющего его суть, в силу самой институциональности феномена. Если журналистика – обобщенно говоря – рассматривается как профессиональная деятельность, направленная на удовлетворение информационных потребностей населения, при этом такая деятельность признается общественно значимой, то журналистика получает статус и практики, и теории, и социального института, обладающего признаками структуры общественной жизни (в том числе, подержанного и на уровне образовательной преемственности). Но если в современных реалиях создаются условия для расширения понятия, включения в феномен журналистики все новых явлений, функционала и отношений, то само понятие подвергается определенной коррозии, которая ведет либо к уничтожению актуального смысла термина (переход в словарях в разряд «устаревших»), либо к расширению до уровня «всеохватности» (и последующему вымещению более широкими понятиями, связанными с коммуникацией в целом). В настоящей статье предлагается дефиниционный подход к термину – установление границ, соответствующих современной ситуации. Автор предполагает, что такое установление границ значимо именно для социального института журналистики, сохраняемого в общественной структуре только до тех пор, пока у института есть «хартия» (так Бронислав Малиновский характеризовал смысл и неизбежность появления социальных институтов в обществах; существует иное понятие «миссия», во многом тождественное «хартии», однако этот термин был устойчиво присвоен организационной культурой и несколько ослабил свое институциональное значение). «Хартия» социального института, по

¹ См. подробнее о сути и составе дефиниционного подхода к понятиям: *Воробьева С. В., Бочаров В. А., Маркин В. И.* Дефиниция // Гуманитарная энциклопедия. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7315>.

Малиновскому, есть его ценностная цель¹. Возвращаясь к дефиниции «журналистика», важно обнаружить «хартию» журналистики как социального института (и тогда остальные значения этого слова – например, «профессиональная деятельность», «результаты такой деятельности», – получают субординационный определяющий контекст).

Родо-видовой состав дефиниции «журналистика». В большинстве случаев дефиниция предполагает отнесение определяемого понятия к роду и / или виду. Если подойти к определению журналистики иерархически (цель – обнаружить самый широкий уровень понятия, остальные случаи применения характеризовать как производные, подчиненные «верхнему»), то журналистика может быть отнесена к необходимым структурам общества. Это означает, что она отвечает общественным потребностям и выполняет функции, которые не может выполнить никакой другой социальный институт, группа акторов или единичные деятели. Как только такая замена станет возможной, надобность в социальном институте отпадет, его «хартия» растворится в действиях «всех» или отдельных акторов, за счет непрерывной работы которых риск невыполнения функций снизится или исчезнет. Следовательно, среди множества функций должны быть четко обозначены те, что не могут быть продублированы иными акторами социума (коллективными или индивидуальными). Таким образом, относя журналистику к общественным структурам, мы неизбежно оказываемся перед необходимостью установить функционал этой структуры (фактически уточнить видовые характеристики, приближающиеся по сути к «хартии» социального института, но еще не исчерпывающие ее). Вид общественной структуры в таком случае – информационно-коммуникативная система. Это именно структура общественной жизни (род), это именно информационно-коммуникативная система (вид). Разумеется, родо-видовая характеристика не исчерпывает дефиницию, но ставит первые, самые общие границы понятия.

Хартия – цель и обоснование общественной структуры. Информационно-коммуникативная среда общества формируется и обеспечивается сотнями коллективных и индивидуальных акторов, включает самые разные социальные институты и втягивает в свою орбиту всех

¹ Для чего образован и зачем поддерживается социальный институт – см. пояснения и схему: Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 1999. С. 57–58.

без исключения участников общественной жизни. Благодаря этому возникает неизбежная конкуренция между социальными институтами, включающими в свою хартию функционал информационной среды, за место в иерархии, обеспечивающей информационный обмен. Возможно и не-иерархическое сосуществование институтов по принципу «нишевого» (или «сетевое») участия в организации информационного пространства. Но важнее сейчас определить место журналистики среди других акторов. Существует довольно длительная история изучения взаимоотношений «информационного» и «коммуникативного» (и даже «коммуникационного») в составе гибридной информационно-коммуникативной среды. Не вдаваясь в подробности этой истории, определим границы журналистики в этом «нишево-иерархичном» соперничестве.

Согласно известному определению С. Г. Корконосенко, основное свойство журналистики – следовать *за* реальностью, отражать ее. При этом под журналистикой понимается «общественная и производственная деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации (через печать, радио, телевидение, кино и т. п.)»¹. Исследователь также уточняет «производные» значения термина (сами организации, ведущие такую деятельность, их продукция и, наконец, научное знание, предметом которого является эта деятельность, а также образовательная деятельность в этой области). Как, видим, в определение не включено то, чего требует хартия, – ценностная уникальность самого актора (субъекта социального института). Однако тот же автор настойчиво указывает на значимые отличия журналистики от «СМИ» как системы, с одной стороны, или от «индивидуально-массовой» информационной деятельности – с другой. При этом в поиске оснований отграничения С. Г. Корконосенко предлагает ориентироваться на понятия профессиональной культуры и антропоцентричности социального института (в центре – не технологии или системы, но человек, причем и как центр внимания журналистики – «человек социальный», и как ее собственный «внутренний» центр – «человек творческий»²).

¹ Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение: учеб. пособие. М., 2010. С. 12.

² См.: Корконосенко С. Г. Теория журналистики: от схематизма к реализму // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. № 5 (4). С. 536–545; Корконо-

Масштабные (по меркам научной области) дискуссии о сути журналистики (в том числе полярные мнения о ее расцвете в эпоху технологий Интернета либо о ее полной элиминации) могут быть обобщены именно в русле поиска дефиниции, включающей хартию. Очевидно, что попытки описания хартии восходят к началу институционализации журналистики, находят свое прямое воплощение в нормативной ее теории, где в основу самого обоснования значимости журналистики как социального института положены принципы свободы слова в сочетании с социальной ответственностью за это «свободное слово».

Как видим, это все тот же ценностный подход: социально значимая информация, распространяемая журналистами, должна отвечать и принципу правдивости, и принципу социальной ответственности (который может ограничивать первый принцип). Однако наибольший интерес вызывает включение в дефиницию ценностного подхода как такового – с учетом того, что не существует абсолютно одинакового набора ценностей в области общественной жизни разных культурных общностей. Индигенизация журналистики¹ может быть рассмотрена как путь к познанию этой общественной структуры применительно к ее национально-ориентированной хартии, другими словами, дефиниция понятия не может быть дана без учета исторически сложившихся правил освещения реальности в той или иной стране (этнотипе, общности и т. п.). Если такой истории у общности нет, «ее» журналистика будет расти на определенном заимствованном фундаменте, пока не обретет свои собственные индигенизированные черты, сращенные с культурой общности.

Насколько можно судить по отечественным дебатам вокруг понятия «журналистика», многое в них сводится к пониманию ценностей, к прояснению ценностного подхода к журналистике как деятельности и феномену. Для российской журналистики ценностным остается именно та часть журналистской деятельности, что связана с аналитикой, интерпретацией информации: это может быть и решение просветительских задач, и достижение этически-ориентированных, гражданских (их

сенко С. Г. Объект теории журналистики: взрывное развитие // Век информации. 2018. № 1. С. 16–29.

¹ *Korkonosenko S. G.* Russian Journalism Theory in a Changing Global Context // Asian Social Science. 2015. № 11 (1). P. 329–334.

можно назвать и идеологическими) целей. Е. П. Прохоров, формулируя эти особенности национальной журналистики, предложил триединую формулу обязательного набора знаний журналиста: собственно журналистское ремесло, понимание устройства и функционирования социума и познания в гуманитарной сфере («культурный облик журналиста»)¹. Если мы вернемся к поискам формулирования хартии журналистики как социального института, то столкнемся с необходимостью включить в дефиницию именно «индигенизированное», российски-аутентичное понятие общественных ценностей и этоса, переплетающееся с нормативной теорией журналистской деятельности.

На наш взгляд, хартия журналистики как социального института может быть сформулирована как потребность общества в наличии специально обученных деятелей, обеспечивающих освещение многообразной реальности в режиме постоянного ее мониторинга и концепирования (выявления смыслов, значимых для общественного развития, в том числе выявления перспектив и рисков пути, по которому идет общество «здесь и сейчас»). Такое концепированное освещение требует предоставления актерам социального института журналистики ряда привилегий в области доступа к информации и сведениям, правового регулирования их деятельности, а также предполагает ряд общественных требований к результатам их труда: объективности, правдивости, актуальности, широком охвате событий действительности с одновременной профессионально обоснованной их фильтрацией – отделением главного от второстепенного и способностью к концепированию, смысловывявляющему сгущению многообразия фактов реальной жизни.

Е. П. Прохоров также настаивает на том, что деятельность журналистов при этом отличается от любых форм специализированного концепирования отдельных сторон действительности (как это происходит, например, в научном знании или работе аналитиков корпораций). Суть этого отличия в массово-информационном характере труда журналиста (плоды журналистской деятельности адресованы широкой публике, а не ее отдельным сегментам)².

¹ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. 8-е изд., испр. М., 2011. С. 5.

² Там же. С. 12.

Хотя это уточнение становится все более уязвимым в связи с неизбежным в эпоху развития интернет-платформ расслоением аудиторий, его вес сохраняется до тех пор, пока существует обособление обществ по принципу государственности (или, скажем, этничности). Такие крупные системы идентификации нуждаются в обобщенном, не привязанном к уровню знаний, полу, возрасту, интересам и т. п. информировании, направленном на концепированное освещение реальности, имеющем значение для безопасного развития такой крупной общности.

Если хартия журналистики сводится к этим задачам и ценностному ядру, то в дефиницию должно быть включено ее описание (оно и отграничит журналистику от других форм и форматов информационно-коммуникативной сферы).

Тогда дефиниция может быть сформулирована так: *журналистика – это информационно-коммуникативная структура общественной жизни, обеспечивающая постоянный смысловыявляющий мониторинг реальности, основанный на ценностях данной общности и адресованный всем ее членам.*

Интерпретация дефиниции. Во-первых, системность задана базовым существительным «структура». Во-вторых, институт обслуживает интересы общности (общества), а значит, требуется уточнение, что в каждый момент времени понимается под этим феноменом. В-третьих, журналистикой может называться только «постоянно действующий мониторинг», то есть периодичность деятельности оказывается сущностной чертой института. В-четвертых, мониторинг реальности (освещение реальности, по С. Г. Корконосенко, следование за ней) назван в дефиниции смысловыявляющим: это понятие включает в себя процесс концепирования фактов реальности, их непрерывный анализ. В-пятых, концепирование основано на ценностях, которые разнятся от одной общности или эпохи к другой и требуют определенной расшифровки и уточнения. Наконец, в-шестых, дефиниция учитывает «массовый» характер результатов журналистского концепирования (доступность самой широкой публике, ограниченной данной общностью – по принципу языковых, культурных, этнических, идеологических отличий). Платформы и технологии доставки этой концепированной информации не имеют значения и никак не ограничивают феномен журналистики.

Как работают границы понятия «журналистика». Предлагаемая дефиниция позволяет видеть границы феномена. Не перечисляя их все, остановимся, например, на самом принципе мониторинга. Мы могли бы обратиться к слову «освещение» (и оно, в принципе, соединяет «мониторинг» и «смысловывление» – журналист освещает социально значимые «узлы» реальности, как бы выхватывая их из общей массы событий и фактов). Однако важно, что такой мониторинг требует объективности, давно провозглашенной «невозможной» задачей в работе журналиста. На наш взгляд, дефиниция как раз и предполагает ограниченность журналистской деятельности «цеховыми» принципами объективации ее результатов: смысловывляющий мониторинг реальности может быть объективным в том случае, если субъективность отдельного актора компенсируется коллективной субъективностью. И это означает, что подлинный мониторинг ведется только коллективами (редакциями, командами). Действия отдельного актора (расследователя социальной ситуации, работающего, например, в рамках блогерства; автора очерков, путевых заметок и т. п.) должны быть определены по ведомству литературы или социального активизма, а не журналистики. И таким образом принцип командной работы и редакции как традиционной формы журналистской команды закрепляется как институционально значимый (отграничивая журналистику от любых форм индивидуальной деятельности в информационной сфере).

Выводы. Предложенное в статье конструирование дефиниции понятия «журналистика» не может считаться «единственно правильным». Задача автора – привлечь внимание участников дискуссии о журналистике к поиску границ феномена с целью его институционального укрепления. Существует ряд вызовов современности, на которые должна ответить исследовательская мысль, поскольку она есть основа практической деятельности и путей развития социального института журналистики. В частности, это четкое разграничение социального активизма и журналистики, с одной стороны, индивидуальных и институциональных исследований реальности – с другой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Марина Викторовна Загидуллина, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет.

О динамике задач журналистики в контексте концепции С. Г. Корконосенко о ее ролях

Дружеско-научный диалог или соисследование

Когда мне предложили написать статью в юбилейный сборник Сергея Григорьевича Корконосенко, которого я бесконечно уважаю и считаю своим другом, я решила, что никаких своих идей в этой статье я излагать не буду, а попробую на основе наших социологических исследований проследить динамику представления журналистов о задачах журналистики в свете концепции С. Г. Корконосенко о ее ролях, которую он изложил в «Основах журналистики». И поскольку мне предложили самой выбрать жанр публикации, я решила его назвать дружеско-научным диалогом и соисследованием.

Мы очень давно знакомы с Сергеем Григорьевичем, еще со времен существования на факультете журналистики МГУ социологической секции в рамках нашей ежегодной конференции. Секцию эту я собирала каждый год, а Сергей Григорьевич был желанным и активным ее участником. Секция (точнее ее можно было назвать малой конференцией в рамках общефакультетской), длилась несколько дней, потому что интересные доклады я никогда не прерывала и потому, что дискуссии были бурными и полезными для аудитории. У нас выступали социологи всей нашей огромной и тогда единой страны: Ольга Сусская, Наташа Костенко и Игорь Лубкович с Украины, Олег Манаев из Белоруссии, известные социологи из Тартуского университета супруги Марью Лауристин и Питер Вихалемм, их коллега Юло Вооглайд, социологи из многих университетов Союза. Недавно безвременно ушел в иной мир, царствие ему небесное, Мариан Гируля из Польши, который тоже был желанным гостем на наших социологических посиделках.

Основы отечественной социологии журналистики закладывались именно в эти 1960-е годы, а наша социологическая лаборатория под руководством Евгения Павловича Прохорова: Ирина Фомичева, две Аллы – Ширяева и Верховская, Лариса Федотова (хотя она и состояла на другой кафедре) – все были учениками легендарного Бориса Андре-

евича Грушина, в проектах которого мы участвовали, учились на его книгах, лекциях и семинарах.

Наше социологическое общение с Сергеем Григорьевичем продолжалось все годы знакомства. Особо хочу сказать о грифованном учебнике «Социология журналистики», составителем и редактором которого он был. Поскольку там была и моя глава об исследованиях журналистов, я свидетель того, как скрупулезно, ответственно редактировал этот учебник Сергей Григорьевич, дополняя и осовременивая каждое следующее издание. Ему бы свои книги писать (впрочем он написал много прекрасных книг, по которым учится все журналистское студенчество), а он тратит драгоценное убегающее время на коллективные издания. Спасибо ему за труды великие и невидимые миру... заботы.

Короче говоря, это было время, когда складывались теория и социология журналистики – два кита, которым посвятил жизнь свою Сергей Григорьевич. Поэтому я и решила сваять в этой статье воедино эти его научные стези и проверить его теоретическую гармонию алгеброй социологии. Одновременно побыть в новой для меня роли его ученика и последователя (правда, строптивного порой).

Теорию ролей личности С. Г. Корконосенко применил к журналистике как социальному организму. Свою концепцию он мотивировал таким образом: «Никто не станет отрицать, что журналистика занимает определенные позиции в общественных отношениях, применительно к ней складываются ожидания, обусловленные этими позициями. Более того, свойственная прессе активность в общественной жизни, ее энергичное влияние на социальные процессы делает эти ожидания особенно явно выраженными. Сущность ролевой характеристики как раз и заключается в выявлении ряда социальных обязанностей, которые пресса выполняет в соответствии с общественными запросами и ожиданиями»¹. Не трудно заключить, что обязанности – это и есть задачи, которые журналистика должна выполнять, и потому они напрямую соотносятся с теорией ролей журналистики.

В соответствии с разделением общественной жизни на несколько социетальных систем, С. Г. Корконосенко предложил схему, в которой

¹ Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М., 2011., С. 137.

выделил следующие базовые роли: производственно-экономическая, информационно-коммуникативная, регулирующая и духовно-идеологическая. За границами круга располагаются сферы жизнедеятельности общества (см. рис. 1).

Рис. 1. Базовые роли журналистики по С. Г. Корконосенко

В пояснениях к схеме ее автор расшифровывает свое видение концепции ролей: «Схема показывает, что, во-первых, социетальные системы существуют как относительно самостоятельные образования, между ними есть границы; во-вторых, пресса лишь каким-то из своих сегментов “заступает” на пространство той или иной социальной сферы, но не “растворяется” в одной из них; в-третьих, роли одновременно и отделены друг от друга, как отделены социетальные системы, и сосуществуют в пределах единого целого – журналистики, как единое, целостно внутренне многообразное общество»¹.

И дальше, путем анализа динамики ролей, их трансформации во времени, автор приходит к выводу, что границы между ними могут смешиваться, какие-то роли начинают доминировать и т. п. И предполагает ситуацию, когда экономическая и политическая роли журнали-

¹ Там же.

стики могут нарастать, а социально-коммуникативная и духовно-идеологическая сворачиваться.

Вот эту идею о динамичности соотношения ролей я и решила проверить эмпирическим путем. Для этого проанализировала представления журналистов разных периодов развития страны и журналистики, полученные в социологических опросах журналистов. Материал для этого искать долго не пришлось, потому что в 2018 году вышла моя книга в 2-х томах с результатами исследований за почти пятьдесят лет, в которых я участвовала¹, и есть наша с А. А. Ширяевой книга «Журналист и журналистское образование»², а также другие наши публикации, но, главное, собственные архивы проведенных исследований.

Однако, чтобы соотнести перечень задач журналистики с ролями, предложенными С. Г. Корконосенко, нужно было провести непростую работу по определению того, какие задачи к какой роли отнести, и затем найти способ пересчитать количественные показатели, полученные в социологическом исследовании, под новую научную цель.

Поскольку мы с А. А. Ширяевой, начиная с первого общего исследования Лаборатории по изучению функционирования печати, радио и телевидения, которой руководил Евгений Павлович Прохоров, всегда включали в анкеты вопрос о задачах журналистики, информации для исследования динамики этих ориентаций было более чем достаточно.

Первое такое исследования наша социологическая группа (И. Д. Фомичева, А. А. Верховская, А. А. Ширяева, Л. Г. Свитич и другие) под руководством Е. П. Прохорова провела в 1969–1971 году в Щацком районе Рязанской области, и называлось оно «Районная газета и пути ее развития»³. Это был фундаментальный проект, в ходе которого проведено 3 исследования по аудитории (1500 опрошенных), опрос журналистов и руководящих работников, проанализированы ре-

¹ Свитич Л. Г. Журналисты и аудитория. Из социологического архива (1988–2015 гг.) Монография. М., 2018.

² Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Российский журналист и журналистское образование: социологические исследования. М., 2006.

³ Верховская А. И., Прохоров Е. П., Свитич Л. Г., Фомичева И. Д., Ширяева А. А. Районная газета в системе журналистики. Опыт социологического исследования. М., 1977.

дакционные документы и письма в редакцию, получены объективные сведения о районной прессе и т. п.

Для опроса журналистов анкету составляли мы с А. А. Ширяевой, но при активном участии всей исследовательской группы. А в формировании перечня задач первую скрипку играл конечно Евгений Павлович Прохоров, поскольку это была его давняя и заветная тема, он был одним из первых, кто разрабатывал теорию функций журналистики.

При обсуждении перечня задач прессы Евгений Павлович особенно настаивал на том, чтобы расчленил вопрос об уровнях информационной функции (мир, страна, область, район), типах воспитательной функции (политическом, экономическом, эстетическом, моральном), характере просветительской информации (универсальные или специальные знания), направлений деятельности руководящих органов (политическая или экономическая области). Впоследствии мы некоторое время оставляли эту дифференциацию, но потом стали включать в анкету обобщенные задачи. И здесь, чтобы привести перечни разных периодов исследования в сравнимый вид, мне приходится взять обобщающие варианты задач.

Итак, журналистам в проекте «Районная газета и пути ее развития» было предложено высказать свое представление о важных задачах для печати в целом, отдельно для районной газеты и для журналиста. Приведу эту исходную таблицу, на основе которой попытаюсь провести соотнесение задач с ролями журналистики по Корконосенко (см. табл. 1).

Очень кратко прокомментирую таблицу. Больше число голосов для печати в целом набирают воспитательные, идеологические задачи, а для районной газеты – организаторские, производственные и информационные, а также выражение мнения населения по актуальным проблемам и коммуникативные как объединение населения на уровне социальной общности. Мнения районных газетчиков о задачах, важных для районной газеты и «для себя лично» во многом совпадают. Но более предпочтительными для газеты считается пропаганда решений партийных и советских органов и выражения мнений населения, а для журналиста – формирование мнения населения по актуальным проблемам и помощь людям в конкретных делах.

Таблица 1

Задача очень важная (в % к числу опрошенных)	Для печати в целом	Для районной газеты	Для районного газетчика
Пропагандировать решения директивных органов:			
– по политическим вопросам	94	80	56
– по хозяйственным вопросам	80	77	49
Давать оперативную информацию о событиях, происходящих:			
– в мире	89	18	–
– в стране	91	21	–
– в области	–	19	–
– в районе	–	87	68
Содействовать воспитанию человека:			
– политическому,	87	85	60
– трудовому	69	58	39
– нравственному	74	68	49
– эстетическому	58	46	30
Добиваться принятия конкретных мер, бороться с недостатками	80	79	60
Повышать общественную активность членов общества	72	67	48
Содействовать лучшей организации производства	71	71	51
Способствовать формированию общественного мнения	68	42	36
Привлекать внимание населения к актуальным общественно-политическим проблемам	66	36	28
Выражать мнение населения по актуальным проблемам	55	51	29
Исследовать общественно-важные проблемы	54	17	12
Распространять знания:			
– общеинтересные, общезначимые	48	30	21
– специальные	40	23	11

Задача очень важная (в % к числу опрошенных)	Для печати в целом	Для районной газеты	Для районного газетчика
Способствовать сплочению, взаимопониманию различных групп общества	46	31	21
Помогать людям в их конкретных житейских делах, в социальной сфере	34	34	32
Давать материалы для отдыха, развлечения, проведения досуга	21	16	15
Давать советы, консультации, справки, рекламу	41	14	8

Итак, перечень задач, сформированный еще в 1969 году, положен в основу сопоставления задач журналистики с ролями, предложенными С. Г. Корконосенко. Конечно, эти задачи мы модифицировали в соответствии с разными эпохами развития страны и прессы, но основная структура не претерпела существенных изменений.

Для проверки гипотезы С. Г. Корконосенко нам придется провести операцию свертывания длинного перечня задач до 4 ролей. Но для начала нужно понять, что вкладывал С. Г. Корконосенко в названные им роли и прокомментировать некоторые его трактовки. Особенно это касается содержания **производственно-экономической** роли журналистики. С. Г. Корконосенко акцентирует внимание на товарном качестве прессы и предпринимательской коммерческой ипостаси журналистики и сетует, что теорией журналистики долгое время слабо была освоена производственно-экономическая роль прессы: «советская наука признавала наличие у прессы данного качества – но только у буржуазной прессы, у национальной печати она как бы не замечала. Тем самым игнорировались не только строгая взаимообусловленность базисных и надстроечных явлений в СМИ, но и колоссальный мировой опыт»; «для общества в целом оказалась закрытой специфическая область предпринимательства, каковой журналистика является во многих странах»¹. Однако трудно приложить это положение к советской прессе. Она функционировала в совершенно другом экономическом укладе, в другом типе государства. Для нее коммерческая роль вообще

¹ Корконосенко С. Г. Указ. соч. С. 138.

не стояла в ряду первостепенных. А под производственной экономической ролью журналистики тогда понималось совершенно другое: не зарабатывание денег для редакции или ее владельца (государства), а содействие экономическому развитию страны, развитию ее производства. Предпринимательство журналистики стало базовым направлением после смены общественно-политической и экономической системы, когда собственность, в том числе и информационная, стала в значительной мере частной и редакции были вынуждены зарабатывать сами. Конечно, и у государственной советской прессы была коммерческая составляющая, газеты субсидировались из государственного бюджета, если были нерентабельными. Но как правило они (за исключением некоторых районных газет) приносили прибыль государству. Поэтому и не педалировалась эта сторона деятельности журналистики. Зато крайне важной была другая экономическая задача – помогать обществу решать производственные задачи, наращивать экономическую мощь государства. Вот именно эта роль и осознавалась журналистами как первостепенная. Поэтому именно эту задачу я буду в анализе соотносить с производственно-экономической ролью журналистики при интерпретации данных. Содержание остальных ролей соотносимо с содержанием задач, которые мы обобщаем в ниже приведенной матрице (см. табл. 2).

В политической области, по теории С. Г. Корконосенко, на первый план «выходят власть и связанные с нею отношения, ее завоевание, удержание и осуществление», а «журналистика выполняет регулирующую роль, участвуя в процессах управления обществом, самоуправления и контроля». А политическая система активно использует прессу в качестве средства «воздействия на социум, проведения своей политики»¹.

В социальной сфере роль прессы «связана с процессами социализации индивидов, групп населения и целых поколений, то есть с усвоением ими социально-культурного опыта предшественников и включением его в контекст общественных отношений», «способствует осознанию членами общества своего статуса и функций, согласованию всех элементов социальной системы и их взаимодействию»².

¹ Там же. С. 142–143.

² Там же. С. 143.

Это утверждение не подлежит сомнению, однако, вряд ли правомерно привязывать информационно-коммуникативную роль только к социальной сфере поскольку информационная роль журналистики касается и всех других сфер. Это во-первых, а во-вторых я бы разделила информационную и коммуникативную роли.

Наконец, выполняя **идеологическую роль**, по мнению С. Г. Корконосенко, «печать является участницей духовного производства – через отражение, формулирование и внесение в массовое сознание определенных представлений, воздействие на идеологическое, морально-нравственное, художественно-эстетическое содержание общественной жизни». При этом следует принять важное уточнение автора, что эта роль «вызывает двоякий эффект: с одной стороны, через прессу выявляются разноречивые взгляды и убеждения, бытующие среди современников, на этой почве происходит размежевание приверженцев разных точек зрения; с другой стороны, готовится база для согласия по вопросам, касающимся сохранения сложившейся общности людей или даже цивилизации в целом»¹.

Для наглядности соотнесем роли журналистики, предложенные С. Г. Корконосенко, с задачами, которые мы изучали в наших социологических исследованиях, в виде матрицы с двумя вариантами списков. Первый перечень соотнесен с формулировками советского и перестроечного времени, второй – с современными задачами (табл. 2).

Теперь осталось «свернуть» задачи до ролей, посчитать средний процент к числу опрошенных в каждой группе и к числу ответов, чтоб посмотреть во-первых соотнесение разных типов прессы, и во-вторых динамику данных по ролям журналистики. С. Г. Корконосенко говорит об «экспансии коммерческих интересов при ослаблении просветительской и воспитательной миссии прессы» и поясняет: «есть социально-культурные типы печати, без которых общество теряет свое духовное «лицо», но которые даже при самых льготных условиях не принесут ощутимой прибыли, если вообще способны ее давать: издания для детей, инвалидов, пенсионеров и других социально незащищенных слоев населения, культурно-просветительские и научно-популярные журналы и т. д. Они нуждаются в целевой поддержке со

¹ Там же. С. 145–146.

Таблица 2

Сфера жизни	Роли журналистики	Задачи журналистики Исследование РИ, КИ, ВИ	Задачи журналистики Исследование ГИ
Экономическая	Производственно-экономическая	<ul style="list-style-type: none"> – Помогать решать производственные задачи, содействовать лучшей организации производства, быть помощником в профессиональной деятельности людей – Пропагандировать важнейшие решения руководящих органов 	<ul style="list-style-type: none"> – Содействие социально-экономическому развитию общества
Политика	Регулирующая	<ul style="list-style-type: none"> – Повышать общественную активность аудитории, содействовать демократизации, участию народа в процессах управления – Добиваться принятия конкретных мер, бороться с недостатками 	<ul style="list-style-type: none"> – Информирование о решениях и действиях органов власти, информационная поддержка важных для решений органов власти – Идеологическое, политическое ориентирование аудитории
Социальная жизнь	Информационно-коммуникативная	<ul style="list-style-type: none"> – Давать оперативную информацию о событиях – Содействовать расширению гласности, поднимать актуальные проблемы 	<ul style="list-style-type: none"> – Содействие развитию городского самоуправления, гражданского общества – Контроль за деятельностью должностных лиц – Информирование о важнейших событиях в жизни общества – Организация общественных обсуждений по важным вопросам жизни города, выражение общественного мнения
		<ul style="list-style-type: none"> – Выражать мнение населения по интересующим его проблемам 	<ul style="list-style-type: none"> – Помощь в общении и установлении взаимопонимания между различными слоями, группами горожан

Сфера жизни	Роли журналистики	Задачи журналистики Исследование РИ, КИ, ВИ	Задачи журналистики Исследование ГИ
Духовная жизнь	Духовно-идеологическая	<ul style="list-style-type: none"> – Способствовать сплочению, взаимопониманию различных слоев и групп общества, помогать им общаться друг с другом – Помогать людям в их конкретных житейских делах, в социальной сфере – Создавать определенный эмоционально-психологический тонус у аудитории, давать материалы для отдыха, развлечения, проведения досуга – Давать утилитарную, справочную информацию – Содействовать воспитанию человека – Способствовать формированию общественного мнения – Расширять кругозор аудитории, давать ей различные знания 	<ul style="list-style-type: none"> – Социальная защита людей, помощь в конкретных житейских делах – Содействие отдыху, развлечению аудитории – Консультативная роль, публикация практически полезной, справочной информации – Распространение рекламной информации – Пропаганда позитивных ценностей, морально-этическое воспитание – Формирование общественного мнения – Просветительская роль, расширение кругозора, повышение уровня культуры аудитории – Содействие развитию культурно-исторических традиций – Содействие развитию у жителей чувства малой родины, причастности к жизни города, патриотизма

стороны государства и меценатов, которая и будет «усилением давления», способным выровнять положение границ внутри круга системной группировки»¹.

Высказано предположение, проверим его. Посмотрим соотношения объемов и смещение перегородок.

Сводную таблицу по динамике задач прессы приводим по перечню 1969 года с модификациями 1983, 1988 и 2014 годов. В таблице представлено несколько исследований, проведенных на факультете журналистики МГУ.

Проект «Районная газет и пути ее развития» (1969–1971), в ходе которого опрошено 100 журналистов Рязанской и Калининской областей (РИ)².

Проект «Основные условия и факторы эффективности журналистики» (1983–1985), когда было опрошено 700 человек из разных СМИ в пяти регионах страны (ВИ)³.

Проект «Районная печать Киргизии в условиях перестройки» (1988–1989), когда были получены ответы на анкеты от 120 сотрудников 13 городских и районных газет (КИ)⁴.

Проект «Газеты малых и средних городов России в 2010-х гг.» (2013–2014), в ходе которого было в 66 газетах 26 субъектов федерации опрошено 153 человека (ГИ)⁵. Символом МИ обозначены данные опроса журналистов изданий только малых городов.

Таким образом. здесь речь будет идти об исследованиях советского времени, времен перестройки и современных, чтобы проследить динамику представлений журналистов о задачах прессы в целом и районных (горрайонных) газет (см. табл. 3).

¹ Там же. С. 148.

² *Верховская А. И., Прохоров Е. П., Свитич Л. Г., Фомичева И. Д., Ширяева А. А.* Указ. соч. М., 1977.

³ *Свитич Л. Г.* Журналисты и аудитория. Из социологического архива (1920–2015 гг.) Монография. М., 2018.

⁴ *Свитич Л. Г., Тишин А. И., Тарасов А. В., Акулов В. Ф.* Социологическое зеркало районной печати. Фрунзе, 1989.

⁵ *Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В.* Газеты средних и малых городов России. Социологическое исследование: опрос редакторов и журналистов. М., 2015.

Добиваться конкретных мер, бороться с недостатками (для ГИ Контроль за деятельностью должностных лиц)	80	–	52	79	–	46
Социальная жизнь, информационно-коммуникативная роль						
Давать оперативную информацию о местных событиях	90	87	96	87	68	95
Привлекать внимание к актуальным общественно-политическим проблемам	66	–	83	36	71	76
Выражать мнение населения по интересующим его проблемам (для ГИ Организация общественных обсуждений по важным вопросам жизни города, выражение общественного мнения)	55	39	68	51	69	64
Способствовать сплочению, взаимопониманию различных слоев и групп общества, помогать им общаться друг с другом (для ГИ Помощь в общении и установлении взаимопонимания между различными слоями, группами горожан)	46	27	45	31	60	46
Помогать людям в их конкретных житейских делах, в социальной сфере (для ГИ Социальная защита людей, помощь в конкретных житейских делах)	34	46	64	34	77	67
Создавать определенный эмоционально-психологический тонус у аудитории, давать материалы для отдыха, развлечения, проведения досуга (для ГИ Содействие отдыху, развлечению аудитории)	21	24	18	16	51	24

Задача очень важная (в % к числу опрошенных)	Для прессы в целом				Для районной, горрайонной печати				
	РИ	ВИ	ГИ	РИ	КИ	МИ	РИ	КИ	МИ
	1969	1983	2014	1969	1988	2014	1969	1988	2014
Проекты									
Годы исследования									
Давать утилитарную, справочную информацию (для ГИ Консультативная роль, публикация практически полезной, справочной информации)	41	8	59	14	25	55			
Распространение рекламной информации (ГИ)	–	–	31	–	–	30			
Духовная жизнь, духовно-идеологическая роль									
Содействовать нравственному воспитанию человека (для ГИ Пропаганда позитивных ценностей, морально-этическое воспитание)	74	69	73	68	77	73			
Способствовать формированию общественного мнения	68	55	63	42	70	64			
Расширять кругозор аудитории, давать ей различные знания (для ГИ просветительская роль, расширение кругозора, повышение уровня культуры аудитории)	48	21	56	30	60	59			
Содействие развитию у горожан чувства малой родины, причастности к жизни города, патриотизма (ГИ)	–	–	77	–	–	82			
Содействие развитию культурно-исторических традиций (ГИ)	–	–	56	–	–	61			

Анализ тенденций в представлениях журналистов о задачах прессы в целом и районной газеты по годам показывает, что установки журналистов перемещаются в сторону демократизации журналистики. Если в 1960-е годы преобладала концепция районной прессы как производственно-партийного издания (что подтверждалось контент-анализом районных газет того времени, где более третьей части содержания было посвящено производственной теме сельского хозяйства и каждый десятый материал был о партийной работе), то уже в годы перестройки видна отчетливая переориентация журналистов на понимание газеты как органа, освещающего все сферы жизни страны и региона (политическую, экономическую, социальную и духовную), то есть выполнение всех ролей, которые предлагает выделить С. Г. Корконосенко. Если прежде акценты ставились на управляющем одностороннем воздействии на аудиторию, на формирование общественного мнения, то позднее важными стали считаться задачи выражения интересов аудитории, активного участия народа в процессах управления и самоуправления, в процессах демократизации и консолидации общества. Также в новое время акцентируются многие проблемы социальной сферы, сферы досуга, что соотносится и с информационно-коммуникативной ролью журналистики. Но особенно важно, что журналисты более отчетливо осознают задачи, связанные с духовной, просветительской сферой жизни общества.

Так в последнем исследовании – опросе журналистов малых и средних городов России, возникает почти оптимальная модель ролей местной прессы. От 60 до 80% голосов набрали задачи, которые носят нравственно-гуманитарный характер. Это воспитание чувства малой родины, причастности к жизни города, патриотизма, пропаганда позитивных ценностей, морально-этическое воспитание, просветительская роль, расширение кругозора, повышение уровня культуры аудитории и развитие культурно-исторических традиций, социальная защита людей. Довольно важными считаются и общественные, гражданские задачи: привлечение общественного внимания к актуальным проблемам, обсуждение важных вопросов жизни, которые волнуют население, выражение и формирование общественного мнения, развитие местного самоуправления, гражданского общества. Явно заметно, что для газет малых городов более актуальным, чем для средних, являются задачи по информированию о решениях и действиях органов власти

(и местной, и более высокого уровня). Первостепенным в районных газетах, которые сейчас испытывают серьезные трудности с развитием производственной базы и увеличением рабочих мест, представляется содействие социально-экономическому развитию города. И наконец, журналисты довольно высоко поставили консультативную роль газеты. Традиционно неважной считается и для печати в целом, и для районной газеты досуговая задача, развлечение аудитории. Обобщая информацию о совокупности задач, следует сказать, что журналистам небольших городов важным представляется все, что связано с локальной общностью и насущными заботами ее жителей.

Но проанализируем теперь обобщенные роли печати и районных газет и их динамику (табл. 4).

Таблица 4

Роли журналистики (в % к числу опрошенных) Роли сформированы по позиции «задача очень важная»	Для прессы в целом			Для районной (горрайонной) газеты		
	РИ	ВИ	ГИ	РИ	КИ	ГИ
Проекты						
Годы исследования	1969	1983	2014	1969	1988	2014
Экономическая сфера, производственно-экономическая роль	71	96	56	71	71	59
Политика, регулирующая роль	79	66	60	73	68	62
Социальная жизнь, информационно-коммуникативная роль	42	33	62	38	60	61
Духовная жизнь, духовно-идеологическая роль	51	48	61	47	69	68

Итак, два вывода, которые возникают при анализе общей таблицы по ролям.

1. Довольно стабильно распределяются приоритеты для печати в целом и для локальной (районной и горрайонной) прессы внутри одного этапа развития общества и прессы.

2. Динамика и для прессы в целом, и для локальной печати по периодам довольно однозначная: экономическая и регулирующая роли

уменьшаются в ориентациях журналистов относительно важных задач и увеличиваются информационно-коммуникативная (существенно) и духовно-идеологическая (умеренно).

Но для нас еще важно проверить соотношение ролей друг с другом. По гипотезе С. Г. Корконосенко, они должны быть относительно равновесны: «разумным и эффективным ответом на возникающие диспропорции будет соответствующее усиление активности в тех зонах, где она ослабла»... «Представим себе, что границы, например, производственно-экономического сегмента расширились и он захватывает смежную “территорию”. То же может произойти с регулирующей ролью. Значит, надо как бы увеличить давление изнутри пострадавшего сегмента, чтобы оно вернуло сдвинувшуюся перегородку на ее нормальное место»¹.

Пересчитаем полученные нами данные к числу ответов, то есть вычислим доли разных ролей в рамках единого ролевого целого, чтобы в итоге было сто процентов (табл. 5).

Таблица 5

Роли журналистики (в % к числу опрошенных) Роли сформированы по позиции «задача очень важная»	Для прессы в целом			Для районной (горрайонной) газеты		
	РИ	ВИ	ГИ	РИ	КИ	ГИ
Проекты						
Годы исследования	1969	1983	2014	1969	1988	2014
Экономическая сфера, производственно-экономическая роль	29	40	23	31	27	24
Политика, регулирующая роль	33	27	25	32	25	25
Социальная жизнь, информационно-коммуникативная роль	17	13	26	17	22	24
Духовная жизнь, духовно-идеологическая роль	21	20	26	20,5	26	27

С. Г. Корконосенко исходит из того, что доли всех четырех сфер и соответственно ролей журналистики, их обслуживающих, должны

¹ Корконосенко С. Г. Указ. соч. С. 148.

быть более или менее равновесны, чтобы не было «перегрева» в «медиакотле» и обществе. Наше исследование приводит к следующим выводам.

1. В советское и перестроечное время явно «перегреты» две зоны – экономическая и политическая, что связано с повышенным вниманием в производственной деятельности людей, подъему экономики страны, и особенно с доминирующим регулированием партийно-советской государственной системы. И наоборот, было ослаблено внимание к духовной, но особенно к социальной и коммуникативной ролям, то есть подтверждается гипотеза о прессе как производственно-партийной системе, которая недостаточное внимание уделяла человеку, его социальным и духовным интересам и коммуникативным устремлениям. Разница между первой и второй парой ролей составляла в прошлом до 15% .

2. Постепенно эта разница начала сглаживаться: уже в поздние перестроечные годы, а особенно сейчас ее можно считать минимальной, судя по представлениям журналистов о важном и должном. Распределение ответов в диапазоне от 23–24 до 26–27%, то есть разница составляет не более 3%.

Таким образом, это предположение С. Г. Корконосенко подтверждается на уровне местной и локальной прессы. Тенденции изменения ориентаций журналистов на уровне прессы субъектов федерации и федеральной прессы еще предстоит проверить. И тогда, может быть, подтвердится и другая гипотеза исследователя о тенденции существенного превалирования экономической и регулирующей роли журналистики над коммуникативной и духовной. Пока, на уровне местной и локальной прессы она, как видим, не вполне подтверждается.

Но тут мой оппонент должен возразить: речь-то в социологических исследованиях идет о должном, о важном, а не о реальных процессах.

Отвечаю. Во-первых, суждения журналистов о важном тоже рождены жизнью и практикой профессиональной работы, реальными установками государства, владельца или аудитории. Во-вторых, наши многолетние исследования показывают, что представления о должном тесно коррелируют с реальным выполнением этих задач и потом под-

тверждаются результатами контент-анализа текстов СМИ¹. И в-третьих, продолжим исследование и проанализируем данные о том, как журналисты оценивают усилия редакций по реализации названных задач и, соответственно, ролей, которые мы в рамках этого исследования обобщили.

На этот раз сравним исследования местной прессы в двух проектах «Условия и факторы эффективности журналистики» (1983–1984 гг.), когда в выборку попали в основном работники областных газет небольших городов и несколько районных и городских газет Ставропольского и Алтайского краев, Кировской, Магаданской и Львовской областей (**ВИ**)². Второе исследование опрос журналистов малых (до 50 тыс.) и средних (от 50 до 100 тыс. чел.) городов (2013–2014 гг.) (**ГИ**)³. Исследования эти вполне соотносимы. Здесь речь идет не только о малых городах, как в последней колонке табл. 2, но об общем проценте ответов журналистов и средних и малых городов (табл. 6).

Первый общий вывод состоит в том, что те задачи, которые редакторы и журналисты считают очень важными, и реализуются, по их мнению, более успешно. Второй вывод: степень их реализации представляется явно недостаточной.

Судя по ответам, самое большое внимание на практике уделяется информированию аудитории о важнейших событиях в жизни города, о решениях и действиях органов местной власти, информационной поддержке важных для города ее решений и привлечению общественного внимания к актуальным проблемам жизни города. В средней зоне оценок по реализации задач находятся ценностно-нравственные задачи: развитие у горожан чувства малой родины, причастности к жизни города, патриотизма, пропаганда позитивных ценностей, морально-этическое воспитание. Заметно, что гражданские задачи в целом выполняются хуже, чем представляется редакторам и журналистам.

На этом фоне можно назвать две задачи, вниманию которых уделяется непропорционально большее внимание (их ранг по реализации выше, чем ранг по важности): это распространение рекламы и инфор-

¹ Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг. Контент-аналитическое исследование. Коллективная монография. М., 2016.

² Свитич Л. Г. Указ. соч.

³ Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Указ. соч.

Таблица 6

Задачи (в % к числу опрошенных)	Проект ВИ 1983		Проект ГИ 2014	
	Задача очень важная	Реализуется в полной мере	Задача очень важная	Реализуется в полной мере
Проекты	ВИ	ВИ	ГИ	ГИ
Годы исследования	1983	1983	2014	2014
Экономическая сфера, производственно-экономическая роль				
Помогать решать производственные задачи, содействовать лучшей организации производства, быть помощником в профессиональной деятельности людей <i>(для ГИ Содействие социально-экономическому развитию города)</i>	96	42	55	27
Политика, регулирующая роль				
Пропагандировать важнейшие решения руководящих органов: <i>(для ГИ Информирование о решениях и действиях органов местной власти, информационная поддержка важных для города решений органов власти)</i>	67	70	68	77
Идеологическое, политическое ориентирование аудитории (ГИ)	–	–	32	21

Повышать общественную активность аудитории, содействовать демократизации, участие народа в процессах управления (для ГИ <i>Содействие развитию городского самоуправления, гражданского общества</i>)	54	18	52	31
Добиваться конкретных мер, бороться с недостатками (для ГИ <i>Контроль за деятельностью должностных лиц</i>)	–	–	52	11
Социальная жизнь, информационно-коммуникативная роль				
Давать оперативную информацию о местных событиях	87	58	96	82
Привлекать внимание к актуальным общественно-политическим проблемам	–	–	83	83
Выражать мнение населения по интересующим его проблемам (для ГИ <i>Организация общественных обсуждений по важным вопросам жизни города, выражение общественного мнения</i>)	39	20	68	68
Способствовать сплочению, взаимопониманию различных слоев и групп общества, помогать им общаться друг с другом (для ГИ <i>Помощь в общении и установлении взаимопонимания между различными слоями, группами горожан</i>)	27	20	45	18

Задачи (в % к числу опрошенных)	Проект ВИ 1983		Проект ГИ 2014	
	Задача очень важная	Реализуется в полной мере	Задача очень важная	Реализуется в полной мере
	ВИ	ВИ	ГИ	ГИ
Проекты				
Помогать людям в их конкретных житейских делах, в социальной сфере <i>(для ГИ Социальная защита людей, помощь в конкретных житейских делах)</i>	46	32	64	40
Создавать определенный эмоционально-психологический тонус у аудитории, давать материалы для отдыха, развлечения, проведения досуга <i>(для ГИ Содействие отдыху, развлечению аудитории)</i>	24	16	17	14
Давать утилитарную, справочную информацию <i>(для ГИ Консультативная роль, публикация практически полезной, справочной информации)</i>	8	24	59	41
Распространение рекламной информации (ГИ)	–	–	31	50
Духовная жизнь, духовно-идеологическая роль				
Содействовать нравственному воспитанию человека <i>(для ГИ Пропаганда позитивных ценностей, морально-этическое воспитание)</i>	69	34	73	50

Способствовать формированию общественного мнения	55	18	63	34
Расширять кругозор аудитории, давать ей раз-личные знания (для ПИ просветительская роль, расширение кругозора, повышение уровня культуры ауди-тории)	21	28	56	35
Содействие развитию у горожан чувства малой родины, причастности к жизни города, патриотизма (ПИ)	–	–	77	52
Содействие развитию культурно-исторических традиций (ПИ)	–	–	56	35

мирование о решениях и действиях органов местной власти. Причины повышенного внимания к рекламе понятны – они связаны с экономическим состоянием газет, необходимостью их выживания в рыночных условиях.

Значит, на уровне реального выполнения задачи предположения С. Г. Корконосенко о доминировании регулирующей и экономической ролей относительно газет более высокого уровня, чем локальные, начинают подтверждаться? Проверим их соотношение на обобщенных ролях (табл. 7)

Таблица 7

Роли журналистики (в % к числу опрошенных)	Проект ВИ 1983		Проект ГИ 2014	
	Задача очень важная	Реали- зуется в полной мере	Задача очень важная	Реали- зуется в полной мере
Экономическая сфера, про- изводственно-экономическая роль	96	42	55	27
Политика, регулирующая роль	66	44	44	31
Социальная жизнь. Информа- ционно-коммуникативная роль	33	28	58	43
Духовная жизнь, духовно-идео- логическая роль	48	31	65	44

На самом деле, в исследовании времен перестройки действительно и на уровне важных, и на уровне реализуемых задач доминируют экономические и политико-регулирующие роли, менее важными и хуже реализующимися оказываются коммуникативные и духовно-идеологические. Но в современном исследовании малых и средних городов это утверждение нельзя считать справедливым, потому что социальная и духовная сферы соотносительно с экономической и политической оказались по оценкам журналистов лучше выполняемыми. Это проявилось и на их ролевых долях, когда результаты были пересчитаны к числу ответов (табл. 8).

Динамика во времени показывает, что в современных оценках выполнения ролей доминирует духовно идеологическая и информаци-

Таблица 8

Роли журналистики (в % к числу ответов)	Проект ВИ 1983		Проект ГИ 2014	
	Задача очень важная	Реали- зуется в полной мере	Задача очень важная	Реали- зуется в полной мере
Экономическая сфера, про- изводственно-экономическая роль	39	30	25	19
Политика, регулирующая роль	27	30	20	21
Социальная жизнь. Информа- ционно-коммуникативная роль	14	19	26	30
Духовная жизнь, духовно-идео- логическая роль	20	21	29	30

онно-коммуникативная над экономической и регулирующей. Однако, напомним, что это касается местной прессы, а не прессы крупных городов, не федеральной. Кроме того, у С. Г. Корконосенко несколько иное представление об экономической роли журналистики, как уже говорилось выше: он в основном понимает под нею не освещение экономической сферы в контенте прессы, а ее коммерческую деятельность. И в этом, безусловно, прав, потому что эта ипостась разрослась до необычных размеров, потеснив другие роли журналистики и существенно влияя на ее контент и ценностные эффекты. Но это уже другая проблема. А пока финальные поклоны.

Спасибо Сергею Григорьевичу и его юбилею за удовольствие проверить, как работает его схема, за радость поиграть в исследовательские игры, «пополоскать мозги» в общей научной реке, которая катится быстро, но оставляет на дне и по берегам свои напластования. Остаются только крупные фракции. Мутная взвесь уносится потоком времени...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Луиза Григорьевна Свитич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории комплексного изучения актуальных проблем журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Когда общественная значимость под вопросом

16 апреля 2020 года в Общественной коллегии по жалобам на прессу¹ рассмотрена жалоба Прудниковой на телерепортаж «Деньги в клетке», который вышел в эфир на телеканале «Россия 24» 22 февраля 2020 года. К заседанию авторитетного собрания журналистов, юристов, правозащитников и других членов коллегии нами было подготовлено Мнение эксперта.

«Мнение» в отличие от экспертного заключения, которое по такому случаю готовится для заседания суда, выходит за рамки чисто лингвистического анализа медиатекста. Эксперт Общественной коллегии привлекает знания теории журналистики и смежных с ней теорий массовой коммуникации. Имеет значение и то, что результативная часть предполагает выход на нормы профессиональной этики журналиста, без апелляции к нормам права (в Уставе коллегии, очевидно, в целях сохранения общественного-этического status quo принимаемых решений, есть положение о том, что заявитель свидетельствует об отказе обращения в суд с этим же вопросом). Как при таком расширении полномочий эксперта ему удастся сохранить стремление к объективности – это вопрос не только к его личностной позиции, но и к научной состоятельности «Мнения». Формат экспертного мнения представляется мной как кейс-исследование², которое подчиняется общим требованиям логики и системности. А по смыслу это гуманитарная экспертиза, движимая ценностями общенациональной культуры, представлениями о социальном благе³. По отношению к журналистике и к тем СМИ, которые стремятся к исполнению функций института представительства, эти понятия связаны с вопросом об общественной значимости массо-

¹ Общественная коллегия по жалобам на прессу. URL: <https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby>.

² Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара, 2002.

³ Культурологическая экспертиза: Теоретические модели и практический опыт: Коллективная монография. СПб., 2011. С. 243–263; Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. СПб., 2011. С. 258–280.

вой информации. Какими бы ни были интенсивными расчеловечивающие медиасферу технологические изменения, как бы ни распадались информационные потоки по групповым интересам, общественная значимость была и будет смыслозадающей «инстанцией».

Сергей Корконосенко справедливо указывает на то, что для идентификации журналистики все больший вес приобретают характеристики деятельности, а не то, размещает ли человек свои произведения в зарегистрированном СМИ. Важно, насколько его труд соответствует назначению журналистики, стандартам профессионального поведения¹. Приведенные им суждения теоретиков свидетельствуют, что на передовые позиции выдвигаются не «формальные индикаторы профессионализма», а «общественное служение, шире понимая – социальность журналистики»². В том же ключе, думается, следует толковать различия между журналистскими и нежурналистскими текстами. Последние зачастую очень правдоподобно имитируют журналистские подходы. Однако выявление заданной в конкретном произведении смысловой логики вдруг обнаруживает в нем иные мотивы, нежели те, что диктуются общественными потребностями и общественным служением. Основным приемом симуляции «профессионально правильного» служит подмена тезисов: то, что автором представляется в виде общественной значимости, на поверку оказывается способом продвижения идей, воплощающих интересы отдельных институтов или персон. В качестве примера в данной статье приведем упомянутый в самом начале репортаж «Деньги в клетке». Итоги проведенного мною исследования изложены ниже в формате «Мнения эксперта».

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы: 1) содержатся ли в телевизионном репортаже «Деньги в клетке» сведения, нарушающие принципы профессиональной этики журналиста? 2) если «да», то в каких фрагментах текста? Методология исследования базируется на теории журналистики, на социологии массовой коммуникации, на теории социальной ответственности СМИ. Оспоренный материал исследован методом дискурсивного анализа.

¹ Теория журналистики в России / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2018. С. 18–19.

² Там же. С. 20.

Характеристика объекта исследования. «Специальный репортаж» Ольги Курлаевой (так оспоренный материал представлен диктором), длится 42 минуты. Форма подачи сведений – репортажная. Корреспондент встречается с персонажами сюжета, те рассказывают свои «истории». Видеоряд представлен съемками в местах, где корреспондент берет интервью, а также в парке «Тайган» и зоопарке «Сказка» в Крыму (общие планы, съемка зверей). Большую часть репортажа составляют съемки в зоопарках других городов России, интервью с владельцами, волонтерами, представителями надзорных органов. В сюжет включен видеоряд об использовании различных животных для зарабатывания средств. Сам автор появляется в кадре в самом начале – в ходе беседы с пострадавшей от хищника посетительницей парка «Тайган»

Выводы исследования. Требования этики нарушены. В телевизионном «специальном репортаже» Ольги Курлаевой «Деньги в клетке»¹ нарушены такие профессионально-этические принципы, как объективность (непредвзятость), профессиональная честность журналиста. Обнаружены манипулятивные способы управления вниманием и пониманием аудитории в угоду заданной авторской концепции сюжета. Игнорирование принципа объективности выражено в том, что:

1) Нарушено требование непредвзятого отношения к герою:

Главный персонаж оспоренного материала Олег Алексеевич Зубков в угоду тенденциозной концепции («Деньги в клетке») представлен исключительно как делец, извлекающий из своих животных прибыль и не гнушающийся никакими средствами для достижения этой цели, вплоть до подвергания опасности посетителей парка и своего персонала.

Корреспондент ТК «Россия-24» тенденциозно конструирует негативный образ героя, исключая при его характеристике все, что может быть свойственно живому человеку – другую, не связанную с прибылью мотивацию, психологические реакции, эмоции – хотя он постоянно демонстрирует это в общении и говорит об этом. (Остается неясным, как такой человек при полном отсутствии содействия государства сумел создать уникальный парк диких животных, поголовье которых

¹ «Деньги в клетке»: репортаж телеканала «Россия 24». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=43XPK8XYmog&feature=youtu.be>.

в отличие от абсолютного большинства государственных зоопарков, увеличивается за счет естественного прироста). С помощью сопутствующего видеоряда изменен реальный контекст высказываний героя на камеру, что придало этим высказываниям заданный корреспондентом негативный смысл.

2) Нарушено требование репортажной документальности:

Несмотря на проблемность, неоднозначность репортажной ситуации, ее трактовка представлена как неподлежащая сомнению. Под заданную в сюжете концепцию «подтягиваются» все сведения, собранные корреспондентом. С помощью монтажа и авторского голоса за кадром обеспечивается заданная автором смысловая связь эпизодов (свидетельств персонажей, высказываний специалистов, репортажных съемок и т. п.), которые лежат на разных проблемно-тематических направлениях.

Речь, в частности, о том, что эмоциональный «каркас» сюжета (то, на что и реагирует в первую очередь аудитория) обеспечивается конкретными историями от посетителей и служащих, пострадавших от диких зверей на территории парка. Оперативным поводом для выезда корреспондента (озвучивается на 4-й минуте) выступает вступивший в силу федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (имеется в виду редакция от 27.12.2019 вступившего в силу в начале 2019 года закона¹. Связи между оперативным поводом и эмоциональным «каркасом» сюжета нет.

Неясны причины, почему Зубков определен как отрицательный герой. Всякого рода требования к нему, которые предъявляют местные власти, а вслед за ними и инспектирующий его корреспондент, связаны с еще недостаточно опробованным на практике законом, нацеленным на бережное отношение к животным. «Тайган» в этом смысле, как свидетельствуют эксперты, даст фору множеству государственных зоопарков в стране, однако корреспондент использует сведения о других зоопарках исключительно для обличения назначенного объекта.

¹ Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 27.12.2019 N 447-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/.

3) Нарушено требование соответствия правды факта правде контекста:

Корреспондент Ольга Курлаева полностью проигнорировала характер актуальной ситуации, в которой оказался белогорский парк «Тайган» и его владелец Олег Зубков.

Судя по тому, как автор сюжета подобрала ряд персонажей, косвенно или напрямую обвиняющих главного героя, можно заключить, что ею изучены и фабулы уголовных дел, заведенных на руководителя «Тайгана», и перечень обвинительных заключений, официальных актов от органов местной власти. В этой связи вызывает сомнение, что корреспондент не знакоилась с материалами, представляющими точку зрения другой стороны конфликта – сторонников Зубкова, представителей независимых экспертов и организаций.

Данные материалы находятся в открытом доступе в Интернете. К ним относятся: пресс-конференция действующего ветврача, руководителя фонда оказания помощи животным Карена Даллакяна; почти трехчасовой прямой эфир с Даллакяном на «Рупоре Москвы», где он подробно объясняет вопросы ветобслуживания, чипирования, паспортизации диких животных в неволе в пользу «Тайгана» (чат эфира отразил мнения сотен и сотен зрителей в поддержку Зубкова и его парка); выступление на пресс-конференции О. А. Зубкова о договорах на землю и выигранных уголовных делах; выступление по итогам проверки парка исполнительного директора Национального комитета по экологической безопасности Л. В. Лоскутовой, где она предлагает, в частности, выйти с предложением сделать «Тайган» территорией федерального подчинения; фрагмент заседания антикоррупционной комиссии, на которой ее председатель М. Р. Юсупов говорит об имеющей место завуалированной под всякие причины (условия содержания) рейдерской атаке на парк с коррупционной составляющей и поддержанной властными органами Крыма; видеосюжеты местного телевидения, где руководство парка, Зубков проясняет вопросы и говорит о готовности к диалогу.

Все эти материалы вышли в свет в ноябре-декабре 2019 года, то есть во время подготовки репортажа они находились практически на слуху. Именно они выявляют ситуацию, в которой приходится действовать руководителю парка, они придают смысл его высказываниям.

Однако корреспондент Ольга Курлаева никоим образом их не использует.

4) Представлена позиция только одной из сторон конфликта – действующей власти Крыма:

Корреспондент устами представителей местных надзорных органов, ветврачей транслирует бюрократические предписания как истину в последней инстанции, не пытаясь разобраться, как их выполнение осуществить на практике, а также не задаваясь вопросом, как вести предприятие, будучи «удушенным» постоянными проверками и мелочным контролем.

Однобокость, тенденциозность освещения темы проявляется в том, какая проблема находится в фокусе зрения автора. Проблема, которую поднимает Ольга Курлаева, обусловлена личностью Олега Зубкова, который, по идее автора, не привык работать в правовом поле России, а на самом деле – не привык к бессмысленному бюрократическому надзору.

Между тем, общественно-значимая проблема связана с тем, как сохранить и приумножить достижения такого рода парков, как «Тайган», как распространить его опыт гуманного и в то же время эффективного обращения с животными. Освещение данной проблемы было бы конструктивно, если бы средствами журналистики были найдены пути к диалогу провинциальной власти и предпринимательства в области природных и заповедных ресурсов. Это экономически и социально значимая тема не только для Крымского полуострова, но и для всей страны. Для ее освещения автору важно было сохранить статус-кво. Вместо этого зрителю представлена скандальная история с криминальным уклоном, в которой людям угрожают звери, а зверям – люди.

Способы конструирования негативного образа. Конструирование негативного образа главного персонажа репортажа Олега Зубкова осуществляется путем телевизионного монтажа и подтасовки кадров.

В первые пять минут репортажа нам представлено смешение смысловых блоков. Начинается репортаж с истории пострадавшей от хищного зверя Ольги Соломиной, рассказанной ей самой. Узнаем, что услуга, которая тогда оказывалась в парке, – фотосессия при непосредственном контакте с львами. Через рассказ Ольги с демонстрацией корреспонденту рентгеновского снимка дается детальное описание

случившегося (хищник, с ее слов, прокусил ей руку, «была угроза ампутации руки»). Узнаем, что ей предлагалось сказать в больнице, что укусы нанесены собакой. Далее следует информация, что заведено уголовное дело и что Зубков отсидел за процессуальные нарушения пять суток в сизо. «Сейчас он на свободе» (терминология корреспондента).

Смысловой блок закрывает реплика Запашного в интервью о том, что «безопасность зрителя – превыше всего». На 3.41 минуте – автор упоминает о Законе об ответственном обращении с животными, «который вступил в силу с начала этого года» (вступил в силу в 2019 году – *С. III.*), – «Он жестко регулирует такую сферу бизнеса, как содержание диких зверей в неволе». Да, жестко регулирует, но речь там идет о недопустимости жестокого обращения с животными, и об этом же видеоряд в репортаже с примерами из других городов. В «Тайгане» таких примеров нет.

Поэтому, очевидно, произведено описанное выше смысловое смешение двух тем – безопасности людей и обращения с животными. Так пойдет и далее – по всему репортажу. Дело в том, что за годы работы среди посетителей зоопарка и среди обслуживающего персонала, как на любом предприятии, найдутся дела с пострадавшими – в данном случае от укусов хищников. Их эмоциональные истории, рассказанные ими же, и составляют эмоциональный каркас репортажа, формирующий негативный образ владельца парка.

Чтобы в том же негативном ключе осветить тему отношения к животным, на пятой минуте приводится прямое высказывание Олега Зубкова о медведях: «мне ничего не останется делать, как провести эвтаназию, если у меня не будет средств для их содержания». Перед этим корреспондент поясняет, что некоторые владельцы животных «извлекают прибыль буквально ценой жизни своих питомцев...», в связи с принятием Закона проверки зоопарков идут по всей стране, некоторые предприниматели, понимая, что бизнес станет убыточным, уже осенью начали избавляться от животных – кто-то пристраивал в добрые руки, кто-то раздавал по питомникам, а кто-то предлагал умертвить животных». И сразу – высказывание Зубкова. Далее под настораживающее музыкальное сопровождение следует кадр «с мордочкой косолапого», далее – кадр со львом и название репортажа – «Деньги в клетке». Между тем, руководитель парка говорил о медведях совсем в другом смыс-

ле – в связи с неподъемными штрафами, которые накладывают на него местная ветслужба из-за невыполнения ее предписаний о чипировании (на самом деле этот вопрос требует отдельного рассмотрения, Зубков здесь ничего не нарушает). Речь идет о том, что у него в этом случае не хватит средств содержать весь парк. То есть корреспондент производит смысловую подмену.

Далее излагается биография Зубкова – закончил вуз, более двадцати лет посвятил работе с хищниками: «При киевской власти бизнесмен увлекался политикой, входил в блок Юлии Тимошенко. В 2014 году активно поддерживал возвращение Крыма в Россию. Но каникулы для предпринимателей закончились, а работать в правовом поле России оказалось делом экономически не выгодным – финансовую поддержку государство частным зоопаркам не оказывает, а требований по безопасности объектов и содержанию животных в неволе прибавилось... Действующие парки на грани закрытия. Олег Зубков с ностальгией вспоминает те времена, когда крымский полуостров был под юрисдикцией Украины...».

Таким образом, в течение первых, поэтому особо важных восьми минут репортажа сконструирован образ героя, который не дружит с российским законом, не соблюдает инструкции и поэтому подвергает опасности здоровье и жизни российских посетителей парка, сожалеет о потере юрисдикции Украины, вывел активы в Португалию, хотел бы постоянно извлекать прибыль из своих питомцев и, если этого не будет происходить, готов их умертвить.

В заданной логике с подачи корреспондента естественно, что «Деятельностью парка львов заинтересовались республиканские надзорные органы – прокуратура проверяет безопасность и качество предоставляемых услуг в ялтинском зоопарке “Сказка” (он тоже находится в ведении Зубкова – С.Ш.), налоговая инспекция контролирует выручку, ветеринары следят за питанием и здоровьем животных». Ни слова о том, что подобное «удушение» проверками трактуется сторонниками Зубкова иначе и, что конфликт вышел за пределы парка – одни пишут петиции в прокуратуру, другие – угрожающие надписи на заборе. В репортаже представлены только надписи. Их наличие, а также травля проверяющих в соцсетях сторонниками «Гайгана», представлены как очередной штрих к негативному образу главного героя. Дальнейшие репортажные минуты так или иначе подтверждают сконструированный видеоряд и

резюме корреспондента, занявшего сторону местной власти и тех, кто объявил войну предпринимателю с «дерзкими проектами». Ведется рассказ о частных зоопарках, которые работают в других городах, о контактных зоопарках, которые в этом году должны прекратить существование. Однако автор не задается вопросом – как вписать в жесткие бюрократические требования такие проекты, как парк Зубкова.

Эмоциональное воздействие на аудиторию в репортаже осуществляется, как уже говорилось, путем включения в сюжет трагических историй людей, пострадавших от хищников конкретно в парке «Тайган». Очевидно, что работодатель и поставщик услуг несет оговоренную в законе ответственность. Степень его вины определяется судом. В случае, если такого рода факты становятся «реперными точками» телевизионного сюжета, у них функция другая: эмоциональный негатив проецируется на образ главного героя. С определенной периодичностью в репортаже представлены следующие случаи.

На 1 минуте – история Ольги Соломиной, которую на фотосессии укусил лев.

На 22 минуте – рассказ о бывшем сотруднике парка Эмиралли Сараче, который, как свидетельствует голос за кадром, был избит Зубковым за злоупотребление алкоголем и подозрение в угоне машины. Эти действия директора «Тайгана» ставятся под сомнение указанием корреспондента на то, что Эмиралли – мусульманин, а мусульмане, дескать, не пьют. Бывший сотрудник в течение нескольких минут рассказывает о неприглядной стороне жизни парка, продажах времени за контакт с хищными животным и их детенышами.

На 29 минуте – рассказ о смерти при странных обстоятельствах молодого парня, волонтера Максима Яковлева, который в ожидании российского гражданства временно устроился охранником в парк «Тайган». Мать Максима рассказывает о том, как она ходила в морг на опознание, как ужаснулась от того, что все тело сына было в укусах. Следствие установило, что он умер от сепсиса. Прямая речь Зубкова, которая приведена в этом контексте, ничего не прояснила.

Далее следует рассказ о зоопарке «Мишутка» в Нижнем Новгороде, который был закрыт из-за нарушения предъявляемых требований к содержанию зверей. Высказывается один из разработчиков Закона о гуманном отношении к животным Владимир Гройсман: «Лучше не иметь никакого зоопарка, чем иметь плохой зоопарк».

На 38 минуте – рассказ о мальчике Вадиме Ракше, который на территории парка получил травму от упавшей на ногу декоративной статуи. Мальчик демонстрирует ступню с ампутированными пальцами, мать рассказывает о том, что время было упущено из-за того, что на территории зоопарка не было медпункта, в соседнюю больницу пришлось ехать на свои средства.

Завершается репортаж кадрами об открытии Олегом Зубковым памятника тигренку Алтаю. Корреспондент Ольга Курлаева сначала рассказывает трогательную историю о спасенном животном, а потом «открывает глаза» аудитории с помощью «реальных фактов» – на самом деле зверька нашли в багажнике автобуса, когда его везли на продажу, а потом он заболел и умер от передозировки наркоза. Последняя фраза в репортаже: «Ну кому интересна суровая реальность, если красивую сказку можно продать подороже?»

Полное «развенчание» Зубкова и его «дерзких проектов» произведено. Каков положительный смысл репортажа о таких представителях среднего класса, как руководитель парка «Тайган»? Нет положительного смысла. Цель – полное информационное уничтожение.

Подводя предварительный итог, вновь укажем, что эмоциональные эпизоды репортажа Ольги Курлаевой не работают на идею, заявленную в оперативном поводе – они никак не связаны с Законом «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Они проходят как «параллельная реальность» по отношению к проблеме содержания животных в зоопарках и к проблеме гуманного к ним отношения. Однако эта «параллельная реальность» сконструирована так, что по своему воздействию на зрителя она однозначно сильнее, чем то, что корреспондент заявляет как общественно значимую тему («отношение к животным, содержащимся в неволе»). Сила манипулятивного воздействия перечисленных выше драматических эпизодов в том, что а) их героями являются конкретные простые люди, б) они в большинстве своем выступают жертвами неких несчастных случаев, в) именно через их эмоции, впечатления, их рассказ передаются данные истории. Таким образом, эмоциональный каркас сюжета представляет собой смыслозадающую, не зависящую от заявленной через Закон о животных тему.

«Теневая» тема репортажа Ольги Кулаевой, как показывает курс-анализ смыслозадающих эмоциональных эпизодов – персона Олега Зубкова. Цель – его полная дискредитация как личности и как предпринимателя. Одним из возможных результатов выступления СМИ, дискредитировавшего руководителя предприятия, является остановка работы данного предприятия. Как в этом случае быть с животными, которые в первую очередь пострадают от такого исхода, сюжет Ольги Курлаевой ответа не дает. Таким образом общественные интересы (общественное благо) отодвинуты на задний план в угоду интересам корпоративным, представленным в данном сюжете основными оппонентами Зубкова в лице контролирующих инстанций, в лице властных органов Крыма.

О чем говорят кодексы. В репортаже «Деньги в клетке» нарушены следующие требования профессиональной этики российского журналиста:

- требование полноты, непредвзятости предоставляемой информации, учета существующих мнений по высказанному вопросу;
- требование достоверности сообщений и справедливости суждений;
- требование уважения чести и достоинства героев своих материалов;
- требование презумпции невиновности героев публикаций;
- требование профессиональной честности журналиста.

Эти требования отражены в Кодексе профессиональной этики российского журналиста, в Медиаэтическом стандарте Общественной коллегии по жалобам на прессу, в Хартии телерадиовещателей России:

«Народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира <...>. Журналист проявляет профессиональный интерес к мнениям всех сторон, имеющих отношение к событию; эти мнения находят отражение в его публикации»¹.

¹ Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 8. Под ред. Ю. В. Казакова. М., 2018. С. 379.

«Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенных за его подписью...»¹.

«Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания»².

«Профессиональная честность запрещает журналисту представлять частные или корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (с общественным интересом)»³.

Нарушение требования непредвзятости произведено на концептуальном уровне, когда зрителю заявляется одна тема, поданная как журналистская, общественно-значимая (отношение к животным), а по факту продвигается другая тема (персона Зубкова, «минусы» его личности и минусы его руководства парком). Само название сюжета и его первые кадры заявляют о предвзятом – отрицательном – отношении корреспондента Ольги Курлаевой к Олегу Зубкову. Мы называем этот медиатекст «репортажем» только в связи с телевизионно-репортажной формой подачи материала, тогда как по существу документальной репортажности, отражающей ситуацию как она есть, в данном сюжете нет. Он фактически представляет собой заданную позицию корреспондента (т. е. в целом это не фактологические сведения, а оценочное суждение), и, как показывает анализ, несправедливую позицию: не учтены мнения всех сторон.

Требование достоверности суждений нарушено тем, что эмоциональные истории, на которых держится представленный сюжет, изложены исключительно из уст пострадавших. Большинство из них проходят участниками уголовных дел. Информации о том, что дела закрыты, аудитории не предоставлено (кроме дела с травмой мальчика, которое Зубков выиграл). В виде «аргументов», свидетельствующих в пользу детально показанных субъективных мнений, зрителю предлагается принять некие документы в руках «жертв» деятельности Олега Зубкова. Таким образом нарушается норма презумпции невиновности главного героя. Этическая ответственность телевидения в этом вопро-

¹ Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854413>.

² Там же.

³ Медиаэтический стандарт. С. 381.

се в сравнении с другими СМИ особенно высока, что подчеркивается в Хартии телерадиовещателей России: «Понимая особую миссию телевидения и радио в обеспечении права каждого гражданина на свободу выражения мысли и права общества на полноту информации» журналист обеспечивает «соблюдение объективности и особой тщательности при распространении сведений о возбужденных, расследуемых и разрешаемых судом уголовных делах»¹.

Анализ показал, что «теневая тема» репортажа «Деньги в клетке», представленная в сюжете эмоциональными историями пострадавших на территории парка людей, умаляет честь, достоинство и деловую репутацию Олега Зубкова. Произведенная в глазах массовой аудитории дискредитация личности предпринимателя не выгодна в интересах общественно важного дела, однако оправдывает действия крымских властей против парка «Тайган». Таким образом, репортаж Ольги Курлаевой «Деньги в клетке» на телеканале «Россия 24» рассматривается нами как материал, который представляет корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом.

Автор выражает признательность Автономной некоммерческой организации «Творческий Центр ЮНЕСКО» за возможность участия в качестве приглашенного эксперта в грантовом проекте «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования СМИ, инструмент формирования основ социальной ответственности “новых медиа” и ресурсный центр защиты прав граждан в сфере массовой информации»².

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Светлана Каимовна Шайхитдинова, доктор философских наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета.

¹ Хартия телерадиовещателей России. URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/756>.

² Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=81A6F984-0385-413D-814B-63719979D414>.

Теоретические основы изучения журналистики как фактор интеграции научных школ

Южно-Уральский государственный университет вот уже более 20 лет осуществляет подготовку журналистских кадров. С момента своего возникновения факультет журналистики ЮУрГУ ведет практикоориентированную подготовку студентов-журналистов, опираясь на собственные медиаресурсы: телекомпания «ЮУрГУ-ТВ», «Радио ЮУрГУ», лаборатория «360-градусный мультимедийный ньюсрум», газета «SMART Университет». Очевидно, что любые практикоориентированные журналистские программы и новейшие технологии не в состоянии решить проблему профессиональной подготовки без опоры на комплекс теоретических дисциплин, закладывающих основы профессии. Перед преподавателями стоит непростая задача выбора такой учебной литературы, которая помогала бы студентам освоить базовые дисциплины на высоком уровне. Научный подход, логичность изложения без излишней теоретизированности и тяжеловесности, которые зачастую препятствуют освоению материала, – вот основные критерии выбора учебной литературы. Для преподавателя, как начинающего, так и опытного, при этом важно ориентироваться на авторитеты в области преподаваемых дисциплин.

В течение многих лет преподаватели кафедры «Журналистика, реклама и связи с общественностью» ЮУрГУ ведут общепрофессиональные дисциплины, опираясь на разработки Петербургской школы журналистики. Научно-образовательная школа журналистики Санкт-Петербургского государственного университета по праву считается одним из лидеров российского научного и образовательного процесса. Сегодня Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ является крупнейшим академическим центром в области теории журналистики.

Труды ведущего ученого Петербургской школы – профессора, доктора политических наук Сергея Григорьевича Корконосенко являются теоретической основой ряда курсов, преподаваемых будущим журналистам в Южно-Уральском государственном университете.

С. Г. Корконосенко ведет научно-педагогическую работу, следуя лучшим традициям классического гуманитарного образования в области журналистики. Глубокая теоретическая обоснованность и эмпирические исследования – вот, что объединяет учебно-методические и научные труды С. Г. Корконосенко, используя которые с первых занятий будущие профессионалы осваивают дисциплины «Основы теории журналистики» и «Основы журналистской деятельности». Преподаватели кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ЮУрГУ отмечают, что студенты проявляют высокий интерес к учебникам «Основы журналистики» и «Основы творческой деятельности журналиста» не только на первом курсе, но и в своей дальнейшей исследовательской деятельности, будь то курсовая или выпускная квалификационная работа. Этот выбор обусловлен тем, что материалы учебников и учебных пособий доступны для понимания, логичны, интересны. В трудах Сергея Григорьевича дана целостная картина журналистики как профессиональной деятельности, обозначены ее роли и место в современном обществе, показана ее эволюция как социального института.

Учебник «Основы журналистики» является одним из обязательных источников при изучении дисциплины «Основы теории журналистики». В книге представлены ключевые термины и понятия, изучение которых закладывает прочную теоретическую базу, формирует понятийный аппарат студентов первого курса¹.

Опираясь на труды С. Г. Корконосенко, на кафедре журналистики, рекламы и связей с общественностью ЮУрГУ преподается дисциплина «Основы журналистской деятельности». Авторский коллектив учебника «Основы журналистской деятельности» разработал содержательный практикоориентированный ресурс². В книге рассмотрена непосредственно творческая деятельность журналиста, методы работы, специфика редакционного коллектива. Особое внимание уделено современным вызовам, требующим от журналиста универсализма, а личностные качества журналиста, по мнению авторов, являются его производственным ресурсом. В работе представлены такие дискуссии

¹ Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебное пособие. М., 2016.

² Основы журналистской деятельности: учебник / под ред. С. Г. Корконосенко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

онные темы, как технологии и творчество, субъективное и объективное начала в творчестве журналиста. Особенно ценится студентами наличие примеров из практики современных журналистов. Данный учебник также используется в курсе «Ведение в профессию» в первом семестре обучения, когда студенты только начинают знакомство с журналистикой.

Отдельная глава учебника посвящена участию журналиста в планировании и выпуске СМИ. Поэтапное рассмотрение организации, планирования, руководства выпуском СМИ делают это пособие серьезным подспорьем при изучении дисциплины «Организация и управление редакцией СМИ».

Объемный раздел дисциплины «Основы журналистской деятельности» опирается на главу, посвященную, на наш взгляд, одному из сложных и дискуссионных вопросов – жанровой дифференциации журналистского творчества. В учебнике представлен подробный и обстоятельный обзор различных походов к определению жанра и его природообразующих признаков, описаны детерминизм и ресурсы жанра, что позволяет студентам изучить тему комплексно и воспринимать жанр не как готовую схему, алгоритм, а как явление более сложное и неоднозначное, но при этом достаточно устойчивое.

В рамках изучения дисциплины «Социология журналистики» также используется одноименный учебник, изданный под редакцией С. Г. Корконосенко. Преподаватели высоко оценили книгу, так как она включает все основные разделы дисциплины: методологию и историю социологии журналистики, методы социологических исследований и пр. В результате многолетней научно-исследовательской работы учеными Петербургской школы сформулирован особый подход к изучению этой дисциплины. Сами авторы определяют его как «эмпирико-исследовательская и редакционная практика, прочно стоящая на теоретико-концептуальном основании»¹.

В перечисленных трудах С. Г. Корконосенко отчетливо проявляется акцент на практическое функционирование журналистики, процессов и явлений, происходящих в современном мире медиа. Несмотря на то, что работы ориентированы на вузовскую аудиторию, научное

¹ Социология журналистики: учебник для бакалавров / под ред. С. Г. Корконосенко. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2013. С. 6.

сообщество, они интересны и практикующим журналистам. Однако, как бы ни менялись технологии и соответственно им учебные программы, неизменными остаются ценности профессии: гуманизм, объективность, социальная ответственность. Эти основы профессии формируются учебными дисциплинами «Основы журналистской деятельности», «Основы теории журналистики», «Социология журналистики», теоретическая база которых заложена С. Г. Корконосенко. Результативность в деле подготовки журналистских кадров может быть достигнута при общих ценностных установках и понимании основ подготовки журналистов. Наличие теоретической базы может стать надежным фундаментом в становлении будущего журналиста. Многолетняя деятельность Сергея Григорьевича Корконосенко, направленная на развитие и совершенствование журналистского образования и педагогики журналистики, сегодня по достоинству оценивается не только в российском научном сообществе, но и за рубежом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ольга Юрьевна Харитонова, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Журналистика, реклама и связи с общественностью» Южно-Уральского государственного университета;

Мария Николаевна Булаева, преподаватель кафедры «Журналистика, реклама и связи с общественностью» Южно-Уральского государственного университета.

Вузовская наука: к проблеме ценности научной мысли

«Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен. Его поставил впервые математик и биофизик Альфред Лотка. Но решить не смог».

В. И. Вернадский. Из конспекта книги
«Научная мысль как планетное явление»

Существование вузовской науки – естественный ответ на потребность общества в воспроизводстве квалифицированных кадров, нужных для дальнейшего развития материального и информационного пространства. Сложности в подготовке специалистов известны, их определяют многие причины, и почти все они требуют одного и того же в организации образовательного процесса – интеграции образования и науки.

Справиться с этим требованием Россия пытается давно. Уже почти 30 лет то так, то эдак правительственные структуры берутся за осуществление специальных программ, содержащих в своем названии словосочетание «интеграция образования и науки»¹. И почти все 30 лет такие попытки оказываются недостаточно продуктивными. Эксперты-исследователи и практики образовательной сферы одинаково заинтересованы в том, чтобы изменить ситуацию. Но жизнь упорно тормозит начинающиеся перемены, ограничивая выход продуктивных научных идей в практику, в производство, в бизнес. Почему?

Тем коллегам, чья деятельность связана с гуманитарным профилем, ясно, что более всего такие ограничения обнаруживают себя в сфере гуманитарного знания. Именно на гуманитарных факультетах отчетливо проявляется общая тенденция, которую недавно обозначил в интервью для радио «Комсомольской правды» министр науки

¹ См.: Федеральная целевая программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы», разработанная в соответствии с Указом президента Российской Федерации от 13 июня 1996 года.

и высшего образования В. Н. Фальков: «В чем суть проблемы? В том, что у научных организаций и университетов слабые связи с бизнесом. И надо честно сказать, что наши вузы и научные организации, так исторически сложилось, живут в логике, что главным результатом их деятельности является научная статья в высокорейтинговом журнале либо патент»¹.

Видимо, как человек, недавно возглавлявший один из крупных отечественных университетов и не раз переживавший столкновения с парадоксами образовательной системы, Фальков знает, о чем говорит. Он очень точно обозначил проблему, в которой объединены сразу несколько противоречий вузовской науки, тормозящих ее развитие.

Автор предлагаемой статьи видит свою задачу в том, чтобы попытаться выяснить источник противоречий, их влияние на дела высшей школы и понять, можно ли рассчитывать сегодня на желаемые перемены, если действие этого источника нейтрализовать.

Эмпирической базой для решения задачи стали данные мониторинга, проводившегося автором этих строк в течение нескольких лет (точная дата начала мониторинга не сохранилась, но архив свидетельствует о том, что наблюдение за ходом подготовки специалистов в университетах Москвы, Пензы, Оренбурга, а эпизодически и других регионов было начато еще в прошлом десятилетии²). Последние годы явились периодом, когда непосредственное наблюдение обстоятельств университетской жизни, изучение научных публикаций по данной проблематике и материалов прессы, освещавших эти темы, слились в единый процесс. В фокусе его оказались научная мысль и условия, в которых она рождается. На этом этапе, растянувшемся на три с лишним года (2017–2020), ключевым теоретическим методом для автора стал причинно-следственный анализ, определивший результаты исследования. Ход анализа в нашем случае – движение от видимого к невидимому (от явления к сущности) с помощью вопросов, которые подсказывает здравый смысл.

¹ *Фальков В. Н.* Об увеличении бюджетных мест в региональных вузах и гибких программах в университете // Комсомольская правда. 2020. 18 февраля, № 6–7.

² В этот период автор данной статьи в качестве научного редактора готовил сборники научных статей, вышедшие в издательстве МГУ в 2010 и 2011 годах (серия «Современное журналистское образование»).

Как проявляет себя в стенах вуза научная мысль?

Сначала оговоримся: правильнее было бы однозначно сказать, что речь пойдет только о гуманитарных факультетах, поскольку подготовка специалистов в сфере естественных и точных наук в зону нашего непосредственного наблюдения не входила. Однако опосредованное знание об этих процессах исключить невозможно: общая медиакартина происходящего в системе образования неизбежно накладывает свою печать на результаты целенаправленного изучения ее отдельных зон. Это приходится учитывать – хотя бы как фон, который отбрасывает на предмет рассмотрения свои рефлексы.

Итак, проявления научной мысли в сегодняшнем вузе... Прежде всего, уясним, что такое научная мысль. Словосочетание вполне расхожее, и можно было бы обойтись без определений. Но нам предстоит работать с этим понятием как с термином, поэтому следует обозначить смысл, который в него вкладывается. Подсказан он Владимиром Ивановичем Вернадским и тесно связан с его пониманием сущности эволюционных особенностей живого вещества¹.

Если следовать логике рассмотрения информационных процессов, научная мысль есть продукт человеческого мышления, который представляет собой результат переработки информационных сигналов, получаемых человеком как отражение действительности в ее минувшем, текущем и предстоящем состоянии. Эти переработанные сигналы, как и все информационные сигналы, несут в себе управляющее воздействие. В них, как считает Вернадский и продолжатели его теории², заключена способность стимулировать процессы развития живого вещества с помощью психобиологических механизмов. Это значит, что они могут проявлять себя как «новая геологическая сознательно направляемая сила». Именно такое понимание словосочетания «научная мысль» предложил создатель теории ноосферы, усматривая в нем возможность выявить истоки необъясненного пока управляющего воздействия³. От

¹ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 2009.

² Кулик А. В. Ветвящаяся биосфера // Экология и жизнь. 2007. № 3. С. 3–9; Черняго Л. С. Концепция В. И. Вернадского о живом веществе как созидательной силе // Философская школа. 2017. № 2. С. 50–56.

³ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 76.

этого понимания мы и будем отталкиваться, уясняя, как проявляет себя научная мысль в современном вузе.

Ни для кого не секрет: сейчас в виде лекций, семинарских и практических занятий студентам предлагается *система теоретических и практических знаний, соответствующая комплексу программных работ и методических решений, созданных коллективами вузов*. За этой констатацией стоит внушительный список дел, из которых складывается трудовая жизнь членов этих коллективов, подчиненная цели сформировать и включить в работу такую систему, как она видится *на сегодняшний день*.

Нормативы вузов чаще всего содержат в себе указания на семь–восемь форматов работы, в которую вовлечен трудовой коллектив и которая учитывается при расчете бюджета. Формат «Учебная работа» есть в любом вузе. Он вбирает в себя такой список разных видов занятий, что в этой круговерти немудрено утонуть. В ежедневниках сотрудников – длинный перечень обязанностей, и ни одну нельзя упустить. Обладатели этих записных книжек дают им выразительные названия: «склерозник», «кондуит», «помогальник». Но не о том в данном случае речь. Конечно, случается, что количество наименований в общем списке обязанностей переваливает за 60, и возникает нужда задуматься о перегрузке педагогического персонала. Однако сейчас у нас забота другая: понять, что стоит за перечисленными видами занятий и как они связаны с проявлениями научной мысли.

Познакомимся с тем, как выглядит объем и структура учебной работы крупного современного вуза. В качестве примера рассмотрим нормативы, существующие на одном из гуманитарных факультетов, представив их в виде таблицы, разработанной для расчета объема бюджетной нагрузки (см. табл. 1).

Варианты трудового участия в учебной работе преподавательского состава и научных сотрудников

Анализ первой колонки предлагаемой таблицы показывает, что перечисленные здесь позиции свидетельствуют об одном и том же. Все варианты трудового участия коллектива в этом формате работы базируются на владении определенным запасом ранее освоенных или ранее выработанных знаний. Структура этого запаса легко поддается выявлению: материал, подлежащий распространению как предмет из-

Таблица 1

№ п/п	Виды занятий	Исполнители	Ориентировочная нагрузка в часах
1	Руководство профессиональным модулем бакалавров, магистерскими программами	ППС, НС	Для работы с магистрантами – 30 ч, с бакалаврами – 20 ч
2	Руководство методическим объединением	ППС	5 ч
3	Руководство студенческими курсами	ППС, НС	80–100 ч (в зависимости от уровня ответственности)
4	Чтение лекций для студентов и аспирантов	ППС	1 ч на группу за 1 академ. час
5	Проведение семинаров и практических занятий со студентами и аспирантами	ППС, НС	1 ч на группу за 1 академ. час
6	Контактные часы (при наличии соответствующего приказа)	ППС, НС	1 ч на группу за 1 академ. час
7	Проверка внутрисеместровых работ, рассмотренных программой	ППС, НС	Для лекционных занятий – 0,1 ч на студента в семестр; для семинарских занятий – 1 ч на студента в семестр
8	Консультации перед экзаменом	ППС, НС	Перед экзаменом или итоговой аттестацией – 2 ч на группу/поток в семестр
9	Прием зачетов, в том числе пересдачи и тестирование на профессиональный модуль	ППС, НС	0,25–0,35 ч на студента
10	Прием устных и письменных экзаменов	ППС, НС	Устные – 0,35–0,5 ч на студента; письменные – 2 ч на поток; на проверку каждой работы – 0,3 ч
11	БРС (балльно-рейтинговая система контроля успеваемости)	ППС, НС	0,1 ч в семестр на одного студента
12	Руководство научной работой студентов (при наличии грантов)	ППС, НС	До 1 ч в неделю на одного студента

№ п/п	Виды занятий	Исполнители	Ориентировочная нагрузка в часах
13	Руководство курсовыми работами	ППС, НС	3 ч на работу
14	Руководство аспирантом	ППС, НС	50 ч в год
15	Руководство соискателем или стажером	ППС, НС	25 ч в год
16	Руководство ВКР (выпускная квалификационная работа)	ППС, НС	Бакалавр – 25 ч, магистр – 40 ч
17	Госэкзамены/участие в комиссии по защите ВКР	ППС, НС	Прием госэкзаменов – не более 6 ч в день
18	Проверка корректности заимствований в работах («антиплагиат»)	ППС, НС	В зависимости от вида работы 0,5–1–2–4 ч на работу
19	Рецензирование ВКР бакалавров	ППС, НС	4 ч на работу
20	Рецензирование ВКР магистров и НКР аспирантов	ППС, НС	5 ч на работу
21	Научное консультирование по НКР в аспирантуре	ППС, НС	В пределах положенных 50 ч в год при разделении между научным руководителем и консультантом
22	Научное консультирование по диссертациям	ППС, НС	Кандидат – 20 ч, доктор – 30 ч
23	Научные консультации докторанта	ППС, НС	50 ч в год

учаемого курса; знание алгоритмов использования этого материала; знание критериев для оценки уровня его освоения.

Скажем сразу: эти характеристики знаниевого запаса являются номинальными: они задаются представлением о необходимом – о том, что должно быть по определению, но что в действительности неизбежно уточняется реальным состоянием сотрудников, несущих это знание в аудиторию. Однако и номинальные характеристики достаточны, чтобы сделать вывод о том, как в принципе проявляет себя в таких случаях «новая геологическая сознательно направляемая сила» – научная мысль. По нормативам видно, что она обнаруживает себя как **предъявление освоенного сотрудниками знаниевого запаса**, адресуемого данной аудитории, чтобы подготовить ее к последующей деятельности.

Обобщая ситуацию с учебной работой в высшей школе, можно сказать, что это тот случай, когда накопленные запасы знаний используются в качестве средства профессиональной подготовки специалистов следующего поколения. Научная мысль обретает черты **инструмента** для обогащения сложившейся действительности и берет на себя эту функцию, подтверждая свое свойство, отмеченное Вернадским: **стимулировать развитие жизни** в соответствующих областях.

Анализ нормативов, отражающих другие форматы участия вузовских коллективов в общей работе, позволяет зафиксировать в практике высших учебных заведений еще ряд проявлений этой удивительной силы, не имеющей видимого материального тела. В частности, по данным о структуре методической и научной работы выясняется, что научная мысль обнаруживает себя и через процесс коллективной или индивидуальной деятельности людей, когда у них возникает потребность в решении новых задач, которые ставит жизнь. Это сложное, трудоемкое, требующее времени дело, но находить решения можно только так: через перебор вариантов, через споры, через преодоление противоречий и заблуждений – через поиск. Научная мысль в таком случае принимает форму **процесса поисковой деятельности** методического или исследовательского характера и становится важнейшим элементом жизни любого вуза, определяя перспективы его развития.

Экспертная, оценочная работа в рамках высшего учебного заведения – обсуждение результатов индивидуальной и коллективной деятельности, рецензирование, присвоение званий и степеней – высве-

чивает еще одно проявление научной мысли, представляя ее как результат поисковой деятельности, принимаемый для дальнейшего использования. Иначе говоря, научная мысль обнаруживает себя и в форме **нового продукта** человеческого мышления, который пригоден для последующих эволюционных процессов. Новый продукт высшей школы – это новые образовательные программы, новые методические решения, новые теории и концепции, новые статьи и монографии, новые технологии и новые изобретения, новые вещества, наконец. Это настоящее богатство, поступающее в распоряжение общества для использования в качестве предмета потребления или инструмента в следующей фазе преобразований «живого вещества».

Таким образом, мы получаем возможность сделать первый важный для нас вывод: в рамках современного вуза научная мысль проявляет себя в трех формах, и они соответствуют трем фазам ее развития, образуя своего рода цикл в ее поступательном движении. Эти три формы могут быть представлены схемой, которая содержит обозначения, требующие некоторых пояснений, а именно:

- «инструмент» – ранее приобретенное знание для решения актуальных задач;
- «процесс поиска» – процесс рождения идей, пригодных для решения новой задачи;
- «продукт» – новое знание, полученное в результате осуществленного поиска, чтобы «работать» дальше (см. рис. 1).

Рис. 1. Проявления научной мысли, отражающие этапы ее развития

Трудно не согласиться с тем, что эта цепочка проявлений научной мысли имеет закономерный характер и дает основания глубоко задуматься над тем, о чем ломал голову Владимир Иванович Вернадский.

Поводов задуматься много. Чем определяется цикличность научной мысли? От чего зависит ее результативность? Каковы механизмы, которые ее «запускают»?..

В нашей ситуации все множество поводов оборачивается двумя прагматически значимыми заботами: во-первых, архиважно понять, что тормозит интеграцию российского образования и науки; во-вторых, нужно выяснить, как сказывается такое обстоятельство на судьбах научной мысли и роли ее в жизни вуза.

Что сдерживает возможности научной мысли?

Обратимся еще раз к известной нам таблице о нормативах учебной нагрузки. На этот раз нужно поинтересоваться второй и третьей ее графой. Второй – потому что она называет исполнителей всех разновидностей учебной работы, а третьей – потому что дает представление о трудовых затратах, с которыми эта работа связана (отчетная единица – часы).

Так вот, таблица подтверждает то, что в вузах и так знают: в качестве исполнителей учебной нагрузки здесь чаще всего задействованы все – и профессорско-преподавательский состав, и научные сотрудники любого ранга. В то же время хорошо известно и другое: все они привлечены также к научной деятельности.

Если не углубляться, можно обрадованно подумать: так вот же она, интеграция образования и науки, разве не так? Но если внимательно присмотреться к происходящему, станет ясно: не так!

И вот какая тут открывается особенность. Трудовое участие человека в общей работе вуза независимо от ее формата опирается, как мы помним, на одну и ту же отчетную позицию: почасовая нагрузка. Когда же оценивается именно научно-исследовательская деятельность, вступает в силу другая единица отчетности – **публикационная активность**. Причем этот показатель характеризует единственную разновидность формата научной работы – создание научной продукции. Получается, что все разновидности работы преподавателей и научных сотрудников подлежат учету в часах, и только в одном случае трудовые затраты учитываются не так, а точнее – вообще не учитываются, поскольку даже не упоминаются в нормативах как особый вид деятельности (!) (см. таблицу 2). Они, что называется, «измеряются на глазок» – тексты, увидевшие свет, просто подсчитываются поштучно,

правда, с требованием, чтобы опубликованы они были в журналах, которые включены в базы данных с высоким статусом. Стоимость публикации зашкаливает?.. А высокостатусные журналы в платных публикациях не нуждаются, ищите бесплатные ваковские издания!..

Таблица 2

Формат «Научная работа»

№ п/п	Виды занятий	Исполнители	Ориентировочная нагрузка в часах
1	Работа в диссертационном совете	ППС, НС	30 ч в год на каждого члена совета
2	Экспертиза монографий	ППС, НС	1 ч за 1 п. л.
3	Экспертиза статей для научных журналов	ППС, НС	1 ч за 1 п. л.
4	Экспертиза диссертационных исследований на соискание ученой степени	ППС, НС	1 ч за 1 п. л.
5	Рецензирование и редактирование учебных пособий, учебных материалов и учебников	ППС, НС	1 ч за 1 п. л.

Трудно объяснить такую особенность. А нужно, потому как в ней-то и прячется «корень зла».

На минуточку задумаемся. Что это значит – текст, напечатанный в высокостатусном журнале? Догадаться не трудно, – новый продукт, признанный качественным. То есть объективированная научная мысль, обладающая общественной значимостью?.. Вот именно. Та самая научная мысль, в которой заключены возможности эволюционных преобразований. Заметим, – **возможности**, потому что, как увидим далее, сила мысли не всегда бывает реализована. Но сейчас нам стоит вспомнить, *как достигаются* ее удивительные возможности. Впрочем, читательской аудитории научных журналов такие воспоминания не очень требуются. Каждый из них по себе знает, как трудоемок и труден процесс рождения мысли, – в пору сравнить его с любым процессом рождения. Когда-то Мераб Мамардашвили заметил: «Не все достижи-

мо человеческими силами, где-то, на максимуме напряжения, в них вмешиваются еще какие-то другие силы и случается то, что человек бы не смог произвести сам»¹. Пожалуй, можно было бы сказать и определеннее: в поиске трудных решений объединяются усилия тех, кто включен в него здесь и сейчас, и тех, кого нет рядом, а то даже нет уже на этом свете, начиная от Лао и Аристотеля. Вот тогда и случается то, что одному не под силу. Поэтому процесс исследовательской деятельности и не подсчитывают в часах, он такой арифметике не поддается. Расклад жизни вузовского работника и без того понятен. Чем больше у него учебная почасовая нагрузка, тем меньше остается времени для научно-исследовательской работы. Ну, а если он с головой погрузился в исследования, махнув рукой на подготовку к лекциям и семинарам, студенты ногами проголосуют против его занятий.

Видимо, здесь проходит линия раздела между деятельностью образовательной и деятельностью научно-исследовательской: преподаватели и научные сотрудники нуждаются в разных условиях работы. Это естественное препятствие, и его так просто не преодолеть. Но оно-то и создает помехи в интеграции образования и науки. Доктор экономических наук И. Г. Дежина с полным основанием утверждает в одной из своих статей: «Даже и для сильнейших вузов страны все еще характерна внутренняя разделенность образования и науки»².

Так, может быть, «внутренняя разделенность» – препятствие непреодолимое? Может быть, идея интеграции этих двух видов деятельности ошибочна в принципе? Наблюдения за событиями, происходящими в вузах, заставляют думать, что нет. Скорее всего, причина в **организации** дела. И образовательный процесс, и научно-исследовательская деятельность движимы одной силой: научная мысль – центральное звено той и другой деятельности. Ценность научной мысли, вносимой в аудиторию как знание будущей специальности, служит не только этой цели. Она еще и побуждает думать, еще и объединяет преподавателей и студентов в профессиональную общность. А ценность научной мысли, **обновляющей** сложившийся запас профессиональных знаний, поднимает эту общность на новый уровень – формирует

¹ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 390.

² Дежина И. Г. Развитие науки в российских вузах как новый приоритет государства // Социология науки и технологии. 2011. Т. 2, № 2. С. 40.

специалистов, способных решать задачи завтрашнего дня. Так прочитываются закономерности эволюционного движения общества, если этому обществу суждено выжить.

Согласимся с профессором Дежиной: в вузах и сегодня довольно напряженная обстановка. У одной части коллектива нет стимулов к тому, чтобы заниматься научно-исследовательской работой, у другой – нет на нее времени. А от того, как выглядит у человека отчетность, зависит, между прочим, его судьба: каждые пять лет сотруднику высшего учебного заведения предстоит подтверждать право на занимаемую должность. Кого-то переизберут в соответствии с показателями на пять лет, кого-то условно – на год, а кому-то и вовсе придется уйти. При этом надо учитывать, что рейтинговые журналы часто издаются на английском языке, а очередь на опубликование статьи в журналах ВАК всегда немалая, поскольку создается она за счет аспирантов (им-то хочешь-не хочешь, а публиковаться надо). Последствия не заставляют себя ждать: за количество публикаций народ бьется, а на качество стараний уже не хватает. Вот и падает ценность научной мысли. А вместе с ценностью падает ее сила. Что же удивляться тому, что многие важные и нужные для дела идеи на долгие годы застревают в папках компьютера, так и не удостоившись технологических разработок и внедрения в жизнь? И хорошо, если однажды «Иннопрактика» или другой инициативный проект натолкнется в дебрях Интернета на файл, в котором уснула научная мысль, и постарается реанимировать ее способность быть двигателем прогресса. Это периодически происходит, но, к сожалению, редко. Как правило, – если находится человек, тонко чувствующий ценность научной мысли. Одного понимания пользы в данном случае не хватает. Должно проснуться неистребимое желание сдвинуть горы, чтобы научная мысль жила.

На практике это означает, что сегодня стране очень нужны люди, готовые взять на себя ответственность за коррективы, которых давно ждет организация процесса интеграции науки и образования. А таких корректив требуется немало. Первоочередного внимания просят три фактора, сдерживающих возможности «направленной геологической силы»: экономический, организационно-правовой, психологический. Наверное, об этом думают многие, но все-таки стоит пояснить, о чем речь. Не претендуя на создание концептуальных рекомендаций, позволим себе проак-

центрировать те моменты, которые представляются источником отрицательного влияния на процесс интеграции образования и науки.

В экономической жизни вуза первопричиной многих бед является, на наш взгляд, стойкое противоречие между механизмом бюджетного финансирования, который сложился еще в период плановой экономики, и современными экономическими отношениями. Этим противоречием порождается целый ряд нелепостей в делах учебных заведений. Одна из них – вопиющая недооценка значения научной мысли и трудоемкости ее производства, выразившаяся в низких зарплатах научных сотрудников и заниженных расценках почасовой нагрузки профессорско-преподавательского состава, не сравнимых со стандартами, на которых базируется финансовая практика образовательной системы за рубежом. То же самое противоречие вызывает неразбериху с ценообразованием в сфере платных образовательных услуг, делая производственную коммерческую составляющую едва ли не решающим показателем при определении успешности вуза. Решения о формировании бюджета и специальных «финансовых вливаниях» тоже требуют аудита, поскольку далеко не всегда они экономически обоснованы.

В сфере профессионально-правовых отношений ключевым противоречием оказывается расхождение между непреодолимой силой юридических законов и сложившейся практикой законотворчества, во многом базирующейся на стихийных представлениях, часто не имеющих под собой серьезной научной основы. В результате правовая база образовательной системы в России является крайне зыбкой. Правовой статус научного сотрудника и преподавателя необоснованно различается. С точки зрения нормативно-правовой наука в вузе как ключевой вид деятельности не рассматривается. Не закрепляются правом условия, необходимые для плодотворной деятельности ученого, и соответствующие ей организационные формы. Словом, научно-образовательная деятельность как зона правового регулирования еще ждет своего обустройства.

Морально-психологический климат вуза, по данным современных исследований¹ оказался лидером в ряду качеств, которые обеспечива-

¹ *Гарабажий В. А., Барбакова Е. В., Устинова О. В.* Морально-психологический климат как элемент организационной культуры высшего учебного заведения // Современные проблемы науки и образования. 2015. Ч. 1, № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17609>.

ют уверенный рост творческого потенциала коллектива и подъем творческой активности. Это тем более важно, что в структуру учебного заведения входят и профессорско-преподавательский состав, и научные сотрудники, и студенты. Можно считать, что в такой оценке значения морально-психологического климата проявляется высокий уровень коллективной самоидентификации студентов и преподавателей, когда каждым лично осознается отождествление себя со своим институтом или университетом, с профессией, которая выбрана. Это – признак того, что в учебном заведении сложилась комфортная атмосфера, благоприятная для творческого развития, для интеллектуального роста личности, для расцвета научной мысли. И означает такая комфортная атмосфера, что между формализованными отношениями в коллективе (ролевая структура) и отношениями неформальными (эмоционально-мотивационная структура) установилось соответствие, согласование целей и ценностных ориентаций. В таких случаях появляются основания говорить о высоких достижениях вуза.

Однако никто не может гарантировать стабильности такой атмосферы. Увы, она может меняться, и причин, которые ее разрушают, много. Две из них, на мой взгляд, представляют опасность особую. Обе они связаны со стилем руководства высшим учебным заведением и ведут к неминуемым деловым и репутационным потерям. Имеются в виду формализм и администрирование. Разговор о них в первую очередь касается научной деятельности.

Поле науки, будь то наука вузовская или академическая, – пространство, где от атмосферы зависят не только комфортные межличностные отношения в коллективе. Она – тот воздух, которым дышит научная мысль, в какой бы форме она ни проявлялась. Это удивительное дитя человечества может жить, если сохраняется атмосфера свободного поиска, обмена находками, сопоставления взглядов, взвешенных дискуссий и горячих споров, отчаянья из-за ошибок и восторгов из-за открытий – атмосфера творческого горения.

Сегодня научная мысль в сфере образования и науки переживает этап поиска. Мы вступили в пору ожесточенного противоречия между стремительно растущей громадой знаниевого запаса и медленно развивающимися психофизическими свойствами человеческого организма.

На разрешение этого противоречия и направлен поиск. Одна из задач его состоит в том, чтобы привлечь на помощь человеку искусственный интеллект, другая – в том, чтобы ускорить, обновить, усовершенствовать технологии передачи и освоения знаний. Для решения этих задач и возникла идея интеграции образования и науки. Среди предпринятых шагов много дельных. Благодаря основательным финансовым вложениям государства несравненно улучшилось материально-техническое оснащение образовательного процесса; «цифра» заставила по-новому взглянуть на учебные программы и пересмотреть учебные планы; стали возникать интересные практики в области сотрудничества вузов, академических научных институтов и промышленных предприятий. Начали трансформироваться и сами вузы, превращаясь после присвоения новых статусов в развернутые многоцелевые и многодепартаментные структуры. В особую элитную зону выделились Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты. И тут вдруг в научно-образовательной среде стали раздаваться сомнения по поводу некоторых новаций!

Скажем честно: основания для сомнений есть. Точнее даже, не для сомнений, а для опасений. Одно дело – самостоятельность университетов в Британии, и совсем другое – у нас! Правда, ВАК и оба суперэлитных вуза уже практикуют защиты диссертаций, опираясь на разные подходы и на представления о критериях, которые могут не совпадать... Но все-таки стоит задуматься: разве ценность научной мысли не является общим ориентиром для тех и других? Какими могут оказаться последствия произвольных подходов? Не возникнет ли в один прекрасный день пропасть между качеством научных работ, не имеющих общей методологической базы? И вообще – к каким еще новациям можно прийти, если не слышать друг друга? Впору подписать меморандум о согласии ученого мира с пониманием роли научной мысли и базовыми критериями для ее оценки!

Собственно, а почему бы и не разработать такой меморандум? За жизнь и возможности научной мысли ответственны не только ректоры вузов, а все, кто должен осуществлять программы интеграции образования и науки. Да, мысль не значится среди видов энергии. Но надо давать себе отчет: как показал XX век, она обладает тем же свойством,

что и энергия, – может и создавать, и разрушать. Значит, нужно делать все, чтобы она оставалась «направленной силой», устремленной к созиданию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Галина Викторовна Лазутина, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник МГУ имени М. В. Ломоносова.

Раздел 3.

ВОСПОМИНАНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ

Г. В. Жирков

20 лет тому назад я посвятил Сергею Григорьевичу стих, но его содержание не устарело: Философствующему всегда трудно.

Успехов, Дружище!

2020, Генн. Вас.

Другу-теоретику

С. Г. Корконосенко

Горел костер, сверкали клещи
И падал отблеск их зловещий
На посеревшее лицо.
И Он стоял в толпе жрецов:
«Нет! Это так...»
И ближе – пламя.
За Ним – стена и пуль щербины
Рисунок выбили на ней.
Треск суховатый карабинов,
Вид чуть прищуренных парней...
«Нет! Это так...»
Подвал, прожектор, пара ментов
Перебирает инструменты,
И кровью пол до пламя вымыт,
И Он – растянутый на дыбе...
«Нет! Это так...»
Он был немножечко чудак:
В словах искал он вдохновенье.

Он так и эдак их слагал
И, убаюканный их пеньем,
В них Правду с Истиной искал...
И ты попался в эти сети,
Наш, досточтимый теоретик,
Ты выбрал трудную судьбу...
И это – так!

19.09.2000. Г. Гек (Жирков Г. В.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Геннадий Васильевич Жирков, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики СПбГУ.

Превратности структуры и о «бойцовской» форме творческой природы

О том, что Вселенная живёт по законам, общим для всех форм жизни, не спорят ни дилетанты, ни учёные. Более того, современные научные открытия раз за разом подтверждают эту аксиому. Вот одно из таких свидетельств.

...Когда в лето одна тысяча девятьсот семидесятого года в итальянском городе Милане была переиздана книга Умберто Эко **«Отсутствующая структура: введение в семиологию»**, в глубине азиатского континента, в алтайской краевой газете «Молодёжь Алтая» появилась корреспонденция под заголовком **«Отряд ищет структуру»**. Сближало два этих, казалось бы, разновеликих факта не только то, что кто-то потерял, а кто-то искал эту некую абстракцию по имени «структура». Сближала не только аргументация поиска. У. Эко: *«на высокогорной плотине действует датчик, передающий вниз сигналы об уровне воды в водохранилище. Только далее, с усложнением передающего устройства и появлением человека-оператора (а не другого технического устройства) на месте получателя информации, понятие “сигнала” заменяется понятием “знака” ...»*; «Молодёжь Алтая»: *«заливается бетон в створ высокогорной плотины ГЭС на реке Чуя»*... Сближало то обстоятельство, что авторам этих произведений будет суждено встать в авангарде развития современной гуманитарной науки: семиотики и теории журналистики, понятие «структуры» в которых станет основой теоретических концепций.

Но если для Умберто Эко высокогорная плотина существовала только как игра воображения, то для Сергея Корконосенко – автора корреспонденции в алтайской «молодёжке», это был реальный строительный объект, находившийся на самом краю страны: в горах Алтая, у границы с Монголией. И добираться до него приходилось «на перекладных»: на автобусе до Бийска, а потом – 504 километра на попутках по разбитой бетонке Чуйского тракта, в пыльной завесе через два перевала – Семинский и Чике-Таман, по долине реки Чибит, через «Красные ворота» и вдоль озера Чейбеккель... А кто бы в сезон перевозок

по федеральной трассе предоставил персональный транспорт студенту факультета журналистики?!

В то лето 1970 года Алтайский край с особенным напряжением осваивал трудовую разнарядку для многочисленных студенческих отрядов, прибывших из всех концов страны. По данным государственного архива Алтайского края, общая численность сформированного студенческого отряда составила 5894 человека, из них в летнем трудовом семестре на территории края работало 5122 человека. По традиции, информационную поддержку трудовому порыву молодежи оказывал специальный печатный орган: газета «Алтай студенческий» – приложение краевой газеты «Молодёжь Алтая». Летом семидесятого года газета стала выходить два раза в неделю тиражом по три тысячи экземпляров. В основном благодаря тому, что выпускали её студенты факультета журналистики Ленинградского государственного университета. С азартом и под девизом: «От Кулунды до Кош-Агача – одна задача: строкосдача!»

«Алтай студенческий» – приложение краевой газеты «Молодёжь Алтая»

Редакционное удостоверение корреспондента Сергея Корконосенко

«Отряд ищет структуру» – корреспонденция С. Г. Корконосенко в газете «Молодёжь Алтая»

...«Бойцовка» образца семидесятых! Куртка цвета хаки с коллекцией значков и эмблем: память о том, где трудились бойцы стройотрядов, с кем побратались... Кто назвал ту пору «временем застоя»?! Культура ещё ощутимой «оттепели» растопила атмосферу студенческих аудиторий. Не было запретных тем, нежеланных авторов и «непубличных» споров. Учились так, что сама собой становилась сакральной истина о том, что закон журналисткой профессии – «справедливость – моё ремесло». И стройотрядовская газета, доверенная редакции студентов-практикантов, раскрывала всю мощь талантов будущих «акул пера». «Алтай студенческий» явил миру разноцветье всех немислимых жанров: от ремейков произведений «крамольного Запада» до репортажей «с петлёй на шее».

«Пробежался я по полям сражений, удивился, что был нахально писуч, по 4 штуки в №, под своим ником, а также как Вольцев, Любский, Сергеев..., – вспоминает об этой студенческой вольнице Сергей Корконосенко. – Сейчас воспринимается как наивная детская душа нараспашку, а вообще-то всё командировки, вы же лучше всех понимаете, сколько верст на попутке. И удивительное дело – все встречи в голове живы. Может, мозги свежее были, мусора не накопили. А может, и не так уж был беден застой событиями и людьми».

Необходимо уточнить: произведения и этого, и других авторов под различными «никами» производили фурор в основном в умах студенческой аудитории. В газете с ареалом властной действительности – «Молодёжь Алтая» – за всё время работы сводного стройотряда была опубликована только одна корреспонденция «Отряд ищет структуру». Как особо важная и профессионально написанная. Предвидел ли её автор Сергей Корконосенко фантомную судьбу своего творения?

Преодолев полтысячи километров по горным перевалам, журналист решал стратегическую задачу: помочь лучшему стройотряду «Кировский» Ленинградского технологического института улучшить качество строительных работ. На реке Чуя, несколько южнее рабочего поселка Акташ, велось сооружение самой высокогорной в Сибири Чуйской ГЭС мощностью 17 тыс. квт.ч. с целью электрификации Акташского рудника по производству металлической ртути. Состав сооружений ГЭС: земляная плотина, водосливная плотина, водозаборное сооружение, деривационный канал длиной около 2 км, напорный

бассейн, уравнильный резервуар, напорные водоводы длиной 360 м, здание ГЭС, отводящий канал. Строительство велось хозспособом, преимущественно студенческими стройотрядами, и по причине недостатка выделяемых средств сильно затянулось. Что, как выяснил нагрянувший корреспондент, не сильно огорчало и бойцов стройотряда из ленинградской «техноложки». Красоты высокогорья, гейзерное озеро, прозрачной чистоты реки располагали к перераспределению лимита времени в пользу созерцания и отдыха. В результате анализа хода работ и, учитывая силу соблазнов горного раздолья, автор очень деликатно, но всё же настойчиво предлагал найти способы повышения качества и темпов работ на основе некоей организационной «структуры».

Но «...Уже написан Вертер». И Умберто Эко в «Отсутствующей структуре» тоже обречённо заключил: *«Что уж точно пустое дело, так это постулирование структур, претендующих на окончательность»*. Строительство Чуйской ГЭС велось более 10 лет, но так и не было завершено. Когда было построено здание ГЭС и другие объекты, оставалось лишь перекрыть русло Чуи и смонтировать гидросиловое оборудование, выяснилось, что строительство Чуйской ГЭС на рыхлом моренном основании невозможно, что качество строительства недопустимо низкое, поэтому дальнейшее строительство было признано нецелесообразным.

За полвека, прошедших с момента командировки молодого и дерзкого журналиста Корконосенко к отрогам алтайских гор, стройотрядовская «бойцовка» всё так же держит его в боевой форме. А в долине Чуи мало что изменилось. Только ...остатки Чуйской ГЭС видны с обновлённого Чуйского тракта. Это же надо было так прозорливо предвидеть «отсутствующую структуру»?! Впрочем, неисповедимы пути вхождения в науку...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Валентина Дмитриевна Мансурова, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета.

На Первой линии

Большинство моих сокурсников, наверное, солидаризируются со мной при воспоминании о журфаковской учебе в моей нелюбви к занятиям по истории КПСС. Никак не возможно было запомнить пару десятков съездов единственной в стране партии, похожих один на другой. Череда решений последних лет советской власти, в которой прошло наше детство, казалась немыслимо скучной, а будущее – достаточно предсказуемым, жизнь – стабильной.

И вдруг весной 1986 года оказалось, что один из написанных на памятке для экзамена шариковой ручкой XXVII съезд КПСС – не просто очередная скучная цифра, а знаковый поворот всей нашей жизни, каждого студента в отдельности и всего здания на Первой линии Васильевского острова, трансформация привычного нашего журфака.

Надо сказать, что объявленную Горбачевым Перестройку большинство журфаковцев встречали радостно: она совпала с питерской, всегда долгожданной и обманчивой, весной, много обещала и так вписывалась в весну нашей молодости своей неожиданностью, возделенной новизной впечатлений...

Вспоминается, как Анатолий Николаевич Беззубов, преподававший у нас стилистику, на переменах слушал последние новости о Перестройке и прибегая на пары, восторженно ими делился...

В одночасье возникли и множились прямые эфиры на ТВ и радио, разгромные статьи в газетах о советском застое и как-то резко возросла роль журналистики в жизни каждого.

Нам, студентам журфака, в большинстве своем скептически настроенным к советской власти и к доперестроечному опыту своих родителей, рисовались огромные возможности для встраивания в эту многоголосицу мнений и текстов. Насторожили лишь немного слова Владилена Ивановича Кузина, личности легендарной на журфаке для многих поколений (как известно, он руководил четверть века студией документальных фильмов на Крюковом канале, на его лекции ходили не для отметки в посещаемости). Владилен Иванович сказал фразу, которую я в переломные моменты жизни вспоминала не раз: «Все будет плохо, и хорошо бы, чтобы я ошибся».

Перемены коснулись нашей учебы, жизни в общежитиях: всей нашей повседневности; и кое-что в ней, действительно, перестало обнадеживать и радовать. Наряду с позитивными, на наш взгляд, изменениями в учебном плане (исчезли «Политэкономия» и «Научный коммунизм»), возникли и сомнительные изменения (сократилась филологическая составляющая образования). К радости женской половины студенчества военная кафедра перестала столько значить в нашей жизни и всецело отравлять прежде ненавистный вторник, и больше стала объектом для шуток, чем для трепета. Кстати, о военке: наш курс попал под все мыслимые трансформации и эксперименты с вузами: именно с него первый раз призвали в армию мальчишек (не сработало наличие этой самой кафедры). Хорошо, что вскоре эту практику призыва в армию посреди учебы отменили.

Как раз перед нашим выпуском отменили также систему распределения: это кого-то обрадовало, а кого-то навсегда лишило гарантий трудоустройства по профессии и льгот молодым специалистам.

Реформам, казалось, не было конца, кардинально менялось многое каждый семестр: от преподавателей до методик, от наименования мастерских до планирования глобальных жизненных траекторий.

Журфак по нашим ощущениям все больше дрейфовал из гуманитарных факультетов в социально-политические, а в общежитиях все больше воцарялись рыночные отношения и практически полная разруха.

О жизни нашей в общежитиях можно бы написать отдельные воспоминания: общага на улице Беринга, на Пятой линии Васильевского острова в старинном здании с душем в подвале и комнатами по пять человек, но особая история – это многоэтажки на ул. Кораблестроителей, строительство которых кое-как завершилось аккуратно перед Перестройкой. На Кораблестроителей как в престижное место и условия (двухкомнатные блоки по два человека в комнате), рядом с новой гостиницей Прибалтийской, селили в первую очередь иностранных студентов. А потом уже более-менее надежных наших, согласившихся письменно «на интернациональное поселение». Студенты из стран Африки, Латинской Америки и Азии в конце 1980-х составляли там подавляющее большинство проживающих. Надо сказать, что когда престиж Советского Союза стремительно падал, это отразилось в первую очередь на нашей общежитской повседневности.

Зачастую это выражалось в пренебрежении к российским студентам, скрыто или явно выражавшемся у иностранцев. В том, что хозяйство 18-этажек было заброшено, и сломанные лифты заставляли идти пешком более десятка этажей. В том, что наши права (включая право на безопасность) скукоживались просто с каждым днем, а обязанности получать стипендию, чтобы как-то выжить, никуда не девались.

Нельзя было позавидовать в это время Сергею Григорьевичу Корконосенко, который инспектировал нашу жизнь в общежитиях как зам декана по воспитательной работе (в точном названии должности могу ошибаться). Как обычно, подтянутого, модного и ироничного, его можно было встретить в общежитских коридорах даже самым поздним вечером и застать за воспитательной беседой со студентом.

Моя личная (вполне типичная) травма от потери идентичности «советский человек» и дрейфования к непонятному пока «россиянину» сослужила мне хорошую службу в плане поиска места в рабочем строю страны: привычка к рефлексии и погруженность в журфаковскую медиапрактику позволили стать наблюдателем-экспертом, исследователем коммуникации власти и медиа. Это, думаю, не самая плохая роль в сложившихся обстоятельствах. Я защитила докторскую диссертацию в своей Альма-матер, на Васильевском острове, и это дорогого стоит!

Однако мое уважение к своим сокурсникам, посвятившим свою жизнь журналистике и издательскому делу, огромно. Таких людей в выпусках журфака начала 1990-х все-таки больше половины. Это районные и областные медиа, издательства, личные медиапроекты. Время от времени новости из медиажизни подбрасывают дровишки в огонь наших воспоминаний.

Можно увидеть редакторские усилия Ирины Воробьевой в издательском доме «Виссон», которое издает христианскую литературу.

Также, из СМИ, например, я узнала, что Филипп Урбан с 2005 по 2011 год совмещал в ООО «Журнал “Загородное обозрение”» должности генерального директора и главного редактора одноименного журнала. В 2004 году Урбан получил Национальную премию Российской Гильдии риэлторов «Лучший журналист, освещающий проблемы рынка недвижимости», имеет опыт создания медиапроектов «с нуля». Некоторых выпускников своего курса и находившихся во временном

промежутке совсем рядом я вижу по питерскому ТВ в качестве ведущих и медиаэкспертов.

Недавно, во время военных действий в Сирии мы видели по Первому каналу нашу Татьяну Кологрёву, которая четверть века отработала на сирийском телевидении и продолжает быть на первой линии журналистики. Социальные сети позволили найти и спросить о жизни моих сокурсников. Вот что, например, написал Владимир Стряпухин: *Я работаю журналистом-редактором на радио «Русский Берлин» 97,2 FM. Делаю выпуски новостей (не каждый день, а по сменам). Живу в западной части Берлина, в районе Шпандау. Редакция радио находится в центре города, на Фридрихштрассе в Российском доме науки и культуры. Арендуем там несколько комнат. Фото студии я выкладывал тут, на моей странице в «вк». Делаю выпуски новостей: сам составляю текст, редактирую, записываю, монтирую и ставлю в эфир. Кроме того, в Российском доме в Берлине регулярно проходят разные интересные мероприятия: концерты, спектакли, кинопоказы, выставки.*

Как бы там ни было, журфаку, его преподавателям и коллегам, друзьям и даже перестроечной студенческой молодости благодарны многие из нас. А юбилеям из нашей среды я всегда желаю оставаться на Первой линии: журналистики, жизни, совести.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Татьяна Леонидовна Каминская, доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, выпускница журфака ЛГУ 1991 года.

Первая линия судьбы

Когда в ноябре 2011 года я пообещала своим архангельским студентам, что на предстоящей научной конференции перед ними выступит профессор Сергей Григорьевич Корконосенко, они не поверили. В начале пленарного заседания из актового зала слышался шепот: «А это что, сам Корконосенко? Правда, что ли? Это который “Основы журналистики” и “Основы творческой деятельности журналиста”?» Убедившись, наконец, в реальности происходящего, внимали, открыв рот от удивления, «живому классику», автору учебников, которые они штудировали на первом и втором курсе.

Это была научно-практическая конференция «Региональная журналистика в формировании культурных ценностей современной России», на которой С. Г. Корконосенко выступал с докладом «Культура свободного информационного поведения личности». А для студентов САФУ имени М. В. Ломоносова, многие из которых недавно приехали в относительно большой город из забытой богом и властями северной глубинки, это было первое соприкосновение с «большой» наукой.

Специальность «журналистика» была открыта в Поморском государственном университете, который позже и стал Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М. В. Ломоносова, чуть больше двадцати лет назад. Учебно-методическое объединение по журналистике и его базовый вуз – МГУ (факультет журналистики), разработывавший федеральные государственные образовательные стандарты, «спускал» в региональные вузы в общем-то не допускающие отклонения «примерные» учебные планы, основные образовательные программы и рабочие программы дисциплин. И хотя в списках основной литературы по «Основам журналистики» был учебник Е. П. Прохорова, а по «Основам творческой деятельности журналиста» – Г. В. Лазутиной, студенты готовились к экзаменам по учебникам С. Г. Корконосенко. Его учебно-методические работы выгодно отличаются от подобных работ московских коллег образным языком, доходчивым изложением, отточенностью определений и конкретикой: отражением творчества журналистов, выразительными и бесспорными примерами из практики. Мне кажется, эта близость к жизни СМИ опре-

деляет разницу и между изданиями Санкт-Петербургской и Московской школы журналистики в целом.

Не менее ценным, чем для студентов, было общение с профессором Корконосенко и для архангельских преподавателей журналистских дисциплин, которые в большинстве своем еще недавно работали в газете, на радио или на телевидении, или же совмещали преподавание с основной работой в редакциях. Получить из первых рук теоретические суждения о сущности журналистики, о социально-политической роли прессы, о терминологическом аппарате науки было очень важно потому, что «переквалификация» журналиста в преподавателя и тем более исследователя обычно идет многотрудно и даже болезненно, а иногда не происходит вовсе.

Несмотря на то, что первыми преподавателями кафедры журналистики в ПГУ – САФУ имени М. В. Ломоносова были выпускники журфаков Московского, Свердловского, а в основном – Ленинградского университетов, проработавшие в прессе по два, а то и три десятка лет, мы ничего не знали о научных исследованиях и даже не могли помочь студентам писать курсовые и дипломные работы. Вот репортажи и корреспонденции – пожалуйста, да и то проще самому написать, чем научить (хорошо, если еще приходилось сталкиваться со студентами во время их летней практики). А с научными исследованиями была просто беда. Я вспоминаю названия первых выпускных работ – сплошная публицистика типа: «Дело журналиста на войне – Слово».

Разумеется, когда-то мы сами писали и защищали курсовые и дипломные работы, но ведь это было в иные времена, в другой стране и вообще в другой жизни. Никто, ни руководство университета, ни то же УМО не задумывались тогда о необходимости методологической и педагогической подготовки преподавателей профессиональных дисциплин вновь открытой специальности, никто не предлагал в те первые годы курсов повышения квалификации, да и учебно-методическую литературу можно было приобрести только в Москве или Санкт-Петербурге. Поэтому мы были несказанно рады появлению учебного пособия С. Г. Корконосенко под названием «Преподаем журналистику: Профессиональное и массовое медиаобразование»¹.

¹ *Корконосенко С. Г.* Преподаем журналистику: Профессиональное и массовое медиаобразование: Учебное пособие. СПб., 2004.

Оно стало у нас кафедральной настольной книгой, из которой мы, неофиты, узнали о нормативно-правовом обеспечении образования, ознакомились с государственным образовательным стандартом, выяснили, наконец, что такое учебные поручения и нагрузка, и получили некоторые сведения о методике преподавания, о критериях оценки деятельности студентов. (То же самое сказала мне об этом учебном пособии однокурсница, которая преподавала тележурналистику в Кирове). Остальное пришло с необходимостью разработки учебно-методических комплексов и рабочих программ дисциплин, когда учебные планы, «спускаемые» в региональные вузы из столицы, стали давать все больше простора для регионального компонента. А личное общение с С. Г. Корконосенко повысило мотивацию преподавателей к освоению профессии вузовского педагога, к исследованию журналистской практики и к выявлению наиболее эффективных методов передачи своих знаний и журналистских навыков студентам.

Сергей Григорьевич, в свою очередь, и сам проявил неподдельный интерес к архангельским коллегам, их профессиональному опыту и отношению к преподавательской деятельности и к студентам. Мне довелось наблюдать такую же заинтересованность на конференциях в Белгороде и в Великом Новгороде, на которых он не только выступал на пленарных заседаниях и вел секции, но и участвовал в дискуссиях с преподавателями, аспирантами и магистрантами. Позже я поняла, что это его неравнодушие, внимание к местным преподавателям журналистики было, наверное, вызвано, в том числе, энтузиазмом исследователя проблем журналистского образования, педагогики журналистики. Мне кажется, что это направление исследовательской деятельности стало для С. Г. Корконосенко очень важным. В одной из статей в 2013 году он писал о необходимости педагогической концептуализации журналистского образования: «... преподавание и обучение журналистике стали реальной, широко развернутой практикой в нашей стране, но педагогика журналистики как область научного знания, мягко оценивая, еще только формируется»¹.

¹ *Корконосенко С. Г.* Журналистское образование: потребность в педагогической концептуализации // *Международный журнал экспериментального образования*. 2013. № 1. С. 38–41.

Сейчас, к сожалению, сеть факультетов, отделений и кафедр журналистики, во всяком случае, на Северо-Западе (о других регионах говорить не берусь) стала редеть. Возможно, именно из-за того, что подготовка и стимулирование труда преподавателей-практиков так и не ведется, и руководству регионального вуза (об этом говорю ответственно) нет до этого дела. Из университетов уходят журналисты, которые когда-то согласились преподавать из любопытства (захотелось попробовать, получится ли) или благодаря добрым отношениям с работающими в штате бывшими коллегами, что позволяло им не обращать внимания на мизерное вознаграждение. Но все возрастающие нагрузки и требования при недружелюбном отношении к «совместителям» руководства вуза сводит число преподавателей-практиков к нулю. В одних региональных вузах направление подготовки «журналистика» задавило более востребованное у абитуриентов направление «реклама и связи с общественностью», в других наше более престижное направление забрали в свои руки филологи. И это, мне кажется, Сергея Григорьевича огорчает.

Огромный опыт преподавательской, учебно-методической работы и натура ученого привели его к систематизации практики преподавания журналистики и журналистских школ, к рассмотрению проблем педагогики журналистики и медиаобразования, вопросов воспитания в вузе профессионалов. Эти непростые материи стали предметом обсуждения в научных работах, на заседаниях специальных секций научно-практических конференций под предводительством С. Г. Корконосенко, на которые съезжаются организаторы журналистского образования из всех регионов России. Но я думаю, что им руководят не только преподавательский опыт и склонность к систематизированию научных знаний, а еще, я думаю, любовь к журналистике и страстная увлеченность своим делом. Мне кажется, Сергей Григорьевич сам обладает тем «вдохновенным трудолюбием, что не редкость для людей университетского круга», как он написал в факультетской юбилейной книге о своем учителе Александре Феодосеевиче Бережном. Когда я переехала в Санкт-Петербург и начала работать на кафедре, он не только посетил одну из первых моих лекций на очно-заочном отделении, но и устроил после нее, уже поздним вечером, подробный «разбор полетов», и я была благодарна за деликатные и ценные замечания.

К вопросу о любви процитирую еще раз статью С. Г. Корконосенко: «Если целью становится профориентация (многие вузы практикуют такую форму предварительной подготовки абитуриентов), то здесь важнее всего увлечь слушателей перспективой *глубоко изучать* журналистику и *верно служить* ей в течение многих лет»¹. Вот это «глубоко изучать» и «верно служить» – то, чем Сергей Григорьевич сам занимается всю свою жизнь. Он говорит о себе, что он однолюб, но это не так: у него есть и журналистика, и наука, и преподавание. Или это все разные грани одного и того же предмета под названием «факультет журналистики»?

В таком случае действительно однолюб, преданный факультету с 1968 года, когда он стал студентом, и до настоящего времени, к которому пройден путь до профессора, доктора наук, академика, лауреата – все регалии юбиляра известны. Факультет сформировал его профессиональную и человеческую судьбу, потому что наш факультет – судьбоформирующий. Здесь учатся поколениями: родители, дети и внуки; или сначала учатся, потом преподают, и бывшие студенты становятся коллегами своих учителей.

Когда я начала преподавать после двадцати лет работы в газете и едва ли не в первый раз приехала на традиционную февральскую конференцию на журфаке МГУ, я была поражена тем, что Сергей Григорьевич меня узнал и даже слегка упрекнул, дескать, что это вы не признаетесь? А я просто боялась к нему подойти, потому что была уверена, что он меня не вспомнит: сколько нас, выпускников, было у него за десятки лет! Но он с ходу начал называть фамилии тех, кто в разные годы получив диплом, уехали по распределению в Архангельск... Стоит ли говорить, как это приятно удивило.

Его-то мои однокурсники прекрасно помнят как молодого преподавателя, как руководителя поездки в ГДР по студенческому обмену, как куратора наших иностранных студентов, как организатора и неременного участника конференций и ритуальных шествий на Марсово поле 5 мая, в День советской печати. Была такая церемония посвящения в журналисты – пятикурсники давали клятву «Писать по зову пар-

¹ Корконосенко С. Г. Массовое медиаобразование как путь культурного развития молодежи // Медиаобразование и медиакультура. 2004. URL: https://mediaeducation.ucoz.ru/load/stati_mediaobrazovanie_mediagramotnost_mediakompetentnost_mediapedagogika/korkonosenko_s_g_massovoe_mediaobrazovanie_kak_put_kulturnogo_razvitiya_molodezhi_2004/4-1-0-548

тии, по велению сердца. Воспитывать в себе качества, необходимые для журналиста...» и передавали символическую эстафету первокурсникам. Преподаватели и студенты факультета шли на это торжество колонной от Первой линии и до Марсова поля. Знаю, что некоторые выпускники, например, 1975 года, до сих пор каждые пять лет собираются на свои традиционные встречи именно в этом сакральном месте.

Перемена идеологий ничего не изменила: журналистика осталась пульсом жизни, миссией, живительной силой для общества и счастливой судьбой для тех, кто прочно с ней связан. О преданности делу, которому служит, говорит не только озабоченность Сергея Григорьевича проблемами обучения будущих журналистов, но и трепетное отношение к традициям факультета. В частности, к его, можно сказать, детищу – Невской премии за достижения в области изучения журналистики и массовых коммуникаций, которая также направлена на консолидацию сообщества исследователей и сотрудничество во имя сохранения и развития журналистики.

Наш юбиляр выглядит строгим, даже суровым, и поступив на кафедру – с его подачи - в докторантуру, я робела перед ним как студентка, подобно тому, как много лет назад перед оппонентом дипломной работы, потому что им был такой же строгий на вид Сергей Васильевич Смирнов! Но теперь я понимаю, что Сергей Григорьевич просто чрезвычайно ответственный и серьезный, хотя и очень ироничный человек. Его отличает требовательность и надежность – он всегда выполняет то, что обещает, при этом всегда откликается на просьбы помочь, поправить статью, написать рецензию. Больше того, он помогает поверить в свои силы, умеет внушить уверенность в том, что все получится.

На кафедре, которую он возглавляет, царит атмосфера доброжелательности, взаимного уважения и соработничества, совместного творчества – научного и педагогического. Прошу простить за пламенную речь, но все-таки собрание сочинений наше – юбилейное. А юбилей – это повод подвести некие промежуточные итоги и идти дальше. По Первой линии судьбы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ольга Владимировна Третьякова, доктор политических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

История одного «плута», который прорвался в дом № 26

Вся эта история напоминает мне отчасти плутовской роман о том, как один ушлый человек проник в благородное общество. Плутom готов предстать автор собственной персоной, а роль «благородного», ясное дело, отдается Петербургской школе журналистики. Финал должен быть счастливым, вы только дождитесь.

Назарова одобряет.

Начиналось все в волжских степях. Посреди степи стояло здание Волгоградского государственного университета (ВолГУ), а внутри учились студенты факультета филологии и журналистики. В университетском книжном магазине я приобрел книгу с серой обложкой «Основы творческой деятельности журналиста» и спросил у доцента ВолГУ Татьяны Владимировны Назаровой, стоящую ли покупку я совершил. Она одобрила мой выбор – и я впервые прочитал фамилии Корконосенко и Компании. Да простят мне коллеги подобную фамильярность, но они сами учили меня избегать пафоса и славословий.

Кто бы мне тогда – в мои 17 лет – сказал, что когда-нибудь назову авторов этого сборника своими коллегами – я бы над тем человеком жестоко и ехидно посмеялся. Во-первых, преподаватели были небожителями, тем более «старого» журфака еще Ленинградского университета. Во-вторых, в студенчестве и не мечтаешь преподавать – труба зовет, контора пишет. Меня «позвала» газета «Волгоградская правда» и я начал ездить по командировкам в волгоградские степи. Книга из СПбГУ помогла сдать экзамен по ОТДЖ на «отлично».

Мельник приезжает.

Первая очная встреча с петербургской школой журналистики случилась на третьем курсе. К нам в ВолГУ приехала в командировку профессор Галина Сергеевна Мельник. Мне поручили проводить ее в нашу библиотеку, и я до сих пор помню эту «дорогу». Тогда я и столкнулся с этой чертой любого хорошего преподавателя: студент никогда не почувствует, что он студент, обращение к нему на «Вы» будет не простой формой вежливости и профессор всегда с уважением и

искренним интересом готов будет выслушать даже юного журналиста. Осталось только добавить, что теперь, когда я встречаюсь с Галиной Сергеевной у нас на кафедре цифровых медиакоммуникаций, я невольно вспоминаю свой третий курс.

Громова приглашает.

На четвертом курсе я рванул в СПбГУ на мартовскую конференцию «СМИ в современном мире. Молодые исследователи». Рассказывал о работе одного из моих учителей, замечательного корреспондента «Волгоградской правды» Веры Петровны Макевниной. Тогда еще не было 603 аудитории и главным «актовым залом» была 102-я. Мы со студентами томского журфака пели какую-то песню под гитару. Профессор Людмила Петровна Громова звала нас поступать в магистратуру, и было страшно от этого приглашения – неужели можно и реально? И опять машина времени – через несколько лет я стану курировать эти мартовские конференции. Это почти «из грязи в князи». Изнутри увидел ручеек: студенты из регионов приезжают на 1-ую линию, дом 26, а потом поступают в магистратуру.

Сидоров, Блохин и Лабуш беседуют.

В 2006 году был первый набор на программу «Политическая журналистика». Тогда в стране такая журналистика еще процветала, название обещало многое. Я проштудировал очередную книгу под редакцией профессора Корконосенко и явился пред его очи. Собеседовали нас еще профессора Сидоров, Блохин и Лабуш. Сейчас кажется, что пролезть в «дворянское гнездо» было легко. И вот меня пустили на «красное крыльцо» и начались занятия...

Мы уже договорились, что громкие слова не красят журналиста, поэтому обойдусь без них. Напишу только, что это был новый чудный мир, мощный интеллектуальный тренинг. На лекциях и семинарах мы много спорили, узнавали новое. Дома до сих пор хранятся некоторые конспекты. Самое главное, что было за эти два года – это позиция и точка зрения наших преподавателей. Позиции бывали разные, но мы видели, что дискуссии могут быть острыми, уважительными, толковыми, примиряющими. Именно в магистратуре на кафедре теории журналистики мне навсегда преподали урок понимания сути нашей профессии.

В те годы мы с командой студентов журфака СПбГУ запустили медиапроект «Полит-грамота». Учеба в магистратуре «Политическая

журналистика» не прошла даром. Мы в течение нескольких лет проводили политические дебаты в Петербурге, наполняли независимый сайт актуальной и порой острой информацией. Из газеты «Санкт-Петербургский курьер» я ушел в пресс-службу администрации Московского района, но про кафедру не забывал, приходил на Дни философии, рассказывал о своей работе, видел, как наши преподаватели скептически оценивали мою «пахоту» на госслужбе.

И, наконец, звонит Корконосенко.

Ровно в то время, когда я понял, что надо «сматываться», раздался звонок от Сергея Григорьевича. Он напомнил мне, что я числюсь на кафедре соискателем и вообще пора бы завершить начатое. Или хотя бы начать. До сих пор не знаю, что послужило поводом для звонка. Но хочется надеяться, что профессор просто наводил порядок в своих бумагах. Один звонок – и я сейчас пишу эти строки. Не было бы звонка – не писал бы и, скорее всего, забыл об университете. Я же говорю – плутовской роман. Просто позвонил Корконосенко.

До сих пор не верю, что он – мой научный руководитель. Большинство сокурсников его всегда побаивалось (и правильно делали), а тут – писать кандидатскую. Тоже хочется обойтись без выводов, ограничусь лишь только тем, что это была хорошая крепкая школа. Когда тебе стыдно, что он видит одну речевую и две логические ошибки в первом параграфе второй главы, а ты их пропустил. Или когда – гордость – читаешь в библиотеке 20-й труд по теории журналистики и опять видишь, как все и вся ссылаются на «великого и ужасного», который на самом деле если и ужасно, то только остроумный (вот, кстати, пример речевой ошибки). Пока многие цитируют и ссылаются – у тебя есть редкая возможность наблюдать, как он советует, правит: где надо – строго, когда уместно – с сарказмом.

Теперь во время моих лекций и семинаров я иногда ловлю себя на мысли, кто мне привил эту въедливую и ехидную манеру правки студенческих «шедевров». Кто достоин того – обидится, кто потолковее – исправит, перепишет, сам посмеется над собой. Мне вообще кажется, что строгий преподаватель всегда будет приносить больше пользы, чем просто добрый.

Сколько раз я вычищал свою кандидатскую, дополнял, вырезал... Вроде все исправил, добавил, отправил и ждешь – вот сейчас случится,

прокатит, не будет ошибок. Не тут-то было: внимательный редакторский глаз научного руководителя опять что-нибудь найдет и пришлет файл, в названии которого в финале будут две красноречивые буквы «SK». Это тогда и всегда потом будет означать: тут проверено, тут комар носа не подточит и даже плуту не сплутовать. Зато отвечаю в своей кандидатской за каждую запятую – ведь каждая запятая прошла через долгие согласования Корконосенко.

Последние годы я стараюсь ответственно «секретарить» материалы для научного журнала «Век информации». Подготовка каждого номера вместе с его редактором – это непрекращающийся мастер-класс по внимательному отношению к слову и мысли. Тут тот же комар, только теперь не пролетит. Наверное, примерно так и передаются традиции, так и работает «школа».

Но запятые, слова и логика, конечно, не главное. Сегодня нашим студентам я пытаюсь навязать то отношение и те требования к профессии, которые когда-то привили и навязали (в хорошем смысле этих слов) преподаватели Высшей школы журналистики СПбГУ, в особенности кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций. В первой части этого сборника мы с коллегами достаточно, кажется, пояснили детали этих требований. Если вы понимаете, о чем речь и ради чего журналист берется за перо или клавиатуру – вы наш человек, «свой», который бывал и бывает в доме 26 на 1-й линии Васильевского острова, знает. Вы тоже встречаете на нашей лестнице профессора Корконосенко и его коллег. Я же говорю – повезло.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Егор Алексеевич Королёв, кандидат политических наук, доцент кафедры цифровых медиакоммуникаций СПбГУ.

О Сергее Григорьевиче Корконосенко

Очень серьезный специалист и большая личность. Всегда позитивный, профессиональный, заражающий своей жизненной энергией и доброжелательностью человек. Я безумно благодарен судьбе, что у меня была возможность учиться у Сергея Григорьевича.

Когда мы только поступили на факультет журналистики, старшекурсники шутили, что если сдать экзамен господину Корконосенко, то все остальное не страшно и сессия у вас в кармане. Вчерашним школьникам было сложно вникнуть в незнакомую терминологию, ведь, университетская программа серьезно отличалась от школьных предметов. Но лекции Сергея Григорьевича были настолько полезными и доступными, что мы очень быстро во всем разобрались, нам было интересно, а это самое главное для студентов.

Кстати, книга Сергея Григорьевича: «Основы журналистики» помогла мне и в дальнейшей профессиональной деятельности. Этот учебник стал настольной книгой для многих студентов нашего курса на многие годы. Признаться, я до сих пор руководствуюсь его тезисами.

От имени курса могу сказать, что все, кто защищался у Сергея Григорьевича, всегда получали высокие оценки, благодаря его умению работать со студентами и его знаниям. Он очень глубокий, думающий человек, всегда пытающийся выжать из тебя максимум. Внешняя строгость обманчива, так как для студентов Сергей Григорьевич очень доступный и легкий в общении человек, с тонким чувством юмора. Помимо профессионализма хочется отметить его человеческие качества. Он всегда вежлив, в высшей степени интеллигентен и пишет великолепные стихи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сергей Викторович Наумов, политолог, медиатеchnолог, выпускник факультета журналистики СПбГУ.

... Вдруг показалось... счастье...

С. Г. Корконосенко

Нет, ничего не показалось,
случилось в жизни наяву:
и уходящие вокзалы
и взмах прощальный на бегу.

Всё воплотилось, уплотнилось
В один сверкающий кристалл.
И что когда-то только снилось,
Таким – все понимают – стал!

Но нет границы для желаний
И для мечты пределов нет.
И стаи добрых пожеланий
Летят седьмой десяток лет.

Когда в 1990 году я поступила на факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Сергей Григорьевич Корконосенко был заведующим кафедрой социологии журналистики и преподавал с первого курса моего высшего образования. Записи его лекций до сих пор хранятся в моем архиве. С первых же дней нашего знакомства я была поражена его основательностью и компетентностью.

Я хотела бы выразить признательность профессору Корконосенко за то, как он взаимодействует с коллегами и студентами и какие действия предпринимает для поощрения индивидуального развития своих студентов и успеха коллектива возглавляемой им кафедры.

С. Г. Корконосенко вдохновил меня заниматься наукой и заставил почувствовать удовольствие от интеллектуальной работы. В 1996 году я на «отлично» защитила дипломную работу под его руководством, а в 2000 году защитила кандидатскую диссертацию. С 1996 по 2000 год я обучалась в аспирантуре, и мы вместе работали, в том числе в иссле-

довательском проекте по коммуникациям стран Балтийского моря, под руководством Сергея Корконосенко, Яна Экекранца (Швеция) и Карле Норденстренга (Финляндия).

Каждый год я принимаю участие в международных конференциях, организованных профессором Корконосенко, которые объединяют видных специалистов в социально-гуманитарных измерениях. Имя Сергея Григорьевича Корконосенко ассоциируется в научном сообществе с понятиями качества, научного авторитета, честности и добросовестности.

Пример рабочего стиля моего руководителя, полученные от него знания, опыт нашего сотрудничества и добросердечные отношения – все это помогает мне чувствовать себя уверенно в интеллектуальном сообществе и быть успешным преподавателем.

Свои успехи я в полной мере разделяю с моим научным руководителем, который научил меня исследовательским и педагогическим стратегиям, основанным на его богатом опыте, мощной интуиции и тонком восприятии мира и человеческих отношений, которым я никогда бы не научилась в другой школе.

Сергей Григорьевич! Счастья!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Анна Михайловна Сосновская, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Страсти по Сергею

Не помню в связи с чем, а точнее – в связи с какой личностью написались эти стихи, но сегодня, когда я пишу, вспоминая встречи с ним, мне пришли в голову именно они:

*Горе с гордым, горе гордым, гордый вечно одинок,
плохо гордому с собою – кто бы гордому помог?..
Гордый мнителен без меры и обидчив, и раним,
нетерпим, эгоистичен – как же жить негордым с ним?..
Только гордость не гордыня, за которой пустота,
за которой только мнимость, а действительность не та...
Настоящих гордых мало – мысли грустные гоню:
жили-были и пропали... Извели их на корню.*

Да, если бы меня попросили в нескольких эпитетах описать характер Сергея Григорьевича Корконосенко, я бы словом «гордый» открыл, а затем продолжил этот оценочный ряд: энциклопедически эрудированный, мудрый, остроумный, многогранно талантливый...

...Мы познакомились лет тридцать назад и затем многожды встречались на различных научных и профессиональных форумах в Москве, в Санкт-Петербурге, в Уфе, в Ростове-на-Дону, в Тольятти и, конечно же, в Воронеже. По молодости сживали не только за круглыми столами пышных конференц-залов, но и за скромными столиками затрапезных комнат в университетских общагах. Выпивали, курили, спорили, пели, смеялись... Там-то и тогда-то возникла приязнь, которая не прерывается уже несколько десятилетий и поддерживается не только в рамках научного и педагогического партнерства, но и в виде дружеской переписки, телефонных звонков, датских посвящений.

Например, я направляю коллеге предновогоднее поздравление «От Года Кролика – к Году Дракона»:

*Пушистый Кролик ускакал
иль подан на обед Дракону?*

*Юнец и древний аксакал
желают, чтобы по закону
был выбор сделан. Чтобы мы,
не поднимаясь на котурны
и избегая кутерьмы,
смогли б свой голос бросить в урну.
Чтоб знали все: без нас, без них
народ российский всё ж не полон –
как свадьбы нету, коль жених
сидит с невестой невесёлый...*

На что доктор политических наук Корконосенко С. Г. тут же высылает свой емейл-экспромт:

*На стрелку с экс-канцлером Колем
Дракон добирается кролем.
А Кролика-ветрогона
Несут к нему крылья дракона.
И в эти сопливые зимы
От радости голосим мы:
«Виват перевёрнутой жизни
В диковинной нашей отчизне!»*

Завёл я как-то традицию – поздравлять друзей и родственником календарём, оформленным репродукциями своих картин, и Сергей Григорьевич одобрил это начинание:

*Год течёт и нелепо, и глупо,
На душе и в бумажнике хмарь.
Но на счастье подарит Тулунов
Жизнерадостный свой календарь.*

Или же приветствую я профессора Жиркова стихами и картиной «Аничков мост», и получаю в ответ мини-рецензию Корконосенко:

*И мост хорош,
и строки тоже –
крепка у мастера рука.*

*Но всех подарков нам дорожке,
что дружба давняя крепка.*

Храню и другую его рецензию на свой пейзаж с дубовыми листьями:

*Когда роняет осень краски
Под влажный реквием листа,
Я сам себе рисую сказки
Про разноцветные цвета.
Вот бирюзовый, вот лиловый –
Без почему и потому...
То, для чего не знаю слова,
Я кистью трону и пойму.*

Я, конечно, тоже не оставался в долгу: например, когда мне вручили монографию «Современный российский медиаполис» (СПб, 2012), отправил коллективу авторов такой поэтический отзыв:

*Была деревня¹ на земле...
В её пределах
возник вдруг город в Питере...
Мир переделан?*

*Сказал же некто «Аз воздам!»
Кому отмщенье?
Скрещенье СМИ: тудам-сюдам,
переплетенье...*

¹ См.: Глобальная Деревня (всемирная глобальная деревня) – термин, введенный Маршаллом Маклюэном, широко описывается в его книгах «Галактика Гутенберга» (The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man, 1962) и «Понимание Медиа» (Understanding Media, 1964) для описания сложившейся новой коммуникационной, а впоследствии и культурной ситуации. Маклюэн описывает, как земной шар «сжался» до размеров деревни в результате электронных средств связи, стала возможна мгновенная передача информации с любого континента в любую точку мира.

*И падает в бессилье власть
со стуком на пол.
На власть теперь удобно класть –
на тех, кто хапал.*

*Есть мегаполис на земле,
и он весь в белом!
Есть воздух, пицца в Питере
теперь forever!*

*И пусть свистят из-за угла,
но жар соблазна
соединит те два крыла¹
крестообразно.*

*Была деревня на земле,
но нас задело –
создали город. Мы в седле!
Мир переделан!*

Следует заметить, что традиция – следить за памятными датами друг друга имеет давние корни. В архиве журфака ВГУ сохранилось поздравление профессора Льва Ефремовича Кройчика, адресованное профессору Александру Феодосеевичу Бережному:

*Ещё Вас не было в помине,
Но шли вперёд большевики,
И на «Авроре» Ваше имя
Уже шептали моряки.
Ещё над скользким льдом Кронштадта
Не вился оружейный дым,
Но Родина уже чревата
Была великим Бережным.
Лежала тёмная Россия*

¹ Печатные и сетевые СМИ.

*И на устах её – печать,
Но Вы явились, как Мессия,
И все Вас бросились читать.
И с той поры – Вы наше знамя,
Надежда наша и оплот.
Десятки лет идёт за Вами
Непобедимый наш народ.
Читают просвещенья ради
Вас всюду по стране родной,
И шепчет Путин, на ночь глядя:
«А что там пишет Бережной?»
Вся журналистская планета
Считает Вас отцом родным,
И много лет идёт по свету
За Бережным и с Бережным!*

Перу того же автора принадлежит и поздравление коллективу питерского журфака 2006 года:

*Рожденные в года глухие,
Живёте вы на радость нам.
Вас нежно любит вся Россия
И поделом, и по делам.*

*Все помнят, что вы натворили
На гордых берегах Невы...
Когда б все питерские были
Такими ж умными, как вы!*

*С живым умом и добрым сердцем
Вы в наши входите дома.
Недаром Громова и Герцен
Годами сводят нас с ума!*

*И пусть сегодня в доме каждом
И грусть своя, и боль своя,*

*Нас Корконосенко отважно
Ведёт по кручам бытия!*

*Мы счастливы, что ваше слово
Таит и помощь, и совет,
И верим доброму Жиркову,
Что в наши дни цензуры нет.*

*Вам равных нет в делах толковых,
Вас чтит читающий народ,
Не зря Мисонжникова слово
Нас всех на подвиги зовёт.*

*Не надо нас судить сурово,
Но мы признаемся сейчас,
Что без Сметаниной с Коньковым
Связать нам сложно пару фраз.*

*Коллеги, граждане, подруги!
Мы с вами связаны давно –
Ведь это мы с Петром на юге
Рубили и для вас окно!*

И напоследок – поздравительные строки, написанные мною 10 лет назад. Оказывается, всё остаётся в силе!

*К Сергею Корконосенко
я обращусь с вопросиком:
«Откуда ум и зрелость,
невиданная смелость
Гипотез и решений?»
и отвечает гений:
«От папы и от мамы,
от школы ЛГУ».
Такой вот скромный малый –
завидуем ему*

*(но завистью лишь белой).
Пусть будет крепок телом
и духом юбиляр!
А всякие болячки
выводят нас из спячки...
Так будь здоров, Школяр!*

г. Воронеж, 2020 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Владимир Васильевич Тулунов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводный раздел.	5
<i>А. П. Короченский.</i> Учёный высшей пробы	5
<i>Г. В. Жирков.</i> С чего начиналось: у истоков журналистского образования	9
Р а з д е л 1. Петербургская научно-образовательная школа журналистики: становление и развитие 38	
<i>И. А. Фатеева.</i> Ленинградские локусы газетоведения 1920–1930-х годов: Институт книговедения	38
<i>Л. П. Громова.</i> История и теория журналистики: научный диалог	56
<i>З. Ф. Хубецова.</i> Вклад Петербургской школы журналистики в становление и развитие политологии журналистики (политической теории журналистики)	69
<i>И. Н. Блохин.</i> Петербургская школа социологии журналистики: источники, этапы, направления исследований	96
<i>В. А. Сидоров.</i> Аксиология политической журналистики: основание, предмет, структура	118
<i>С. В. Курушкин.</i> Политическая журналистика в сетевой среде: основные принципы Петербургской школы в мировом контексте	136
<i>В. А. Ачкасова.</i> Исследования политической коммуникации: концептуальные подходы и прагматика	145
<i>А. Н. Гришанина.</i> Психологическая культура Петербургской школы журналистики	154
<i>А. Ю. Дорский.</i> Право журналистской деятельности	170
<i>Б. Я. Мисонжников.</i> Исследования периодической печати и организации медиапроизводства	180
<i>Г. С. Мельник, А. Н. Тепляшина, Е. А. Королёв.</i> Кафедра цифровых медиакommunikаций: в поисках новых парадигм	200
<i>Р. В. Бекуров.</i> Своеобразие петербургской школы исследований зарубежных СМИ	228
<i>М. А. Бережная.</i> Социальная журналистика как проблемно-тематическое направление в подготовке журналистов.	236

<i>Р. Г. Иванян.</i> Социальная и профессиональная солидарность в журналистике Петербурга (2017–2020 гг.)	251
В. Г. Осинский. В зеркале экрана	267
<i>В. Ф. Познин, А. А. Пронин.</i> Исследования экранной документалистики: фокус и ракурсы	276
<i>С. Н. Ильченко.</i> Петербургская медиакритика: трансформация статуса	285

Раздел 2. Взаимодействие журналистских школ: очерки теории, методологии и практики	294
<i>Е. Л. Вартанова, М. Е. Аникина, Д. В. Дунас, С. Г. Корконосенко</i> и теория журналистики. Экспертное интервью с комментариями	294
<i>М. В. Загидуллина.</i> К уточнению границ понятия «журналистика» в современной коммуникации	313
<i>Л. Г. Свитич.</i> О динамике задач журналистики в контексте концепции С. Г. Корконосенко о ее ролях	320
<i>С. К. Шайхитдинова.</i> Когда общественная значимость под вопросом	346
<i>О. Ю. Харитоновна, М. Н. Булаева.</i> Теоретические основы изучения журналистики как фактор интеграции научных школ	359
<i>Г. В. Лазутина.</i> Вузовская наука: к проблеме ценности научной мысли	363

Раздел 3. Воспоминания и посвящения	379
<i>Г. В. Жирков.</i> Другу-теоретику	379
<i>В. Д. Мансурова.</i> Превратности структуры и о «бойцовской» форме творческой природы	381
<i>Т. Л. Каминская.</i> На Первой линии	386
<i>О. В. Третьякова.</i> Первая линия судьбы	390
<i>Е. А. Королёв.</i> История одного «плута», который прорвался в дом № 26	396
<i>С. В. Наумов.</i> О Сергее Григорьевиче Корконосенко	400
<i>А. М. Сосновская.</i> Вдруг показалось... счастье	401
<i>В. В. Тулупов.</i> Страсти по Сергею	403

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1

«БИБЛИО-ГЛОБУС»
(пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Москва, ул. Чайнова, 15
8 (495) 250-65-46

«У КЕНТАВРА»
(пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23

«ЭПОСЕРВИС»
www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Киев, Вербовая ул., 8
+38 067 273-50-10

«КНИЖНЫЙ БУМ»
(вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36

при «Centrum Nauczania Języka
Rosyjskiego w Warszawie»
www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Kr. Barona iela 45/47, Rīga
+371 67315727

«Intelektuāla grāmata»
(пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOPRU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Научное издание

ОЧЕРКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТИКИ
К 70-летию Сергея Григорьевича Корконосенко
Сборник статей

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г. Издательство «Алетейя»
Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/8. Усл. печ. л. 25,9. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ №